

ТЕОРИЯ ПАРТИЙ И ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

Составитель
доктор социологических наук, профессор
Б. А. Исаев

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2008

УДК 329
ББК 66.6
Т 33

Т 33 Теория партий и партийных систем: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 400 с.

ISBN 978–5–7567–0507–2

Сборник авторских статей и текстов известных исследователей, представляющих разные национальные школы (британскую, американскую, французскую, немецкую, итальянскую, российскую и др.), различные временные периоды, разные методологические подходы. Хрестоматия состоит из трех частей. В первой части приведены тексты основоположников партологии (середина XIX — начало XX в.). Вторая часть содержит работы теоретиков политических партий, а также эмпирические исследования функционирования партий в условиях той или иной политической системы. В третьей части речь идет о теориях и образцах исследования партийных систем.

УДК 329
ББК 66.6

ISBN 978–5–7567–0507–2 © ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
2008

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия по теории партий и партийных систем представляет собой сборник авторских статей и текстов известных исследователей, представляющих разные национальные школы (британскую, американскую, французскую, немецкую, итальянскую, российскую и др.), различные временные периоды, разные подходы и направления изучения сложного социально-политического феномена — политических партий. Хрестоматия состоит из трех частей.

В первой части даны тексты работ основоположников партологии, т.е. тех ученых — исследователей партий, которые жили в середине XIX — начале XX в. и имели возможность наблюдать и изучать зарождение современного типа политической партии с ее развитой структурой, профессиональным аппаратом и теми формами и методами партийной борьбы, которые применяются и сегодня. Именно этим работам, послужившим основанием современной партологии, предшествуют более или менее пространные статьи составителя хрестоматии, показывающие роль их авторов в исследовании различных проблем, связанных с партиями, и создании науки о партиях. Кроме того, в этих научно-биографических статьях прослеживается политическая позиция того или иного политолога, его принадлежность той или иной партии, даются сведения о ее состоянии и развитии в течение жизни данного партолога.

Вторая часть хрестоматии содержит работы теоретиков политических партий, а также эмпирические исследования функционирования партий в условиях той или иной политической системы. При подборе материалов автор-составитель стремился, с одной стороны, сохранить баланс между теорией и эмпирикой, с другой — дать максимальный пространственный охват, представить исследования партий разных стран и регионов: Северной Америки, Западной Европы (выделяя из нее Скандинавию), Восточной Европы и, конечно, России. Говоря о максимальном пространственном охвате, разумеется, следует учитывать сопоставимость партий различных регионов планеты.

В третьей части речь идет о теориях и образцах исследования партийных систем — цельных органических конструкциях, имеющих, как правило, национальный характер и являющихся не только выразительницами всего разнообразия мнений и интересов, но и индикаторами проблем, существующих в данном обществе. Здесь также материал подбирался, исходя из баланса теоретических и прикладных исследований, но прикладная часть работ представляет, в большей степени, анализ российской партийной системы. Современные партологи более известны сегодняшнему читателю, поэтому сведения о них даются лишь в небольших примечаниях, помещенных в виде сносок.

Хрестоматия по теории партий и партийных систем имеет генеральной целью дать общее представление читателю о зарождении и современном состоянии науки о партиях, ее основоположниках и современных партологах, развивающих теорию партий и исследующих состояния и процессы в конкретных партийных системах. Частной целью данной хрестоматии является методическое обеспечение учебного курса «Теория партий и партийных систем», расширение и углубление знаний тех, кто изучает данную дисциплину. В любом случае этот сборник будет полезен и студенту, и аспиранту, и преподавателю политологии, и практическому политику, и, конечно, партийному функционеру.

Автор-составитель старался придерживаться хронологического порядка расположения текстов (и в части I это в основном соблюдено), что дает возможность читателю самому судить о развитии партологического знания в XIX–XX вв., т.е. в эпоху зарождения и функционирования современных политических партий. Что касается структуры II и III частей хрестоматии, то здесь главным принципом последовательности материалов стало их отнесение к одной из проблем теории партий (общее состояние теории партий, определение партии, классификация, организация, коалиционная политика партий и т.д.) или партийных систем (теория, структура, типология, функционирование и др.). При этом сокращение авторского текста в масштабе одного предложения обозначено *многоточием* (...), а купюра, содержащая несколько предложений или даже абзацев, обозначена *отточием* (<...>). Если название раздела заключено в скобки, например, [**Третьи партии в США**], это означает, что оно дано не автором текста, а составителем хрестоматии с целью обратить внимание читателя на решаемую далее автором ту или иную проблему.

В заключение хочу выразить благодарность тем, кто оказал существенную помощь в обсуждении концепции хрестоматии, подборе и переводе материалов, кто предоставил свои книги и статьи для отбора текстов. Это редакторы и составители хрестоматии «Партии и выборы» (М., 2004) Н. В. Анохина и Е. Ю. Мелешкина, это авторы книг и статей о партиях и партийных системах, с которыми лично встречался автор, а именно: К. фон Бойме, Г. П. Артемов, В. Д. Виноградов, Г. В. Голосов, В. Я. Гельман, С. М. Елисеев, З. М. Зотова, С. Е. Заславский, М. В. Ильин, А. Н. Кулик, О. Ю. Малинова, Р. Ф. Матвеев, В. П. Пугачев, Я. А. Пляйс, С. Н. Пшизова, А. И. Соловьев, Л. И. Селезнев, Л. В. Сморгунов, А. Ю. Сунгуров, О. В. Попова, это рецензенты «Хрестоматии по партологии», вышедшей четырьмя книгами в течение 2002–2005 гг. в издательстве БГТУ «Военмех» в Санкт-Петербурге — В. А. Гуроров и А. Г. Андреев, это те, кто помог мне подбирать и готовить материалы к печати, сотрудники кафедры политологии БГТУ «Военмех» Р. А. Царегородцев, Д. О. Селентьева, М. А. Односталко, О. Г. Трегубова, М. М. Борисочкин.

Часть I

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ПАРТОЛОГИИ

ДЖ. БРАЙС

1838–1922

Джеймс Брайс — английский историк, правовед и государственный деятель. Получил юридическое образование. Преподавал право в Оксфорде. Уже в 24 года стал известен как историк, опубликовав фундаментальный труд «Священная римская империя» (*The Holy Roman Empire*), который был переведен на многие европейские языки, в том числе и на русский (М., 1891). В 1870 г. возглавил кафедру гражданского права в Оксфордском университете, но затем оставил педагогическую деятельность и ушел в политику.

Либерал по политическим убеждениям, Брайс занимал пацифистские и антиимпериалистические позиции относительно колониальной политики Великобритании. После поездки в Южную Африку он изложил свои взгляды в книге «Впечатления от Южной Африки» (*Impressions of South Africa*), вышедшей в 1879 г.

В 1880 г. Дж. Брайс избирается в палату общин от одного из округов Лондона по списку Либеральной партии. После двух сроков парламентской деятельности выдвигается на государственную службу. В 1886 г. Брайс был назначен вторым статс-секретарем по иностранным делам в министерстве Гладстона, но в этом же году Гладстон распустил парламент, проиграв вопрос о самоуправлении Ирландии. Не раз совершив поездки в Соединенные Штаты и собрав огромный материал, Брайс в 1888 г. издает трехтомник «Американская республика» (*The American Commonwealth*), который прославил его уже как политолога и долгое время служил, да и сейчас служит учебным пособием по изучению государственного строя, политических идеалов и институтов, политических партий и гражданского общества США (переведен на русский язык в Москве в 1889–1890 гг.). Вторая попытка государственной карьеры Брайса связана с кабинетом Розбери, который назначает известного историка, правоведа и политика министром промышленности и торговли (1894–1895).

Став известным историком и политологом, Брайс не оставил государственную службу, являя пример совмещения практической и политической деятельности и ее теоретического осмысления. В течение длительного времени (1907–1913) он был послом Великобритании в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ). Венцом его политической карьеры стало присвоение ему титула лорда (1914). В 1921 г. вышел еще один фундаментальный труд Брайса — двухтомник «Современные демократии» (*Modern democracies*), в котором он дал сравнительный обзор политических институтов Франции, САСШ, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии.

Дж. Брайс мало известен в современной России. На русский язык переведены только три его работы, но для российских политологов они до сих пор интересны возможностью проследить эволюцию политических систем Древнего Рима и США. Что касается партий и партийной системы США, до сих пор остается актуальным брайсовое подразделение ее развития на четыре периода (первая—чет-

вертая партийные системы), анализ причин возникновения двухпартийных (США) и многопартийных (континентальная Европа) систем, исследование движущих сил и различий американских политических партий, в том числе так называемых «третьих партий», таких как партии гринбекеров, прогибационистов, феминистов, партия «Ничего не знаю» и др. (см. текст). Много ценного у Брайса могут получить партологи по таким проблемам, как организация американских партий, их цели и функции, способы выдвижения кандидатов и сбора средств, дележа «добычи» и подкупа, задачи, решаемые в избирательных кампаниях и на партийных конвентах.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА¹

Часть III. Глава LIII.

Политические партии и их история

<...> В Америке главными движущими силами являются политические партии; там правительство играет менее важную роль, чем в Европе, а партии более важную, и по мере того, как партии все реже придерживаются основных принципов, а их привязанность к этим принципам слабеет, их организация становится все более и более совершенной. Чем меньше жизненных сил, тем больше искусственных пособий, чем меньше искренность убеждений, тем больше механических аппаратов. Но прежде, чем приступить к описанию организации партий, я считаю нужным изложить их основные принципы, а объяснение этих принципов требует предварительного изложения истории партий в Америке.

Несмотря на то, что некоторые из обычаев английской государственной жизни были перенесены первыми колонистами на ту сторону Атлантического океана, а некоторые другие служили впоследствии образцами для подражания, партии в Соединенных Штатах были продуктами местной почвы и развивались под влиянием тех условий, в которых находилась нация. Если бы кто-нибудь из английских читателей вздумал отождествлять главные американские партии с английскими партиями Виггов и Тори или даже только попытался бы отыскать общее между ними сходство, то он хорошо бы сделал, если бы поскорей отказался от такого намерения, потому что оно вовлекло бы его в безвыходные затруднения. В некоторых отношениях действительно заметно слабое сходство, но во всем остальном оно не существует, потому что учреждения английские и американские преследовали различные цели.

[Этапы развития партийной системы в США]

В Соединенных Штатах история партий начинается с созвания в 1787 году конституционного конвента в Филадельфии. Во время про-

¹ Печатается по: *Брайс Д.* Американская республика. Ч. III. Т. 2. С. 269–284, 302–310, 342–348.

ходивших там прений о проекте Конституции обнаружилось две противоположные тенденции, вскоре получившие более широкое развитие на местных конвентах, которым были представлены на утверждение новые основные законы. Это были тенденции центробежная и центростремительная: одни хотели сохранить в отдельных Штатах индивидуальную свободу граждан, независимость законодательства, администрации, судопроизводства, и вообще свободу во всем, за исключением только того, что касалось иностранной политики и национальной обороны; другие, напротив, хотели подчинить Штаты нации и предоставить центральной союзной власти широкие права.

Нападки на Конституцию за то, что она нарушала права отдельных Штатов, так взволновали умы, что некоторые Штаты согласились утвердить конституционный проект лишь с тем условием, чтобы в нем были сделаны некоторые поправки, — что и было исполнено в течение следующих трех лет. Когда новый механизм управления был пущен в ход с избранием Джорджа Вашингтона президентом республики и состоявшимся в то же время избранием членов Сената и Палаты представителей, две противоположные тенденции снова заявили о своем существовании не только в конгрессе, но и в министерстве: секретарь казначейства Александр Гамильтон советовал держаться такого образа действий, для которого требовалось предоставление союзному правительству широких полномочий, а государственный секретарь Джефферсон желал ограничить деятельность союзного правительства иностранными делами. Защитники центральной власти стали получать название федералистов и действовать почти всегда сообща, а одно важное событие, которое скрепило связывавшие их узы, окончательно побудило и их противников организовать в особую партию. Этим событием было учреждение Французской республики и объявленная ею война Англии. Возмущенные ужасами террора 1793 года, федералисты советовали держаться нейтралитета; они стали еще более прежнего дорожить принципом авторитета и желали предоставить федеральной власти широкую сферу деятельности. Партия Джефферсона, вышедшего в то время в отставку, увлекалась своими симпатиями к французским идеям, относилась враждебно к Англии, по-прежнему оскорблявшей американцев своим высокомерием, старалась ограничить вмешательство центрального правительства в дела отдельных Штатов и желала устранить все, что могло стеснять независимость Штатов, общин и каждого из граждан. Эта партия усвоила название республиканцев или демократических республиканцев и была предшественницей теперешних демократов. Само собой разумеется, что обе партии были привязаны к республиканской форме правления, то есть не хотели монархии. Но приверженцы Джефферсона относились с большим доверием к народным массам и желали, чтобы все делалось без всякого внешнего гнета; при этом они относились с мень-

шим уважением к правительственной власти; поэтому можно сказать, что главные характеристические особенности двух партий заключались в том, что одна из них выдавала себя за защитницу свободы, а другая была представительницей принципа порядка.

Эти тенденции стали вступать между собою в борьбу не только в сфере иностранной политики и законодательства, но также в том, что касалось объяснений и практического применения Конституции. Подобно всяким другим законодательным актам и в особенности таким, которые были продуктом целого ряда компромиссов между противоположными воззрениями, эта Конституция допускала различные истолкования, а приверженцы двух враждебных партий спешили воспользоваться для своих целей тем, что было в ней неясного или двусмысленного. Проницательный ум Гамильтона расширял смысл тех ее постановлений, которыми предоставлялись широкие права федеральному конгрессу и президенту республики, и старался ввести такую систему управления, которая применяла бы те постановления на практике в их самом широком смысле; напротив того, Джефферсон и его приверженцы отстаивали принцип индивидуализма, возбуждавший горячее сочувствие в народе, и, не осмеливаясь предлагать поправки в тексте Конституции, протестовали против всяких расширений его смысла и против всяких захватов со стороны федеральной власти, для которой такое расширение смысла Конституции могло бы служить оправданием. Таким образом, каждая из двух партий создала для себя самостоятельные принципы, стала повиноваться своим вождям и стала руководствоваться своими симпатиями и антипатиями; а взаимная между ними вражда дошла до такого ожесточения, что даже не пощадила благородную личность Вашингтона, которого республиканцы стали осыпать оскорблениями тем более неприличными, что официальное положение президента республики не позволяло ему вступать с врагами в полемику¹.

Сначала федералисты одерживали верх, потому что недовольство бессилием старой Конфедерации, замененной Союзом, внушало благоразумным людям готовность подчиняться сильной центральной власти. Хотя сам президент республики и не принадлежал ни к какой партии, но сила обстоятельств и влияние Гамильтона побуждали его придерживаться на практике принципов федералистов. Но при преемнике Вашингтона, Джоне Адамсе, федералисты сделали крупные ошибки. Когда пришлось в 1800 году выбирать нового президента республики, красноречивые воззвания Гамильтона к благоразумию нации производили менее сильное впечатление на умы, чем искусство и энергия,

¹ В насмешку над титулом, который был дан Вашингтону в знак признательности за общественные заслуги, республиканцы обыкновенно называли Вашингтона «the stepfather of his country» (отчимом своего отечества). — *Прим. автора.*

с которыми Джефферсон умел пользоваться народными симпатиями и предрассудками. Республиканцы одержали верх на выборах: их вождь занимал пост президента республики в течение 8 лет (он был вторично выбран в 1804); его заменил его друг Мэдисон, занимавший пост президента республики также в течение восьми лет (он был выбран в 1808 и вторично выбран в 1812), а Мэдисона заменил также на восемь лет его ученик Монро (избранный в 1816 и вторично избранный в 1820). Эти люди были обязаны продолжительным занятием президентской должности не только своим личным заслугам, — потому что ни Джефферсон, ни Мэдисон не могли похвастаться своей успешной иностранной политикой, — сколько совершенному бессилию своих противников. Федералисты никогда не могли поправиться от неудачи, постигшей их на выборах 1800 года. Они лишились Гамильтона, скончавшегося в 1803 году. Они не нашли другого, столь же даровитого, вождя, действовали очень неосмотрительно в критический период времени от 1810 до 1814 года и окончательно сошли со сцены после вторичного заключения мира с Англией в 1815 году. <...>

Можно сказать, что этот период (1788—1824) составляет первый акт драмы в истории американских партий. Народ, прежде привыкший заботиться о местных интересах, научился ценить новые национальные учреждения и применять их на практике. Он близко ознакомился и с содержанием Конституции подобно тому, как участники промышленного предприятия обращаются для разрешения возникших недоразумений к содержанию того компанейского условия, на основании которого должно вестись предприятие. Он пришел к убеждению, что существование центральной федеральной власти не мешает существованию Штатов, и поэтому перестал опасаться ее учреждения. Он также заметил, что есть такие не предусмотренные Конституцией общественные нужды, — как, например, учреждение банков и введение однообразной ходячей монеты, — удовлетворение которых усиливает власть федерального правительства. Различия во взглядах и в стремлениях вызвали образование партий, но эти партии образовались не только на основе общих принципов, а также под влиянием выдающихся личностей, временных целей, местных интересов и предрассудков. Мелкие фермеры и южане большей частью становились под республиканское знамя, которое гордо красовалось над обширным штатом Виржинией, а силы федералистов сосредоточивались в Новой Англии и в центральных штатах, подчинявшихся руководительству то Массачусетса, то Пенсильвании. Коммерческие интересы были на стороне федералистов, а стойкая привязанность всех классов населения к пуританизму подчинялась влиянию духовенства. <...>

Исчезновение федеральной партии в промежутке времени между 1815 и 1820 годами оставило исполнительную власть в руках респуб-

ликанцев. Но когда в Соединенных Штатах исчезают старые партии, взамен их появляются новые. Среди тех людей, которые единодушно подавали в 1820 году свои голоса за Монрое, скоро возникли разномыслия, а под влиянием личной вражды между Генри Клэ и Эндри Джексонном (выбранным в 1828 президентом республики) снова образовались (около 1830 года) две большие политические партии, к которым по прошествии нескольких лет примкнули мелкие политические группы. Одна из этих двух партий стала, под названием демократов, отстаивать догматы и традиции Джефферсоновских республиканцев. Она вступилась за права отдельных Штатов и придерживалась буквального смысла Конституции; она находила для себя опору преимущественно на юге и вообще в земледельческих классах населения, поэтому сочувствовала свободе торговли. Другая секция, усвоившая сначала название национально-республиканской, а впоследствии название партии вигов, придерживалась некоторых воззрений прежних федералистов, так, например, она требовала введения тарифа для покровительства промышленности и расходования общественных сумм на внутренние улучшения. Она желала увеличения армии и флота и, подобно федералистам, находила для себя главную, но далеко не единственную опору в торговых и промышленных провинциях, то есть в Новой Англии и в центральных Штатах. Между тем возник новый вопрос, сильнее всех других возбуждавший умы и грозивший республике серьезными опасностями. Когда Миссури обратился в 1819 к конгрессу с просьбой о его принятии в состав Союза в качестве Штата, то в конгрессе возникли горячие споры о том, может ли быть допущено существование невольничества внутри нового Штата; тогда почти все представители северных Штатов подали голоса против рабовладения, а почти все представители южных Штатов — за рабовладение. Эта распря могла бы сделаться опасной для прочности Союза, если бы не состоялось в следующем году соглашение, на основании которого рабовладение было дозволено в Миссури, но на будущее время было запрещено в странах, лежащих к северу от 36°30' широты. Опасность, по-видимому, миновала, но она была грозной уже только потому, что была совершенно неожиданной. По словам Джефферсона, которому было в то время более семидесяти лет, она поразила его подобно набату, раздавшемуся среди ночной тишины. После 1840 года положение дел сделалось более серьезным, потому что до того времени новые Штаты принимались в состав Союза попарно, то есть рабовладельческий Штат служил противовесом для Штата нерабовладельческого, а теперь для всех стало ясно, что для таких порядков настал конец, потому что остальная территория, из которой могли бы образоваться новые Штаты, лежала к северу от 36°30' широты. Так как каждый Штат посылал в сенат по два представителя, то существовавшее до того времени в сенате равновесие между представителями Штатов рабовладель-

ческих и нерабовладельческих неизбежно должно было скоро нарушиться вследствие увеличения числа этих последних. Из опасения такой развязки, которая, вероятно, привела бы к изданию законов против рабовладения, южные Штаты присоединили к себе Техас и стали с недоверием следить за медленно усиливавшимся на севере влиянием аболиционистов. Вопрос о распространении рабовладения на запад от реки Миссури сделался в 1850 году жизненным вопросом, на котором сосредотачивалось все внимание населения Соединенных Штатов, а так как в этом же году Калифорния, организовавшаяся без рабовладения, стала ходатайствовать о ее допущении в состав Союза в качестве Штата, то этот вопрос потребовал немедленного разрешения и расшевелил самые буйные страсти. Но ни одна из двух главных политических партий не рискнула решительно принять ту или другую сторону. Южные демократы опасались разрыва с теми демократами северных Штатов, которые желали положить предел рабовладению. Северные виги, опасавшиеся раздражить южан решительным протестом против постоянно возраставших притязаний рабовладельцев, выжидали более удобной для такого протеста минуты и предлагали компромиссы, которые, в сущности, обращались в пользу рабовладельцев. Они не сознавали того, что, стараясь поддержать существование своей партии, они утрачивали народные симпатии, отталкивали от себя людей, дороживших своими политическими убеждениями, и отнимали у своих приверженцев привязанность к каким-либо принципам, из-за которых стоит труда вести борьбу. Все это скоро обнаруживалось на деле. Демократическая партия почти безусловно подчинилась с 1852 года контролю рабовладельцев и стала отстаивать основное положение, что Конституция не дает конгрессу права воспрещать рабовладение в территориях. Ввиду этого правила оказывалось несогласным с Конституцией соглашение с Миссури, состоявшееся в 1820 году. Вожди вигов сами уронили себя в общественном мнении тем, что Генри Клэ составил в 1850 году проект соглашения, который допускал вступление Калифорнии в состав Союза в качестве нерабовладельческого Штата, а притязания южан удовлетворял изданием закона о беглых рабах. Они потерпели решительное поражение на президентских выборах 1852 года, а остатки их партии окончательно рассеялись в 1854 году вследствие неудачной попытки провести билль об организации из Канзаса территории, в которой вопрос о существовании невольничества был бы предоставлен народному решению; — этот билль был очевидным нарушением соглашения с Миссури. Два великих оратора этой партии, Генри Клэ и Даниель Вебстер, умерли в 1852 году, истощивши свои силы в борьбе и обманувшись в честолюбивой надежде достигнуть звания президента республики. Вместе с Кальгоуном, умершем на два года раньше, они были украшением своего поколения и хотя не могут равняться с Вашингтоном

или с Гамильтоном, но стоят выше всех государственных людей следующего поколения, за исключением только одного¹. С ними закончился второй период в летописях американских партий, который занимает промежуток времени от 1820 до 1856 года и во время которого возникла и пала партия вигов. Происходившая в то время борьба представляет теперь только исторический интерес. Но, кроме демократизации политических учреждений, она привела к следующим трем важным результатам. Во-первых, Соединенные Штаты перестали вмешиваться в дела Старого Света; во-вторых, одновременно с усиливавшимся желанием рабовладельцев выделиться из Союза, усилилось, в особенности в северных и западных Штатах, сознание национального единства; в-третьих, достиг полного развития сложный механизм партийной организации и установился главный принцип, служивший основой для того механизма, — тот принцип, что на общественные должности следует назначать только приверженцев президента республики и только на тот срок, на который выбирается он сам.

Когда партия вигов сошла со сцены, демократы, по-видимому, по-прежнему завладели полем сражения. Но у них скоро появились новые противники. Возраставшая отвага землевладельцев начала тревожить северное население, когда ему стало известно решение верховного суда по делу Дред Скотта, основанное на теоретическом правиле, что конгресс не имеет права нигде запрещать рабовладение, и что рабовладелец может повсюду привозить с собой своих невольников, представляющих нечто иное, как собственность, обладание которой обеспечено Конституцией². Это обстоятельство ускорило образование новой партии, составившейся из остатков партии вигов и получившей в 1856 году название республиканской; вместе с тем оно возбудило внутренние раздоры среди демократов. В 1860 году эти последние не могли прийти к соглашению касательно выбора кандидата на должность президента республики; их южные приверженцы выставляли одно имя, их северные приверженцы выставляли другое имя, а отделившаяся от них группа не вполне надежных приверженцев выставила третье имя. Благодаря такому разномыслию республиканцы одержали верх над своими противниками, выбравши в кандидаты Авраама Линкольна, а немедленно вслед за этим избранием одиннадцать рабовладельческих Штатов выделались из Союза.

Республиканская партия, начавшая свою деятельность протестом против решения по делу Дреда Скотта и провозглашением права конгресса не допускать распространения рабовладения, отстаивала в тече-

¹ Политическую борьбу того времени очень живо описали: Schurz в *Life of Henry Clay* и докт. Holst в *Life of John C. Calhoun*. — *Прим. автора.*

² Это теоретическое правило не было необходимым для разрешения упомянутого дела, а было высказано большинством судей лишь мимоходом. — *Прим. автора.*

ние всей междоусобной войны и необходимость Союза, и необходимость сильной федеральной власти, которую пришлось в то время расширять до небывалых размеров. После окончания междоусобной войны пришлось заново организовать побежденные Штаты и обеспечить положение только что освобожденных негров. Насилия, совершавшиеся в некоторых из южных Штатов и над неграми, и над белокожими переселенцами, потребовали нового вмешательства со стороны федеральной власти и снова выдвинули вопрос о пределах этой власти, потому что старая демократическая партия, почти вовсе не возвышавшая голоса во время войны, снова выступила на арену для того, чтобы отстаивать права отдельных Штатов и протестовать против всякого присвоения федеральным правительством незаконных прав. Тогда было признано необходимым отвергнуть решение по делу Дреда Скотта и окончательно разрешить все вопросы касательно рабовладения и политической равноправности рас посредством внесения в Конституцию трех важных поправок. Волнения мало-помалу стихли на юге, и северные войска были оттуда выведены. Вопросы, поднятые междоусобной войной и освобождением невольников, уже не интересовали население во время президентских выборов 1876 года, несмотря на воззвания, с которыми республиканцы обращались к избирателям.

Избранием Линкольна закончился третий период, во время которого образовалась и достигла преобладания республиканская партия. Эта партия, организовавшаяся с целью препятствовать распространению рабовладения, достигла его уничтожения, была вынуждена обстоятельствами усилить центральную власть до небывалых размеров и, таким образом, приведя в исполнение свою программу, исполнила свое первоначальное назначение. Старые цели были достигнуты, но еще не были заменены новыми, потому что хотя и стали возникать новые проблемы, но республиканская партия еще не успела приготовиться к их разрешению. Демократическая партия также исполнила свое назначение, отстаивая права заново организованных Штатов и протестуя против крайних мер, к которым прибегала исполнительная власть; но и она не хотела браться ни за разрешение новых вопросов, возникавших после окончания междоусобной войны, ни за разрешение тех старых вопросов, которые снова всплывали наружу с наступлением внутреннего спокойствия. Старые партии еще сохраняли свою прежнюю организацию и по-прежнему выдавали себя за представительниц того или другого принципа. Но их принципы не имели непосредственного применения к тем вопросам, которыми интересовалась нация и относительно которых она не была одного мнения. Наступила новая эра, требовавшая или возникновения новых партий, или преобразования старых посредством усвоения таких принципов и воззрений, которые соответствовали бы нуждам того времени. Но в течение этого четвертого периода,

начавшегося с 1876 года, мы до сих пор еще не видели такого преобразования партий; вот почему, — когда мы приступим к рассмотрению теперешнего положения партий, — мы найдем, что, несмотря на могущественную организацию республиканцев и демократов, и те, и другие страдают недостатком настоящих жизненных сил.

[Причины возникновения политических партий]

Этот исторический очерк, сделанный нами только с целью уяснить теперешнее положение партий, наводит нас на некоторые соображения касательно причин, вызывавших возникновение партий в Америке.

Причины возникновения политических партий в Европе со времени введения представительной формы правления были немногочисленны. Они заключались всего чаще во вражде между богатыми и бедными, между капиталистами и рабочими и в опасении не найти средств существования, хотя нередко прикрывались спорами о расширении права участия в подаче голосов или каких-нибудь других гражданских прав. Также значительную роль играли вопросы касательно землевладения и религии, вражда между различными расами и споры о преимуществах монархической или республиканской формы правления. Ни одним из этих спорных вопросов не интересовались американские политические партии в течение трех описанных нами периодов. Ни одна из них никогда не требовала ни введения монархической формы правления, ни ограничения всеобщей подачи голосов, ни централизации в замене федеральной системы. И бедным классам населения ни одна партия не могла до 1876 года обещать более того, что обещали ей политические противники. В 1852 году выступила на сцену партия, носившая название Know nothing и служившая органом для выражения несочувствия американских уроженцев к новым переселенцам, в то время прибывавшим преимущественно из Ирландии, так как прилив немецких переселенцев был в ту пору незначителен. Но так как она не бралась за разрешение вопроса о рабовладении и возбуждала недоверие своей тайной организацией, то она скоро сошла со сцены. Строгая равноправность всех сект и невмешательство правительства в религиозные вопросы, к счастью, предохраняли политику от влияния религиозных страстей.

Но разве американские партии имели только узкие и местные основы, разве они боролись только из-за временных целей и разве они не могут претендовать на более важное и более продолжительное историческое значение?

В истории политических партий, как мне кажется, можно усмотреть два непрестанных разномыслия, иногда открыто высказывавшихся, иногда скрывавшихся под каким-нибудь настойчиво требовавшим разрешения временным вопросом. Одно из этих разномыслий касается вопроса, какой форме правления следует отдать предпочтение — цен-

трализации или федеральной системе. В каждой стране действуют силы центробежная и центростремительная, из которых та или другая преобладает в данный момент. Едва ли можно указать такую страну, в которой нельзя бы было улучшить администрацию и усилить средства обороны от внешних врагов посредством такого сосредоточения власти в руках центрального правительства, которое дает ему возможность делать то, чего не в состоянии сделать местная администрация или чего не может сделать также дешево и хорошо центральное правительство, ограниченное в своих правах. Противовесом этой выгоды служит опасение, что такое сосредоточение власти ослабит жизненные силы местных общин и властей и послужит препятствием для их развития. Нужды первого рода иногда бывают более настоятельны или приобретают особенно важное значение в мнении народа; напротив того, иногда случается, что центробежные силы берут перевес. Английская история представляет немало примеров преобладания то тех, то иных воззрений. Но при федеральной системе американского управления противоречие между этими воззрениями еще ярче бросается в глаза. Отличительная особенность американской Конституции заключается в старании установить равновесие между той силой, которая толкает планеты — Штаты в бесконечное пространство, и той, которая влечет их в солнечную сферу национального правительства. Поэтому всегда находились люди, решительно придерживавшиеся одного из двух воззрений на этот важный вопрос, а политические партии всегда ссылались на какие-нибудь веские аргументы, отстаивая автономию общин или доказывая пользу централизации правительственной власти. Первого из этих воззрений придерживалась демократическая партия; второе редко ясно высказывалось, но в сущности было усвоено федералистами первого периода, вигами второго периода и республиканцами третьего периода.

Второе разномыслие, несмотря на свое более глубокое и более широкое значение, менее ясно обнаруживалось в Америке и не всегда сознавалось самими американцами. Оно является результатом противоположности между воззрением на индивидуальную свободу, как на самое ценное из всех общественных благ, и старанием сдерживать и регулировать проявления этой свободы. Противоположность между этими двумя стремлениями — между желанием свободы и желанием порядка — есть постоянное и неизбежное явление, потому что оно возникает из несходства таких людских понятий и чувств, которые встречаются во всех странах и во все эпохи. Всегда найдутся люди, которые будут возмущаться слабостями человеческого рода, его безрассудствами, страстями и себялюбием и, не полагаясь на его способность к самоисправлению, будут желать, чтобы им руководили разумные головы и чтоб его сдерживали сильные руки. Такое руководство кажется лучшим ручательством за внутреннее спокойствие. С другой стороны,

те, которые имеют более высокое мнение о человеческой натуре и возлагают более светлые надежды на ее собственные силы, придерживаются мнения, что большинство людей от природы склонно к справедливости и к миролюбию. Они верят в способность разума одерживать верх над невежеством и в способность душевного благородства заглушать себялюбие. Поэтому они желают, чтоб индивидууму был предоставлен полный простор и чтоб власть была вверена народным массам. Каждый мыслящий человек сознает в самом себе борьбу между этими двумя стремлениями и старается не подчиняться вполне ни тому, ни другому, потому что одно из них может привести к тирании, а другое может привести к анархии, которая, в конце концов, также приводит к тирании. Самый мудрый государственный человек тот, кто умеет всего лучше соблюдать между ними равновесие. <...>

Так как стремление к усилению правительственной власти сходится со стремлением к централизации управления, то федералистам-вигам-республиканцам, всегда отстаивавшим национальный принцип, чаще, чем демократам, приходилось вступаться за расширение прав и власти национального правительства. Можно бы было предполагать, что республиканская партия не останется безучастной зрительницей и той борьбы, которая ведется в настоящее время во всех цивилизованных странах между стремлениями к расширению законодательной деятельности правительства и доктриной *laissez-faire*. Однако этого не видно на деле. Вообще можно заметить, что республиканцы более демократов сочувствуют вмешательству правительственной власти; но ни одна из этих двух партий не додумалась до разрешения того спорного вопроса; они обнаружили в этом отношении одинаковую с английскими тори и либералами неопределенность воззрений.

Люди, изучившие историю Америки, могли бы подумать, что я преувеличил противоположность между свободой и авторитетом, между центробежными и центростремительными тенденциями, утверждая, что в течение первого столетия республики каждая из этих противоположных тенденций олицетворялась в одной из двух главных политических партий. Я не отрицаю существования таких моментов, когда партия, обыкновенно стремившаяся к усилению правительственной власти, оказывала ей сопротивление, а партия, выдававшая себя за защитницу свободы, старалась усилить правительственную власть. Но такие отклонения от основных принципов нельзя назвать несовместимыми с описанными мною общими тенденциями. Кроме того, всякий, хоть слегка изучивший историю Соединенных Штатов, не впадет в ошибочное мнение, будто слова «порядок» и «власть» имеют там такой же смысл, какой им придавали в монархиях континентальной Европы. <...>

Религия имела в Америке очень незначительное влияние на политику. Римские католики обыкновенно держат сторону демократов, по-

тому что повсюду, кроме Мариланда, они большей частью Ирландцы. Конгрегационалисты и унитарии сочувствуют республиканцам, вероятно, потому, что они принадлежат к числу переселенцев из Новой Англии. Пресвитериане, методисты, баптисты и приверженцы епископальной церкви не имеют прочных связей ни с одной из политических партий. В северных Штатах они большей частью республиканцы, в южных Штатах большей частью демократы. Мормоны преследуют свои особые цели на тех двух территориях, которые служат для них местом жительства¹; они привыкли подавать голоса, под руководством своего духовенства, за ту политическую партию, которая обещает, как можно меньше вмешиваться в их дела.

Из всего сказанного видно, что состав партий находится в значительной мере в зависимости от географических условий. Между тем как юг довольно дружно подает голоса за демократов, на северо-востоке и на северо-западе господствуют республиканцы; а политические тенденции населения центральных Штатов соответствуют срединному положению этих Штатов. Причина этого явления заключается в том, что Америка заселялась колонистами вдоль параллельных линий северной широты. Тенденции Новой Англии обнаруживаются в северном Огайо, в северном Иллинойсе, в Мичигане, в Висконсине, в Миннесоте и доставляют республиканцам преобладающее влияние в среде многочисленного и быстро увеличивающегося западного населения, для которого может служить противовесом только все многочисленное население южных Штатов. Однако это географическое разделение на партии не предохраняет от политического разномыслия. Материальные интересы землевладельцев одинаковы и на северо-западе и на юге; так, например, жители Иллинойса, занимающиеся разведением пшеницы, относятся к вопросу о свободе торговли точно так же, как жители Техаса, занимающиеся разведением хлопчатой бумаги, а торговцы железными изделиями в Теннесси точно так же, как торговцы этими изделиями в Пенсильвании. А благодаря существованию в северных Штатах деятельной демократической партии, победа одной географической секции не считается полным поражением для другой.

В этом заключается важное обеспечение от разрыва между северными и южными Штатами. Другое обеспечение от опасностей междоусобицы или революции заключается в том факте, что различия в тенденциях американских партий почти нисколько не зависят от богатства или от общественного положения их приверженцев. Различные слои общества примыкают к этим партиям не в горизонтальном направлении, а в вертикальном. Это замечание было бы менее верно, если бы относилось только к северным Штатам или только к южным, но оно

¹ В Юте и Айдахо. Мормоны изредка встречаются и в Аризоне. — *Прим. автора.*

вполне верно по отношению ко всему Американскому Союзу. Оно может сделаться неверным, если новая рабочая партия разрастется до того, что поглотит или заменит две главные политические партии. То же явление служит характеристическим отличием английской политической жизни от политической жизни большинства европейских государств: оно было главной причиной прочности английской системы управления и отсутствия вражды между различными классами английского населения¹.

Глава LVI.

Дальнейшие замечания о политических партиях

Кроме двух больших политических партий, на которые делились Американцы в течение последних тридцати лет, там существуют две или три более мелкие политические организации или фракции, о которых необходимо сказать несколько слов. Лет шестьдесят тому назад одна из двух больших партий совершенно исчезла, а другая распалась на мелкие части². В то время партии были очень многочисленны и недолговечны: после непродолжительного самостоятельного существования они или сливались в одно целое с другими партиями, или окончательно сходили со сцены. Это явление было отличительной особенностью того времени и прекратилось с возникновением около 1832 года партии виггов, существовавшей почти до начала междоусобной войны. Но Токвиль, посетивший Америку в 1831—1832 году, принял это явление за нормальное в демократической республике и основал на нем несколько смелых обобщений. Ввиду того факта, что для двух главных политических партий служит в настоящее время внутренней связью лишь очень небольшое число основных принципов, иностранец должен бы был удивляться тому, что эти партии не обнаруживали еще более сильной склонности к распадению на более мелкие группы и фракции.

Что служит основой для существования политической партии? В Америке эта основа очень проста. Всякая группа избирателей, назначающая своего собственного кандидата на должности президента и вице-президента Соединенных Штатов, считается национальной партией. Придерживаясь этого мерил, мы найдем, что в настоящее время в Америке есть две или три национальных партии кроме республиканцев и демократов.

¹ В настоящее время очень значительное большинство богатых людей, — по-видимому, более значительное, чем прежде, и во всяком случае еще ни разу не доходившее с 1827 года до таких размеров, — принадлежит в Англии к одной из двух исторических партий. Но это явление, по всему вероятно, непродолжительно. — *Прим. автора.*

² То же случилось, и в значительной мере по той же причине, когда партия виггов пришла в упадок в промежуток времени между 1852 и 1857 годами. — *Прим. автора.*

[«Третьи партии» в США]

Первая из них — партия Гринбекеров — возникла вскоре после окончания междоусобной войны. Она требует выпуска в большом количестве гринбеков (т.е. ассигнаций, названных так потому, что выпущенные во время междоусобной войны ассигнации были зеленого цвета) на том основании, что он будет содействовать развитию благосостояния низших классов, которые будто бы сделаются более богатыми, когда в стране будет больше денег. Может казаться неправдоподобным существование в наше время массы образованных людей, воображающих, что бумажные деньги имеют самостоятельную цену и что выпуск громадного количества заштемпелеванных бумажек может доставить бедняку больше хлеба или лучшую одежду. Требование гринбеков было бы понятно, если бы они хотели уменьшить стоимость ходячей монеты для того, чтобы многочисленные должники могли расплачиваться со своими кредиторами этой обесцененной монетой. Такое обесценивание существовало во время междоусобной войны и немедленно после ее окончания. Так как в то время чрезвычайно увеличились и заработная плата и цены на все предметы, то народ получал больше денег в виде жалованья или за проданные продукты, а свои обязательные расходы — как, например, проценты по долгам, обеспеченным залогами, — покрывал обесцененными ассигнациями. Таким образом, рабочие классы были в барыше, а кредиторы и люди, получавшие определенный доход, были в потере. Само собой разумеется, что рабочим приходилось дороже прежнего платить за пищу, за одежду, за квартиру; но выгоды, которые получались от увеличения платы, как кажется, были более значительны, чем невыгоды от увеличения расходов. Те, которые в настоящее время требуют выпуска ассигнаций, не высказывают желаний обесценить ходячую монету, а те, которые горячо их поддерживали, не принадлежали к разряду должников, рассчитывавших извлечь из обесцененной монеты такую же выгоду, какую иногда извлекали из нее средневековые короли. Но народ до сих пор еще не позабыл высокой заработной платы, которую получал во время междоусобной войны, и в его уме возникло смутное убеждение, что чем больше денег в обращении, тем больше будет денег и у рабочих, — что тогда более значительные капиталы будут употребляться на промышленные предприятия и, стало быть, более обильная заработная плата будет делиться между бедняками¹.

¹ Путаница идей усиливалась еще вследствие того факта, что национальные банковые билеты, выпущенные национальными банками, обеспечены правительственными денежными обязательствами, которые хранятся в казначействе Соединенных Штатов и по которым национальное правительство уплачивает проценты. Гринбекеры желают замены этих банковых билетов гринбеками или ходячей монетой, так называемой *fait money*. — *Прим. автора.*

Гринбекеры, сначала называвшие себя индепендентами, созвали в 1876 году национальный конвент, в котором участвовали представители девятнадцати Штатов; на этом конвенте они избрали кандидатов на должности президента и вице-президента республики и издали напыщенный, но безграмотный донос на ложную финансовую политику республиканцев и демократов. В 1880 и 1884 годах они снова выставили своих кандидатов, но в большей части Штатов играли на выборах очень жалкую роль и, само собой разумеется, ни в одном Штате не могли иметь даже слабой надежды на победу.

Рабочая партия в течение последних лет заменяла на практике гринбекеров, а в настоящее время, как кажется, уже привлекла в свои ряды всех приверженцев, какие еще оставались у той партии. Ее основные принципы нелегко с точностью изложить, потому что она заключает в своем составе людей с очень разнообразными убеждениями — и тех, кого в Европе называли бы социалистами или коммунистами, и тех, кому желательно ограничить влияние железнодорожных и телеграфных компаний, и других так называемых «монополистов», и тех, кто, будучи недоволен существующими экономическими условиями и желая предоставить рабочим классам более широкую долю в наслаждении благами здешней жизни, еще не в состоянии объяснить, каким способом можно изменить те условия и достигнуть того благотворного результата. Реформы, которых требуют вожди рабочей партии, заключаются в «национализации земли», в обложении прогрессивными подоходными налогами¹, в поступлении железных дорог и телеграфов в ведение национального правительства, в запрещении переселять в Америку нанятых по контрактам Китайцев или каких-либо других иностранных рабочих, в ограничении так называемых монополий, в отобрании (там, где это легально возможно) земель, безвозмездно предоставленных железнодорожным кампаниям, в увеличении количества ходячей монеты, в выпуске ассигнаций, размен которых на звонкую монету не обязателен для правительства, и главным образом в издании постановлений, ограничивающих число рабочих часов. Но не следует предполагать, что все вожди усвоили все эти принципы; к тому же рабочая партия образовалась еще так недавно, что даже не легко указать тех людей, которых следует считать ее вождями. В ней заметна тенденция к распадению на несколько фракций. Ее главную силу составляли промышленные союзы рабочих классов и в особенности обширная организация или лига промышленных обществ, известная под названием «рыцарей труда»; по-

¹ Этого требовал национальный конвент гринбекеров в своей политической программе 1880 года и снова в 1884 году; но в Америке очень редко идет речь о необходимости таких налогов; но в Америке очень редко идет речь о необходимости таких налогов. Их недавнее введение в швейцарском кантоне Вод привело к тому, что самые богатые жители переселились из этого кантона. — *Прим. автора.*

этому она очень заинтересована издаваемыми в Штатах законами о стачках и практическим применением тех искусственных мер, благодаря которым стачки нередко удаются. Кроме завербованных в ее состав «рыцарей труда», которые, как кажется, уже утратили то сильное политическое влияние, которым пользовались один или два года тому назад, она находит сильную поддержку в новых переселенцах, стекающихся в большие города, в особенности в Немцах, Поляках и Чехах.

Рабочая партия еще никогда не выставляла своего собственного кандидата на должность президента республики, за исключением генерала Бутлера, который был выбран в 1884 году гринбекерами и антимонополистами в кандидаты на эту должность, потому что служил для них знаменосцем. Но на выборах в Штатах и в городах она выставляет своих кандидатов всякий раз, как имеет какие-нибудь шансы успеха. Она выставила в 1886 году кандидатуру Генри Джорджа на должность городского мэра в Нью-Йорке и достигла неожиданного успеха, набрав 67 000 голосов против 90 000, поданных за демократического кандидата, и 60 000, поданных за республиканского кандидата¹; но этот успех не повторился в 1887 году при выборе губернатора нью-йоркского Штата: тогда за кандидата рабочей партии было подано только 37 000 голосов. В настоящее время очень трудно взвесить силы этой партии: она нигде не достаточно сильна для того, чтобы обеспечивать выбор своих собственных кандидатов, но в некоторых местах достаточно сильна для того, чтобы забаллотировать кандидатов других партий, или для того, чтобы выговаривать некоторые должности для своих приверженцев. Только в некоторых Штатах, преимущественно на севере, рабочая партия вовсе не выставляет своих кандидатов.

Прогибиционисты, или противники торговли крепкими напитками, созывали в 1872, 1876, 1880 и 1884 годах национальные конвенты, на которых выбирали кандидатов на должности президента и вице-президента республики. Влияние этой партии всего чаще обнаруживалось в законодательных собраниях Штатов, потому что все вопросы касательно разрешения, ограничения или запрещения продажи крепких напитков входят в сферу ведения отдельных Штатов, а не конгресса. Однако федеральное правительство собирает большие доходы от высоких пошлин на ввоз вин, водок и солодяных напитков и кроме того облагает акцизом предметы внутреннего производства. Так как эти доходы уже не нужны для покрытия расходов национального правительства, то было предложено или разделить их между Штатами, или употребить их на какие-нибудь новые и полезные цели, или же уменьшить их посредством уменьшения таможенных пошлин и акциза. В пер-

¹ В 1874 году, когда в первый раз баллотировался кандидат рабочей партии на должность нью-йоркского мэра, за него было подано только от 3000 до 4000 голосов. — *Прим. автора.*

вом случае и во втором продлилось бы на неопределенное время существование производителей и продавцов крепких напитков; в третьем случае потребление этих напитков неизбежно увеличилось бы; поэтому прогибиционисты решились выступить на политическую арену и предложили внести в федеральную Конституцию такие поправки, которые прекратили бы торговлю крепкими напитками в находящихся под непосредственным контролем конгресса территориях и в округе Колумбии¹. Их назначения кандидатов на должность президента республики есть ни что иное, как демонстрация, потому что они могут рассчитывать лишь на очень незначительное число голосов, а многие из тех, кто сочувствует их цели, предпочитают поддерживать какого-нибудь кандидата большой политической партии, чем напрасно тратить свой голос на поддержку отвлеченного принципа. Вообще не следует терять из виду различия между настоящими прогибиционистами, которые желают совершенного прекращения торговли крепкими напитками, и членами партии воздержания, которые очень многочисленны среди северных республиканцев и южных демократов и которые готовы подавать голоса как за предоставление вопроса о продаже напитков на разрешение местных общин, так и за возвышение цены патентов на торговлю этими напитками, но не одобряют попытку безусловно прекратить торговлю посредством издания общего закона². Число чистых прогибиционистов, то есть таких, которые, будучи прогибиционистами, не принадлежат в то же время ни к республиканской партии, ни к демократической, очень незначительно; оно оказывается очень незначительным даже в тех случаях, когда к нему присоединяются некоторые из членов партии воздержания и некоторые из республиканцев или демократов, недовольных кандидатами своей партии и потому готовых подавать голоса за кандидатов партии прогибиционистов. Тот факт, что эти последние выставляют на выборах своих собственных кандидатов, имеет значение только потому, что эти кандидатуры привлекают на свою сторону

¹ В программе, опубликованной в 1884 году национальным конвентом прогибиционистов, говорится, между прочим, следующее: «Конгресс должен воспользоваться своим беспспорным правом и воспретить фабрикацию и продажу крепких напитков в округе Колумбии, в принадлежащих Соединенным Штатам территориях и во всех местах, входящих в сферу исключительной юрисдикции федерального правительства; затем следует постановить, что ни один Штат не будет принят в состав Союза, пока в его конституции не будут положительно воспрещены как полигамии и фабрикация, так и расходы национального правительства на сохранение таможенных пошлин и акциза на крепкие напитки». Но это значило бы допустить, что потребление таких напитков считается позволительным, а именно этого не хотели допускать самые горячие приверженцы партии воздержания. — *Прим. автора.*

² Законодательные собрания некоторых Штатов удовлетворили членов партии воздержания, издав постановление, что влияние спиртных напитков на человеческое тело должно быть постоянно объяснено в общественных школах. — *Прим. автора.*

достаточно голосов для того, чтобы серьезный кандидат мог быть забаллотирован. По всему вероятно, по этой причине Блэн потерпел неудачу на выборах 1884 года, так как большая часть голосов, поданных за кандидата прогибиционистов, принадлежала бывшим республиканцам. С другой стороны, существование такого предохранительного клапана, как выставленная прогибиционистами кандидатура, удерживает ненадежных членов политической партии от опасного для нее шага — от подачи голосов за кандидата противной партии¹.

Сила прогибиционистов заключается в том, что они серьезно привязаны к некоторым религиозным и нравственным принципам и потому во многих отношениях являются представителями тех идей, которые проповедовались лет за сорок перед тем аболиционистами. На их конвентах играют выдающуюся роль лица духовного звания, а в их деятельности принимают живое участие женщины. Они требуют предоставления женщинам права участия в выборах отчасти потому, что такое требование согласно с их традициями и характером, отчасти потому, что женщины, без сомнения, стали бы держать их сторону на выборах.

Партия, требующая избирательных прав для женщин, едва ли может быть причислена к политическим партиям, во-первых, потому, что она состоит преимущественно из женщин, не имеющих права голоса на выборах, во-вторых, потому, что она не выставляет своего собственного кандидата из лиц женского пола, но не принимала участия в баллотировке. Впрочем, к ней принадлежат некоторые лица, возбуждающие агитацию только в пользу избирательных прав женщин, а ко всем другим политическим вопросам относятся безучастно. Она до сих пор не успела обеспечить избирательные права за женщинами ни в одном из тридцати восьми Штатов, но ее старания увенчались успехом в территориях Вайоминге, Юте и Вашингтоне, хотя вопрос о пользе или вреде такого нововведения остается спорным².

Европейскому читателю, вероятно, было бы желательно получить какие-нибудь сведения о новой политической группе, носящей название Мугуэнпсов (*Mugwumps*)³. Во время президентских выборов

¹ Прогибиционисты выставили на выборах 1888 года своего собственного кандидата на должность президента республики. На созванном ими конвенте, как рассказывают, собралось много людей, желавших образовать новую партию, для которой не служило бы единственной основой регулирование торговли спиртными напитками. — *Прим. автора.*

² Касательно этого предмета см. соответствующую главу в III томе. — *Прим. автора.*

³ Это название, как рассказывают, образовалось из индейского слова, которое означает начальствующего или престарелого мудреца; стойкие республиканцы давали его в насмешку своим прежним приверженцам, вышедшим из состава их партии. В настоящее время эти бывшие приверженцы республиканцев усвоили это название, считая его лестным для себя; однако в 1884 году они называли себя «независимыми республиканцами». — *Прим. автора.*

1884 года одна часть республиканской партии, значительная не столько по своей многочисленности, сколько по интеллигенции и по общественному положению своих членов, выделилась из состава партии и отказалась от подачи голосов за Блэна. Некоторые из этих отпавших членов не принимали участия в голосовании, а некоторые другие не были в состоянии заглушить в себе свойственного всем хорошим американским гражданам влечения к участию в выборах и стали подавать голоса за кандидата прогибиционистов, хотя очень хорошо понимали, что такая подача голосов на практике равносильна отказу от участия в выборах. Но большая часть их голосов была подана за кандидата демократической партии Клевеланда; именно этот образ действий, как кажется, отнял у республиканской партии перевес в нью-йоркском Штате и этим обеспечил избрание Клевеланда. Мугуэнпсов, очевидно, нельзя считать за национальную партию в том смысле, какой придают этим словам в Америке: ведь они не составляют собственного списка кандидатов, а подают свои голоса за какого-нибудь кандидата, предложенного одной из правильно организованных партий. Их организация заключается только в учреждении комитетов, которые собираются на митинги и во время выборов раздают разные литературные произведения, но потом расходятся в разные стороны. У них нет того механизма, без которого не обходится ни одна из политических партий, и они, по всему вероятно, не будут действовать во время президентских выборов 1888 года¹ в качестве особой фракции даже только с целью возбудить агитацию.

И Мугуэнпсы, подобно всем другим американским партиям, не имеют сходства с английскими партиями, потому что их главная задача принадлежит к числу таких, о которых вовсе нет речи в Англии: они настаивают на необходимости ввести преобразования в гражданской службе так, чтобы все назначения на должности делались помимо политических партий; они хотят, чтобы федеральное правительство, Штаты и муниципалитеты принимали в соображение при замещении должностей личные достоинства кандидатов, а не их принадлежность к той или другой партии. Они многочисленны в Новой Англии и в городах восточных Штатов и встречаются в небольшом числе на севере и на западе вплоть до Калифорнии. Но они достигли некоторого влияния на выборы, как кажется, только в Нью-Йорке, в Массачусетсе и в Коннектикуте. Они вовсе не встречаются на юге, потому что те южане, которые приняли бы их сторону, если бы жили на севере, устойчиво держат на юге сторону демократов и потому подавали голоса за Клевеланда. И нельзя сказать, чтобы в среде демократической партии встречали на севере или

¹ После того, как эти строки уже были напечатаны, я узнал, что уже никто не сомневается в том, что Мугуэнпсы не будут действовать в качестве особой фракции во время избирательной кампании 1888 года. — *Прим. автора.*

на юге такие же готовые к выделению элементы, какие выделились в 1884 году из состава республиканской партии.

Читатель не должен терять из виду капитального различия между партиями республиканской и демократической, с одной стороны, и только что перечисленными мною второстепенными партиями — с другой. Те две партии действуют на всем пространстве Союза, и страстное соперничество между двумя главными партиями сделало этот практический народ способным превзойти самого себя в искусстве вести избирательную борьбу. Однако те основные правила, которыми руководствуются партии в своей организации, так просты, что могли бы показаться непонятными только по вине того, кто берется за их изложение.

[Функции политических партий]

Прежде всего необходимо объяснить цель, с которой организуются партии. В глазах европейского государственного деятеля, то есть такого, которому не чужда сфера политики, но который не знаком с Америкой, организация партий, как местных, так и национальных, имеет четыре цели: поддерживать единодушие между членами партии и не допускать им тратить их силы на взаимные раздоры; набирать новых приверженцев между переселенцами, только что получившими гражданские права, между молодыми людьми, только что достигшими такого возраста, когда они приобретают право участия в выборах, и между новыми пришельцами или постоянными местными жителями, прежде относившимися к той или другой партии или индифферентно, или враждебно; возбуждать в избирателях энтузиазм, указывая им в публичных речах и в брошюрах на многочисленность партии и на важное значение общей цели; сообщать избирателям сведения о политических вопросах, которые им приходится разрешать, о личных достоинствах их вождей и о недостатках их противников.

Все эти цели, или по меньшей мере три первые, достигаются организацией американских партий с полным успехом. Но они менее важны, чем пятая цель, на которую не обращают в Европе большого внимания, между тем как в Америке она служит главной пружиной для всего механизма. Она заключается в выборе кандидатов, а ее важное значение объясняется не только тем, что в Америке гораздо более выборных должностей, чем в которой либо из европейских стран, но также тем, что эти должности замещаются на короткие сроки, а вследствие того выборы часто возобновляются. Так как политические партии уже мало отличаются одна от другой своими основными принципами и потому не задаются никакими ясно определенными целями в сфере законодательства или администрации, а стремятся только к замещению некоторых должностей своими приверженцами, то главная цель их существования заключается в выборе кандидатов, которых следует наградить за

оказанные услуги и которые могут усиливать влияние партии, занимая общественные должности.

В странах с представительной формой правления есть три способа предлагать кандидатов избирателям. Во-первых, кандидат может предлагать сам себя, ссылаясь на свои личные заслуги, на свои семейные связи, на свое богатство или на свое влияние в данной местности.

К этому способу всего чаще прибегают и до настоящего времени в большей части английских избирательных коллегий и, как кажется, до сих пор прибегают во всех европейских странах с парламентской формой правления. Во-вторых, в среде избирательной коллегии может образоваться группа влиятельных людей, которые выставляют своего кандидата и втайне ведут в его пользу интриги или же открыто рекомендуют его избирателям. Этот способ также часто употребляется в Англии: четверо или пятеро самых крупных землевладельцев обыкновенно выбирают в представители от графства или какого-нибудь из своей среды, или старшего сына какого-нибудь герцога или маркиза, как такую личность, на которую прямо указывает ее знатное происхождение¹. И в шотландских местечках небольшая группа местных граждан обыкновенно выбирает своего кандидата, но держит свой выбор в секрете из опасения, что ей дадут оскорбительное название «клики». Этот способ в настоящее время в большом употреблении во Франции: там комитеты каждой партии рекомендуют избирателям своих кандидатов.

Третий способ заключается в том, что кандидаты не предлагают сами себя и не назначаются какими-либо самостоятельно действующими группами граждан, а выбираются народом, то есть членами политической партии, или собравшимися на митинг, или действующими через посредство выбранных для этой цели представителей. Этот способ оказывается во многих отношениях самым целесообразным. Он обеспечивает избрание хороших кандидатов, так как следует предполагать, что народ будет выбирать самых годных людей. Он служит поощрением для кандидатов, так как доставляет им поддержку всех членов партии, и потому побуждает хороших людей добиваться своего избрания. Он служит ручательством за единодушие всех членов партии, так как недовольное меньшинство обязано поддерживать кандидата, указанного большинством. Эта система преобладает в настоящее время на всем пространстве от Мэна до Калифорнии и в сущности служит сводным камнем для заатлантической политики. Но ее возникновение имело еще одну причину кроме тех, которые указаны мною ранее.

¹ Так, например, в романе Дизраэли *Tancred* представитель графства, владеющий большими поместьями, изъявляет готовность отказаться от своего звания, чтобы очистить вакансию для старшего сына одного герцога, лишь только он достигнет совершеннолетия. — *Прим. автора.*

Американцу никогда не придет в голову выставить свою кандидатуру на какую-либо должность, если на нем не остановился выбор одной из политических партий¹; это объясняется не тем, что местные землевладельцы, крупные торговцы или хозяева промышленных предприятий не пользуются в Америке таким же, как в Европе, преобладающим влиянием на окружающую их среду, и не тем, что Американцы отличаются такой же скромностью, какая не позволяет Англичанину выступить кандидатом на звание члена парламента, пока к нему не обратятся с приглашением выставить его кандидатуру; это объясняется общим убеждением, что народное мнение и народная воля стоят выше всего, что от народного голосования должны зависеть не только выборы должностных людей, но даже указание тех лиц, в пользу которых можно подавать голоса. Предложить избирателям свою собственную кандидатуру значило бы поступить с неблагоразумной самоуверенностью, потому что даже только указать народу, на кого он должен обратить свое внимание, значило бы посягнуть на его права. Теория народного полномочия требует, чтоб большинство само назначало кандидатов, способных исполнять обязанности его знаменосцев и служителей, чтоб оно само устанавливало свою политическую программу и вообще во всем действовало по своему собственному усмотрению. Если бы оно предоставило в этом деле инициативу или людям, предлагающим свою собственную кандидатуру, или каким-нибудь политическим кликам, то оно поставило бы себя в зависимость от этих людей и от этих кликов, сделалось бы пассивным вместо того, чтобы быть активным, и утратило бы то уважение, на которое имеет право в качестве источника всякой власти. Поэтому теперешний способ избрания кандидатов не только предохраняет от раздоров в среде политических партий, но и составляет существенную особенность достигшей зрелого развития демократии.

Впрочем, эта система не была доведена до совершенства, пока демократия не достигла зрелого развития. В половине прошлого столетия в Массачусетсе и, по всему вероятно, в других колониях небольшой кружок влиятельных граждан обыкновенно назначал кандидатов на провинциальные или колониальные должности, а его выбор обыкновенно встречал общее одобрение, несмотря на то, что не опирался ни на какой авторитет, кроме личного влияния членов кружка. Эти порядки не изменились и после революции, потому что строй общественной жизни еще не успел утратить своего прежнего аристократического характера. Затем стали возникать клубы, в особенности в нью-йоркском Штате; они сделались органами различных политических групп и

¹ Иногда, хотя и редко, случается, — как мы увидим далее, — что кандидат выбирается группой недовольных, выделившихся из состава одной из политических партий. — *Прим. автора.*

партий, стали назначать своих кандидатов и руководить выборами, а в Новой Англии роль руководителей взяли на себя лица духовного звания и люди богатые. Когда стали усиливаться демократические влечения, народ не захотел по-прежнему подчиняться самозванным вождям и стал признавать за законодательными собраниями право назначения на высшие федеральные должности и на должности Штатов. Каждая из образовавшихся в конгрессе партий стала назначать своего кандидата на должность президента республики, а каждая из партий, образовавшихся в законодательном собрании Штата, стала назначать своих кандидатов на должность губернатора и нередко также на другие должности. Это продолжалось в течение первых двух или трех десятилетий текущего столетия, пока право участия в выборах не сделалось более всеобщим и пока не достигло зрелого возраста то поколение, которое было пропитано принципами Джефферсона и до такой степени дорожило демократическим равенством, что не было способно подчиняться ни тем натуральным вождям, которые выдвигались вперед по своему общественному положению и по своей интеллигенции, ни тем официальным вождям, на которых указывали законодательные собрания. По мере того как борьба между партиями делалась более упорной, обнаружилась необходимость в такой организации партий, которая лучше удовлетворяла бы притязания мелких местных вождей, сосредоточивала бы усилия избирателей на одной цели и служила бы выражением абсолютного равенства между всеми избирателями, — выражением принадлежащего каждому из них права участвовать в назначении кандидатов и в составлении политической программы. Такая новая организация была закончена демократической партией около 1835 года, а партией вигов несколькими годами позже. Когда около 1854 года образовалась республиканская партия, она так строго придерживалась тех же методов, уже доказавших свою пригодность на опыте, что в настоящее время мы не находили сколько-нибудь значительных различий в образе действий двух главных партий и потому можем оставлять их впредь без внимания¹.

Эта организация имеет ту существенную особенность, что она снизу доверху основана на строгом принципе представительства. Это происходит от того, что ей принадлежит власть, а всякая власть может исходить только от народа. Такая организация, которая, подобно английским политическим ассоциациям, существует только для собирания или записывания избирательных голосов, для распространения политических брошюр, для устройства публичных лекций, для созыва митингов и постановления резолюций, пользуется небольшой властью или даже не

¹ Для подробного и вместе с тем сжатого описания организации политических партий служит препятствием тот факт, что эта организация не всегда одинакова как в городах и в сельских округах, так и в различных Штатах. — *Прим. автора.*

имеет никакой власти. Ее цель — воодушевлять и убеждать избирателей или заниматься в графствах записыванием поданных голосов, которое прежде брали на себя услужливые агенты из добровольцев. И в Америке те комитеты или кружки, которые берутся руководить общественным мнением, не имеют никакой власти и не всегда строго придерживаются принципа представительства. Но когда партия так организована, что все члены подчиняются ее решениям, то она при выборе кандидатов пользуется властью, которая нередко имеет громадную силу, потому что заставляет подчиняться себе всех тех членов той же партии, которые желали бы остановить свой выбор на каком-нибудь другом кандидате. Такая власть может принадлежать и на самом деле она принадлежит тем корпорациям, к описанию которых я теперь перехожу, потому что они, по меньшей мере, по теории, считаются представительными¹.

Глава LX. **Механизм партийной организации**

Организация американской политической партии состоит из двух различных, но тесно связанных между собой частей, одна из которых имеет постоянное существование, а другая временное. Одна часть существует для заведывания делами партии, другая для назначения кандидатов.

Первая часть состоит из комитетов. В некоторых Штатах комитеты находятся в каждом избирательном округе и заведуют политической деятельностью своей партии во всем округе. Так, например, в селениях действует комитет сельского округа, в городах — комитет каждого квартала. В каждом городе, в каждом округе и в каждом графстве есть особый комитет. В других Штатах комитеты учреждаются только для более широких сфер — для городов, для графств и для тех округов, от которых выбираются члены в конгресс или в палаты Штатов. Конечно, в каждом Штате есть особый комитет, руководящий деятельностью партии на выборах Штата. Существует и «национальный комитет», руководя-

¹ Быстрая перемена, происшедшая в этом отношении в Англии, служит интересным свидетельством развития демократических идей и обычаев. На общих выборах в 1868 и 1874 годах почти все кандидаты сами себя зарекомендовали избирателям, хотя некоторые из них и утверждали, что только исполняют выраженное им некоторыми избирателями желание. В 1880 году, — как я полагаю, — большинство либеральных кандидатов в местечках и некоторые из либеральных кандидатов в графствах были выбраны местными партийными ассоциациями и обращались к либеральным избирателям с воззваниями на том основании, что они выбраны теми ассоциациями. В 1885 году почти все новые кандидаты были выборные люди, а тот, кто выставил свою кандидатуру против кандидатуры, указанной большинством ассоциации, считался изменником своей партии. Такой же процесс совершается в среде торийской партии, но более медленно. — *Прим. автора.*

щий деятельностью партии на федеральных выборах и в особенности на выборах президента республики¹. Вся страна покрыта сетью комитетов, из которых каждый имеет особую сферу деятельности, соответствующую сфере избирательной коллегии; так, например, городской комитет заведует выборами городских должностных лиц, комитет квартала заведует выборами на должности этого квартала, комитет округа заведует выборами на должности округа. Городской комитет, заведующий производством всех городских выборов, требует от каждого комитета квартала особого внимания ко всему, что касается выборов в его квартале, а комитет Штата требует такого же содействия от комитетов, учрежденных в округах, графствах, городах и городских кварталах Штата, и имеет право давать им предписания для руководства. Более мелкие местные комитеты в сущности самостоятельны во всем, что касается специально-местных целей, но не полновластны в том, что касается интересов всей партии. Обыкновенное занятие этих комитетов заключается в собирании и расходовании денег на избирательные цели и вообще на политическую агитацию, в организации митингов, в распространении политических брошюр и других руководств, в наблюдении за прессой, в заботах о том, чтобы новые поселенцы получали гражданские права и вносили свои имена в список приверженцев партии². Кроме того, они обязаны во время выборов руководить собранием голосов в пользу своей партии, заготавливать и раздавать избирательные записки, отпускать деньги на покрытие разных избирательных расходов; но им нередко помогают в этих занятиях или даже совершенно заменяют их особые комитеты (*campaign committees*), учрежденные специально для тех занятий. Наконец на них же лежит обязанность созывать в надлежащее время те собрания, заведующие выбором кандидатов, которые составляют другую составную часть партийной организации.

Эти комитеты принадлежат к разряду постоянных учреждений, то есть они постоянно находятся налицо и могут быть вызваны к деятельности, лишь только окажется в том надобность. Они ежегодно заново учреждаются «первоначальным» митингом (о котором будет идти речь далее) или конвентом. Но на практике изменения в составе бывают незначительны: одни и те же люди оставляются на своих местах по нескольку лет, потому что они уже научились крепко держать вожжи в ру-

¹ В среде комитетов, учреждаемых в отдельных Штатах, и в среде национального комитета обыкновенно организуется небольшой административный комитет, который исполняет большую часть работы и пользуется самой большой властью. — *Прим. автора.*

² В некоторых Штатах люди, прожившие на одном месте в течение установленного периода времени, допускаются к участию в голосованиях, даже если они еще не были приняты в число американских граждан. Записывание поданных голосов, сколько мне известно, возлагается во всех Штатах на местные власти, между тем как в Англии оно предоставляется гражданам или политическим партиям.

ках и потому они лучше других знают, чего требуют интересы их партии, и более других заботятся об охране их интересов. В особенности представители комитетов принадлежат к разряду таких людей, которые редко заменяются новыми личностями, а если их комитету приходится работать в многолюдной сфере, то они пользуются большим влиянием, потому что от них зависит раздача значительных сумм и потому что они имеют под своим начальством настоящую армию. Так, например, должность председателя главного комитета в графстве или в городе Нью-Йорк (это одна и та же сфера ведомства) соединяется с большой ответственностью и дает большое влияние, так что на ней есть возможность высказать самые высокие административные способности.

Только одна обязанность не входит в сферу компетенции этих комитетов — выбор кандидатов. Она лежит на второй составной части партийной организации — на собраниях, заведующих специально назначением кандидатов.

В каждом избирательном округе, то есть в каждой избирательной коллегии, которой предстоит назначение на какую-нибудь должность¹, созывается партийный митинг для выбора между приверженцами партии кандидата на эту должность. Такой митинг называется Nominating (назначающим кандидатов). <...>

¹ Под словом «должность» я разумею также звание представителя в законодательном собрании или в муниципальном совете. — *Прим. автора.*

АББОТ ЛОУЭЛЛ

1856–1943

Аббот Лоуренс Лоуэлл родился в Бостоне в обеспеченной семье. После окончания средней школы и юридического факультета Гарварда (1877) продолжил образование в Школе права при Гарвардском университете, которую успешно окончил в 1880 г. После семнадцати лет юридической практики в Бостоне вернулся в Гарвард для педагогической деятельности. Защитил докторскую диссертацию, долгое время работал профессором государственного права, президентом Гарвардского университета (1909–1933), был избран почетным доктором многих американских и иностранных университетов, членом американской академии искусства и литературы.

Кроме цитируемой далее работы Лоуэлла «Правительство и политические партии в государствах Западной Европы» на русский язык переведен его труд «Государственный строй Англии» (М., 1915), который в свое время считался лучшим сочинением по государственному праву Англии. В нем Лоуэлл обстоятельно и объективно исследует английскую Конституцию с юридической и политической точек зрения, местное самоуправление, народное образование, церковное устройство, управление колониями, а также историю организации политических партий.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ГОСУДАРСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ¹

Парламентарное управление и двухпартийная система

Разделение на две партии есть не только нормальный результат парламентской системы, но также главное условие ее успеха. Предположим, напр.[имер], что сформировалась третья партия... предположим... что эта группа сделается настолько многочисленной, что от нее будет зависеть образование большинства, необходимого для поддержки правительства, стоящего у власти. Если в этом случае обе прежние партии не образуют союза или даже одна из них путем уступок не поглотит новой группы, никакое министерство не будет в состоянии обеспечить себе большинство. Всякий кабинет будет свертаться сейчас же по сформировании, и парламентарное управление будет невозможно. Предположим затем, что третья партия не высказывает непримиримой враждеб-

¹ Печатается по: *Лоуэлл А.* Правительство и политические партии в государствах Западной Европы. М., 1905. С. 49–50, 67–74, 288–289.

ности к обоим другим и согласна временно терпеть Кабинет одной из них... При таких условиях парламентарное управление не невозможно, но в высшей степени трудно. Министры вынуждены гоняться за двумя зайцами. Они должны стараться удовлетворить две несогласные между собой группы людей, под страхом поражения, если та или другая останется недовольна; вследствие этого их положение непрочно, и они не могут действовать с достаточной уверенностью. Затем, конечно, чем большее число разнородных групп, тем труднее задача угодить им всем, тем более слабо и непрочно положение Кабинета. Затруднение это не устраняется даже раздачей портфелей членам различных групп, так как хотя этим и уменьшается трудность удовлетворения различных партий, но зато делается еще труднее поддерживать согласие между самими министрами, и получается вошедшая в поговорку слабость коалиционных правительств. Кабинет, существование которого зависит от голосования Палаты, может твердо и успешно проводить определенную политику только в том случае, если может рассчитывать на поддержку сплоченного и надежного большинства: таким образом, парламентская система может дать стране сильное и способное достигать ощутимых результатов правительство только в том случае, когда большинство образует одна партия. Но это еще не все. Оппозиция должна быть также сплочена. До тех пор, пока министерство держится, состав меньшинства имеет мало значения; но когда меньшинство превращается в большинство, оно должно быть в свою очередь единой партией; иначе неизбежно получится слабое коалиционное министерство. Отсюда следует, что разделение Палаты на две партии, и только на две партии, необходимо для того, чтобы парламентарная система управления постоянно давала хорошие результаты.

Причины многочисленности партий во Франции

<...> Прежде всего мы должны обратить внимание на источник политических несогласий, с которыми мы не знакомы у нас в Америке, но который существует почти у всех наций в Европе.

У нас редко кто задается вопросом о том, почему люди, собирающиеся ежегодно в State House или Капитолии, имеют власть издавать законы. Они не обладают большим личным могуществом, мудростью или добродетелью, чем другие. Какой-нибудь конгресс ученых может обладать всеми этими качествами в гораздо большей степени, однако он не может изменить ни одной строчки в собрании законов. Происходит ли это потому, что они представители народа? Но все мы знаем, что им случается издавать законы, которых народ не желает, и однако мы без колебаний повинемся этим законам <...>. Дело в том, что, хотя мы и можем расходиться во взглядах на идеальную форму правления, все мы относимся

одинаково к вопросу о том, какое правительство имеет в настоящее время право требовать от нас повиновения, и мы все готовы оказывать этому правительству повиновение и поддержку. Одним словом, общее соглашение или согласие (consensus) по отношению к основам и форме управления так распространено у нас, что они представляются нам как бы чем-то созданным самою природою и неизбежным. Но не во всех государствах мы находим подобное положение вещей. <...> Во Франции люди, не признающие общего соглашения, на котором основана существующая государственная власть, носят название непримиримых. Люди этого сорта не допускают правомочности существующего правительства, и хотя и могут временно ему повиноваться, однако цель их — революция, если не насильственными, так мирными средствами. Вследствие этого положение их значительно разнится от положения всех других партий, так как последние ставят себе целью только направление деятельности правительства в пределах, допускаемых Конституцией, и власть им может быть вверена без опасения за целостность коренных учреждений, тогда как непримиримые непременно воспользовались бы этой властью для разрушения этих учреждений и потому не могут быть допущены к управлению страной. Они образуют оппозицию, неспособную управлять, и представляют собою беспокойный элемент, который при парламентской форме правления останавливает движение всей системы.

<...> Всякое правительство держится на вере, а не на разуме, и вера народа не может быть жизненна, если он не родился с ней. А во Франции революция 1789 г. уничтожила всякую веру в государственные учреждения прежнего времени и оказалась не в состоянии поставить на ее место что-нибудь другое. <...> ... правительства, следовавшие за революцией, существовали каждое недостаточно долго для того, чтобы заложить хотя бы основы общего политического соглашения, а постоянные их смены настолько мешали непрерывному развитию общественного мнения, что народу не удалось выработать себе какие-нибудь политические верования. В результате получилось, что каждая из форм правления, когда-либо существовавшая во Франции, имеет своих сторонников, которые являются непримиримыми при всякой другой; а вся масса среднего класса и крестьян не имеет никаких твердых политических убеждений и готова поддержать всякое правительство, способное охранять порядок.

Но это только одно из многих препятствий...

... Француз — в политике скорее теоретик, чем практик. Он скорее стремится к идеалу, пытаясь осуществить свои представления о совершенной форме общества, и неохотно поступает какой-нибудь частью его ради того, чтобы приобрести то, что достижимо. Такие склонности, разумеется, служат причиной возникновения множества групп, имеющих каждая свой собственный идеал и не желающих пожертвовать чем бы то ни было для слияния в одну большую партию. Одним словом,

интенсивность политических страстей препятствует развитию истинных политических задач <...>.

Отчасти вследствие такого умственного склада, отчасти же вследствие непривычки к самоуправлению и отсутствия связей между различными частями страны, французы неохотно образуют политические организации. Неспособность быстро организоваться для политической деятельности приводит к тому поразительному результату, что, как ни пылки некоторые группы, ... они делают очень мало попыток осуществить свои стремления, соединяя своих сторонников во всех частях страны для совместной деятельности <...>.

... При парламентной форме правления партийная организация едва ли нужна, ... например, в Англии необходимость в политических ассоциациях в значительной степени устраняется сильным министерством, которое действительно руководит парламентом и нацией. Но здесь мы наталкиваемся на некоторые другие причины, ведущие к раздроблению партий <...>.

Во Франции ... избрание депутатов от целого департамента по единому списку и ... выборы одного кандидата в каждом округе несколько раз сменяли друг друга <...>. При обеих системах для избрания необходимо абсолютное большинство всех поданных голосов. Если явится больше двух кандидатов и ни один из них не получит такого большинства, две недели спустя происходят вторичные выборы... И при этом для избрания достаточно простого (относительного) большинства. Ясно, что такая процедура дает возможность каждой группе выставить своего кандидата на первых выборах <...> ... эта система препятствует образованию больших сплоченных партий...

<...> Обычай интерpellировать¹ министерство имеет прямое влияние на прочность Кабинета и раздробление партий... <...> Это относится в особенности к тем случаям, когда кризис происходит по поводу вопроса, не имеющего большого значения для всей массы сторонников правительства... <...>

Этот обычай возник вследствие того, что, благодаря громадной власти, принадлежащей французской администрации, и тому, что эта власть часто применялась деспотически, законодательное учреждение приобрело привычку смотреть на членов Кабинета, как на своих естественных врагов...

¹ Под интерpellациями понимаются депутатские запросы к правительству, имеющие целью вызвать обсуждение какого-либо вопроса в Палате, высказать мнение о деятельности Правительства. — *Ред.*

М. Я. Острогорский

1854–1919

Моисей Яковлевич Острогорский, русский юрист, историк и политик, стал одним из первых российских политологов, специализировавшихся на изучении политических партий, и единственным российским партологом, получившим всемирное признание.

Окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета и получив вакансию в Министерстве юстиции, Острогорский занимался составлением систематических справочников по кассационной практике для юристов. В этот же период он углубляет свои знания по истории и издает «Учебник русской истории» для средних учебных заведений, выдержавший 31 издание, а также «Хронологию всеобщей и русской истории», тоже многократно переиздававшуюся в России.

Однако всемирную известность М. Я. Острогорский получил как политолог. Но прежде была учеба в Париже, где он окончил Свободную школу политических наук и в 1885 г. защитил диссертацию на тему «О происхождении всеобщего равенства».

После этого начинается наиболее плодотворный период его научного творчества, в течение которого он занимался изучением политических партий, предпринимая многочисленные и продолжительные поездки в Великобританию и США. В 1889 г. он опубликовал на французском языке работу «Организация политических партий» (*De l'organisation des parties politiques*), а в 1898 г. почти одновременно в Париже, Лондоне и Нью-Йорке вышел главный труд Острогорского «Демократия и политические партии» (*La democratie et l'organisation des parties politiques*), вызвавший живой интерес у европейских и американских политологов, интерес, не затухающий до сих пор. Книга Острогорского давно признана классической и стала учебным пособием для многих поколений политологов. Ее изучали, на нее опирались в своих исследованиях М. Вебер, Р. Михельс, М. Дьюверже, С. Липсет.

Научную работу по изучению становления гражданского общества и парламентаризма в контексте функционирования механизма политических партий Острогорский совмещал с политической деятельностью в Государственной Думе, в которую он был избран от партии кадетов в 1906 г.

Главная книга ученого представляет собой объемистый труд (46 п.л.), состоящий из 6 частей, первые три из которых посвящены исследованию политических партий Великобритании, в четвертой и пятой анализируется функционирование партий в США, в шестой части на почти восьмидесяти страницах сделано пространное заключение, в котором Острогорский приходит к дискуссионному выводу о том, что существование постоянных и общенациональных партийных организаций, сковывающих свободу своих рядовых членов, не соответствует принципам демократии. В то же время сам ход этого скрупулезного и объективного исследования, проследившего зарождение и функционирование первых политических

партий в современном понимании этого термина, т.е. партий, имеющих парламентскую фракцию, внутреннюю организационную структуру и корни в гражданском обществе, имеет непреходящее значение.

Появлению политических партий, как верно отметил М. Я. Острогорский, предшествовал довольно длительный этап созревания гражданского общества и становления парламентской системы, в рамках которой функционировали политические фракции. Именно возможность мирной самоорганизации снизу в гражданском обществе породила к жизни предшественниц политических партий — социальные движения (по Острогорскому — политические ассоциации), которые служили передаточным механизмом требований рядовых граждан законодателям; являлись катализатором необходимых обществу изменений. «... Три крупные реформы, обновившие Англию, свобода религии, парламентская реформа и свобода торговли, были достигнуты под давлением внепарламентских организаций. Их вмешательство в законодательную область каждый раз являлось исключительным актом, диктуемым обстоятельствами. Каждое выступление имело целью устранение какого-либо недовольства; объектом его было нечто определенное, ограниченное, и образовавшаяся для этого организация была временной»¹.

Постоянные партийные организации возникают в Великобритании после реформы парламентской системы 1832 г., расширившей круг избирателей и санкционировавшей для ускорения избирательного процесса предварительную регистрацию избирателей. «Заброшенная публичной властью регистрация стала как бы брешью, через которую организованные партии, до того ограниченные пределами парламента, проникли в округа и постепенно распространили на всю страну сеть своей организации»².

После этой реформы в ведущих партиях страны появились зачатки центральных органов. Консерваторами в 1831 г. был основан Карлтон-клуб. Клубы существовали в Великобритании с XVII в., как собрания в тавернах, на которых обсуждались политические проблемы, но это был клуб, имеющий собственное помещение и постоянных, зарегистрированных членов; клуб, ставший центром партийной деятельности, помогающий наладить постоянные связи представителей избирательных округов, приезжавших в Лондон, с членами парламента. «Политический комитет, образованный в недрах клуба, поддерживал правильные сношения с ассоциациями или местными агентами; он стимулировал избирательную регистрацию»³.

Либералы быстро заметили необходимость такого центра и в 1836 г. создали Реформ-клуб, который стал штаб-квартирой либеральной партии.

Партийный аппарат в то время состоял из лидера парламентской фракции и его помощника — кнута (whip), который с помощью тактики «кнута и пряника» обеспечивал необходимую партийную дисциплину в первую очередь при голосовании. С подключением к парламентской фракции местных партийных организаций — ассоциаций, созданных при избирательных округах, к числу партийных функционеров теперь следовало добавить активистов-корреспондентов избирательных округов, замыкавшихся на главного агента, отвечавшего за избирательный процесс и находившегося при «кнутах».

¹ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 80.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85.

«Со временем, — отмечает Острогорский, — почувствовалась необходимость в более методических приемах, и, кроме того, стало неудобно заниматься партийными делами в самом клубе, так сказать, под веселую руку. Либеральный кнут Бранд тогда (в 1861 г.) образовал независимую центральную организацию под названием *Liberal registration association*, состоявшую из членов, принятых комитетом и плативших взносы в несколько ливров»¹. В задачи этого центрального органа входила не только регистрация законопослушных избирателей, но и розыск избирателей, не имеющих местожительства (а таких тогда было в Великобритании около 15%), а также выдвижение кандидатов на парламентские выборы. Естественно, что консервативная партия также образовала подобный орган (*Reform Association*).

Следующая стадия становления партийных организаций была связана с парламентской реформой в 1867 г., которая не только увеличила электорат, в основном за счет горожан, но и в целях обеспечения прав меньшинства разрешила каждому избирателю голосовать за двух кандидатов.

Сторонники Либеральной партии в Бирмингеме решили перед выборами 1868 г. организовать городской комитет партии путем делегирования туда представителей от каждого избирательного участка. Городской комитет выдвинул своих депутатов на все три депутатские вакансии. Но так как каждый избиратель мог голосовать только за двух кандидатов, то комитет, предварительно рассчитав оптимальный путь к победе, дал прямые указания, на каких избирательных участках за каких кандидатов избиратели-либералы должны были отдать свои голоса. Победа была добыта под лозунгом: «Голосуй, как тебе говорят», т.е. с нарушением демократических процедур. Один из создателей этой системы бирмингемский мэр Джозеф Чемберлен, ставший во главе партийного аппарата (кокуса), внедрил подобные приемы тайного сговора в узком кругу доверенных лиц ради достижения победы на выборах в центральном органе партии. Такую группу, не уполномоченных рядовыми партийцами, использующую недемократические методы руководства, Острогорский назвал кокусом.

Вскоре центральная федерация (*National Liberal Federation*), созданная по подобию бирмингемского комитета, т.е. кокуса), вытеснила центральную организацию парламентского «кнута», заняв ведущие позиции в руководстве партией. «Ободренный этим успехом Кокус решительно взял в руки вожжи, а главное — кнут. Как только министерство наталкивалось на сопротивление или на выражение враждебных чувств к одной или другой палате, режиссеры центрального Кокуса “выпускали” ассоциации, предлагали им созывать митинги, массами посылать в парламент петиции, выносить резолюции протеста или негодования, делать представления соответствующим депутатам или даже давать им прямые предписания. Достаточно было простой телеграммы, чтобы привести в движение ассоциации по всей стране; и народный лев кричал, рычал от радости или гнева, смотря по обстоятельствам. Все это дело агитации, которую планомерно разворачивали по всей стране, все эти резолюции, циркуляры и т.д. исходили от трех или четырех лиц, участвовавших в Бюро Федерации. Делались предположения, что рядом с этими лицами или, вернее, за ними находился Джозеф Чемберлен, что он управлял всем механизмом в интересах правительства, в состав которого он входил»².

¹ *Острогорский М. Я.* Указ. соч. С. 86.

² Там же. С. 109.

Однако достигнутое с помощью кокуса единство партии было скорее искусственным единообразием, чем сплоченностью единомышленников. На бюрократизацию и усиление всевластия партийного аппарата рядовые партийцы отвечали «восстанием против организации и официальных вождей».

Мы рассмотрели только первый, но не единственный смысл, вкладываемый Острогорским в понятие «кокус». Кстати, сам термин происходит от индейского слова «старший» или «советник». Вторым смыслом «кокуса» стала вся вообще партийная организация от ассоциации квартала во главе с секретарем или комитетом через ассоциацию избирательного округа, избираемую на собраниях ассоциаций кварталов и т.д., до Национальной Федерации.

Наконец, третьим смыслом, вкладываемым Острогорским в понятие «кокус», стали комитеты (кокусы) различных уровней от квартального до Национальной Федерации.

Третья (в XIX в.) парламентская реформа 1884 г., снизив избирательный ценз, привлекла к участию в политической жизни новых избирателей, главным образом сельских хозяев. Это повысило роль такого звена партийной организации, как комитет графства.

Партийные организации (кокусы) выработали особые формы своей деятельности. К числу наиболее действенных и распространенных форм политического воспитания избирателей Острогорский относит митинги, демонстрации, лекции-доклады, распространение бесплатной политической литературы (брошюр, газет), постоянную работу партийных клубов, а также общественные вечера (smoking conserts) или беседы и празднества (пикники, чаепития).

Главный упор в деятельности партий делается на избирательные кампании.

Партийный аппарат (кокус) все более обюрокращивался и отчуждался от рядовых членов. «Кокус продолжал устраивать свои публичные торжественные заседания; тысячи делегатов, представляющих все округа страны, стекались на эти заседания; но все, что там происходило, было заранее предусмотрено в небольшой комиссии. Очень трудно было услышать независимое мнение. Федерация представляла из себя еще в меньшей степени, чем до 1886 г., парламент, в котором происходил бы свободный обмен мнений; она отражала только официальный либерализм признанных вождей».

Консервативная партия ни в чем не уступала либеральной. Касалось ли дело погони за все возрастающим избирательным корпусом или разрастания партийных структур, изменения идеологии или правительственного курса — всегда и везде за спинами лидеров маячила тень Кокуса.

Даже образованная в конце XIX в. Лейбористская партия (ILP), которая лишь начала борьбу за парламентские места, постепенно отвоевывая их у либералов, вынуждена была заняться вопросами организации. «Организация ILP территориально не так велика, как у старых партий, во многих округах, в особенности сельских, ее совсем нет. В большинстве городов партия имеет “организаторов”, вербующих сторонников, собирающих взносы, распространяющих литературу, говорящих на собраниях. Сторонники группируются в “ветви”, объединяющиеся почти во всех графствах в федерацию. Партия ежегодно устраивает съезды, но эти собрания делегатов имеют не намного больше значения, чем в старых партиях; и здесь исполнительный комитет, именуемый Национальным административным советом, дергает веревки, управляет. Несомненно, что религиозный энтузиазм, одушевляющий большинство членов, поддерживает в “ветвях” особую жизнь,

препятствует обращению организации в машину и полному господству дисциплины. В партии имеется левое крыло, которое иногда приходит в движение и может наделять хлопот лидерам. Однако общая тенденция выражается в концентрации власти в руках нескольких лиц. В выборе парламентских кандидатов совет, по уставу, имеет решающее слово: каждая принятая по какому-нибудь округу кандидатура должна быть санкционирована "15", составляющими Национальный Совет. Но это только предварительная санкция, которая должна еще быть подтверждена Рабочей партией, так как ILP примыкает к ней.

Рабочая партия представляет собой большую машину, специально построенную для того, чтобы предоставить доступ в парламент рабочим кандидатам. Она не занимается распространением идей, подобно ILP; у нее нет ни credo, ни программы. Она только координирует силы организаций, связанных с ней по вопросу о кандидатах, представляющих рабочие интересы, и поддерживает в парламенте депутатов, избранных на этой платформе. Для этой специальной цели ILP и тред-юнионы в некотором роде растворяются в Рабочей партии...»¹.

Во второй части книги, посвященной исследованию политических партий США, следует обратить внимание на следующие моменты:

- роль и место политических клубов в организации политических партий США;
- превращение политического клуба Нью-Йорка «Таммани-холл» в коррумпированную партийную машину, что сделало имя «Таммани-холл» нарицательным;
- роль кокусов в политических партиях США по сравнению с их ролью в партиях Великобритании;
- определение и описание Острогорским политического боссизма;
- категории людей, составляющих партийную машину, и их функции.

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ²

Книга третья

Глава VIII. Выводы

<...>Пришествие демократии в государстве поставило перед ней проблему собственной организации. Кокус взял это на себя. Он задался целью, демократизируя партийное правление, организовать на демократической базе всю политическую жизнь страны, включая и само верховное правительство, Кокусу не удался этот его самонадеянный проект, но тем не менее он оказал длительное влияние на все политическое существование Англии.

В действительности Кокус не сумел организовать демократию, разделить партию истинно демократическим правлением: он воплотил

¹ *Острогорский М. Я.* Указ. соч. С. 255.

² Печатается по: *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 262–263, 264, 269, 270, 297–298, 340, 341, 342–343, 344–346, 354–355, 356, 395–396, 430, 431–432, 433, 434.

только формы, а не сущность. Нравы английского общества в целом вовсе не были демократическими, и методы, примененные Кокусом, совершенно не были приспособлены к тому, чтобы вызвать в нем демократический процесс. Народным массам не хватало политической самопроизвольности, энергии; внезапно призванные к власти в 1867 г.¹, они были чересчур склонны оставаться в стороне и «политически существовать милостыней». Старые правящие классы все еще сохраняли свою социальную власть. Однако новые демократические формы, введенные Кокусом, не позволяли им использовать ее по-прежнему в политической жизни. Буржуазия, перед которой стала дилемма официальной отставки или безразличия и неспособности масс, пыталась, столько же из честолюбия, как по долгу, примирить это противоречие ловкими приемами, искусными манипуляциями. Она пыталась сохранить реальную власть при партийном правлении, все же усваивая новые его формы. Вынужденная считаться с мелкими лидерами кварталов, созданных демократической организацией партии, она решила привлечь их проявлениями внимания, приглашениями в *gentlemen's clubs, smoking concerts*, на пикники и т.п., воспитанием и развитием в них снобизма, отравляющего социальные отношения в Англии. Овладев вожаками мелкой буржуазии и рабочего класса, Кокус, направляемый крупной буржуазией, взял массы на буксир. В самом начале ему удалось своими демократическими лозунгами пробудить в некоторых народных кругах интерес к общественному делу, и казалось, что он действительно стремится к расширению кадров политического общества. Но это продолжалось одно мгновение. Маленькая котерия, за кулисами дергающая за веревки и устраивающая все заранее (*cut and dried*), быстро оттолкнула искренних людей, которые только с опозданием нашли приют в Рабочей и социалистической партиях, Кокус сгруппировал вокруг себя только партийных ханжей и истериков. Громадная народная масса осталась вне его, погруженная в апатию и безразличие <...>

Таким образом, вся деятельность Кокуса, его дух и методы способствовали тому, чтобы общественное мнение становилось стереотипным, сводилось к одинаковому уровню. Механизация и единообразие, прочно установленные им, привели к тому, что иссяк источник политической мысли и стерта была индивидуальность в политической жизни на всех ступенях, включая даже и лидеров. С тех пор как принятие без всяких оговорок официальной веры партии стало высшей политической добродетелью, обеспечивающей человеку доверие его сограждан, качества, требуемые от политического человека, имеют все меньшее отношение к силе характера или к интеллектуальной оригинальности. На-

¹ 1867 г. — год второй парламентской реформы, значительно расширившей избирательный корпус.

чиная с избранных на квартальном митинге, где строгое соблюдение правил политики или рвение работника обеспечивало выдвижение в «серьезные политики», — до парламентских представителей, помимо муниципальных советников, обязанных принять присягу на политическую верность, добродетели общественного человека стали все более формальными и, так сказать, внешними <...>

Те новые отношения авторитета и независимости, которые установила ортодоксальная партия, представляемая Кокусом, установлены по всей линии, начиная с квартальной организации и до парламента. В каждом месте избиратели должны были признать в Кокусе единственного носителя их политической власти. Они должны были следовать его указаниям на выборах, потому что они могли голосовать только за кандидата, одобренного Кокусом. Он уничтожил в партии свободное соревнование кандидатов и заменил их единственными, ортодоксальными кандидатурами со штампом Кокуса. Кандидаты, если они хотели быть избранными, не должны были обращаться непосредственно к избирателям. Они не могли больше развивать перед ними политические идеи, если таковые не были одобрены партийной организацией. Даже избранные в парламент, они и там не были больше господами своей политической совести. Избиратели, кандидаты, депутаты — все были в полной зависимости от новой власти. В своем победоносном шествии она добралась уже до верховных лидеров, но здесь произошла катастрофа. Новая власть, вся построенная на условностях, столкнулась с реальной властью, вышедшей из недр английского общества <...>

Английскому Кокусу не удалось утвердить свою власть над верховными партийными лидерами, он, наоборот, в конце концов должен был молчаливо признать их власть. Фактически лидеры стали настоящей главой новой организации. Две силы, новая демократическая сила и старая власть официальных партийных лидеров, соединились, однако не сливаясь. Кокус, образующий нераздельную часть политической жизни, продолжал пропитывать ее своими тенденциями. Своей ежедневной работой он изменял политические отношения в стране, в избирательных округах и сильно способствовал перерождению самой природы представительного правительства и английского парламентаризма, как это будет изложено с большей полнотой на последующих страницах. Однако ввиду того, что деятельность центрального Кокуса понизилась и что шумные выступления, к которым он сначала при Чемберлене приучил публику, не возобновлялись, наблюдатели, главным образом интересующиеся тем, что происходит на авансцене, сделали вывод о полном закате Кокуса. Понижение роли центрального Кокуса если и не аннулировало функции, которую присвоил себе Кокус, — определять партийную политику, то свело ее к внешней форме. Партийная программа исходит от лидеров, вотируемые на ежегодных собраниях

ях делегатов резолюции носят только декларативный характер. И все же неверно было бы утверждать, что партийная политика совершенно ускользает от влияния Кокуса. Лидеры и Кокус воздействуют друг на друга, хотя и незаметным образом, но вполне реальным. Когда лидерам нужно для определения своей линии поведения более точно взвесить общественное мнение, они раньше всего обращаются к Кокусу <...>

Книга четвертая

Глава I. Первые партийные организации в Соединенных Штатах

Зародыши в неконституционной политической организации в американской республике мы находим в клубах колониального периода. Эти клубы, процветавшие преимущественно в Бостоне, сделались по мере приближения американской революции очагами политической дискуссии, где вскоре зародилось сопротивление произволу британского парламента.

Среди бостонских клубов особенно выделялся *Saucus club* (Кокус-клуб), объединивший цвет патриотической партии. На более или менее секретных собраниях, носивших это причудливое название, которому была суждена такая необычайная судьба и происхождение которого еще оспаривается учеными, уже с давних пор занимались общественными делами, преимущественно местными выборами, а также текущими делами до обсуждения ВД в колониальном собрании. Первое упоминание о такого рода собраниях относится к эпохе, более чем на полвека предшествовавшей американской революции.

Saucus Бостона сыграл важную роль во время революции. Инициативе его членов, и особенно одного из них, Самуэля Адамса, обязаны своим возникновением «корреспондентские комитеты» — мощная организация патриотической партии, подготовившей революцию и независимость. Отделение колоний положило конец деятельности корреспондентских комитетов. Несколько лет спустя влияние французской революции породило в Соединенных Штатах, как в Англии, постоянные политические организации в виде «демократических обществ», которые явились подражанием клубу якобинцев в Париже. Эти общества вскоре распространились по всем штатам, городам и селам. Но слишком рьяно следуя примеру своего парижского образца, они стали элементом смуты и угрожали общественному порядку, так что президент Вашингтон счел нужным их запретить. Через несколько лет они исчезли вследствие отрицательного отношения к ним общественного мнения.

После этого в течение нескольких лет не существовало постоянной неконституционной организации. Избирательная борьба скорее вы-

зывала возникновение групп, образовавшихся на основе местного и личного соперничества, чем возникновение партий, ясно различавшихся по своим принципам и программам. Даже на широкой арене политической жизни новой республики, в конгрессе Соединенных Штатов, потребовалось известное время для того, чтобы в связи с расхождениями в толковании Конституции могло возникнуть и принять определенные организационные формы деления на партии. Для возникновения же местных партийных организаций, естественно, потребовалось еще больше времени; во всяком случае, вначале не было необходимости в твердой структуре, так как количество избирателей обыкновенно было ограничено цензом, число избираемых было незначительно и, наконец, потому, что в американском обществе, в особенности в Новой Англии, еще существовал правящий класс, т.е. группы людей, которые благодаря своему богатству и общественному положению пользовались влиянием среди своих сограждан, безропотно подчинявшихся их руководству. Кандидаты избирались на собраниях сельских округов (town-meeting) и графств (county meeting), но в действительности эти общие собрания лишь утверждали выборы, произведенные ранее небольшими категориями лидеров <...>

Глава IV. Избирательная кампания

Американские политические клубы сильно отличаются от английских клубов. Прежде всего в Америке не существует центральных партийных клубов, как клуб «Карлтон» или «Национальный либеральный клуб» в Лондоне. Этому препятствуют, по-видимому, федеративная организация Соединенных Штатов и отсутствие столицы. Кроме того, постоянные политические клубы в Соединенных Штатах не многочисленны и не влиятельны. В Нью-Йорке, в Филадельфии и во многих других крупных центрах существуют, правда, крупные партийные клубы, но они являются скорее светскими клубами, чем политическими, и, как все американские клубы, они менее демократичны, чем английские. Отсутствие знати, высшего класса, созданного законом и призванного обычаями, восполняется в некоторых американских городах образованием кoterий, которые составляют закрытые кружки. В них можно войти, лишь доказав свою пригодность или то, что под этим подразумевается. Этой тенденции к общественной отчужденности не избежали и крупные политические клубы. Но при этом они гораздо менее однородны, чем английские клубы, с точки зрения политических убеждений, так как социальные соображения играют слишком большую роль при вербовке, и прежде всего потому, что их члены, довольно часто меняя партии, продолжают оставаться членами того же клуба. Наконец, хотя формы социальных отношений в Соединенных Штатах и таковы, что им свойственна узкая нетерпимость, они в сущности являются по-

верхностными, и при калейдоскопической жизни американцев в них отсутствует устойчивость, которая бы им придавала значение скрепляющего политического цемента <...>

Книга пятая

Глава V. Эволюция системы конвентов (окончание)

Торг «местами» был только первой ступенью делячества, которым Кокусу суждено было пропитать общественную жизнь американцев. За этим последовала эксплуатация того влияния, которое было связано с этими должностями, и в особенности той власти, которой они обладали над государственной казной. Факт существования продажных чиновников, которым предоставляли за вознаграждение контракты на поставки, сдавали общественные работы с торгов и т.д., имел место и до войны, но в относительно скромном масштабе и довольно, так сказать, спорадически. После войны все это развилось и было возведено в систему. Устроившись в каком-нибудь государственном учреждении или в избирательном собрании, эти взяточники организовывались в союзы, чтобы производить оттуда свои атаки на государственное имущество. Эти союзы из политиков-мародеров под названием «рингов» (Rings) сделались вскоре довольно обычными. Их операциям особенно благоприятствовало быстрое развитие страны, и в особенности городов. Большое количество городских учреждений и их всевозможные работы, изо дня в день более многочисленные и более значительные, увеличивали возможности и поводы к расходам и злоупотреблениям. Ринги появились в первую очередь и особенно укрепились в городе Нью-Йорке, где они впервые развили свою машину и создали самый совершенный ее образец в виде Tammany Hall <...>

В течение первых лет своего существования общество сохраняло характер чисто патриотической и филантропической ассоциации, под знаком чего оно и существовало. Но вскоре в него проникла также и политика. Чисто демократические тенденции этого общества приблизили его к партии Джефферсона и заставили решиться принять участие в избирательном бою 1800 г. Начиная с этого времени, общество Таммани принимало все большее и большее участие в борьбе, заполняющей общественную жизнь Нью-Йорка <...>

Два крупных факта совершенно изменили характер и тенденции Таммани. Введенное в 1821 г. всеобщее голосование создало новую атмосферу, при которой удовлетворенные демократические стремления уже потеряли свой мистический смысл и в которой испарился пуританский дух мелкой трудолюбивой буржуазии. Общество Таммани было наводнено простонародным элементом (mob element). С другой стороны, поддержка на выборах, которую общество Таммани оказывало

республиканской и демократической партиям, была давно оценена и его услуги вознаграждались должностями, предоставлявшимися в распоряжение его членов. Эти возможности, развивая и поддерживая могущество Таммани, морально его развращали; они привлекали к нему и укрепляли в нем наемный элемент <...>

Хозяинствуя в партии и превратившись в ее регулярную организацию, Таммани сделалось хозяином города и его управления, так как большинство населения Нью-Йорка по традиции было связано с демократической партией. Вскоре общество получило значительные подкрепления со стороны европейской иммиграции. Поток иммиграции распространялся по всему Союзу и, проходя через Нью-Йорк, оставлял в этом городе в качестве осадка беднейшую свою часть, наиболее слабую часть человеческого груза, сложенного на американском берегу. Эта категория иммигрантов, состоявшая в своем большинстве из ирландцев, являлась заранее предназначенной добычей вождей Таммани, искавших продажных или несознательных избирателей. Они с овечьей кротостью позволяли себя вербовать и вследствие своего все увеличивающегося количества образовали ту скалу, на которую отныне опиралось могущество Таммани. На вершине стоял небольшой центральный комитет, обладавший неограниченной властью над всей организацией. Управляемый с военной дисциплиной, ее народный состав из преданности к ней регулярно проводил назначения и выборы, если нужно было, даже путем обмана и мошенничества. Это была армия демократических мамелюков, которые, опираясь на республиканские формы, создавали настоящую систему деспотизма, проводимого кучкой людей. Чтобы содержать эту армию, Таммани не только располагало многочисленными местами в городском управлении, но и большой сокровищницей военной добычи, собранной благодаря податям, которые оно начало взимать уже давным-давно. Оно ввело систему, привившуюся с тех пор во всем Союзе. Оно давило без сожаления на всех, кто получал или дожидался получения мандата при его содействии <...>

Члены ринга захватили наиболее значительные и влиятельные посты городского управления. Обширные общественные работы служили поводом, чтобы дать за счет налогоплательщиков занятия, реальные или фиктивные, целой толпе людей, которые за это исполняли политические приказания ринга, захватывали крепость партии — ее первичные собрания — и привлекали избирателей. Имея в виду увеличение числа избирателей, им сочувствующих, ринг в нарушение закона массами проводил натурализацию иностранцев. Кроме того, он организовал, также в широком масштабе, фальшивую регистрацию избирателей, занося в списки фиктивные имена, под которыми впоследствии происходило голосование. При подсчете голосов инспектора выборов, назначенные рингом, подделывали результаты. Губернатор был кандидатом

ринга. Законодательное собрание также относилось благосклонно к его кандидатуре. Твид там заседал лично, заставив выбрать себя в сенаторы, и ему удалось даже достичь председательства в наиболее важном комитете сената. Оградившись со всех сторон, Твид и его соучастники спокойно грабили городскую казну. Например, они через своих друзей продавали по безумным ценам участки земли, отчужденные городом; или оне придумывали долговые обязательства, которые город уплачивал не говоря ни слова; или еще довольно часто они вынуждали предпринимателей и поставщиков города увеличивать счета и выплачивать им почти всю разницу между настоящей ценой и ценой счета. Эти цены были сказочными: постройка и меблировка Дворца правосудия осталась их вечным памятником; по смете эта постройка должна была стоить 250 000 долларов, но она поглотила от восьми до тридцати миллионов, не будучи закончена; каждый стул обошелся по 407 долларов, и стоимость других предметов была в том же роде. Ринг продолжал бесконтрольно свои операции в течение нескольких лет: подкупленная пресса молчала, и избирательный корпус был взят на буксир обществом Таммани, за которым он следовал из лояльности к партии или из личных интересов. Деньги, похищенные руководителями ринга, разливались золотой рекой и, как мы уже знаем, различными путями распределялись между большим числом избирателей, которым оставалось лишь получать выгоды от этого разбойничьего режима. Они не платили никаких налогов, их платили богачи; а разве было плохо, что с богатых брали деньги? Число избирателей, заинтересованных тем или иным путем в процветании общества Таммани и его ринга, составляло не меньше половины избирательного корпуса Нью-Йорка. Чисто случайно некоторые подложные счета попали в газету, — и разразился скандал. Члены ринга, чтобы спасти свою шкуру, предавали друг друга, чем облегчали начатое расследование их злоупотреблений; однако нужны были значительные усилия, чтобы их свергнуть. Наконец ринг был разбит на городских выборах, и его главные руководители и их приспешники были отданы под суд и принуждены были частью бежать, частью выйти в отставку. Операции ринга стоили налогоплательщикам, по низкой оценке, сто шестьдесят миллионов долларов: общая задолженность города увеличилась больше чем на сто миллионов, а городские расходы удвоились.

Но урок не пошел впрок городу Нью-Йорку; через небольшой промежуток времени, когда сторонники честности в городском управлении ослабели, Таммани вновь воспрянуло, и в 1874 г. оно снова стало руководителем мэрии. В течение некоторого времени оно было строже в выборе своих кандидатов, единственно лишь для того, чтобы усыпить бдительность избирателей и заставить их верить в то, что оно исправилось. Но оно применяло эту тактику лишь по отношению к более видным должностям, которые стояли во главе списка. Остальной список,

не исключая членов муниципального совета, был заполнен, как и раньше, подкупными и низкими людьми. Постоянно улучшая свою машину, Таммани-холл все теснее и теснее охватывало своей организацией более глубокие слои народа, и в особенности «опасные классы» людей, соприкасавшихся с преступным элементом, если не являвшихся частью его. Кабатчики и содержатели притонов всякого сорта, завербованные волей или неволей в организацию Таммани-холл, служили ему вербовщиками среди многочисленного пролетариата преступного элемента, которым кишел Нью-Йорк. Однако во главе муниципалитета Таммани всегда ставило более или менее почтенных людей, которые ему служили вывеской, при которой тем не менее грабёж продолжался в широком масштабе. Наученные опытом Твида, его преемники лишь изменили способы своих действий; они остерегались вздуть налоги, они даже создали у налогоплательщиков иллюзию экономии и снижения налогов, но взамен этого развили целую систему вымогательства с частных лиц и выуживания различных сумм. Главным орудием этого обирательства была полиция; она обложила регулярным оброком по определенному тарифу все кабаки, притоны и игорные дома; она вымогала под мало обоснованными предложениями или совсем без всякого предложения деньги у мелких коммерсантов, которых она имела возможность притеснять. Другие, совершенно законные предприятия были также обложены оброком. Пароходные компании, страховые общества, банки и т.д. платили дань взамен оказываемого «покровительства». Начальники полиции и даже ее простые агенты должны были покупать свои места. «В действительности администрация города сделалась большим рынком, где служащие могли свободно садиться за маленькие столики и продавать свои товары».

Разоблачение этих скандалов, благодаря смелой частной инициативе, вызвало в 1894 г. возмущение, подобное тому, которое имело место против Твида и его банды. Независимые граждане и завистливые или возмущенные демократы, объединившись с республиканцами, создали коалицию, победили Таммани-холл и произвели чистку в администрации как в переносном, так и в прямом смысле этого слова: они реорганизовали полицию и заставили ее подмести улицы, которые из экономии, при господстве Таммани, содержались в состоянии полного беспорядка. Но при следующих выборах Таммани вновь вернулось к власти. В 1901 г. благодаря колоссальному возмущению, руководимому независимыми, удалось его свергнуть и установить честный муниципалитет, способный произвести реформы, с Зет Лов во главе. Но эта администрация, очевидно, была слишком хороша для Нью-Йорка; по истечении трех лет Таммани вновь приобрело власть. На последних выборах в 1909 г. оно добилось того, что его кандидат был выбран на пост мэра, но все другие его кандидаты были побиты. Мэр Гайнор, которого оно выдвинуло, решительно

порвал со всеми традициями Таммани, и развращенная атмосфера муниципального управления Нью-Йорка была оздоровлена <...>

Развитие этой коммерции¹ и необходимость управления избирательными массами, на которые она опиралась, усложнявшегося с ростом и дифференциацией избирателей, требовали твердого управления. Это последнее нуждалось в слепом подчинении тем более, что ему не хватало моральной основы. Оно возникло путем естественной эволюции после Гражданской войны в лице самодержавных руководителей машины, которые пользовались государственной властью по примеру «тиранов» греческих городов. Они получили в Америке название «боссов» (boss), ставшее так же общеизвестным, как название «кокуса» и «машины». Это название голландского происхождения означает хозяин, патрон — долго употреблялось в обыденной речи как почтительное обращение, равноценное слову «буржуа», употребляемому в том же смысле обывателями. Но после войны оно сделалось политическим термином, применяемым в насмешку к политическим руководителям, которые наперекор демократическим принципам командовали, как хозяева, и проявляли узурпаторскую власть. Боссизм отметил последний этап в эволюции внеконституционного могущества, вызванного режимом американских партий. В штатах, где машина не получила широкого развития, боссизм, естественно, нашел менее благоприятную почву, но тенденция к такому режиму проявлялась почти везде, выявляясь в одном месте в ярко выраженных чертах и вырисовываясь в другом месте лишь в смутных и беглых контурах — в зависимости от местных обстоятельств и условий момента, довольно изменчивых в местной партийной жизни.

Большие города были первыми, где получил свое развитие этот способ управления, благодаря разнородному характеру их народонаселения и цезаристским инстинктам их многочисленной черни, всегда стремящейся воплотить в одном человеке свои политические чувства. Движимое этими побуждениями, население больших городов предоставило политикам свой обширный фонд личного доверия, который, передаваясь из рук в руки, как вексель с последовательными передаточными надписями, доходил в конце концов до высшего руководителя. Этот человек, который брал верх потому, что он оказывался более энергичным и более способным для того, чтобы вести тех, кто умел руководить народными массами, должен был обратиться в голоса и в государственные мандаты всю ту преданность, которая стекалась в каналы партии, чтобы укрепить ее господство. Вся его обязанность состояла в том, чтобы поделиться полученными благами со всеми посредниками, которые собирали и передавали ему избирательное сырье. Эта обязанность была не слишком тяжелой, когда должности и другие источники прибыли

¹ Речь идет о методах, применявшихся Таммани-холлом.

были обильными. Все эти условия создались в первую очередь в городе Таммани — в Нью-Йорке, — и именно там появились первые боссы <...>

Почти с начала своего существования они живо интересовались делами, посторонними политике в прямом смысле или в европейском смысле этого слова. Система «регулярных» назначений и «взносов», приносящая доходы, открыла перед боссами коммерческие перспективы, которые значительно расширились благодаря развитию капиталистических предприятий. Эти последние, чтобы обеспечить себе благоволение со стороны государственной власти, решили, как мы уже это знаем, направить коррупцию для большей экономии и больших результатов на партийные организации, которые устраивали и расстраивали избирательные собрания. Но чтобы сговариваться по этому вопросу с организациями и чтобы постоянно поддерживать необходимые хорошие отношения, капиталисты и корпорации нуждались в посредниках, которые обеспечивали бы одновременно как гарантию соблюдения интересов доверителя, требующуюся от посредников, так и неоспоримое влияние. Для выполнения этой роли явился политический босс, властитель машины, рожденный системой добычи, — и капиталисты вошли с ним в соглашение. С этих пор он получал их подписки в фонд партии и оказывал им «протекцию» по дешевой цене, т.е. заставлял голосовать в законодательных собраниях за законы, в которых корпорации нуждались, и отвергать те, которые их стесняли. Босс централизовал политическое влияние и превратился в крупного маклера и оптового торговца. По мере того как он укреплялся в этой роли, он вытеснял lobby, подобно тому как в торговле и в промышленности мелких коммерсантов и промышленников вытесняли крупные магазины, фабрики и заводы. Существовая в значительной степени за счет корпораций, боссизм расцвел во всем своем блеске в тех штатах, где были сконцентрированы крупные капиталистические интересы, где было большое число торговых компаний, как в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании. Но почти всюду, где машина создала босса, он пользовался своим политическим положением также и в качестве делового человека; он появлялся со своим двойным лицом, лицом цезаря и лицом коммерсанта, маклера в законодательстве и в управлении и, по крайней мере, торгоша «назначений» <...>

Организация политиков достигает последней степени своего развития, когда лидеры выделяют из своей среды хозяина в лице человека, имеющего преимущество перед другими благодаря своей силе воли, проворству, смелости и удаче, который укрепляется *per fas et nefas* в центральных конвентах партии, подобно тому как его прототип «квартильный политик» укрепляется в первичных собраниях. В молчаливом согласии все строятся в ряды за этим человеком и признают его высшим начальником. Он является священным боссом города или боссом штата, в зависимости от случая. Находясь во главе своих сторонников, он

формирует вместе с ними то, что называется машиной, или, иначе говоря, союз людей, расположенных в определенной иерархии и связанных друг с другом личной преданностью, но на корыстной основе, и озабоченных лишь удовлетворением своих appetitов путем эксплуатации богатства политической партии <...>

Глава VI. Политика и машина

Всех людей машины можно разделить на три главных категории, представляющие собою три определенных ступени: boys (мальчики), henchmen (служители) и boss (боссы). Boys — это простые партийные работники (workers), которые выполняют большую черную работу, очень часто грязную работу политики. Они являются протагонистами первичных собраний, они находятся там всегда в полном составе, чтобы поддержать своими голосами и, если это нужно, своими кулаками зачинщиков; они являются покорным орудием подлогов и маневров, задуманных изобретательностью господствующего ринга; они создают склоку на митингах; они обивают мостовую в процессиях и в парадах; они обегают пивные для того, чтобы собирать избирателей, и идут их разыскивать по домам; и вообще они всегда находятся под рукой у зачинщиков, готовые выполнить любое распоряжение, отчего и получили кличку heelers (тот, кто следует по пятам, кто стоит рядом). Невежественные, грубые, неспособные к регулярной работе heelers набираются преимущественно среди «опасных», преступных или полупреступных элементов, среди завсегдатаев пивных неудачников и всякого рода обездоленных.

Henchmen являются лейтенантами и помощниками босса; их социальное положение и их ранг колеблются в зависимости от положения их патронов, начиная со сторонника небольшого местного лидера и кончая доверенным лицом крупного босса, заседающего в сенате Соединенных Штатов. Henchman является в некотором роде префектом или викарием, который «работает» для босса, который обрабатывает в его пользу подчиненных политиков и избирателей. Он персонально ответственен перед боссом за успех своих операций; если он проявляет недостаток усердия или ловкости, его отстраняют без всяких объяснений. Если человек недостаточно полезен машине, он безжалостно выкидывается за борт. Вне политической службы henchman должен проявлять в отношении босса личную покорность, как вассал перед своим государем. Он чувствует к боссу преданность, в которой нет привязанности, но которая является смесью послушания, зависимости и искреннего восхищения доблестным руководителем. Он видит в нем живое воплощение доблести и идеала «политика», который представляется людям, выросшим в низах, в не менее блестящем ореоле, чем ореол, окружавший рыцаря средних веков. Часто босс держит своих henchmen'ia на известном расстоянии от себя и позволяет им к себе при-

ближаться лишь с проявлением знаков уважения; другие допускают в своих взаимоотношениях с лейтенантами больше товарищества, но всегда существует подчинение, и часто оно доходит до услужливости, которая была бы противна даже наемной прислуге.

Босс, в свою очередь, должен помогать и оказывать протекцию своим henchmen'ai, он должен их защищать всеми силами, способствовать их политическому властолюбию, если таковое имеется, обеспечивать их существование, если они не богаты, как это бывает с большинством его помощников, добывать им места на государственной службе и там их поддерживать, какова бы ни была их неосведомленность и неаккуратность в работе <...>

... сначала проследим политика средней значительности, поставленного, благодаря своему промежуточному положению, в центре действий, как, например, помощника босса крупного города, «лидера округа» или «лидера участка». Этот лидер сначала нам представляется в виде крупного деятеля машины в главной избирательной операции — намечении кандидатов. Опережая роль первичных собраний и конвентов, машина, как читатель об этом уже знает, составляет список (slate) делегатов и кандидатов и лишь регистрирует его на партийных собраниях. Избрав своих кандидатов, босс дает лидеру приказание «доставить солидную делегацию» для их поддержки, и лидер обязан ему «поставить товар». Если он неспособен выполнить эту поставку, он теряет свои права лидера; и если, с другой стороны, лейтенанты босса, большого или маленького, отказываются ему «поставить товар», боссу не с чем будет производить торговлю избирательными функциями. Внутренние операции машины по всей линии также состоят из этих «поставок»: полагается, чтобы каждый лидер поставлял делегатов своему начальству, начиная от делегатов на конвент комитета или округа до делегатов в национальный конвент <...>

Все жаждущие государственных должностей, которые населяют его округ, обращаются к нему, начиная с адвокатов, которые добиваются места судьи, до чистильщиков улиц. Он является единственным в своем округе раздатчиком должностей, которыми располагает партийная организация. Этот «патронаж», доверенный лидеру, не ограничивается выборными постами <...>

Если не хватает бесчисленных мест государственной службы, лидер устраивает этих людей на железные дороги, на трамваи и другие большие частные предприятия; компания, как мы знаем, нуждается в «протекции» и, стараясь обеспечить себе все могущество партийной организации, всегда идет навстречу просьбам и рекомендациям лидеров машины: на этих крупных патронах также имеется pull.

Кроме мест имеются еще тысячи других милостей, которые представитель машины может предоставить благодаря своему влиянию, ми-

лости, которые могут принести счастье или несчастье всему существованию многих маленьких людей: разрешения, даваемые полицией или другой властью на открытие на улице мелкой торговли или мелкого предприятия, как галантерейщик, продавец прохладительных напитков с сиропом, чистильщик сапог и т.д.; одного слова лидера машины достаточно для того, чтобы предоставить бедняку право остановиться на углу улицы со своей импровизированной лавочкой. Через него также можно добиться разрешения открыть кабака или запретить его открытие конкуренту. Могущество pulls доходит до того, что закон оказывается перед ними бессильным, они гарантируют безнаказанность нарушений закона и даже преступлений <...>

Демократия принесла с собой свободу и обновила жизнь общества. Эта свобода была осуществлена в наибольшей степени благодаря ряду обстоятельств в Соединенных Штатах, и никогда земля не оглашалась такой могучей триумфальной песнью, которую поет американский народ с такой бодростью и рвением, к которым как бы присоединяются даже неодушевленные предметы. Но нигде также не проявилось так ясно, что политическая свобода, которая сама по себе может обеспечить лишь внешнюю свободу, не является полной без независимости сознания гражданина и без непосредственного и энергичного выявления его воли и бдительности. При отсутствии этой независимости и этой бдительности демагогия и коррупция проникают в обитель свободы средь бела дня, не пользуясь даже, подобно вору, покровом ночи.

Пробудить в гражданах разум и совесть и развить в них чувство индивидуальной ответственности еще недостаточно для того, чтобы обеспечить свободное и непосредственное действие, без которого демократия останется поверхностной. Само собой разумеется, что внутренняя свобода не может укрепиться в публичной жизни без внешней свободы, что государство одинаково нуждается в свободных установлениях и в правах, соответствующих этим установлениям... Демократия, являясь режимом свободы, может иметь успех лишь при условии, если она пользуется методами, проникнутыми тем же духом.

ТЕОДОР РОМЕР

1816–1856

ФРИДРИХ РОМЕР

1814–1856

Теодор Ромер родился в Германии (Бавария), но большую часть жизни провел в Швейцарии, в Цюрихе, вместе со своим старшим братом Фридрихом, известным политическим деятелем, членом либерально-консервативной партии (по другим данным — либеральной партии). Теодор Ромер, однако, признавал своего брата истинным автором произведений и своим вдохновителем. Выдвинутые Фридрихом политические концепции и идеи обосновывались и развивались в трудах Теодора.

В области партологии предпринята попытка психологического обоснования партийных различий, основываясь на двойном сопоставлении партии и темперамента, с одной стороны, темперамента и возраста — с другой: «Friedrich Rohmer's Lehre von den politischen Parteien» (Цюрих, 1844) и «Die vier Parteien, durch Theodor Rohmer» (Цюрих, 1844).

В произведении «Четыре типа партий» они выводили партийные пристрастия людей из их жизненного опыта и возрастных отличий. Жизнь человека, по мнению Ромеров, состоит из восходящей и нисходящей ветвей. Первой соответствует постоянное движение, кипучая деятельность, творчество. Это формирует такой психологический тип личности, как «мальчик» и «юноша». Вторая, нисходящая ветвь человеческой жизни, когда место в обществе определено, отношения с окружающими стабилизировались, когда все спокойно, соизмеряется и взвешивается, ведет к формированию таких социально-психологических типов, как «муж» и «старик».

Каждый человек в процессе своего формирования проходит все четыре социально-психологические стадии. Поэтому люди постепенно изменяют свои политические убеждения, принадлежат в течение жизни последовательно к четырем партиям:

- радикальной, которая соответствует детскому (мальчишескому) возрасту. Радикальная партия состоит из людей с неутоимыми постоянными стремлениями к переменам и новаторству, но лишенных жизненного и политического опыта и поэтому неспособных к управлению обществом;
- либеральной, соответствующей юношескому психолого-возрастному типу. Либеральная партия постоянно отстаивает права и свободы личности, господство индивидуальности и разнообразия в обществе;
- консервативной, для мужей, людей возмужалого возраста. Консервативная партия состоит из людей, строго чтящих традиции, законы, обычаи и нормы жизни;

- абсолютистской — партии старческого возрастного типа. К абсолютистской партии принадлежат те, кто утратил способность к саморазвитию и кому жизнь видится как процесс тщательного соблюдения всех предписаний и формальностей, исключающих какие-либо перемены.

В произведении «Учение Теодора Ромера о партиях» теория партий также рассматривается сквозь призму человеческой психологии. Здесь указывается на то, что несовершенство человеческой природы, «частично мудрой, неудовлетворенной», оказывает влияние на партийный генезис. Помимо борьбы между партиями идет постоянная борьба внутри партии с экстремистскими наклонностями личности. И если они одерживают верх, то партия трансформируется во фракцию. А так как людская природа одинакова, то, соответственно, все фракции ведут себя одинаково.

Отмечается контраст между партийным руководством и самой партией. То есть партийное руководство не всегда находится в духовном единстве с партийцами, а часто противопоставляет себя им.

Так как партии являются слабой копией государства, то в соответствии со своим «духом» народ имеет и соответствующие правительства.

С точки зрения двойственности человеческой природы рассматриваются как две параллели партии государства и партии церкви. Так как человек относится и к церкви и государству, то он несет в себе каждое отдельное стремление, которое приводит его к одной из сторон. А сама партийная борьба партий государства повторяется в партиях церкви. Либерализму и радикализму противопоставляется консерватизм, который связан с религиозными элементами. При этом внутри четырех течений также идет борьба стремления духа со стремлением характера, которые относятся к восходящей и нисходящей линиям.

ЧЕТЫРЕ ТИПА ПАРТИЙ¹

Вторая глава. Принцип партий

13.

Высшим проявление человеческого духа является государство. «Человек по природе своей существо политическое».

Если это истина — то должно быть, наоборот, государство содержится в человеческом духе, и, таким образом, основа и государственный порядок могут быть найдены только в «устройстве» нашего духа.

14.

В сути человеческого организма лежит полностью, таким образом, государственный организм. С неизбежностью он строился из его элементов и законов, и все, что принадлежит ему, принадлежит также и партиям; и это все можно найти только внутри его объяснений и пояснений.

¹ Печатается по: Фридрих Ромер совместно с Теодором Ромером. Четыре типа партий. Цюрих, 1844. С. 1—34. Перевод О. Г. Тругубовой.

15.

Рассматривая государственный аппарат в деталях, не известно ни одной партии. Они могут предполагаться во всех его классификациях<...>, но проявляются в тот момент, где предполагается развитие государства. <...>

16.

Партии, таким образом, не имеют элементов государственного аппарата, чтобы быть незримо связанными с жизнью государства. <...>.

19.

Происхождение партий вытекает, таким образом, из органического развития человечества, то есть из периодов жизни человеческого духа.

20.

Эти периоды жизни являются видимым выражением возраста.

21.

Само развитие, то есть как развертываются эти различные периоды в определенной последовательности, и есть история. Эти периоды, как независимые, но существующие рядом друг с другом, организации, и являются партиями.

Третья глава. Принцип партий. Периоды человеческого развития

22.

Во все времена существовало четыре периода человеческого развития, соответствующие закону, который заложил природу во все их со-творение: детство, юность, зрелость, старость.

23.

Этому закону равно подчиняются и тело, и душа. Душа и тело идут рядом друг с другом, и когда душа иногда опережает тело, таким образом, каждый раз снова создается здоровая организация равновесия. Где это не происходит, возникает либо бессилие, как в раннем детстве, либо смерть.

Что нас занимает, является только развитием духа; это детство, юность, зрелость, старость в духовном смысле.

24.

Вся жизнь человечества походит одной половиной на восходящую линию, а другой — нисходящую. До середины жизни идет постоянный

подъем, время роста; рост достигает своей вершины, затем следует период застоя и спад. Вся деятельность, общественные движения, творческие силы принадлежат восходящей линии; все размеренные, содержательные, неподвижные силы — нисходящей линии. Под восходящую линию попадают детство и юность (молодые люди), под нисходящую — зрелость и старость. Момент перехода из юности в зрелый возраст указывает на пик роста, на котором развитие прекращается.

25.

Всякий раз душа ее при этом господствовала в такой манере, что в разные периоды преимущественно проявлялись разные ее стороны: то есть в детстве и юности проявлялась ее деятельная сила организма (активная, продуктивная), а в зрелости и старости господствовала — перерабатывающая (репродуктивная, пассивная).

26.

Таким образом, в процессе жизнедеятельности уравниваются, с одной стороны, детство и юность, а с другой — зрелость и старость. Первые два периода являются продуктивными, последние два — спокойными. Несмотря на это каждая пара сама по себе бесконечно различается.

Кто исследовал человечество, знает, эту трещину, которая разделяет детство и юность, зрелость и старость. Когда в таком случае уравниваются детская и юношеская жизнедеятельность, то они являются тем не менее разделенными по своему содержанию. Когда старость и зрелость разделяют пассивность душевных сил, то тем меньше они имеют общего материала этой силы. В этом материале проявляются два средних периода (юность и зрелость), во многом более сходные, чем зрелость и старость: да еще больше на этом материале соприкасаются первый и последний периоды (старость и детство), тем дальше они стоят друг против друга.

27.

Абсолютно истинная жизнь покоится только на юности и зрелости. Только в юности заложена содержащаяся [в ней] сила, а в зрелости полное спокойствие сил. <...> Детство несет в себе все, в своем зародыше, что порождает позднее время: но его жизнь является только подготовкой, только обозначением, только основанием для грядущего.

Старость в противоположность уже пробежала все изобилие жизни; и жизненные силы иссякли. Ее покой не является покоем силы, она является покоем окончания; и как детство не живет независимой жизнью, а только одной подготовительной, так старость живет одной завершенной, однако одной отторгнутой. Ее жизнь является бесцельным существованием, как детская сила представляет собой мнимую силу: детство существует, благодаря опоре, без знаний — в будущем; старость суще-

ствует в воспоминаниях без творчества — в прошлом: высшей жизнью, настоящей является только (в молодом и старшем возрасте) зрелость.

28.

Когда исследуется деятельность духа в отдельные периоды, то выясняется большая двойственность, которая заложила природу во все свои творения на основе контраста мужчины и женщины, а также еще внутри развития отдельных людей.

Детство и старость похожи соответственно на женщин, юность и зрелость — на мужчин. Обычного практического опыта достаточно, чтобы это увидеть.

29.

У детства, так же как и у женщин, преобладают фантазии и эмоции над строгостью духовных сил. Дух детства, как и женский дух, существует в созерцании своего характера, как женский, более восприимчив, чем силен. Исходя из этой логики, оба равноудалены; также невозможно убедить как женщину, так и ребенка посредством оснований, одинаково легко их учить посредством фактов. Привлекательными и преданными, очаровательными и душевными, однако также капризными являются дети и женщины.

Так проявляется в детстве активная женская сторона организма. Ее оборотная сторона пассивность, указывающая на возраст.

Старый человек имеет женскую раздражимость своей сущности, сноровку в своих действиях, надежность и холод исчислений, быстроту и качество охвата, нехватку продуктивности вообще. Одинаково по-женски он представляет собой тонкость и искусство; одинаково с ней действует и руководит посредством своего появления и манипулирует границами морали и этикета. <...> Хитрый и ловкий, как женщина, любит он интриги, как она, он понимает, как незаметно руководить другими, и он разделяет с ними настроение и слабости характера.

30.

Ребенок и старик, так как оба по-женски образованы, внутренне соприкасаются, несмотря на внешнее отдаление. Ребенок не погодом умный, а старик по-детски раздражителен. Эти крайности развития сталкиваются вместе.

Прямыми и очень близкими в душе являются и еще в придачу родственными во внешнем возрасте юность и зрелость.

В юности действует, прежде всего, порождающая сила с многообразием ее стремлений, мужеством и огнем активности, потом умеренный дух в своем высшем расцвете, классифицирующий, организующий понимание и с его властью речи.

Старый человек перерастает в создание с охранительной силой, как в душе, так и в характере. Охват исследования и ясность познания покидают его; и как юность раскаленного духа, так он несет в себе благодарное сердце и глубочайшие предчувствия людей. <...>

31.

Отсюда теперь возникает, естественно, смена следующего способа. Жизненные периоды восходящей линии находятся по отношению к тем, что относятся к нисходящей линии, в естественном, даже враждебном противостоянии, поскольку они отделились из-за своеобразной манеры души. Детство и юность, с одной стороны, будут противоречить зрелости и старости, с другой стороны.

32.

Молодой человек рассматривает детство с пристрастием, которое внушает ему схожесть развития, но он смотрит на него сверху вниз и доминирует над ним. Он рассматривает старого человека, как кого-то другого, исходя из его отличающейся сущности, хотя он уважает его и чувствует внутри последнего равенство душевных стремлений.

<...>

Внешне ребенок находится бесконечно далеко от старика, но внутренне все-таки очень близко, отсюда оба чередуются между отталкиванием и притяжением, между горькой неприязнью и тесным обществом.

Бесконечно далеко находятся друг от друга взрослый человек и ребенок, молодой человек и старик.

Ребенку недостает понимания взрослого, так как различны и форма и содержание их души. Также мало и по этой же причине юность способна любить старость. Жар молодости разбивается о холод старости; в стремлениях и действиях их разделяет глубочайшая трещина.

Ребенок активностью своего женского характера является полной противоположностью спокойствию зрелого человека; юность в оживленности своей мужской силы образует резкий контраст по отношению к пассивной слабости старого человека.

33.

Однако как в естественном ходе это развитие протекает отдельно, так и отпечатывается оно также в первоначальной природе индивида.

Имеются люди, которые как рождаются детьми в душе и по характеру, так и остаются ими в течение всей жизни. Другие являются всегда юными, иные — зрелыми, а третьи — от рождения старики. Таким образом, например, Перикл был всегда юношей, Цезарь — зрелым мужчиной, Альцибиадес — ребенком, Аугустус — стариком от рождения.

34.

Большинство людей не являются органичными, а смешанными, сложными; то есть в характере, например, ребячество, в душе зрелость, либо в душе старость, а в характере — юность. <...>

35.

Детство и старость, как мы видим, только половина жизни, полнота жизни, цветы и плоды принадлежат среднему возрасту. Человек высшее творение природы. Природа, однако, порождает как человек-художник, только редкие ее творения являются высшими, а часто они небольшие. Творческая первосила, живой мыслью которой мы являемся, предполагает тысячу несовершенных индивидов, порождая тысячу жизней до ее одной идеальной. Таким образом, она идет в мир растений, в животный мир и также во внутрь человечества к произведению.

Большинство людей рождаются от природы детьми или стариками. И только меньшинство представляют собой характер зрелого человека, еще меньше — по духу зрелого человека, меньшинство — полностью совершенные люди.

36.

Когда я, таким образом, узнаю, как думает, поступает и чувствует ребенок, когда он такой, — это говорит мне о развитии, поэтому я могу учитывать мудрость человека, который кажется мне рожденным ребенком. Одним словом: в этом я изучаю четыре периода развития, которые соответствуют четырем основным партиям, в связи с чем человечество различается как в его индивидах, так и в его тенденциях (так как тенденции вытекают из характера).

37.

Это направление обнаруживается, согласно этому, во всем бытии и во всех устремлениях человечества; как в детстве, так и в старости, в мыслях и действиях, как в искусстве, так и в науке. Однако самоуверенно, т.е. как партии, они проявляются только на пике человечества, в церкви и государстве¹.

38.

Мы видим творческий принцип в юношестве, который поддерживается в зрелом возрасте, возникающий в детстве и завершающийся в

¹ Непосредственно церковные партии не могут быть внесены в область нашего исследования, так как его целью являются преобладающие политические. Но мы должны обратить внимание на религиозные и церковные явления ради духовного понимания партий. Церковь и государство идут рядом друг с другом как две параллели, которые несут в себе те названные партийные различия. Позднее будет идти речь об их различии и взаимосвязи.

старости. Детство — это радикализм, юношество — либерализм, зрелый возраст — консерватизм, старость — абсолютизм.

39.

Внешне близким, но внутренне дальним является либерализм радикализму, консерватизм — абсолютизму. Внешне далеко, но внутренне близко находится либерализм по отношению к консерватизму, радикализм — к абсолютизму. Непримиимо противостоит как внешне, так и внутренне радикализм по отношению к консерватизму, либерализм к абсолютизму.

40.

Имеются только два истинных принципа — это либерализм и консерватизм: принцип радикализма является бессодержательным, как детство, абсолютно безжизненным, как старость: оба могут быть вспомогательными (тот, когда он либерализм, этот оказывает поддержку, когда он консерватизм), никогда не являются самостоятельными элементами.

Таким образом, впрочем, только одна большая политика является мужской, будь она либеральная или консервативная (все другие являются женоподобными и маленькими — политика дерзости или интриги [радикальная или абсолютная]).

Есть только две партии, в которых заложена истинная жизнь для человечества.

41.

Партийная борьба.

Борьба восходящей линии против нисходящей, либерализм против консерватизма — плебеи против патрициев в Риме времен расцвета; радикализм против либерализма — английские радикалы против виггов; Абсолютизм против Консерватизма — Карлисты против Модерантис-тов в Испании, Тори против Умеренных в Англии, Консерватизм против Радикализма — мировая война Тори под управлением Пита против французской революции.

Либерализм против Абсолютизма — Лютер против папства своего времени, О'Коннел против Оранжевистов.

Радикализм и абсолютизм — борьба французской революции с монархией в прошлом столетии.

42.

Их альянсы:

Союз радикалов с либералами против других партий — Гибеллины в средневековье, Демократы в Афинах.

Абсолютисты с консерваторами — die Guelfen, аристократы и олигархи в Греции.

Либералы и консерваторы — Виги и Тори против радикалов; немецкий народ против Наполеона.

Радикалы с абсолютистами — Республиканцы и Легитимисты, бельгийская революция. <...>

УЧЕНИЕ ТЕОДОРА РОМЕРА О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ¹

214.

Содержание партии по отношению к человеку

Вопрос о происхождение внешней партии был отправным пунктом, из которого мы вышли. Он привел нас к познанию четырех внутренних направлений, которым обязан каждый человек, которые охватывают жизнь человечества со всех сторон и от чего партии в обычном смысле только отпечатки; и в зависимости от характера государства либо темные, либо яркие. <...>

Указанное видно на личностной составной части, из которой состоят партии, то есть ни в одно время не господствовал ни либерализм, ни консерватизм: как если бы существовали партии центра, которые выросли и превзошли бы крайности, чтобы господствовать со своей стороны вместо них. В партиях старины, как и партиях среднего возраста, всюду выступают только пороки, во всех уголках страны, все участки вырожденны борьбой за животную войну, это только темные мысли, которые протягиваются сквозь пристрастия масс.

Это является основанием. Экстремистские партии возникают в действительности из экстремистских личностей, которые могут составлять меньшинство из мужественных индивидов. Большинство партий строятся теми, кто присоединяется, основываясь на стремлениях одной «хорошей» национальности, инстинкте, традициях или связи с высшим принципом; личность и его сознание находятся в единстве.

Люди такой партии должны от этого бороться не только с массой, поскольку они борются против других партий, но они должны противодействовать постоянной силе принципа экстремистских наклонностей личности также внутри их собственной партии. Таким образом, как только это господство ослабевает, так зрелые партии (в которых большинство составляют незрелые индивиды, одолеваемые человеческими инстинктами) опускаются до фракций: и это является причиной, почему фракции во всем мире имеют одинаковую тактику; так как тактика с

¹ Печатается по: Учение Теодора Ромера о политических партиях. Цюрих, 1844. С. 310–360. Перевод О. Г. Трегубовой.

этого момента не может быть никакой другой, как та, которая находится в природе масс.

Но это приходит, когда индивидом оцениваются не только партийные различия, но и более или менее учитывается масса, через которую индивид выражается.

<...> Совершенство ребенка, совершенство старца представляют собой в своем роде больше, чем одна половина человека: и в этом смысле значимее быть господствующим руководителем фальшивого течения, нежели незначительным членом настоящего. Хотя в последнем остается нечто, что, впрочем, никогда не может достигнуть великого радикального: но полное описание низкой ступени показывает, что власть организма над несовершенным выражением высокого — это и есть власть, которую дает дух времени.

Поэтому можно ошибиться, если верить, что обозначения радикальный и абсолютистский проявляются на уровне неразвитого организма; в пределах этой ступени идет бесконечная ступенчатая линия — от простейшего до высшего творения. Не в идее, а в партиях, какими они обычно являются для нас в настоящем мире, лежит близкое значение предосудительности, которое связывается с этим обозначением, так как истинный мир обычно содержит только частично мудрые, разнородные, неудовлетворенные организмы. Редко встречаются разносторонне выраженные, еще реже совершенные люди <...>. Воплощением, в которых тенденция обрела плоть, являются люди своего тысячелетия мировой истории.

<...>

215.

Развитие народа и духа времени

Чтобы узнать партию, к которой принадлежит личность, всегда необходимо рассматривать положение, дух времени и развитие. <...>

218.

Партия и руководитель; народный дух и управление

Последнее явление вслед, за чем ведет практика политической жизни, является контраст между партийным руководством и самой партией.

Кто внимательно рассматривает личность в партийной жизни, найдет, что руководители партии отнюдь не всегда разделяют в своих личных взглядах тот же всеобщий характер. <...>

Либеральная партия побеждает, когда опыт консервативных руководителей понижает их выразительность, а консерваторы, когда сила либералов теряет свои позиции. Радикальные революционеры являются идеальным полем для старых интриганов (старикам легче всего командовать детьми), и «радикальный огонь» на месте при абсолютизме.

Конечным пунктом французской революции была диктатура абсолютизма; в Робеспьере мог бы сконцентрироваться Якобинец. Для правления Тори в мировой борьбе против революции не было никого пригодней в качестве энергичного молодого либерала, кроме молодого Пита. Нидерландской революцией руководил Вильгельм Швайгендер (Молчаливый), один из крупнейших консервативных дипломатов радикально-либеральной партии; и радикалы стоят во главе недавнего француско-абсолютистского восстания в Испании.

Но партии здесь являются слабой копией государства.

Каждое правительство, поскольку оно правительство, противостоит верноподанным, идет с народным духом в органическом противоречии.

Рассмотрим большие европейские государства. Англичане являются либералами. Правительство Англии не может быть другим, кроме как постепенным, сдерживающим и охранительным. Энергичный либеральный муж нигде не может быть так несчастен, как на троне в Англии. Англичанин требует у своего правительства тщательной защиты обычного права¹; он сам будет создавать, он будет творить свою историю <...>.

Француз, абсолютист в основе своего характера, будет управляться решительными радикалами. Когда он управлялся так, как правил им Наполеон, то он удовлетворен. Его правительство может быть насильственным и деспотичным, когда он видит сверху только радикальные принципы.

Русский, ребенок по своей сущности, должен управляться абсолютистски. <...>

Немецкий народный дух является сам по себе спокойным: он страстно желает активности от своего правительства. Правительства, которые ничего не делают, нигде не принесли дурного, так народ, который постоянно ожидает своего господства, никогда не хватается за исключительное право. Идеалом немецкого положения является активнейший либерализм, правящий на основе «перерабатывающего» народного духа; предприимчивые правители озабочены преданностью консервативным натурам. Все великие немецкие кайзеры, до Рудольфа фон Габсбурга, были либералами, это были не только личности, даже поколения. <...>

Но в правительстве лежат принципы и большое политическое движение. Франция в противоположность Европе будет радикальной, возможно, как при Наполеоне или Луи-Филиппе, а абсолютистская Россия, как при Александре или Николае. Это правительственный инстинкт. Англия, напротив, действует в отношении иностранных государств консервативно (между тем исторически-практически она признает каждую индивидуальную характеристику), и призвание немецкого государства заключается в том, чтобы поступать либерально.

¹ Обычное право — право, основанное на обычае (*юр. тер.*).

Когда дух времени радикальный, то он на первый план выступает в качестве противника абсолютизм. Однако с самого начала и в процессе борьбы консерватизм противится абсолютизму, потом содействует и поощряет либерализм. <...>

Шестая глава. Партии государства и партии церкви

233.

Мы сказали, что государство и церковь являются двумя параллелями, каждая из которых несет в себе названные различия. Вся жизненная борьба партий, вся жизнь, которая была предметом нашего описания, исполняются в церкви как в государстве: все четыре государственные характеристики повторяются в церкви.

<...>

В средние века гибеллины выступали как государственная партия, а гвельфы как партия церкви. В наше время радикализм и либерализм являются политически совершенно противоположны консерватизму, который связан повсюду с религиозными элементами. Даже в старину, которая не знает церковь в нашем смысле, нам живо описана спартанско-аристократическая партия, как сильно религиозная, и афинская демократическая — преимущественно, как свободомыслящая.

Откуда эта странная связь?

Противоположность либерального и консервативного, радикального и абсолютистского выступает в то же время как противоположность государства и церкви. И, тем не менее, мы знаем, что психологический принцип, из которого выходит первая противоположность, является совершенно отличным от того, на котором покоится последнее разделение.

Чтобы понять, нужно хотя бы отдаленно обозначать различия, как требует практическое знание. <...>

335.

Несмотря на то что только, в общем, человек несет в себе и знание и веру, каждый человек одинаково принадлежит и церкви и государству, и таким образом, несет в себе каждое отдельное стремление, которое ведет к одной из двух сторон. Поток жизни бежит либо в сторону земли, либо небес, либо к миру, либо к богу. Существуют и религиозные и земные, и церковные и политические натуры.

336.

Таким образом, выходит, что только четыре партии соответствуют двум сторонам. Во всем указанная двойственность ..., мы уже описали эту двойственность у каждой партии. Всюду мы видим знание и веру.

Мы видим радикальное мировое знание как негативную спекуляцию, либеральное — как духовно свободное знание, консервативное — как эмпирию, абсолютистское — как материализм. Мы рассматриваем радикальную веру, как сектанта, либеральную, как живую силу веры, консервативную, как твердую ортодоксию, абсолютистскую, как жесткий ортодоксизм.

Наглядно объясним противоположность на исторических примерах. Сравним стремление духа (научно-политические натуры) со стремлением характера (религиозно-церковная конституция):

- внутри радикализма: Руссо и Ла Меннайс;
- внутри либерализма: Лезинг и Лютер, кайзер Фридрих II и Грегор VII;
- внутри консерватизма: Лейбниц и Герсон;
- внутри абсолютизма: Вольтер и Лойола.

337.

Рядом с борьбой четырех типов партий идет борьба стремления духа со стремлением характера. Но не так, чтобы четыре партии церкви вели борьбу против четырех партий государства.

Ведется борьба стремления духа восходящей линии против стремления характера нисходящей линии, и наоборот.

Восходящая линия	Нисходящая линия
Радикализм. Либерализм	Консерватизм. Абсолютизм.
Первое трение	
Свободомыслие. Свобода духа. (Стремления духа восходящей линии)	Ортодоксия. Ортодоксизм. (Стремления характера нисходящей линии)
Второе трение	
Пиетизм. Религиозность (Стремления характера восходящей линии)	Эмпирия. Материализм. (Стремления духа нисходящей линии)

М. ВЕБЕР

1864–1920

Макс Карл Эмиль Максимилиан Вебер родился в Эрфурте в состоятельной семье крупного деятеля национально-либеральной партии. С детства Макс и его младший брат Альфред (тоже ставший известным социологом и экономистом) живо интересовались вопросами политики и партийной работы. Этот интерес они сохранили на всю жизнь.

Учась на юридическом факультете Гейдельбергского университета, Макс Вебер серьезно занимался политической экономией и экономической историей. В юриспруденции испытал влияние исторической школы (господствовала в Германии в конце XIX в.), которая ориентировалась не столько на построение единой теории, сколько на выявление связей экономики с правовыми, этническими, религиозными отношениями в процессе исторического развития общества. Такой подход противостоял методу классической английской политэкономии, основанному на принципах индивидуализма и утилитаризма. Но ведь и немецкое общество XIX в. с его остатками феодального уклада и бюрократизированным государством было так не похоже на английское. По окончании университета Макс Вебер готовится к научно-педагогической карьере. В этот период он издает свои первые, но уже достаточно зрелые работы: «К истории торговых обществ в средние века» (1889) и «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891), поставившие его в один ряд с наиболее известными представителями немецкой исторической школы и открывшими путь к преподавательской деятельности.

Следующий период своей жизни Вебер занимает кафедры в Берлинском (1892–1894), Фрайбургском (1894–1896), Гейдельбергском (с 1896) университетах; однако тяжелое душевное расстройство заставило его в 1898 г. прервать педагогическую работу, к которой он вернулся только перед самой смертью в 1919 г. (в Лионском университете).

После длительного лечения и стабилизации психического здоровья М. Вебер вместе с Вернером Зомбартом в 1904 г. начинает редактировать научный журнал «Архив социальной науки и социальной политики». Именно в этом издании выходит всемирно известная «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), а также статьи «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906).

Научные интересы Вебера в этот период чрезвычайно широки. Это история хозяйства, права, религии и искусства, экономика капитализма, социология культуры, религии, науки, города и даже музыки. Именно в это время (1909) Вебер выступает как один из основателей Немецкого социологического общества и становится членом его правления. Макс Вебер занимался не только теоретической политологией, но и живо интересовался положением дел в Европе, Америке, России. Он приветствовал переход России к конституционализму, хотя и критически

оценивал российскую действительность (статьи «К положению буржуазной демократии в России», «Переход России к мнимому конституционализму» (1906). Социалистической революции 1917 г. он не принял.

В 1919 г. как советник немецкой делегации М. Вебер участвовал в Версальских переговорах. После заключения мирного договора был привлечен Г. Пройсом к разработке Веймарской конституции. Он принимал участие в работе учредительного комитета Немецкой демократической партии, был одним из ее лидеров, но не нашел общего языка с партийным аппаратом.

Для политологии наиболее ценны исследования Вебера в области типов господства (легальное, традиционное, харизматическое), его анализ и оценка бюрократии, роли религиозной этики в социально-экономической деятельности людей, его прогнозы относительно будущего капитализма и социализма.

«Человеческий аппарат» партии, поставленный под контроль партийных боссов, может стать машиной для приобретения власти. «Создание таких машин, — замечает Вебер, — означает наступление плебисцитарной демократии». А фигурой, которая появляется на политической арене вместе с такой машиной, является «босс», т.е. политический предприниматель, обеспечивающий голоса кандидату в президенты. Таким образом, политические партии к концу XIX в. превратились в корпорации, т.е. могущественные, капиталистические, заорганизованные сверху донизу предприятия, опирающиеся на крепкие, организованные подобно ордену клубы типа «Таммани-холл», «целью которых является достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации».

ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ¹

[Кабинет как постоянная комиссия партии]

Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформулировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли *коллегиальные* высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными — «кабинетом» — и через

¹ Печатается по: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 659–660, 670–671, 672–673, 674–676, 676–680, 680–683, 684, 687.

их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета — или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, — благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть — как это в особенности имело место в Германии, — интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества *в противоположность* парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть державшей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она — как в Англии — пересиливала монарха. Здесь получил развитие «кабинет» во главе с единым парламентским вождем, «лидером», как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы — *партии*, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы — партии — и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к обществу, прежде всего парламентской общественности, — в ответственном за все решения вожде — главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая по-

средством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства. <...>

[Партия как предприятие претендентов]

Во всех сколько-нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с юридическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является предприятием претендентов (Interessentenbetrieb). Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, то есть в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами, например обязательностью участия в выборах, или «цеховым» (berufsständische) представительством, или другими предложениями такого рода, демонстративно или фактически направленными против этого факта, а тем самым против господства профессиональных политиков. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя — суть необходимые жизненные элементы любой партии. Однако структура их различна. Например, «партии» средневековых городов, такие, как гвельфы и гибеллины, представляли собой сугубо личную свиту. <...>

[Этапы генезиса партийной организации в Европе (партии—свита аристократии, партии—локальные политические клубы, современные политические партии)]

Эти партии в нашем обычном смысле первоначально тоже были, например в Англии, только свитой аристократии. Каждый переход в другую партию, совершаемый по какой-либо причине пэром, влек за собой немедленный переход в нее всего, что от него зависело. Крупные дворянские семьи, и не в последнюю очередь, король вплоть до Билля о реформе осуществляли патронаж над множеством округов. К этим дворянским партиям близко примыкают партии уважаемых людей, получившие повсеместное распространение вместе с распространением власти бюргерства. «Образованные и состоятельные» круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев Запада, разделились, частично по классовым интересам/частично семейной

традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили. Духовенство, учителя, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты — весь тот слой, который в Англии причисляет себя к gentlemen, — образовали сначала нерегулярные политические союзы, самое большое — локальные политические клубы; в смутные времена беспокойство доставляла мелкая буржуазия, а иногда и пролетариат, если у него появлялись вожди, которые, как правило, не были выходцами из его среды. На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах. Программы возникают частично из агитационных призывов кандидатов, частично в связи со съездами уважаемых граждан или решениями парламентских партий. В мирное время руководство клубами или, там, где их не было, совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство — побочная или почетная должность; только журналист является оплачиваемым профессиональным политиком, и только газетное предприятие — постоянным политическим предприятием вообще. Наряду с этим существуют только парламентские сессии. Правда, парламентарии и парламентские вожди партий знают, к каким уважаемым гражданам следует обращаться на местах для осуществления желаемой политической акции. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы (vereine) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов.

Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в действенности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины и даже если она растянута «доверенными лицами» по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан. Вне центрального бюро пока еще нет оплачиваемых чиновников; именно «видные люди» ради уважения, которым они обычно пользуются, повсюду руководят местными союзами: это внепарламентские уважаемые граждане, которые оказывают свое влияние наряду с политическим слоем уважаемых граждан — заседающих в данный момент в парламенте депутатов. Конечно, поставщиком духовной ниши для прессы и местных собраний во все

большей мере является издаваемая партией партийная корреспонденция. Регулярные членские взносы становятся необходимыми; часть их должна пойти на покрытие издержек штаб-квартиры партии. <...>

Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Предприятия берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся *вне* парламентов. Либо это «предприниматели» — например, американский босс и английский «election agent» были, по существу, предпринимателями, — либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимают выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают собрания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим «партийным съездом», может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто *непрерывно* ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов («Таммани-холл»). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат — «машина» (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) — или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора *вождей* партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление *плебисцитарной* демократии.

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения — постов или других преимуществ. От него — не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект *личности* вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом — это «призматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

Данная форма получила признание не сразу, а в постоянной подспудной борьбе с уважаемыми людьми и парламентариями, отстаивающими свое влияние. Сначала это произошло в буржуазных партиях Соединенных Штатов, а затем — прежде всего в социал-демократической партии Германии. Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим, но даже если он есть, нужны всякого рода уступки тщеславию и небескорыстию уважаемых людей партии. Но прежде всего и машина может оказаться во власти партийного *чиновника*, прибравшего к рукам текущую работу. <...>

[Становление партийных организаций в Англии]

Сначала обратимся к примеру Англии: там до 1868 г. основу партийной организации почти исключительно составляли уважаемые люди. Опорой тори в сельской местности был, например, англиканский священник, а помимо него — в большинстве случаев — школьный учитель и прежде всего крупный землевладелец данного графства; опорой вигам служили, как правило, такие люди, как нонконформистский проповедник (там, где такие были), почтмейстер, кузнец, портной, канатчик, то есть ремесленники, способные стать источником политического влияния, ведь с ними больше всего болтают обо всем. В городе партии разделились в соответствии с партийными воззрениями — частично экономического характера, частично религиозного, частично просто по семейной традиции. Но политическое предприятие всегда базировалось на уважаемых людях. Над ним «парили» парламент и партии совместно с кабинетом и лидером, который был председателем совета министров или главой оппозиции. У этого лидера всегда рядом находился самый важный профессиональный политик партийной организации, «загоняла» (whip), в чьих руках и был патронаж над должностями. Таким образом, в погоне за ними следовало обращаться именно к нему, об этом он договаривался с депутатами от отдельных избирательных округов. Постепенно в избирательных округах начал формироваться слой профессиональных политиков, ибо тут осуществлялся набор местных агентов, первоначально неоплачиваемых и занимавших примерно то же положение, что и наши «доверенные лица». Но избирательным округам понадобилась также фигура капиталистического предпринимателя — election agent, — совершенно неизбежного в современном английском законодательстве, гарантирующем чистоту выборов. <...>

В расстановке сил между лидером и уважаемыми людьми партии в парламенте и по стране первый с давних пор занимал в Англии весьма солидное положение, на что имелась важная причина: его способность проводить большую политику, и к тому же политику постоянную. Однако и влияние парламентариев и уважаемых людей партии еще сохранялось.

Так примерно выглядела старая партийная организация — наполовину хозяйство уважаемых людей, наполовину уже предприятие служа-

щих и предпринимателя. Но с 1868 г. сначала для местных выборов в Бирмингеме, а затем и по всей стране сформировалась система Caucus. Создали ее один нонконформистский священник и *Джозеф Чемберлен*. Поводом для этого явилась демократизация избирательного права. Чтобы привлечь на свою сторону наибольшее число избирателей, завоевать массы, необходимо было создать чудовищный аппарат союзов, имевших демократический облик, образовать избирательный союз в каждом городском квартале, держать это предприятие в непрерывном движении, все жестко бюрократизировать: больше становится наемных оплачиваемых чиновников, главных посредников между партийным союзом и массами с правом кооптации как формальных проводников партийной политики, избираемых местными избирательными комитетами, которые в скором времени объединили в целом около 10% избирателей. Движущей силой оставались местные представители, заинтересованные прежде всего в коммунальной политике, всюду позволяющей отхватить для себя самый жирный кусок. Они же в первую очередь пополняли финансы. Эта заново формирующаяся машина, независимая уже от парламентского руководства, в самом скором времени должна была повести борьбу с прежними носителями власти, прежде всего с whip'ом, и, опираясь на заинтересованных лиц на местах, одержала в этой борьбе такого рода победу, что whip вынужден был приспособиться и объединиться с ней. В результате вся власть сконцентрировалась в руках немногих, в конечном счете — одного лица, стоявшего во главе партии. Ибо в либеральной партии указанная система возникла в связи с приходом *Гладстона* к власти. Именно ослепительный блеск *Гладстоновой* «большой» демагогии, непоколебимая вера масс в этическое содержание его политики и прежде всего в этический характер личности Гладстона привели эту машину к столь стремительной победе над уважаемыми людьми. В действие вступил цезаристски-плебисцитарный элемент политики: диктатор на поле избирательной битвы. Данное явление обнаружило себя очень скоро. В 1877 г. Caucus впервые действовал на государственных выборах. Результат был блестящий: крушение *Дизраэли* в самую пору его больших успехов. В 1886 г. машина была уже настолько харизматически ориентирована на личность, что, когда встал вопрос о Гомруле, весь аппарат, сверху донизу, не спрашивал: стоим ли мы объективно на платформе *Гладстона*. Аппарат просто совершал повороты по слову *Гладстона*, заявив: «Что бы он ни делал, мы ему подчинимся», — и изменил своему создателю, *Чемберлену*.

Этому механизму потребовался значительный аппарат сотрудников. Как-никак в Англии около 2000 человек живут непосредственно за счет политики партий. Правда, гораздо более многочисленны те, кто участвует в политике лишь в погоне за должностями или в качестве претендента [на выборах], особенно в рамках общинной политики. Наряду

с экономическими возможностями у умелого политика, связанного с Caucus, имеются возможности удовлетворить свое тщеславие. Стать «J. P.» или даже «M. P.» — естественное стремление высшего (нормального) честолюбия, и таким людям, которые продемонстрировали хорошее воспитание, были «gentlemen», это выпадает на долю. Высшая награда, манящая в особенности крупных меценатов, — бюджет партии, пожалуй, на 50% состоял из взносов неизвестных дарителей, — достоинство пэра.

Каков же был эффект новой системы? Тот, что ныне английские парламентарии, за исключением нескольких членов кабинета (да каких-нибудь чудаков), суть не что иное, как отлично дисциплинированное голосующее стадо. У нас в Рейхстаге политики обычно, хотя бы разбываясь с частной корреспонденцией, лежащей у них на письменном столе, притворялись, что радеют о благе страны. Такого рода жесты в Англии не требуются; член парламента должен лишь голосовать и не совершать предательства партии; он должен появиться по требованию «зазывалы» и делать то, что ему прикажет в данный момент кабинет или лидер оппозиции. Caucus — машина, охватывающая всю страну, в особенности если в наличии есть сильный вождь, почти беспринципна и полностью в его руках. Итак, тем самым над парламентом возвышается фактически плебисцитарный диктатор, который посредством «машины» увлекает за собой массы и для которого парламентарии суть всего лишь политические пребендарии, составляющие его свиту. <...>

[Становление партийных организаций в США]

Так обстоит дело в Англии. Но английская Caucus-система представляла собой лишь ослабленную форму партийной организации, в сравнении с американской, особенно рано и особенно чисто выразившей плебисцитарный принцип. Америка *Вашингтона* должна была по идее представлять собой сообщество, управляемое «gentlemen». А gentlemen'ом и там в то время являлся землевладелец или человек, получивший образование в колледже. Так все и шло на первых порах. Когда образовались партии, члены палаты представителей сначала претендовали быть руководителями, как и в Англии в эпоху господства уважаемых людей. Организация партий была совершенно рыхлой. Это продолжалось до 1824 г. Уже к началу двадцатых годов произошло становление партийной машины во многих американских общинах (которые и здесь оказались местом возникновения современной тенденции). Но только избрание президентом *Эндрю Джэксона*, кандидата крестьян Запада, подорвало старые традиции. Формальный предел руководству партиями со стороны ведущих парламентариев был положен уходом, вскоре после 1840 г., из политической жизни крупных парламентариев — *Колхауна*, *Уэбстера*, — ибо по всей стране парламент в сравнении с партийной машиной потерял почти всякую власть. Столь раннее развитие в Амери-

ке плебисцитарной «машины» объяснялось тем, что там, и только там, главой исполнительной власти и — в том-то и дело — шефом патронажа над должностями оказался плебисцитарно избранный президент и что вследствие «разделения властей» он при исполнении должности был почти независим от парламента. И так, именно при президентских выборах победа обещала в качестве награды подлинную добычу — доходные должности. Так *Эндрю Джэксон* возвел в систематически повсюду применяемый принцип «spoils system».

Что же означает ныне эта spoil system — наделение всеми федеральными должностями свиты победившего кандидата — для формирования партии? То, что противостоят друг другу совершенно беспринципные партии, сугубо карьеристские организации, которые для каждой предвыборной борьбы составляют свои меняющиеся программы всякий раз в зависимости от шансов заполучить голоса — программы столь изменчивые, что такого положения, несмотря на все аналогии, больше нигде нет. Партии полностью и исключительно сориентированы на важнейшую для патронажа над должностями предвыборную борьбу: борьбу за пост федерального президента и за посты губернаторов отдельных штатов. Программы и кандидаты определяются на «national conventions» партий без вмешательства парламентариев — то есть партийными съездами, состав которых формально весьма демократично избран собраниями делегатов, обязанных, в свою очередь мандатом «primaries», первичным собраниям избирателей партии. Уже в ходе primaries выбираются делегаты для голосования за определенного кандидата в главы государства; *внутри* отдельных партий идет ожесточеннейшая борьба по вопросу о «nomination». Как-никак в руках президента сосредоточено назначение от 300 000 до 400 000 чиновников, которое он осуществляет только с привлечением сенаторов от отдельных штатов. Таким образом, сенаторы — могущественные в Америке политики. Напротив, палата представителей политически относительно безвластна, ибо она лишена патронажа над должностями, а министры — только помощники президента, легитимированного народом помимо всех (в том числе и парламента), — могут выполнять свои обязанности независимо от доверия или недоверия [палаты представителей] (следствие «разделения властей»). <...>

[Боссизм]

Итак, фигурой, всплывающей на поверхность вместе с этой системой плебисцитарной партийной машины, является «босс». Что такое босс? Политический капиталистический предприниматель, который на свой страх и риск обеспечивает голоса кандидату в президенты. Свои первые связи он может установить или в качестве адвоката, или как трактирщик или владелец подобных предприятий, или, например, как кредитор. Отсюда он продолжает плести свои нити, пока не окажется в состоянии «контролировать» определенное количество голосов. Добив-

шись этого, он вступает в контакт с соседними боссами, привлекая своим усердием и ловкостью, но прежде всего — скромностью — внимание тех, кто уже добился большего в карьере, и совершает восхождение. Босс необходим для организации партии. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее средствами. Как он на них выходит? Частично через членские взносы, но прежде всего через обложение налогом окладов тех чиновников, которые получили должность благодаря ему и его партии. Далее: через взятки и чаевые. Если кто-то захочет безнаказанно нарушить один из многочисленных законов, ему понадобится снисходительность босса, а за нее надо платить. Иначе у него неизбежно возникнут неприятности. Однако одно это еще не обеспечивает требуемого для предприятия капитала. Босс необходим как непосредственный получатель денег от крупных финансовых магнатов. Они бы вообще не доверили деньги для избирательных целей какому-нибудь оплачиваемому партийному чиновнику или общественно-подотчетному человеку. Босс с его разумной скромностью в денежных делах является, конечно, человеком тех капиталистических кругов, которые финансируют выборы. Типичный босс — абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; «профессионал» презираем в «приличном обществе». Он ищет только власти, власти как источника денег, но также и ради нее самой. Он трудится в тени — в противоположность английскому лидеру. Его публичную речь не услышишь; ораторам босс внушает, что они целесообразным способом должны высказать, но сам молчит. Как правило, он не занимает постов, за исключением поста сенатора в федеральном сенате. Ибо поскольку сенаторы, согласно конституции, участвуют в патронаже над должностями, руководящие боссы часто лично заседают в этом органе. <...>

[Современные политические партии — это партии-машины, партии-корпорации]

Итак, речь идет о могущественном капиталистическом, насквозь заорганизованном сверху донизу партийном предприятии, опирающемся также на чрезвычайно крепкие, организованные подобно ордену клубы типа «Таммани-холл», целью которых является исключительно достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации. <...>

Начиная с восьмидесятых годов буржуазные партии полностью превратились в корпорации уважаемых людей. <...>

Часть II

**СОВРЕМЕННЫЕ ПАРТОЛОГИ
О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ¹

Книга первая. Структура партий

Происхождение партий

Структура партий характеризуется многообразием. За одним и тем же понятием стоят три или четыре социологических типа, различающиеся по базовым элементам, способам их интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам. Первый из них соответствует «буржуазным» партиям XIX в., которые и сегодня все еще существуют в виде консервативных и либеральных партий. В США они продолжают полностью занимать политическую сцену (вместе с тем американские партии отличаются и весьма оригинальными чертами). Они базируются на небольших комитетах, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных; они не стремятся ни к умножению своих членов, ни к вовлечению широких народных масс — скорее они стараются объединять личностей. Их деятельность целиком направлена на выборы и парламентские комбинации и в этом смысле сохраняет характер наполовину сезонный; их административная инфраструктура находится в зачаточном состоянии; руководство здесь как бы распылено среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера; соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Партия занимается проблемами исключительно политическими, доктрина и идеологические вопросы играют весьма скромную роль; принадлежность к партии чаще всего основана на интересе или традиции.

* *Дюверже Морис* — один из основателей современной теории партий. Получил юридическое образование в Парижском университете, в котором и преподавал до последних дней жизни. Его самая известная работа «*Политические партии*» (1951) переведена на 20 языков мира.

¹ Печатается по: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 41–44, 47–48, 59–60, 65, 66–69, 71–72, 75, 78, 79–81, 85–88, 90–91.

Совершенно иначе построены социалистические партии континентальной Европы: они основаны на вовлечении максимально возможного количества людей, народных масс. Здесь мы обнаружим четкую систему вступления, дополненную весьма строгим механизмом индивидуальных взносов, что в основном и обеспечивает финансирование партии (тогда как для так называемых «буржуазных» партий первого типа источником средств чаще всего выступают пожертвования и субсидии каких-либо частных кредиторов — коммерсантов, предпринимателей, банков и других финансовых структур). Комитеты уступают место «секциям» — рабочим единицам более широким и открытым, важнейшей функцией которых помимо чисто электоральной деятельности выступает политическое воспитание членов. Массовость членства и взимание взносов требуют создания значительного административного аппарата. В такой партии всегда есть большее или меньшее количество так называемых «постоянных» — то есть функционеров, которые естественно тяготеют к превращению в своего рода класс и закреплению определенной власти; так складываются зачатки бюрократии. Личностный характер руководства здесь смягчен целой системой коллективных институтов (съезды, национальные комитеты, советы, бюро, секретариаты) с настоящим разделением властей. В принципе на всех уровнях царит выборность, но на практике обнаруживаются мощные олигархические тенденции. Гораздо более важную роль внутри самой партии играет доктрина, так как личное соперничество принимает форму борьбы различных идеологических течений. Кроме того, партия выходит далеко за пределы собственно политики, захватывая экономическую, социальную, семейную и другие сферы.

И уже в наше время коммунизм и фашизм создали еще более оригинальный социологический тип организации. В целом для него характерны: развитая централизация, противостоящая полуцентрализации социалистических партий; система вертикальных связей, устанавливающая строгую изоляцию базовых элементов друг от друга, которая противостоит любой попытке фракционирования или раскола и обеспечивает беспрекословную дисциплину; основанное на авторитарных принципах (назначение сверху и кооптация) руководство, роль парламентариев в котором практически равна нулю. И тот и другой отводят избирательной борьбе всего лишь второстепенную роль: их настоящая деятельность — иная, она разворачивается на почве непрерывной пропаганды и агитации. Они используют прямые, а подчас и насильственные методы: забастовки, восстания, путчи, etc. И те, и другие стараются приспособиться к условиям как открытой, так и подпольной борьбы, если государство применяет против них запреты и преследования. Оба основываются на жестких тоталитарных доктринах, требующих от членов партии не только политической приверженности, но и полного под-

чинения всего существа. Они не приемлют разграничения публичной и частной жизни, претендуя распоряжаться как той, так и другой. Обе партии развивают в своих членах нерассуждающую преданность, замешенную на мифах и преданиях религиозного толка, соединяя таким образом церковную веру и армейскую дисциплину.

Вместе с тем коммунистические и фашистские партии коренным образом отличаются друг от друга. И прежде всего по своей структуре: первые опираются на систему производственных ячеек, вторые — на своеобразную милицию, разного рода негосударственные военизированные отряды. И затем — по своему социальному составу: первые представляют себя как политическое выражение рабочего класса, передовой отряд пролетариата, борющегося за свое освобождение; вторые созданы как орудие защиты среднего класса и мелкой буржуазии с целью противостоять их вытеснению и захвату политической власти рабочим классом. Они различны, наконец, по содержанию своих доктрин и коренным принципам: коммунизм верит в массы, фашизм — в элиты; первый исповедует эгалитаризм, второй — аристократизм. Коммунизм исходит из оптимистической философии, веры в прогресс, твердой убежденности в цивилизаторской миссии техники; фашизм отличает пессимистическое воззрение на человечество, он отвергает сциентизм XIX в. точно так же, как и рационализм XVIII, и настаивает на ценностях традиционных и первозданных — общности расы, крови, почвы. Подсознательно эти высшие ценности олицетворяет для него не рабочий, а крестьянин.

Многие партии не укладываются в эту общую схему. И прежде всего — христианско-демократические, занимающие промежуточное положение между старыми партиями и социалистическими. Далее это лейбористские партии, созданные на базе кооперативов и профсоюзов по принципу не прямой структуры, которая нуждается в специальном анализе. Это аграрные партии, организационное разнообразие которых весьма велико, хотя они и не получили большого распространения. Это партии архаического и предысторического типа, которые встречаются в некоторых странах Востока и Среднего Востока, Африки или Центральной Европы (до 1939 г.). Простые клиентелы, складывающиеся рядом с влиятельными личностями; кланы, объединенные вокруг феодальных семейств; камарильи, собранные каким-то военным диктатором.

Глава первая. Инфраструктура партий

1. Прямая и не прямая структура

Сравним две партии: СФИО — современную французскую социалистическую и британскую лейбористскую 1900 г. Первая состоит из лиц, которые подписали заявление о приеме, ежемесячно платят член-

ские взносы и более или менее регулярно присутствуют на собраниях местной секции. Вторая была учреждена профсоюзами, кооперативами, страховыми кассами, кружками интеллектуалов — все они объединились для того, чтобы создать общую избирательную организацию: здесь нет членов партии, есть лишь члены базовых объединений — профсоюзов, кооперативов, страховых касс, etc. СФИО являет нам пример партии прямой; лейбористы 1900 г. — образец партии не прямой. Это различие применительно к партиям соответствует отличию унитарного государства от федеративного применительно к нации. В унитарном государстве граждане непосредственно связаны в национальной общности; точно так же в прямой партии сами ее члены без посредства каких-либо других социальных объединений образуют общность партийную. Напротив, в федеративном государстве граждане объединены в нацию через государства—субъекты федерации. Подобно этому и не прямая партия существует лишь как союз базовых социальных объединений (профессиональных или каких-то иных).

Формы не прямых партий

Две категории партий, как правило, принимают не прямую форму: социалистические и католические. У первых «тело» партии образуют рабочие профсоюзы, рабочие кооперативы, рабочие страховые кассы: партия приобретает характер общности, опирающейся на единственный социальный класс. Во втором случае партия представляет собой федерацию рабочих профсоюзов и кооперативов, крестьянских ассоциаций, союзов коммерсантов, промышленников, etc. Она объединяет различные социальные классы, каждый из которых сохраняет и свою собственную организацию. В той и другой категории встречается немало различных вариантов структур, любая партия имеет свое неповторимое лицо. Здесь можно ограничиться описанием нескольких конкретных примеров, связанных с общими тенденциями: из социалистических партий — это британская лейбористская и бельгийская Рабочая партия, а из католических — бельгийский Католический блок и австрийская Народная партия.

Существует и третья категория не прямых партий — партии аграрные, где сельскохозяйственные профсоюзы и кооперативы играют ту же роль, что рабочие объединения такого рода — в социалистических. Однако ни одна из них не достигает столь высокого уровня организации, как последние: не прямая форма выступает у них всего лишь в качестве основной тенденции, которая никогда не реализовывалась до конца, а зачастую и вообще сохраняла лишь эмбриональный характер. Тем не менее можно назвать в качестве иллюстрации аграрные партии Балканских стран, особенно болгарскую Аграрную партию, австралийскую Сельскую партию, скроенную точно по лекалу британской лейбористской, фламандскую Крестьянскую лигу — ветвь Католического блока в 1921–1939 гг. <...>

II. Базовые элементы

Партия — это не просто общность, но совокупность общностей, множество рассеянных по стране малых объединений (секций, комитетов, местных ассоциаций, etc.), связанных координационными институтами. Термин «базовые элементы» и означает эти исходные составные клетки партийного организма. Противоположность прямых и непрямых партий характеризует горизонтальный срез; понятие базового элемента — срез вертикальный. Каждое из корпоративных или профессиональных объединений, составляющих непрямую партию, само представляет собой совокупность базовых элементов: профсоюзов, кооперативов, крестьянских союзов, локальных лиг средних классов и т.д.; сами по себе они не имеют политического характера, а партия сверху донизу выглядит всего лишь их агломерацией. С другой стороны, не будем смешивать базовые элементы — эти материнские клетки партии, и так называемые придаточные организмы — институты, которые тяготеют к ней, существуют, так сказать, в ее силовом поле, и созданы либо для объединения сочувствующих, либо для усиления связей со своими собственными членами (молодежные движения, женские организации, спортивные лиги, культурные учреждения и т.д.). К тому же не всегда легко установить различие между ними и профессиональными и корпоративными общностями, союз которых образует непрямые партии: профсоюзы, например, выступают то как придаточные организмы (прямой партии), то как одна из ветвей самой партии (непрямой). И только всесторонний анализ партийной структуры в каждом конкретном случае позволяет дать правильную оценку.

Базовые элементы любой партии представляют собой оригинальные структуры. Комитет французских радикал-социалистов, секция СФИО, комитеты и избирательные агенты американских партий, ячейки коммунистических партий, «фашии» итальянской фашистской партии — все эти институты коренным образом отличны друг от друга. Каждая партия имеет свою собственную структуру, которая почти не похожа на структуры других. И тем не менее можно выделить четыре крупных типа базовых элементов, к которым можно свести большую часть существующих партий: комитет, секция, ячейка и милиция¹

Комитет

Этот французский термин обозначает почти ту же реалию, которая в англосаксонской терминологии именуется *caucus*. Комитет отличается прежде всего своим закрытым характером. Он невелик по численности и не стремится ее увеличить. Он не ведет никакой пропаганды с це-

¹ *Milice* (фр.) — милиция, ополчение, армия, войско, военизированный отряд. — *Прим. пер.*

люль привлечь пополнение. Он, кстати, вообще не занимается членами партии в настоящем смысле этого слова, ибо комитет — это ограниченная и закрытая группа; в нее не может войти всякий, кто пожелает: вернее будет сказать, что сюда проникают лишь путем своего рода негласной кооптации или формального выдвижения. Несмотря на келейный характер, комитет тем не менее может располагать большой властью. Его сила — не в количестве членов, но в их качестве. Он представляет собой объединение нотаблей.

Комитет функционирует на довольно большой территории, которая обычно соответствует избирательному округу. Во Франции комитеты действуют в основном в рамках округа, который был основной политической единицей во времена Третьей республики. В Америке комитеты по-прежнему играют важную роль на уровне графств, где происходят выборы на главные административные посты, занимаемые посредством *spoils system*.

Активность комитета носит циклический характер: она достигает максимума в период выборов и значительно снижается в перерывах между ними. В итоге комитеты имеют переходный характер: это не случайное объединение, созданное на одну избирательную кампанию и исчезающее вместе с ней; но все же это пока еще и не вполне постоянный институт, подобный современным партиям, которые никогда не прекращают агитации и пропаганды. <...>

Американские партии с некоторыми оговорками можно считать базирующимися на основе комитетов. Следовало бы к тому же отличать комитеты, входящие в официальную иерархию, начиная от комитетов графств, городских районов или городов — и так вплоть до Национального комитета, и комитеты официозные, негласно создаваемые боссами и машинами. Это по-прежнему небольшие группы нотаблей, личное влияние которых несопоставимо с их числом, и эти нотабли включены в машину по принципу все той же классической системы прямых комитетов. Тот факт, что эти нотабли часто принадлежат к особой породе профессиональных политиков, ничего не меняет. Таким образом, американские партии в целом имеют весьма архаичную структуру. <...>

Секция

Уже сам термин «секция» обозначает базовый элемент, гораздо менее децентрализованный, чем комитет: секция (отделение) — не что иное, как часть целого, ее самостоятельное существование немислимо; напротив, сам термин «комитет» указывает на автономную реальность, которая может существовать изолированно. На практике видно, что партии, основанные на секциях, более централизованны, чем те, базовым элементом которых является комитет. Но глубокой оригинальностью отмечен не только способ интеграции секций в единое целое, но и сама их структура. В этом смысле можно было бы дать определение сек-

ции, просто черта за чертой противопоставляя ее комитету. Характерная особенность комитета — келейность, секции — широта охвата: она стремится привлечь сторонников, умножить их число, увеличить свой состав; секция не пренебрегает качеством, но количество заботит ее прежде всего. Комитет представляет собой закрытую группу, куда входят только путем кооптации или делегирования — секция широко открыта. Практически, чтобы в нее войти, достаточно этого пожелать. Разумеется, большинство партий устанавливает правила приема, определяет условия вступления, как мы это далее увидим; но эти правила в основном существуют теоретически, по крайней мере при системе секций (это меньше касается системы ячеек). Комитет объединяет только нотаблей, выдвинувшихся в силу их влияния — секция обращает свой призыв к массам.

Секция ищет путей контакта с массами, вот почему ее территориальная база часто более ограничена, чем у комитета. Во Франции, например, комитеты чаще всего функционируют на уровне округа; секции учреждаются в рамках коммуны. В больших городах они имеют тенденцию разрастаться даже за счет кварталов. Некоторые партии (но не все) допускают в секциях и более мелкие подразделения, что позволяет надежнее охватывать членов партии: это «блоки» и «дома» немецкой и австрийской социалистических партий, «группы» французской социалистической партии. Однако можно отметить некоторое недоверие к слишком мелким подразделениям, порождающим соперничество и анархию: так, устав французской социалистической партии, унифицированный в 1905 г., утверждал примат секции над группой, лишая последнюю всякой автономии с целью противодействовать раздорам между группками, которые так ослабляли прежние социалистические партии. Наконец, постоянство секций противостоит периодичности деятельности комитета. За исключением выборной кампании, комитет пребывает в состоянии спячки, его собрания эпизодичны и малоплодотворны. И напротив, активность секций, исключительно высокая в период выборов, остается значительной и регулярной и в интервале между ними. Секции социалистов собираются раз в месяц или даже каждые 15 дней. И сами их собрания носят иной, чем у комитетов, характер: речь идет не только об избирательной тактике, но и о политическом воспитании. Партийные ораторы приходят сюда для обсуждения с членами секций самых различных проблем; за докладом обычно следует дискуссия. Конечно, как показывает опыт, эти дискуссии имеют обыкновение уклоняться в сторону незначительных местных и избирательных вопросов; но партии обычно прилагают достойные усилия, чтобы противодействовать этому и отводить основное время дебатам о доктрине и темам, вызывающим общий интерес.

Поскольку секция представляет собой более многочисленную группу, чем комитет, она обладает и более совершенной внутренней организаци-

ей. В комитете иерархия весьма элементарна: обычно там обозначена личная роль шефа — и только. Эта роль иногда оказывается решающей: в США комитет — зачастую всего лишь окружение босса. Иногда есть функции и официальные титулы: председатель, вице-председатель, казначей, секретарь, архивист. Но речь вовсе не идет о строгом распределении обязанностей; это скорее почетные знаки отличия (титул председателя пользуется особым престижем). В секции же иерархия более определена и распределение обязанностей более четкое. Имеется бюро, организованное для руководства объединением членов; под этим понимается, как минимум, секретарь, обеспечивающий созыв и определение повестки дня, и казначей, который ведает сбором членских взносов. Бюро регулярно обновляется с помощью выборов, как мы далее увидим.

Секции — это изобретение социалистов. Создававшиеся с чисто политическими целями и на основе прямой структуры, социалистические партии естественно избрали ее в качестве базового элемента своей деятельности. Некоторые непрямые социалистические партии также приняли ее: например, в Бельгии инициативная группа Рабочей партии была сперва местной рабочей Лигой, объединившей членов профсоюза, страховых касс, кооператоров; многие из них входили одновременно в несколько организаций. Это умеренный вариант непрямой структуры, он близок к прямой партии, располагающей множеством придаточных организмов, призванных усилить охват приверженцев. Выбор секции для социалистических партий стал совершенно естественным. Ведь они были первыми, кто преследовал цель организовать массы, воспитать их в политическом отношении и выделить из их среды новые — народные — элиты. Секции соответствовали всем трем этим требованиям. По отношению к комитету — органу политического самовыражения буржуазии — они возникли как естественная форма политического самовыражения масс. Однако и в массе отнюдь не все принимали идею социализма, и различные буржуазные партии попытались привлечь этот контингент к себе, действуя теми же самыми методами, которые принесли успех рабочим партиям. Во многих странах партии центра и даже правые именно таким образом трансформировали свою структуру, заменив комитеты секциями в качестве базового элемента. Почти все новые партии, а равно и многие старые, последовали этой тактике — интересный пример заимствования структур.

Однако результаты такого заимствования ограничены. В большинстве консервативных и центристских партий, принявших систему секций, последняя существовала больше в теории, чем на практике. Периодичность сборов, как правило, была низкой (общее собрание один раз в год, по уставу христианско-социалистической партии Бельгии, например; в то же время из 677 секций, существовавших в Валлонии в 1948 г., 233 собирались даже не каждый месяц). Регистрация членов и регуляр-

ность уплаты взносов никак не контролировались: так что кроме бюро и небольшого ядра активистов, никто точно не знал, что же делает остальная часть секции. Это ядро нередко значительно сокращалось, так как отсутствие на собрании строго каралось (существовала целая шкала наказаний); фактически собрания секций иногда не очень-то отличаются от заседаний комитета, если говорить о количестве присутствующих. Настоящий базовый элемент партии — это по существу бюро секции, которое регулярно собирается и обеспечивает повседневное функционирование партии. Так называемое бюро — не что иное, как комитет несколько специфического типа, а под видом секции вообще продолжает здравствовать чуть изменивший свою форму, несколько омолодившийся добрый старый комитет. <...>

Ячейка

Две главные черты отличают ячейку от секции: база объединения и количественный состав. Как и комитет, секция строится на местной основе, несколько более узкой, правда, но всегда географически определенной. Ячейка же формируется по профессиональному принципу: она объединяет членов партии по месту работы. Так, различают ячейки заводов, мастерских, магазинов, бюро, администрации. Место жительства членов ячейки не имеет значения: в больших городах, где много предприятий, использующих живущих в предместьях рабочих, члены одной и той же ячейки могут дать по этому признаку достаточно большой разброс. Особенно это характерно для ячеек, складывающихся в каких-либо особых обстоятельствах: например, «бортовые ячейки», которые объединяют моряков одного судна. В то же время наряду с производственными в силу необходимости существуют и локальные ячейки. Это либо объединение изолированных рабочих (в коммунистических партиях нужны всего три члена партии на предприятии, чтобы учредить ячейку), либо группы членов партии, которые работают индивидуально: ремесленники, врачи, адвокаты, коммерсанты и промышленники, фермеры. Такие ячейки в силу своей определенной географической привязки сходны с секциями. Но их база гораздо уже: это не коммуны, а деревни и поселки, кварталы, улицы, жилые дома (в городах с большим скоплением населения). Но подобного рода ячейки всегда носят вспомогательный характер: настоящая ячейка — это ячейка производственная, объединяющая членов партии по месту работы.

Количественно ячейка гораздо меньше секции. В среднем населенном пункте численность секции обычно превышает сотню членов, но нередко в ней насчитывается несколько сот и даже тысяч членов. Ячейка же никогда не должна достигать сотни. <...>

Наконец, отметим, что ячейка идеально подходит для подпольной деятельности. Секция к ней мало пригодна, так как здесь тайное действие сталкивается с неразрешимыми трудностями: возьмите, к приме-

ру, оповещение каждого члена или назначение места сбора. В ячейках эти трудности легко преодолимы: ее члены встречаются каждый день на месте работы, им очень просто контактировать в любой момент, и почти никогда нет необходимости собираться всей группой. Можно без труда передать пароль, провести короткие тайные совещания при входе и выходе с предприятия — достаточно только увеличить количество ячеек, уменьшив численность каждой. Эта приспособленность ячейки к подпольной работе совершенно естественна, ибо она была создана именно для такого рода деятельности. Ячейки существовали, например, на русских заводах до 1917 г. — маленькие кружки, преследуемые полицией, которые ценой огромного риска вели революционную пропаганду. Вместе с тайными кружками интеллектуалов именно они составили фундамент русской социал-демократической партии. Когда фракция большевиков пришла к власти и была преобразована в коммунистическую партию, она сохранила ячейку, которая представляла собой прервосходную базу для организации и воспитания пролетариата.

Секции были детищем социалистов, ячейки — изобретением коммунистов. Точнее, они были изобретением партии русских коммунистов, которое III Интернационал навязал затем всем коммунистическим партиям мира. <...>

По отношению к рабочим партиям это, конечно, обоснованно. Секция организует людей, если так можно выразиться, небрежно, поверхностно, от случая к случаю. Ячейка же, напротив, в силу своих параметров и стабильности обеспечивает регулярный, тесный, основательный охват. <...>

Выбор ячейки в качестве организационной основы партии влечет за собой глубокую эволюцию самого понятия политической партии. Орган, предназначенный для завоевания голосов, связи с избранными, поддержания контакта между ними и избирателями, превращается в инструмент агитации, пропаганды, организации масс и, возможно, — подпольного действия, для которого выборы и парламентские дебаты всего лишь одно из многих средств борьбы, и притом средство второстепенное. Не будет излишним подчеркнуть смысл подобной трансформации: она означает разрыв с существующим политическим режимом и органами, которые он создал для обеспечения своего функционирования. Становление всеобщего избирательного права и парламентской демократии породило политические партии; но эволюция этих партий придала некоторым из них структуру, способную устранить и выборы, и сам парламент. <...>

Милиция

Разрыв с электоральным и парламентским действием еще более очевиден у тех политических партий, которые взяли в качестве базового элемента милицию — род внутренней армии, члены которой организо-

ваны по-военному, подчинены той же дисциплине и получают ту же подготовку, что и солдаты. Они одеты в униформу со знаками различия, умеют, как солдаты, маршировать под музыку и со знаменами впереди; они способны повергнуть противника и оружием, и средствами психического давления. Но члены этих отрядов остаются гражданскими лицами; за некоторым исключением, они не мобилизованы и не находятся на содержании организации, их просто вызывают на сборы и регулярные тренировки. Они должны быть всегда готовы предоставить себя в распоряжение своих вождей. Среди них обычно выделяют две категории: одни составляют подобие активной армии, а другие — только резерв. Например, в СА, гитлеровских штурмовых отрядах, активная категория созывалась три-четыре раза в неделю и почти каждое воскресенье для пропагандистских маршей или охраны политических собраний; милиционеры старше 35 лет или те, кого отвлекали профессиональные обязанности, были сгруппированы в отдельные части и несли менее обременительные повинности. Точно так же в организации итальянских боевых фаший, созданной в 1921 г., различались активные элементы *principii* и *triari* — нечто вроде территориальных подразделений, предназначенных для второстепенных целей.

Военный характер милиции обнаруживается не только в ее составе, но и в ее структуре. Она основана на небольших базовых группах, которые агломерируются в пирамиды и образуют все более крупные соединения. В национал-социалистских СА исходным элементом была команда (*schar*), включающая от 4 до 12 человек; объединение от 3 до 6 команд составляло взвод (*trupp*), 4 взвода — роту (*sturm*); две роты — батальон (*sturmbaum*); от 3 до 5 батальонов — полк (*standarte*), личный состав которого достигал от 1000 до 3000 человек; 3 полка составляли бригаду (*untergruppe*); от 4 до 7 бригад — дивизион (*gruppe*); каждый дивизион соответственно относился к одной из 21 германских земель. В основе союза ветеранов Рот Фронт, милиции Германской коммунистической партии (распущенной в 1921 г. и позже восстановленной в виде Лиги антифашистской борьбы), были группы по 8 (позже по 5) человек, живущих в одном квартале, по возможности — в соседних домах, чтобы в случае необходимости их было легче собрать. Четыре группы составляли секцию (*abteilung*), а три секции — товарищество (*Kamaradschafts*). Фашистская организация Муссолини копировала тот же самый образец; базовой единицей выступали боевые команды (*squadri di combattimento*), сгруппированные в отделения, центурии, когорты и легионы — терминология заимствовалась из римской истории.

Никакая политическая партия никогда не строилась на основе одной только милиции. Наряду с отрядами СА в немецкой национал-социалистической партии были и производственные ячейки, и секции классического типа; так же обстояло дело и в итальянской фашистской партии, даже

в период сквадризма — всесилья и погромных акций фашистских боевых команд, а тем более — в коммунистической партии Веймарской республики, где ротфронтская милиция играла роль охраны. <...>

III. Способы интеграции базовых элементов в единую структуру

Слабая и сильная структура

Сравним партию французских радикал-социалистов и христианско-социальную партию Бельгии, каждая из которых являет собой репрезентативный тип определенной организации партий. Структура первой весьма слабая. Партия состоит в основном из комитетов, федераций и газет, коллективно в нее принятых. По общему правилу, только департаментские федерации могут входить в партию непосредственно, поскольку устав допускает вступление комитета лишь в том случае, если он внесен в списки федерации, даже если он в департаменте единственный. Но в уставе никак не регламентированы внутренняя структура этих федераций и способ интеграции комитетов в их рамках: каждая федерация может строиться по собственному выбору. Не более четко определены и принципы интеграции самих федераций в партию. Устав, правда, фиксирует представительство на съезде и в Исполнительном комитете, но тоже не строго. До войны 1914 г. состав съезда формировался на основе партийных избранников и делегатов газет, комитетов и федераций — однако ни количество этих делегатов, ни способ их выдвижения не уточнялись; сейчас любой член комитета или федерации, уплативший взносы, может получить «билет съезда» (за деньги) и присоединиться к вышеозначенным; кто угодно — или почти кто угодно — может таким образом участвовать в работе съезда.

Порядок образования Исполнительного комитета — наиболее значительного центрального органа — регламентирован ничуть не лучше. Он включает «членов по праву» и членов, избранных съездом. Члены по праву: сенаторы и депутаты партии, члены департаментских и муниципальных советов (от городов с населением свыше 50 000 жителей), почетные председатели и вице-председатели, председатели и экс-председатели, генеральные секретари и бывшие генеральные секретари, председатели и секретари департаментских федераций.

Члены, избранные съездом, до 1914 г. состояли из двух делегатов от каждого департамента и от каждых от 200 000 жителей. Затем съезд избирал от каждого департамента: 1) одного члена от 100 000 населения; 2) одного члена от каждых 200, уплачивающих взносы, или фракции, насчитывающей 200 уплачивающих взносы. С 1945 г. осталась только вторая категория, но она составляла едва ли четверть комитета, остальные были членами по праву. Можно себе представить всю слабость такой организации. Вместо объединения базовых общностей, позволяющего каж-

дой из них объективно выразить свой «вес», партия радикалов напоминает агломерат разрозненных комитетов, скрепленных зыбкими, неопределенными связями, что всегда неизбежно провоцирует закулисные комбинации, соперничество кружков, борьбу кланов и отдельных лиц. Очень многие умеренные или консервативные партии мира представляют собой структуру того же самого типа. Правда, не у всех она отличается такой же степенью неопределенности, но некоторые партии, например, американские, имеют структуру еще более слабую и запутанную.

В христианско-социальной партии Бельгии картина совершенно другая. Здесь общая структура регламентирована с той тщательностью, которая позволяет гарантировать участие каждого базового элемента в общей жизни партии. Местные отделения ежегодно избирают делегатов из расчета 1 на 100 членов (минимум двух делегатов); эти делегаты, к которым присоединяются парламентарии и члены провинциальных советов, образуют общее собрание округа, которое выбирает председателя и минимум 12 членов; эти последние уже сами кооптируют дополнительное число членов, равное половине избранных; все они вместе образуют окружной комитет, который обеспечивает руководство на местах. Каждый комитет избирает делегатов на Национальный съезд на своем общем собрании из расчета 1 на 250 членов партии, постоянно стоящих на учете в федерации, которую он представляет. Съезд — высшая инстанция партии, он избирает большинство членов Национального комитета (остальная часть может быть кооптирована); этот последний и обеспечивает постоянное руководство партией. Он может преобразоваться в Генеральный совет, присоединив к себе председателей окружных комитетов, плюс второй представитель от каждого округа и два члена, кооптированных им самим. Генеральный совет представляет промежуточный между съездом и Национальным комитетом орган, который позволяет непосредственно и быстро ориентировать федерации по всем значительным вопросам.

Организация бельгийской христианско-социальной партии не оригинальна (она в значительной мере подсказана структурой социалистической партии Бельгии). Мы просто приводим ее в качестве свежего примера и в силу ее детализированности, но в общем она лишь воспроизводит систему, основные черты которой обнаруживаются почти во всех социалистических партиях мира, в большинстве католических и христианско-демократических и во многих партиях других направлений. В коммунистических и фашистских партиях (а также и во многих иных, не принадлежащих ни к тем, ни к другим) вырисовывается несколько иной характер общей структуры, поскольку иерархические ступени более многочисленны и географические рамки иные; но ее основной характер идентичен. Речь в данном случае идет о сильной (жесткой) структуре, в противоположность слабой (мягкой) структуре французской ра-

дикально-социалистической партии. Партия выступает как организованная общность, все базовые элементы которой занимают свое определенное место, обусловленное их взаимным значением. В самой реальности возможны комбинации и перестановки возможны, но лишь в той мере, в какой они имеют поддержку партийной общности и составляющих ее групп. Чтобы приобрести влияние в партии, любое течение, как мы это видели на примере французской социалистической партии, должно завоевать известное число сторонников в каждой секции, поддерживающие его секции — в федерации, а федерация — на съезде.

Сильную структуру не следует отождествлять с демократической. Разумеется, не является таковой и слабая: вся организация радикально-социалистической партии словно для того и задумана, чтобы заглушить голос отдельного члена партии и отдать всю власть небольшим олигархическим группам. Но и обратное утверждение не будет истинным: жесткая структура может быть демократической, а может и не быть таковой. В социалистических партиях, например, выборность на всех ступенях с четким контролем мандатов и регламентацией голосования обеспечивает весьма развитую демократию. В христианско-демократических партиях есть немало различных приемов и способов (например, кооптация в христианско-социальной партии Бельгии), ограничивающих демократию. В коммунистических партиях выдвижение руководителей центром фактически ведет к олигархии: жесткость структуры становится здесь одним из элементов этой олигархии, средством укрепления господства вождей над рядовыми членами партии. <...>

Реально главным фактором, определяющим характер общей структуры партии, выступает природа базовых элементов, лежащих в ее основе. Анализ доказывает, что имеется прямая корреляция между природой этих элементов и силой или слабостью структуры. В XIX в. основой партий были комитеты и, соответственно, слабая структура. И сегодня внимательный наблюдатель всегда обнаружит у большинства консервативных, умеренных и либеральных партий Европы эти две основные черты: американские партии — тот же вариант. Напротив, партии социалистические и большая часть католических, которые базируются на секциях, в то же самое историческое время имеют сильную структуру; при этом она обычно значительно сильнее в социалистических партиях, где секция — единица более устоявшаяся и централизованная, чем в христианско-демократических, где она функционирует менее упорядоченно. Наконец, в коммунистических партиях, созданных на базе ячеек, и в фашистских с их милицией в качестве основной клетки структура еще более четкая, жесткая и сильная. Можно, кстати, отметить различия в деталях: партия итальянских фашистов, где милиция была менее дисциплинирована, обнаруживала менее сильную структуру, чем немецкая национал-социалистическая, где СА достигли боль-

шего совершенства. Но, разумеется, эти различия отчасти объясняются и национальным характером.

Глава вторая. Члены партий

Понятие члена партии

Кадровые и массовые партии

Различие кадровых и массовых партий не связано ни с их масштабом, ни с их численностью; дело не в различии размеров, а в различии структур. Возьмем, к примеру, французскую социалистическую партию: рекрутирование новых членов представляет для нее основную задачу как с политической, так и с финансовой точки зрения. Ведь она прежде всего стремится дать политическое воспитание рабочему классу, выделить из его среды элиту, способную взять в свои руки власть и управление страной. А это означает, что члены составляют самую материю партии, субстанцию ее деятельности — без них она напоминала бы учителя без учеников. С точки зрения финансовой партия также существенно зависит от взносов своих членов: первейшая обязанность секций состоит в том, чтобы обеспечить регулярные денежные поступления. Таким образом партия собирает средства, необходимые для политического просвещения и повседневной работы. Тем же путем она может финансировать и выборы — к аспекту финансовому присоединяется здесь политический. И этот последний аспект проблемы — основной, поскольку любая избирательная кампания требует больших расходов. Технология массовых партий заменяет капиталистический способ финансирования выборов демократическим. Вместо того чтобы обращаться к нескольким частным пожертвователям с целью покрыть расходы на избирательную кампанию — промышленникам, банкирам или крупным коммерсантам (ведь тот, кто выдвигает кандидата и выбирает его, оказывается в зависимости от них), массовые партии распределяют груз издержек на максимально возможное число членов, так что на каждого из них приходится скромная сумма. <...>

Кадровые партии соответствуют другому понятию. Это объединение нотаблей, их цель — подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами. Прежде всего это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические — те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые — они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение прежде всего, — это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния. То, чего массовые партии добиваются числом, кадровые достигают отбором. И само вступление в кадровую партию имеет совершенно иной смысл: это акт глубоко индивидуальный, обусловлен-

ный способностями или особым положением человека, строго детерминированный его личностными качествами. <...>

Различие кадровых и массовых партий обусловлено социальной и политической инфраструктурой. В основных чертах оно соответствует замене ограниченного избирательного права всеобщим. В условиях цензовых избирательных режимов, которые в XIX в. были правилом, партии носили четко выраженную кадровую форму. Вопрос о вовлечении масс не стоял, поскольку они не имели никакого политического влияния. <...>

Практическое осуществление всеобщего избирательного права вызвало почти повсюду (кроме США) развитие социалистических партий, которые на этом этапе бесповоротно утвердились на политической арене. <...>

Все это объясняет, почему различие кадровых и массовых партий почти абсолютно совпадает с делением на правых и левых, на «буржуазные» и «пролетарские» партии. Буржуазная правая не нуждалась в привлечении масс ни в финансовом, ни в политическом смысле: она располагала собственными кредиторами, собственными нотаблями и собственными элитами. Она считала достаточной спую политическую культуру. Здесь же содержится и ответ на вопрос о том, почему вплоть до выхода на политическую арену фашистов попытки создания массовых консервативных партий обычно терпели поражение. Здесь играло свою роль инстинктивное отвращение буржуазии к объединению и коллективному действию, так же как прямо противоположные тенденции рабочего класса благоприятствовали превращению социалистических партий в массовые. <...>

<...> Различие кадровых и массовых партий определяется теми их особенностями, которые связаны с различными типами партийной инфраструктуры. Кадровые партии — партии комитетские, децентрализованные и слабо интегрированные; массовые — это чаще всего партии, основанные на секциях, более централизованные и с более жесткой структурой. Различия в технике организации накладываются на различия в самой природе организуемых общностей. Партии, построенные на базе ячеек и милиции, тоже принадлежат к категории массовых, но здесь этот характер менее ясно выражен. Конечно, коммунистические и фашистские партии — даже до взятия власти и установления однопартийной системы — охватывают столь же многочисленные массы, как и социалистические. <...>

Тоталитарные и специализированные партии

Сравним активиста-радикала и члена коммунистической партии. В жизни радикала его партия занимает весьма скромное место: время от времени он присутствует на собраниях своего комитета; периодически старается добиться каких-либо льгот через своего депутата; следит за политическими комбинациями общенационального масштаба, но особенно — за местными; прикидывает кандидатуры и союзы на предмет будущих выборов. Он читает радикальную газету, если таковая имеется; иног-

да записан в Лигу прав человека, которая не отличается особой активностью, в масонскую ложу или другое объединение подобного рода. В конечном счете он посвящает своей партии лишь несколько часов своего личного времени да несколько мыслей среди повседневных забот. Ни его интеллектуальная и профессиональная деятельность, ни его досуг, а тем более семейная и эмоциональная жизнь не подвержены никакому влиянию его радикализма. Его причастность к партии сохраняет чисто политический характер, не выходит за пределы этой весьма ограниченной сферы: радикальная партия — это партия специализированная.

У коммуниста все обстоит совершенно иначе. Во-первых, партия требует от него гораздо более интенсивного политического действия. У себя на заводе или в мастерской он всегда должен работать в рамках своей ячейки, то есть распространять среди товарищей по труду лозунги партии, разъяснять им основные материалы «Юманите» или местной коммунистической ежедневной газеты, поддерживать их стремление бороться за свои жизненные интересы. Он член профсоюза ВКТ — филиала партии, и эта работа продолжает и дополняет его деятельность в ячейке. Таким образом вся его профессиональная жизнь протекает в рамках партии, направляется партией, ставится ей на службу. Так же обстоит дело и с досугом: значительная его часть поглощается партийными и профсоюзными собраниями или заседаниями придаточных организаций — Комитета защиты мира, общества «Франция — СССР», etc.; остаток свободного времени тоже организован усилиями партии: коммунистические спортивные ассоциации, коммунистические молодежные туристические базы, коммунистические праздники, ярмарки и пикники, коммунистические киносеансы, литературные и артистические клубы, коммунистические выставки и конференции составляют «диверсификанты» члена партии. Она проникает также и в его семейную жизнь: как правило, его супруга состоит в Союзе французских женщин и в различных комитетах домохозяек; его дети вовлечены в Республиканский союз французской молодежи и его филиалы. Нет больше различия между публичной и частной жизнью: есть одна лишь партийная жизнь. Так выглядит тоталитарная партия.

Выделим два аспекта этой тоталитарности: материальный и духовный. Первый состоит в стремлении партии полностью охватить все виды жизнедеятельности индивида (профессию, спорт, развлечения, досуг, культуру, семейную жизнь) и выйти за границы собственно политической сферы. Это стремление реализуется путем развития целой сети вспомогательных организаций, предназначенных не только для симпатизантов, но и для членов партии. Здесь речь идет уже не о том, чтобы объединить коммунистов «второй зоны» вокруг центрального ядра, образуемого членами партии, но о том, чтобы умножить формы принадлежности индивида: к партии, профсоюзам, спортивным клубам, художественным союзам, туристским объединениям, отделениям общества

«Франция — СССР», союзу квартиросъемщиков, семейной ассоциации, etc., не оставив таким образом вне контроля партии ни одно проявление его активности. Режимы с однопартийной системой пускают в ход все для того, чтобы гражданин никогда не располагал бы даже мгновением настоящего досуга, чтобы можно было поразмышлять наедине с самим собой: все его официально разрешенные «досуги» (то есть время, не занятое работой, сном и принятием пищи) посвящены партии и ее вспомогательным организациям. Однако нередко умножить количество последних стремятся и некоторые партии, к собственно тоталитарным не принадлежащие. Развитие таких организаций — прекрасное средство привлечь или удержать людей: тому, кто скучает на собраниях секции, может понравиться ее спортивный клуб; а тот, кто не ходит на митинги, охотно выслушает несколько слов, произнесенных партийными лидерами где-нибудь на ярмарке или на деревенском празднике. Такого рода деятельность может быть для партии средством как удержать ненадежных, так и усилить преданность верных. Приемы вспомогательных организаций в чем-то сродни Армии Спасения с ее песнопениями и шествиями, что отнюдь не служит доказательством неотразимого влияния на души людей. Но это материальное «огораживание» всей совокупности действий человека приобретает действительно тоталитарный смысл лишь в том случае, когда оно сопровождается духовным «огораживанием» всей совокупности его мышления. Если партия развивает придаточные организации просто для того, чтобы придать членству в ней более привлекательный характер, а ее доктрина претендует лишь на то, чтобы дать человеку политическую ориентацию и оставляет ему свободу выбора в других областях, — такая партия не является подлинно тоталитарной. Настоящий тоталитаризм — это тоталитаризм духовный.

Итак, вернемся к нашему коммунистическому активисту. Партия ставит в определенные рамки не только его материальную деятельность; она — и это главное — предписывает ему общие идейные рамки, тотальную систему объяснения мира. Марксизм — это не только политическая доктрина, но и всеобъемлющая философия, метод мышления, настоящая духовная космогония. <...>

Тоталитарный характер партии может быть умеренным или ярко выраженным в зависимости от входящих в нее индивидов. Некоторые активисты специализированных партий принимают партийные заботы так близко к сердцу и настолько входят во вкус политики, что постепенно она заполняет всю их жизнь; для таких одержимых и специализированная партия приобретает тоталитарный характер. <...> Природа причастности многообразна, и значительные индивидуальные различия всегда можно обнаружить даже среди членов одной и той же партии. И все же основные черты остаются довольно определенными. Коммунистические и фашистские партии — определенно тоталитарные; консервативные и либеральные — определенно специализированные. Социалистические

партии по своему происхождению тяготеют к тоталитаризму, но практика дискусионности и фракционности вкупе с прогрессирующим старением все больше придает им характер специализированных. Сложнее всего отнести к какому-либо определенному типу христианские партии. Коль скоро они непоколебимо стоят на том, что их политическая и социальная позиция неотвратимо вытекает из религиозных принципов, эти партии — тоталитарны; но в той мере, в какой они признают свободу христианина по отношению к себе, они специализированы.

Природа причастности в специализированных и тоталитарных партиях глубоко различна — это очевидно. В одних лишь какая-то малая часть индивида охвачена общинными (*communautaires*) связями; в других — вся жизнь человека целиком оказывается во власти группы. Среди общностей, в которые включены индивиды, специализированным партиям принадлежит всего лишь второстепенное место. Тоталитарные партии, напротив, занимают первое: партийная солидарность подавляет все другие ее виды, вместо того чтобы доминировать над многими. Для коммуниста все подчинено интересам партии: родина, семья, друзья, возлюбленные; для либерала и консерватора партия стоит далеко позади них. Отсюда и вытекают общие черты тоталитарной партии — единообразие, закрытость, сакральность. Специализированные же партии гетерогенны — это означает, что они объединяют людей, чьи воззрения и позиции отнюдь не идентичны во всех деталях. В таких партиях допустимо широкое многообразие личных взглядов; у либералов и консерваторов, например, это многообразие весьма подчеркнуто: каждый член партии сохраняет большую свободу мысли. К тому же гетерогенность принимает здесь скорее коллективную форму: место личного противостояния занимает групповое; партия включает в себя более или менее хорошо организованные фракции и течения. Они всегда носят партнерский характер и группируются вокруг влиятельных лиц; но порой они принимают и достаточно ярко выраженную доктринальную окраску — именно таким образом возникают разного рода течения внутри социалистических партий. <...> В тоталитарных партиях подобная практика немыслима: внутренние разногласия, секции, фракции, уклоны, течения — любое «сектанство» здесь нетерпимо. Принцип единообразия проводится в них строго. Ни большинства, ни меньшинства там нет и в помине: тот, кто не принимает партийную доктрину целиком и полностью, должен покинуть партию. Оппозиционеры имеют только один выбор: выбор между подчинением и исключением. И такое ортодоксальное требование естественно. В специализированных партиях доктрина не имеет фундаментального значения, она мало занимает мысли и сознание приверженцев партии. Их идеологические и тактические расхождения второстепенны, коль скоро достигнуто согласие по поводу общей стратегии партии, методов проведения избирательной

кампании и управления. Сама их доктрина не носит жесткого характера: чаще всего речь идет скорее о состоянии ума, общей ориентации, нежели о доктрине в собственном смысле слова. Поэтому вполне естественно, что расхождения в интерпретации допускаются. И точно так же естественно, что они запрещены в партии тоталитарной, ибо доктрина носит здесь не только основополагающий, но и жесткий характер. Она выступает в качестве интеллектуальной и моральной основы всей жизни членов партии, их образа мысли, их философии, их веры наконец. <...>

Единообразие и однородность закономерно вытекают из закрытого характера тоталитарных партий. Вступление в них строго регламентировано. Если партия действует в условиях демократического режима, когда конкуренция соперников заставляет заботиться о росте численности, регламентация не слишком сурова, но тем не менее она остается более строгой, чем в специализированных. Когда же тоталитарная партия становится единственной, ее закрытый характер достигает апогея. В нее можно вступить, лишь выдержав более или менее длительный испытательный срок — настоящее послушничество — и получив серьезные рекомендации ответственных поручителей, пройдя даже экзаменационную и фильтрационную комиссии и представив доказательства искренности и твердости своих намерений. Однажды войдя в партию, не так просто из нее выйти. «Из партии выходят только вперед ногами», — эти слова Жан-Поль Сартр вложил в уста одного из персонажей своей пьесы «Грязные руки». <...>

<...> То, что не подлежит критике, не может быть предметом шуток или насмешек, о чем не спорят — это и есть сакральное. Специализированные партии абсолютно лишены подобного характера — они целиком и полностью принадлежат к области мирского. Тоталитарные партии, напротив, входят в сферу сакрального. Они выступают объектом настоящего культа: Тоталитарную Партию (именно так — с большой буквы, типичная черта сакрализации) персонифицируют: Партия всемогуща, безупречна, благодетельна, трансцендентна; партию возвышают до некой самоценности, вместо того чтобы, как оно и есть в действительности, видеть в ней просто средство и инструмент. Таким образом, причастность к ней приобретает подлинно религиозную окраску. Коммунизм называют светской религией — это определение с равным успехом приложимо к фашизму и другим тоталитарным системам. Причем религиозный характер обусловлен не только структурой этих партий — весьма близкой к церковной иерархии — или их духовной тоталитарностью (религия по природе своей тоталитарна, ибо представляет собой глобальную систему объяснения мира). Он еще более ясно выражен в подлинно сакральном характере тех отношений солидарности, которые связывают партию и ее членов.

Возникновение тоталитарных партий совпадает на Западе с закатом традиционных религий. <...>

СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ПАРТИЙ¹

Теперь обратимся к теории партий, сосредоточив внимание на теориях, в которых в качестве единиц анализа выступают отдельные партии. Среди американских и зарубежных ученых модно жаловаться на отсутствие теории партий. Эти жалобы имеют долгую и «славную» историю. В своей работе, написанной по-французски свыше пятидесяти лет назад, М. Дюверже отмечал: «Мы оказались в порочном кругу: общая теория партий может быть создана лишь после того, как будут проведены глубокие предварительные исследования; но эти исследования не могут быть по-настоящему глубокими, пока не сформулирована общая теория» (Duverger, 1963: xiii).

После этого Дюверже произвел на свет десятки обобщений, разбросанных на двухстах страницах текста. Мы, вместе с Д. Кингом, выделили 19 основных гипотез, сформулированных в работе Дюверже, и проверили их с помощью кросснациональных данных почти по 100 партиям. В результате 12 гипотез получили статистическое подтверждение (Janda и King, 1985). Центральным положением теоретических рассуждений Дюверже была концепция партийной идеологии. Поскольку же ученый видел в левых партиях партии «современного» типа, мы формализовали гипотезы Дюверже с помощью понятия левизны. Из 12 нашедших подтверждение гипотез 11 предполагали левизну как фактор прямой или опосредованной причинности. Ведущая роль идеологии в теории Дюверже ясно прослеживается на схеме 1, составленной мною совместно с Д. Кингом в качестве иллюстрации к 12 подтвержденным гипотезам (ее переменные определяются основными понятиями, рас-

* *Джанда Кеннет* — американский политолог, специализирующийся на изучении политических партий, автор, в числе прочего, интегративной теории партийных изменений. Преподает в Северо-Западном университете, штат Иллинойс.

¹ Все три работы К. Джанды печатаются по изданию: *Джанда К. Сравнение политических партий: Исследования и теория // Современная сравнительная политология: Хрестоматия /* Науч. ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 84–143.

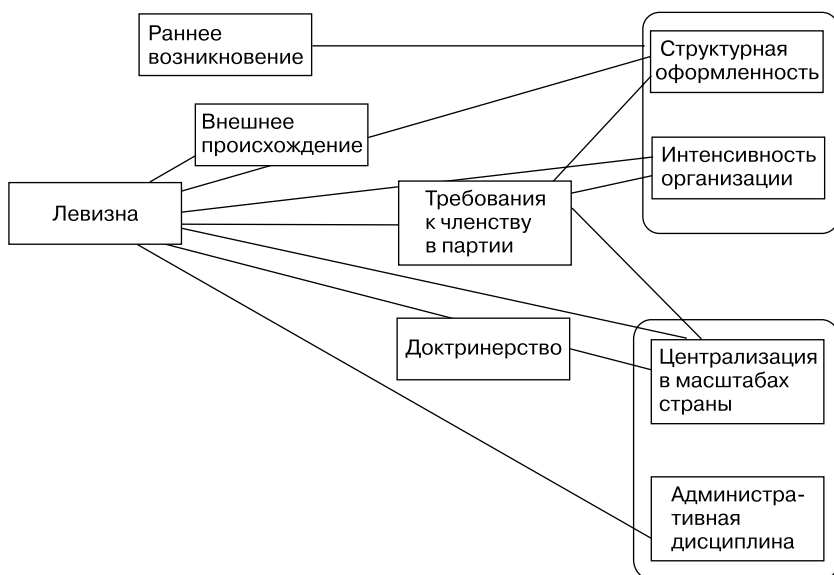

Рис. 1. Двенадцать подтвержденных гипотез Дюверже

сма­три­вае­мы­ми в на­сто­ящем об­зо­ре). Как яв­ст­вует из схе­мы, идео­ло­гия (ле­виз­на) вы­ст­упа­ла ис­ход­ной при­чи­ной ор­га­ни­за­ци­он­ных осо­бен­но­стей пар­тий прак­ти­че­ски во всех сфор­му­ли­ро­ван­ных Дю­вер­же ги­по­те­зах от­но­си­тель­но пар­тий­ной струк­ту­ры. В це­лом, для ле­вых пар­тий ха­рак­тер­ны бо­лее глу­бо­кое вос­при­я­тие чле­на­ми пар­тии ее док­три­ны, бо­ль­шая ор­га­ни­за­ци­он­ная сло­ж­ность и бо­ль­шая цен­тра­ли­за­ция вла­сти. Это про­ис­хо­дит по­то­му, что ле­вые пар­тии яв­ля­ют­ся про­вод­ни­ка­ми про­цес­са об­щес­твен­ных пе­ре­мен (Hamilton, 1989: 219). А зна­чит, им нужна бо­лее проч­ная ор­га­ни­за­ция, чем для за­щи­ты су­щес­т­вую­ще­го по­ря­дка. Тео­ре­ти­че­ские по­ло­же­ния Дю­вер­же до сих пор ока­зы­ва­ют гро­м­ад­ное воз­дей­ствие на изу­че­ние пар­тий (Sartori, 1976: x).

Не­смот­ря на зна­чи­тель­ный успех по­пы­тки Дю­вер­же «сде­лать пред­варитель­ный наб­росок об­щей тео­рии пар­тий», и де­ся­ти­ле­тия спу­стя уче­ные про­дол­жа­ют ссы­латься на от­сут­ствие тео­рии. В 1972 г. Л. Мейер оза­гла­вил гла­ву в сво­ем учеб­ни­ке по срав­ни­тель­ной по­ли­то­ло­гии «В по­ис­ках тео­рии пар­тий». При­зна­вая сти­му­ли­ру­ю­щую роль ра­боты Дю­вер­же, Дж. Сар­тори в 1976 г. за­метил, что «об­щая тео­рия пар­тий по­пре­жнему от­сут­ствует» (Sartori, 1976: xi). В вы­шед­шей по­чи­ти че­рез два де­ся­ти­ле­тия по­сле пер­во­го из­да­ния пе­ре­ра­ботан­ной ре­дак­ции сво­его учеб­ни­ка Мейер вновь был вы­нуж­ден кон­ста­ти­ро­вать, что «изу­че­ние лю­бой про­бле­мы, свя­зан­ной с пар­тия­ми, ча­сто проте­кает в от­рыве от дру­гих про­блем и без вся­ко­го тео­ре­ти­че­ско­го обос­но­ва­ния важ­но­сти

вопросов, которым посвящено исследование» (Meyer, 1989: 142). В недавнем обзоре американской литературы по партиям У. Кротти отрицает существование «какого бы то ни было преобладающего взгляда на партии» и рассматривает создание теории партий как «цель, которую нужно реализовать» (Grotty, 1991: 148). В своей главной работе по политическим партиям западных демократий (она переведена на английский язык) фон Бойме, подчеркивая важность построения теории, которая бы позволила организовать данные по партиям, отмечает, что «жалобы на отсутствие удовлетворительных теорий так же стары, как сами исследования партий, и, конечно, автору данного исследования тоже будет брошен упрек в том, что ему не удалось ее создать» (von Weume, 1985: б). В противоположность общепринятому представлению об отсутствии теории партий, Дж. Шлезинджер утверждает, что «теория содержится в большинстве работ по партиям. Но мы не можем свести ее воедино» (Schlesinger, 1991: 4). Я согласен, что мы слишком долго жаловались на недостаток теории. За долгие годы работы сформировался значительный корпус теоретических положений, и ныне пора воздать должное достигнутому. Вероятно, исследователи слишком много ждут от «общей теории». Как бы она выглядела, будь она в конце концов создана? Мы можем лишь догадываться о форме и пределах применимости такой теории.

Форма общей теории

Должна ли общая теория политических партий соответствовать строгим требованиям, которые предъявляются к теориям, исходящим из гипотез и основанным на дедуктивном методе? Должна ли она включать в себя аксиомы, постулаты и математический аппарат? Если так, то теория рационального выбора как будто соответствует всем требованиям (Greenberg и Shepsle, 1987; Holler, 1987; Laver и Shepsle, 1990; Baron, 1991; Coram, 1991). Но, если судить по собственным работам тех, кто призывает к разработке общей теории (например, Дж. Сартори и К. фон Бойме), такие требования слишком сложно выполнить. Многие предпочли бы видеть общую теорию как совокупность тесно взаимосвязанных теоретических положений, которые поддавались бы эмпирической проверке. Тогда примерами могут служить другие работы (Katz, 1980; Panebianco, 1988; Budge и Keman, 1990; Laver и Schofield, 1990; Strom, 1990a; Schlesinger, 1991).

Обсуждая вопрос о том, что значит — разработать теорию партий, Я. Бадж и Г. Кеман высказываются в пользу «серии гипотез или предположений, соответствие каждого из которых фактам, вытекающим из собранной информации по проблеме, было бы тщательно взвешено. Сведенные воедино эти положения и образовали бы “теорию” или “объяснение” того, почему партии действуют тем или иным образом.

Выдержав проверку, такая “теория” позволила бы также предсказывать действия партий после прихода к власти в определенных обстоятельствах» (Budge и Keman, 1990: 7–8). Для достижения теоретической ясности полезно было бы «облечь все это в математическую форму», но в результате фокус теории сузился бы ввиду большого количества ограничительных и упрощающих допущений (с. 9). Отдавая предпочтение широкому охвату и практической применимости, ученые делают выбор в пользу теории, строящейся как совокупность тесно взаимосвязанных положений, выраженных словесно. Как собственные работы Баджа и Кемана, так и другие исследования показывают, что общая теория партий не обязательно должна быть выражена в математической форме.

Область применения

Чтобы быть действительно общей, теория партий должна иметь широкую область применения. Применимость теории партий имеет два важных аспекта: типы партий, которые вписываются в ее рамки, и набор имеющих отношение к партиям явлений, поддающихся объяснению с помощью этой теории. Первый аспект связан с тем, какое определение партии положено в основу теории — является ли это определение узким и теоретически *исключающим* или широким и теоретически *включающим*. В принципе, теория, опирающаяся на широкое определение (подобное принятому в настоящем обзоре), при условии соблюдения заданных ею самой параметров должна иметь глобальную область применения. Таким образом, нам остается лишь обсудить вопрос о том, какие явления должны быть охвачены ее рамками.

Что должна объяснять подлинно общая теория партий? Должна ли она охватывать, к примеру, поведение избирателей? Как утверждает Дж. Шлезинджер, определение партий как организаций исключает такую возможность: избиратели выражают предпочтение той или иной партии, но сами, конечно же, не являются партиями. Хотя о партиях нередко говорят как о коалициях избирателей, это, строго говоря, неправильно: «Ни одна партия не является продуктом явного и сознательного соглашения избирателей по поводу предпринимаемых действий» (Schlesinger, 1991: 8). Ученый придает этому ограничению особую важность: «Значительная часть сложностей в развитии теории партий связана именно с тем, что политологи не знают, как поступить с избирателями» (с. 8). Исключение проблем электорального поведения из сферы, которой занимается теория партий, не означает, что в этой теории должны полностью отсутствовать соответствующие положения. Но это значит, что нельзя требовать от теории партий, чтобы она объясняла поведение избирателей, ибо ее цель — объяснять организацию и поведение партий.

Должна ли общая теория партий объяснять все, что касается партий? И более того, должна ли она быть единой, монолитной теорией? Если да, то нехватка общей теории партий будет ощущаться до тех пор, пока отсутствует корпус взаимосвязанных положений, объясняющих, как минимум: (1) ковариантность организационных характеристик отдельных партий; (2) каким образом и когда партии возникают, претерпевают изменения и исчезают; (3) воздействие партий на политическую жизнь в ее институциональных и личностных аспектах. Но если цели общей теории партий действительно таковы, то, в сущности, очевидно, что ее не будет никогда. В равной мере, такой подход делает невозможными общие теории поведения избирателей, законодательных собраний и любого иного политического института или поведения, ибо запросы слишком высоки.

Мы не должны ждать, что общая теория партий объяснит абсолютно все. Разумнее было бы признать, что общей теорией могут служить совокупности взаимосвязанных положений, каждое из которых применимо к достаточно широкому кругу явлений. Наша цель — открывать острова, а не искать новые континенты. Здесь полезна аналогия с изучением поведения избирателей: в этой области одна совокупность положений объясняет явку на выборы, а другая — выбор при голосовании. Соответствующие теории в чем-то пересекаются между собой, но, в сущности, они существуют независимо друг от друга. В области изучения партий, как я старался показать в настоящем обзоре, уже есть совокупности теоретических положений по отдельным, но при этом весьма важным аспектам.

ТЕОРИЯ ПАРТИЙ И ДЕФИНИЦИИ

Узкое определение партии

Шлезинджер заметил, что некоторые ученые «стремятся дать такое определение партии, чтобы под него подпадали все претендующие на это название организации» (Schlesinger, 1991: 6). Но, как полагает ученый, «сколь бы полезна ни была теория партий, основанная на столь широком определении, мой собственный подход менее амбициозен» и применим «лишь к тем партиям, которые участвуют в свободных выборах, в особенности если с течением времени они способны одержать на выборах победу» (с. 6). Как видим, Шлезинджер принимает хорошо известное определение Э. Даунса: партия — это «команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» (Downs, 1957: 25). Многие ученые используют сопоставимо узкие определения,

исключая тем самым некоторые из организаций, считающиеся партиями за пределами США.

Это противоречие обратило на себя внимание уже в одном из первых сборников по сравнительной политологии — «Современные политические партии» под редакцией З. Нойманна (Neumann, 1956). В своем заключении к сборнику Нойманн писал: «О настоящей политической партии можно говорить лишь при условии существования хотя бы еще одной конкурирующей группы», добавляя, что «однопартийная система есть терминологическое противоречие» (с. 395). Тем не менее сборник содержал статью о Коммунистической партии Советского Союза. Несмотря на свое определение политических партий, Нойманн не считал возможным исключить из их числа коммунистические партии (см. также: Epstein, 1975: 233). В противном случае пришлось бы отказаться от большого объема важной для сравнительной политологии литературы (Fischer-Galati, 1979; Szajkowski, 1986; Timmerman, 1987; Gillberg, 1989; Narkiewicz, 1990). Более того, как доказывает В. Рэнделл (Randell, 1984: 4), подобное «европоцентричное» определение вывело бы из поля внимания исследователей некомунистические однопартийные системы в странах «третьего мира». И это при том, что, как показано в книге Т. Пемпеля (Pempel, 1990: 1), «подавляющее большинство наций-государств современности можно отнести к разряду однопартийных». Кроме того, преимущественное внимание к электоральным функциям партий выводит за рамки анализа «антисистемные партии», которые Дж. Сартори определил как партии, подрывающие легитимность режима (Sartori, 1976: 132–133). Например, в условиях многопартийной системы коммунистические партии часто участвуют в выборах лишь из тактических соображений (Gillberg, 1989; Narkiewicz, 1990). Использование положения об электоральной конкуренции в качестве одного из критериев причисления к категории партий исключает также воинствующе-религиозные, этнические и региональные партии, действующие на обочине политических систем. Так, Р. Макдональд и М. Руль установили, что лишь немногие из более чем 125 политических партий, действующих в странах Латинской Америки, выполняют роли, «предписанные им общетеоретической политологической литературой, которая основана на западноевропейских и англосаксонских системах, где права парламентов и повиновение армий считаются чем-то само собой разумеющимся» (McDonald and Ruhl, 1989: 3).

Широкое определение

Действительно, общая теория политических партий не может основываться на узком определении, неприменимом к однопартийным системам и антисистемным партиям. В классической работе Дюверже

«Политические партии» можно найти плодотворное обсуждение однопартийных, равно как и многопартийных систем; военизированные группировки сопоставляются ученым с парламентскими партиями. Охват этой работы был столь широк, что Дюверже не сформулировал в ней какого бы то ни было определения партии. Позднее ученый определил партии как организации, которые, во-первых, «стремятся прежде всего к захвату власти или к участию в ее отправлении» и, во-вторых, опираются на «поддержку широких слоев населения» в отличие от групп давления, «представляющих ограниченное число граждан с особыми или частными интересами» (Duverger, 1972: 1–2). Первая часть этого определения предполагает, что партии могут существовать и без участия в выборах. Вторая часть представляет собой довольно безуспешную попытку провести грань между партиями и группами давления, т.е. разрешить важнейшую для любого широкого определения партий проблему. Значительное внимание концептуальным проблемам, возникающим в связи с определением партии, уделял также Сартори (Sartori, 1976: 60–64). Ученый стремился дать «минимальную дефиницию», которая включала бы лишь необходимые свойства партий. Сформулированное в результате определение звучит так: партия — это «любая политическая группа, имеющая официальное название, участвующая в выборах и способная путем участия в выборах (свободных или несвободных) замещать государственные должности своими кандидатами» (с. 63). Выделяя то обстоятельство, что выборы не обязательно должны быть свободными, Сартори распространил свое определение на партии, действующие в условиях однопартийного режима. Но и это определение оставляло за рамками партии, стремящиеся приобрести власть или уже завладевшие ею, не прибегая к выборам.

Еще более широким является определение партии как организации, преследующей цель замещения правительственных должностей своими признанными представителями (Janda, 1980b: 5). Цели любой организации многообразны. Чтобы соответствовать данному определению, организации достаточно иметь в числе тех целей, которые она ставит перед собой, достижение правительственных должностей своими признанными представителями. (Под «правительством» в данном случае подразумевается любая государственная служба, как в Америке, а не кабинет, как в Великобритании.) Кроме того, речь идет именно о признанных представителях партии, т.е. о лицах, открыто идентифицируемых с названием партии или с ее символикой. Если группа интересов открыто выдвигает кандидатов на выборах, она становится партией. Как отмечает Л. Эпстейн (Epstein, 1966: 104), «наличие узнаваемого названия (независимо от того, вносится ли оно в избирательный бюллетень или нет) — вот решающий элемент определения». На-

конец, термин «замещение» тоже следует понимать широко, включая сюда как достижение должностей путем участия в выборах (когда две или несколько партий соревнуются за эти должности), так и прямое административное назначение (когда соревнование за власть запрещено правящей партией) или насильственный захват (когда партия стремится завладеть властью путем подрыва существующей системы). Соответственно, партии могут использовать состязательную, сдерживающую или подрывную стратегию в борьбе за достижение своих целей. В отличие от дефиниции Сартори, данное определение можно распространить на захват большевиками власти в 1917 г. (Barghoorn, 1956), использование Народной социалистической партией Кубы захвата власти Фиделем Кастро (Griffiths, 1988), установление баасистского режима в Ираке после военного переворота 1968 г. (Farouk-Sluglett и Sluglett, 1988) и ограничения на свободные выборы, к которым прибегала Институционально-революционная партия в Мексике (Philip, 1988). Очевидно, указанные сдерживающие и подрывные партии отличаются от состязательных и требуют иных теоретических подходов (LaPalombara и Weiner, 1966: 29–33). Тем не менее Дюверже (Duverger, 1963) удалось показать, что революционные и авторитарные партии можно продуктивно исследовать в сопоставлении с состязательными; в другой работе предпринято плодотворное сравнение партий всех регионов мира (Janda и Gillies, 1983). Остается, однако, открытым вопрос о том, насколько пересекаются между собой теоретические предпосылки, применимые к различным типам партий. Коренной вопрос для сравнительного изучения партий состоит как раз в выборе широкого или узкого определения. Именно от определения зависит, замыкается ли исследование на чисто состязательных партиях, действующих в демократических системах, или приобретает более универсальный характер, включая однопартийные системы, антисистемные или подрывные партии. Многие исследователи американских партий были бы, подобно Шлезинджеру, вполне удовлетворены узким определением, связанная с которым «общая теория» применима лишь к состязательным партиям. Даже многие европейские ученые склонны к подходу, сводящему сферу изучения партий к западным демократиям (von Weizsäcker, 1983: 2). Но специалисты по «третьему миру» нуждаются в более широком определении, которое могло бы лечь в основу теорий, раскрывающих роль партий в соответствующих политических системах. Как признает даже Эпштейн, ограничивший собственное исследование состязательными партиями западных демократий, «нет ничего плохого в том, чтобы придерживаться широкого определения» (Epstein, 1975: 233). <...>

ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Институционализация

Институционализация — это процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость (Huntington, 1965: 394). Как показала М. Уэлфлинг (Welfling, 1973: 13), институционализация есть не только процесс, но и свойство, или состояние. В качестве свойства институционализация может быть определена как степень материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения (Janda, 1980b: 19). <...>

Существуют различные способы измерения уровня институционализации партий. Иногда в качестве индикаторов применяются продолжительность существования партий, а также количество расколов и слияний (Lane и Ersson, 1991: 113; Dix, 1992). Используется также сложная шкала, учитывающая несколько параметров — «возраст» партии, электоральную стабильность, стабильность представительства в законодательных органах и смену руководства. Чаще, однако, индикаторы бывают более простыми — такими как минимальная поддержка избирателей и минимальная продолжительность существования. Р. Роуз и Т. Маки, например, утверждают, что «мы можем говорить об институционализации партии в том случае, если она участвовала более чем в трех общенациональных выборах. Если партия не смогла этого достичь, ее нельзя назвать упрочившейся. Она эфемерна» (Rose и Mackie, 1988: 536). Проанализировав на основе этого критерия партии 19 демократических стран от первых свободных выборов до 1983 г., исследователи обнаружили, что из 369 партий, участвовавших по меньшей мере в одних выборах и получивших по меньшей мере один процент голосов, лишь немногим более половины достигли институционализации. <...>

Рассматривая институционализацию как зависимую переменную, Роуз и Маки выделили четыре фактора, при наличии которых шансы новообразованной партии на успешную институционализацию возрастают: (1) возникновение одновременно с проведением первых свободных выборов; (2) пропорциональная избирательная система; (3) опора на организованную социальную группу; (4) первоначальный успех на выборах. Три из этих факторов относятся к «условиям возникновения», которые Дюверже рассматривал как важный показатель, позволяющий предвидеть свойства партий (Duverger, 1963). С условиями возникновения партий связывают перспективы их институционализации и другие ученые. А. Панебьянко (Panebianco, 1988: 50–52) выделяет три важнейших фактора: (1) возникла ли партия из «центра», с тем чтобы потом проник-

нуть на «периферию», или, напротив, выросла из местных организаций, которые затем объединились в общенациональную организацию (ученый называет эти варианты, соответственно, «проникновением» и «диффузией»); (2) была ли партия с самого начала поддержана каким-то другим, уже существующим институтом, или она развивалась, опираясь лишь на собственные силы («внешняя» или «внутренняя» легитимация); (3) стоял ли у истоков партии харизматический лидер. Согласно Панебьянко, проникновение, внутренняя легитимация и отсутствие харизматического лидера способствуют успешной институционализации. <...>

Проблемная ориентация

Проблемно-ориентированные партии. Большинству крупных партий нетрудно найти место на «лево-правой» шкале; введение второго измерения решает проблему со многими другими. Тем не менее некоторые партии не поддаются классификации, поскольку их политические установки сконцентрированы на какой-то одной проблеме или типе проблем. Э. Лэйн и С. Эрссон (Lane и Ersson, 1991: 273) проводят различие между неструктурными проблемами, имеющими отношение к политическому процессу на общенациональном уровне, и структурными проблемами, специфическими для определенных социальных групп. Структурные проблемы служат источником возникновения этнических, религиозных, региональных некоторых классовых партий (с. 103–111). <...> В последнее время появилось множество работ, посвященных исследованию партий, ориентирующихся на неструктурные проблемы. В особенности это касается новых партий, которые ставят во главу угла разрешение проблем, чуждых появившимся ранее политическим организациям (Lawson и Merkl, 1988; Dalton и Kuechler, 1990). Главным примером здесь могут служить проблемы защиты окружающей среды, ставшие предметом заботы европейских «зеленых» (Muller-Rommel, 1985; Schoonmaker, 1988). Однако проведенное Р. Хармелем и Дж. Робертсоном исследование 233 новых партий, возникших в странах Запада с 1960 по 1980 г., показало, что, вопреки тому вниманию, которое уделяют ученые партиям, ориентированным на новые проблемы (т.е. экологическим, феминистским, партиям борьбы за мир, против ядерной угрозы, против европейской интеграции, против НАТО), к данной категории можно отнести только 10% новосозданных партий (Harmel и Robertson, 1985: 508). <...>

Социальная поддержка

Партии создаются не только для того, чтобы, как считал Э. Берк, отстаивать позиции по политическим проблемам, но и для защиты со-

циальных интересов (Chariot, 1989). С. М. Липсет и С. Роккан дали наиболее убедительное сравнительно-политологическое обоснование роли партий как политических выразителей социальных расколов (Lipset и Rokkan, 1967). Они выделили четыре основных раскола — между центром и периферией, государством и церковью, городом и деревней, собственниками и рабочими, — которые дали толчок к появлению в Европе политических партий с различными социальными базами (региональных, религиозных, профессиональных и т.д.). Р. Долтон (Dalton, 1988: 128—149) обновил и дополнительно обосновал эту теорию. Хотя Р. Дикс (Dix, 1989) и утверждает, что липсетовско-роккановская концепция исторических расколов неприменима к латиноамериканским партиям, есть основания считать, что сформулированная Липсетом и Рокканом концепция социальной базы может успешно применяться и в кросскультурных исследованиях. Говоря более конкретно, шесть социальных измерений — экономический статус, религия, этническая принадлежность (в том числе язык и раса), уровни урбанизации и образования — продуктивно использовались при изучении социальной поддержки политических партий широкого круга стран (Janda, 1980b: 41). <...>

Автономия

Автономию можно определить как структурную независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны. <...>

Источники финансирования. В одной из своих ранних статей А. Хайденхаймер описывает сложности с получением данных, необходимых для сравнительного анализа источников партийных средств. Из партий восьми стран, изученных Хайденхаймером, только одна — Социал-демократическая партия Германии — покрывала свои обычные расходы за счет индивидуальных взносов (Heidenheimer, 1963: 792—793). Это вполне согласуется с данными, показывающими, что лишь около четверти партий, существовавших в мире в 1950-х — 1960-х годах, полагались на собственные средства (формируемые, в основном, за счет партийных взносов) (Janda, 1980b: 92). <...>

Источники пополнения. Дюверже проводил различие между «прямым» и «непрямым» членством в партии, имея в виду разницу между добровольным вступлением в партию и членством, вытекающим из участия в какой-то другой организации — например, в профсоюзе (Duverger, 1963: 6). Это — важное различие, ибо партии с непрямым членством, вроде Лейбористской партии Великобритании, менее автономны, чем партии, состоящие только из индивидуальных членов. Тем не менее в 1960 г. менее 10% существовавших в мире партий допускали не прямое

членство, в то время как около 20% вообще не практиковали формальной процедуры приема в партию (Janda, 1980b: 93). <...>

Источники руководства. Для обозначения группы руководителей, контролирующих основные властные ресурсы партийной организации, А. Панебьянко использует термин «доминирующая коалиция» (Panbianco, 1988: 38). В 1960 г. лидеры более чем четверти партий были в своем большинстве выходцами из одной социальной группы, что свидетельствует о неавтономности данных партий (Janda, 1980b: 94). К. Лоусон (Lawson, 1976) проанализировал составы руководства партий в трех странах, однако в целом данная проблематика не привлекла особого внимания компаративистов. Никто не отрицает важной роли руководства, особенно в эволюции партий (Wilson, 1980: 542–544), но ясно и то, что его крайне сложно исследовать строго научными методами.

Отношения с партиями внутри страны. М. Дюверже выделил три типа «альянсов», основанных на межпартийном сотрудничестве: предвыборные, парламентские и правительственные (Duverger, 1963: 330–351). Предвыборные альянсы в наименьшей степени подрывают автономию партий, а правительственные — в наибольшей. Партии — «сателлиты» коммунистов в странах Восточной Европы представляли собой наиболее яркий пример утраты автономии (Fischer-Galati, 1979) <...>

Отношения с зарубежными организациями. Многие, хотя и не все, партии вступают в отношения с международными объединениями партий или иностранными правительствами, что может негативно сказываться на уровне их автономии. Особенно отчетливо это прослеживается на примере коммунистических партий, но наблюдается и в деятельности социалистов (Pelinka, 1983: 108–124), христианских демократов (Irving, 1979) и либералов (Hrbek, 1988). Все перечисленные направления имели собственные международные организации и проявляли ту или иную степень солидарности в международных органах (Pridham и Pridham, 1981). <...>

Согласованность

Понятие «согласованность» было введено в сравнительную политологию С. Хантингтоном (Huntington, 1965: 403–405) и разработано Л. Андерсоном (Anderson, 1968: 396–397) для изучения партий, действующих в штатах и на местном уровне. <...>

Сплоченность. Сплоченность, понимаемую как уровень единства членов партии при голосовании в законодательных органах. <...>

Фракционность. Есть и другой аспект сплоченности партий на поведенческом уровне — фракционность. В основополагающей статье Р. Зариски фракция определяется как «внутрипартийное объединение (клика или группировка), члены которого имеют чувство общности и

единства цели и организованы таким образом, что коллективно действуют как отдельный блок внутри партии для достижения своих целей» (Zariski, 1960: 33). <...>

Вовлеченность

В основном разделе своей книги М. Дюверже уделил немало внимания понятиям членства в партии, степени участия в партийных делах и природе этого участия. По отдельности эти темы продолжали привлекать многих исследователей, однако попытки их интеграции увенчались лишь ограниченным успехом. <...>

Членство. В американском контексте понятие членства в партии практически бессмысленно (Schlesinger, 1991: 152), но оно является важным для сравнительного анализа. Как заметил М. Дюверже, роспись в ведомости о приеме в партию одновременно символизирует и упрочивает преданность партии (Duverger, 1963: 71). Для Дюверже понятие «человека с партийным билетом» отражало его представления о современной массовой (как правило, левой) партии. Ученый ввел понятие «коэффициент членства» — отношение числа членов партии к числу голосующих за нее избирателей — и размышлял о его значении, но в действительности так и не разработал последовательную теорию. <...>

Стимулы. Вопрос о стимулах, привлекающих партийных активистов (или, говоря словами Дюверже, о «природе» участия) независимо от того, признают ли партии формальное членство, изучен довольно хорошо. Первыми к анализу данной проблематики обратились П. Кларк и Дж. Уильсон, которые провели различие между «материальными» (экономическими), «целевыми» (собственно политическими) и «солидарными» (социальными) стимулами как факторами, мотивирующими участие в любых организациях. <...>

Стратегия и тактика

Состязательная тактика. В военном деле под стратегией подразумевают план достижения цели, а под тактикой — действия, предпринятые для реализации стратегии. Сходным образом партийной тактикой называют деятельность партии по достижению стратегических целей. Объем кросснациональных исследований, посвященных состязательной тактике партий, сравнительно невелик. Г. Пеннимэн (Penniman, 1981) изучал стили избирательных кампаний. Д. Фарелл и М. Уортманн исследовали деятельность партий трех стран по «политическому маркетингу» — приданию кандидатам «товарного вида» и использованию средств массовой информации (Farrell и Wortmann, 1987). Исследование Ш. Баулера (Bowler, 1990) посвящено воздействию внутрипартий-

ных дискуссий по отдельным вопросам на избирателей. Д. Сэйнсбери, под редакцией которой вышли материалы симпозиума по партийным стратегиям и взаимосвязям между партиями и избирателями в нескольких странах, отмечает, что партии сталкиваются с дилеммой — «сокращение числа членов партий уменьшает их способность к мобилизации избирателей и структурированию результатов голосования, в то время как недостаточно широкое участие граждан в деятельности партий ведет к несовпадению между общественным мнением и политическими решениями партий» (Sainsbury, 1990: 6).

Правительственный статус

Понятие «правительственный статус» отражает природу и степень участия партии в общенациональной политике. Выявление правительственного статуса партий осуществляется в ходе анализа их электоральной мощи и политического значения. Руководствуясь тезисом о том, что партии прежде всего стремятся к увеличению количества поданных за них голосов, и учитывая специфику президентской системы правления, американские ученые измеряют влияние партий долей голосов, полученных ими на выборах, и контролем над исполнительной властью. Для европейских ученых, придерживающихся представления о стремлении партий преимущественно к приобретению должностей и живущих в условиях парламентской системы, на первый план выходят процентные доли мест в парламентах и участие в правительствах, т.е. распределение министерских портфелей. <...>

Электоральный успех. В теории партий показатели электорального успеха иногда используются как зависимые переменные при определении эффективности партийных организаций. <...>

Участие в правительстве. Понятие правительственного статуса гораздо чаще, однако, используется как независимая переменная при изучении воздействия партий на политику правительства в условиях партийного правления (Wildemann, 1986; Katz, 1987). <...>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ¹

Глава третья. Общая теория политической партии

1. Предмет и структура теории

Девяностые годы в истории нашей страны характеризуются процессом бурного возникновения, борьбы, расколов и исчезновения большого количества самых разнообразных политических партий, организаций и движений. Складывается многопартийность, которая по многим своим характеристикам не имеет зарубежных аналогов. Исследователи, практики, да и сами активисты возникших и возникающих партий испытывают значительные трудности в том, чтобы как-то оценить происходящее, прогнозировать движение событий, практически определиться и адекватно действовать.

В этих условиях остро необходима достоверная теория политической партии и политической организации, опирающаяся на сравнительный анализ по возможности более широкого и разнообразного международного опыта, свободная от субъективизма. Иными словами, необходим переход от гипотез и добрых субъективистских пожеланий к действительно научным оценкам. В целом можно сказать, что к настоящему времени, т.е. к концу XX века, накоплен достаточный практический опыт, позволяющий выявить некоторые общие и частные тенден-

* *Матвеев Рояльд Федорович* — кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ. Специализируется в области теоретических и методологических проблем политических систем, общественных организаций и политических партий, политического анализа и прогнозирования, принятия политических решений.

¹ Печатается по: *Матвеев Р. Ф.* Теоретическая и практическая политология. М.: Изд-во Ассоциации «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1993. С. 103–108, 108–111, 112–113, 114–115, 121–122, 128–137.

ции и законы, проявляющиеся в анализируемой области. В этом смысле сейчас ситуация лучше, чем в середине столетия, а тем более в начале, когда исследователи могли использовать весьма ограниченный (географически и хронологически) практический опыт и им приходилось весьма активно компенсировать эту ограниченность гипотезами, интуицией, предположениями или даже вообще маниловскими построениями. Ситуация лучше, но можно ли сказать, что мы уже перешли тот порог объема знаний, который гарантирует достоверность хотя бы большинства оценок и выводов? Надо признать, что в области теории партии, как и вообще в области политологии, совершенно необходим постоянный социальный эксперимент, т.е. постоянная проверка буквально каждого вывода, каждого тезиса и каждого наблюдения. Связано это с тем, что в политической жизни действует огромное количество противоречивых факторов, а также, как это было показано в разделе, посвященном анализу политических систем, изменчивостью некоторых общественных законов на разных этапах политической жизни.

Структура теории партии. На сегодняшнем этапе наших знаний стало очевидным, что целесообразно выделять общую теорию партии и специальную теорию партии. Такое обособление становится возможным потому, что уже имеется значительный эмпирический политический и исторический материал, отработан инструмент политологического обобщения и анализа. Уровень наших знаний позволяет вести исследования в этих двух основных направлениях.

Общая теория партии разрабатывает методологию и типологию партий, изучает законы движения, проявляющиеся во всех партиях — от их создания до современного состояния, — в области организации, структуры, социальной базы и состава, связи с общественным движением и течениями политической мысли, в методах функционирования, деятельности, процессе выработки ими идеологии, политики, программы, политических решений, приемов осуществления политики и других основных функций, политического поведения, формирования естественных лидеров, руководящего ядра и активистов. Общая теория анализирует связи партии с населением, избирателями, общественными организациями, движениями, гражданским обществом, политической и партийной системой, государственными органами, экономическими структурами. Особой отраслью общей теории является изучение путей, форм и пределов возможного воздействия той или иной партии на общество, общественные отношения и общественное сознание.

Общая теория партии учитывает не только единичный, но по возможности весь имеющийся коллективный, глобальный, интегрированный опыт многих партий, действующих в различных условиях, специфику воздействия тех или иных условий на конкретную модель партии в данной стране. Эта теория должна быть свободной как от попытки выдать единичный опыт за универсальную модель, так и от стремления

игнорировать какой-то частный случай, ибо в нем может воплотиться в наиболее «чистом» виде некоторый всеобщий закон.

Особое внимание уделяет общая теория партии таким фундаментальным проблемам, как методология анализа, типология, соотношение науки и политики, теории и практики, политики и социального движения, политики и организации, объективного и субъективного факторов, соотношения форм и содержания в политике партии, стихийного и сознательного, рационального и иррационального, роли традиций в политике и общественной жизни, роли противоречий, большинства и меньшинства при разработке и осуществлении политики партии.

Одной из узловых проблем общей теории партии является определение самого предмета исследования, т.е. партии. Сложность здесь состоит в необходимости дать определение устойчивое и одновременно динамическое. Она определяется также тем, что партия как общественное явление многомерна и практически всегда можно будет найти какой-то аспект, который ускользает от данного определения. Но главное состоит в необходимости перейти от привычного у нас описательного или образного определения к действительно научному определению, всесторонне раскрывающему сущность партии и — что особенно важно — позволяющему дать достоверный прогноз, а именно в этом смысл научного определения. Кроме того, в нашей стране приходится преодолевать традиционную привычку заимствовать определения из других сфер общественной жизни (например, из публицистики или из военного языка: партия — «авангард», «штаб» и т.п.).

Именно общая теория партии, если она сумеет действительно нащупать и сформулировать некоторые важные тенденции и законы, может ответить на весьма актуальный в нашей стране вопрос о том, что именно и как именно можно заимствовать за рубежом. Важным разделом общей теории является разработка методологии заимствования зарубежного опыта в рассматриваемой области.

Одной из наиболее важных задач общей теории партии является переход от упрощенных обобщений, от гипотез, весьма вероятных и соблазнительных, к достоверным выводам на основе изучения реальных процессов. Критерием правильности всякой теории, каждого определения является способность к относительной оправдываемости прогноза. Приходится признать, что многие труды, посвященные в нашей стране различным партиям, такого прогноза дать не смогли. Поэтому общая теория партии должна сегодня учесть в обобщенной форме положительный и отрицательный опыт предшествующих разработок.

Опыт показал, что ни в одной научной теории ее основатели никогда не давали окончательных и неизменных заключений в силу исторических и чисто субъективных причин. Это тем более касается теории такого сложного и движущегося явления, каким является партия. Эмпирический опыт в этой области в XIX веке, да и в первой половине

XX века был весьма ограничен. По сути дела, партийная система получила настоящее развитие лишь в XX веке. Совершенно очевидно поэтому, что в работах первой половины нашего столетия не могли не преобладать гипотезы, касавшиеся практически всех главных и второстепенных аспектов функционирования партии.

Имея специфический и очень сложный объект исследования, в известном смысле специфическую методологию, общая теория партии строится на комплексе научных дисциплин, каждая из которых изучает отдельные и специфические измерения и аспекты. Обобщая данные различных дисциплин, интегрируя их, теория партии может стать способной глубже анализировать партию, ее функционирование, прогнозировать ее возможности и пределы этих возможностей.

При исследовании партии неизбежно возникает проблема политической ангажированности исследователя. Как показал наш отечественный опыт, такая ангажированность — реальная или показная — существенно искажает содержание исследования и его выводы.

Специальная теория партии изучает конкретные особенности и специфические законы, проявляющиеся либо в определенных типах партий, либо в партийной системе той или иной страны. Очевидно, что разделение теории партии на общую и специальную имеет целью не только абстрактное «разделение труда», а подчеркивание внимания именно к национальным, специфическим процессам, происходящим в близких по своему типу партиях или в рамках определенной многопартийной системы, конкретный анализ которой должен осуществляться в каждом случае особо.

Конечно, некоторые выводы общей теории партии могут и должны облегчить специальный анализ. В свою очередь специальная теория может и должна обогатить общие представления о движении партийных систем. Перед разработчиками специальной теории партии стоят те же задачи, что и перед общей теорией: подняться над описанием к анализу, к обобщению, к выявлению некоторых общих — хотя бы в рамках данной системы или данной страны — законов.

2. Определение политической партии

В нашей литературе встречается много определений политической партии. Однако в большинстве своем эти определения совершенно неудовлетворительны ни для научных, ни для практических целей. В частности, КПСС определяла себя как «партия рабочего класса», «авангард» класса или всего народа, «штаб», «сердце политической системы», «руководящая и направляющая сила» и т.п. Все это было и оказалось чисто субъективными пожеланиями — и это в лучшем случае. Ряд определений явно смешивает функцию и сущность партии: говорят, например, что партия есть организация, стремящаяся к власти, и т.д.

Определение должно раскрыть сущность партии и помогать прогнозировать ее будущее, ее сильные и слабые стороны. По нашему мнению, —

и для практических целей — можно предложить следующее определение. Политическая партия есть организация, соединяющая некоторое общественное движение и некоторое течение общественно-политической мысли. Иными словами, партия содержит, по крайней мере, три компонента: общественное движение, течение политической мысли, организацию. Вместе с тем партия является представительством определенных экономических, социальных, культурных и прочих интересов, но представительством на политическом уровне, т.е. на обобщенном и на общегосударственном. В этом отношении партия отличается от различных общественных организаций и движений, которые представляют частные, профессиональные, корпоративные, региональные, т.е. узкие интересы.

Рассмотрим подробнее названные компоненты. Дело в том, что, сливаясь в новое образование — в партию, — составные компоненты: общественное движение, течение политической мысли, представительство, организация — сохраняют известную самостоятельность, автономность, образуя многомерную систему. Это обстоятельство имеет целый ряд важных последствий. Относительная самостоятельность общественного движения создает вероятность отрыва партии от породившего ее движения и соответственно пассивности и кризиса партии. Противоречивость и плюрализм идейно-политических течений определяют возможность некоторого идейного плюрализма в партии, устранить который надолго невозможно. Свою представительную функцию партия может выполнить только в том случае, если будет очень внимательна к потребностям и интересам, представлять которые она обязалась. Наконец, возможны сложности и на уровне соотношения политики и организации. В некоторых партиях организация получает приоритет над политикой, и тогда неизбежно отставание партии от объективных процессов.

3. Общественное движение

Важным элементом политической партии является общественное движение. Под этим последним понимается та часть граждан, которая в той или иной степени понимает свои интересы и проявляет некоторую активность для их защиты. Иными словами, общественное движение есть в первую очередь определенная общественно-политическая активность.

Общественно-политическая активность имеет разные уровни, степени и формы. Наиболее элементарные, «пассивные» формы активности — это простой интерес к политике: слушание радио, просмотр телевидения, чтение газет, журналов. Более активная форма — участие в манифестациях, митингах и т.п. Затем выступления на митингах, участие в различных массовых движениях и организациях, регулярное голосование на выборах. Наивысшей формой общественно-политической активности гражданина можно считать членство в политической партии. Естественно, чем ниже уровень активности, тем шире круг

участников общественного движения и, наоборот, к более высоким степеням активности подходит гораздо меньше граждан.

Названные формы и степени общественной активности могут преследовать разные цели, иногда противоположные: за республику или за монархию, за капитализм или за социализм и т.п. Такие цели могут быть самыми различными и касаться политических, экономических, социальных, идеологических, культурных, международных и иных проблем. Степень активности людей, вовлекаемых в такие движения, тоже различна в зависимости от конкретной цели, страны и времени. Эта изменчивость общественного движения во времени ставит очень сложные проблемы перед соответствующей партией: она может какое-то время ориентироваться на социальное движение, которое пошло на спад, и пропустить момент возникновения и усиления нового движения, к которому она еще не готова. В этом случае партия отрывается от «своего» общественного движения и попадает в кризис. То же может случиться и в том случае, если партия ставит слишком далекие, перспективные цели, к которым не готово население.

На разных этапах истории страны могут складываться как бы преобладающие в данный момент общественные движения. <...> Некоторые типы общественного движения могут иметь преимущественно конструктивный характер, в других может преобладать протест и желание «разрушить» систему или вернуться назад. Как правило, против любого движения бывают и «контрдвижения». И первые, и вторые имеют разные степени, разные оттенки. Все это так или иначе сказывается на характере политических партий. В тех случаях, когда по каким-либо целям активность, мобилизованность растет, растет численность соответствующих партий, их электората, и наоборот. Если общественное движение дробится, то создаются условия для некоторого дробления и партий.

Поэтому некоторые партии опираются на несколько различных движений, в том числе и взаимоисключающих друг друга. В этом случае «идеология» партии и ее программа учитывают лишь те цели и ценности, которые являются общими для ее движений. Угасание общественного движения данной ориентации может привести к исчезновению и партии. Правда, в этом отношении нет жесткой предопределенности: английская консервативная партия, будучи в основном партией землевладельцев, конкурировала с либеральной партией, выражавшей интересы торговой и промышленной буржуазии. Парадокс заключается в том, что именно консервативная партия в наибольшей степени сумела приспособиться к новым типам общественного движения среди класса предпринимателей, оттеснить либеральную партию от ее «естественного» круга сторонников. А в некоторых случаях она потеснила и специфически «рабочую» лейбористскую партию.

4. Идеино-политические течения

Вторым элементом политической партии являются идейно-политические течения, некоторое мировоззрение, идеология. Этот элемент также имеет по крайней мере два измерения. Идеология отражает в духовном плане некоторые ценности и моральные оценки действительности, а также идеал. Вместе с тем мировоззрение содержит в себе и инструмент анализа социальной обстановки. В разных странах могут существовать весьма разнообразные общественно-политические и мировоззренческие концепции. Партии как бы могут выбирать себе мировоззрение. Однако выбор этот, естественно, ограничен. Есть некоторое объективное соответствие между конкретной формой общественного движения и мировоззрением. В свою очередь, каждое из общественных движений в той или иной степени тяготеет к определенным политическим идеям и ценностям. Однако на этом уровне сближение и тяготение имеет размытый, неопределенный, стихийный характер и не приобретает четких структур, поскольку политическое, а тем более идеологическое, измерение у общественных движений не является центральным.

Другое дело партия. Именно потому, что партия даст политическое выражение различным потребностям и интересам, партия неизбежно принимает или формулирует некоторую систему политических, моральных и идейных ценностей. Однако в этой области в нормальных условиях партия стремится как бы вынести за скобки те ценности и идеи, которые разделяются большинством ее потенциальных сторонников. Это обстоятельство объясняет ослабление «идеологических» партий и укрепление прагматических партий. Наиболее устойчивыми являются партии, которые черпают эти ценности в реальной действительности. В данном случае самое опасное — взять на вооружение иллюзии, нерационально существующие концепции, а в частности иллюзию о том, что весь народ или его значительная часть стоит, например, на позициях «марксизма-ленинизма», «научного социализма» и т.д. Следует сразу же подчеркнуть, что с этой точки зрения достаточно четко различаются идеологические и прагматические партии. Первые уделяют главное внимание разработке идеального общества, идеологических проблем и их распространению среди своих членов и сторонников. Вторые — преимущественное внимание уделяют практической политике, руководствуются скорее прагматическими соображениями. Тем не менее и «прагматические» партии имеют признаваемые или непризнаваемые ценности, о которых можно достаточно просто судить по практическим решениям, парламентским речам и другим партийным документам.

Как и любые представления, мировоззренческие взгляды, идеи, ценности находятся в состоянии постоянного движения, между ними не всегда можно установить четкие грани. Сторонники демократии, прав человека, республиканской реформы правления и т.д. могут быть среди приверженнее самых противостоящих партий и политических течений. Это

обстоятельство создает возможность появления партий с крайне широкими идейными основаниями. Совершенно очевидно, что чем меньшее число принципов и ценностей предлагает партия, тем шире может стать круг ее сторонников, приверженцев и членов. Это ясно на примере многих западноевропейских партий, которые ограничиваются достаточно узким набором весьма элементарных лозунгов. Естественно, при этом учитываются реальные идейные процессы среди населения и избирателей. Во всяком случае, в большинстве политических партий четко различается «идеология для себя» и «идеология для народа». Вторая должна привлечь как можно больше избирателей, первая — дать возможность менее ошибочно анализировать и оценивать ситуацию и выработать политику.

В связи с проблемой общественного движения и общественно-политических течений, сочетающихся в самых различных вариантах, возникает проблема деления на левых, центристов и правых. Это деление, возникшее, как известно, во Франции в период революции 1789 г., отражало случайное расположение депутатов в зале. Но оно оказалось весьма устойчивым. Французский толковый словарь определяет «левых» как «сторонников прогрессивных взглядов», а правых — как представителей «консервативных концепций». В определенной степени такой взгляд на распределение политических сил проник и в другие страны. Пожалуй, исключением из этого правила остаются США, где система ценностей опирается на другие основания. <...>

Характерно, что сторонники различных взглядов и концепций, о которых шла речь, имеются среди различных социальных слоев. Конечно, доля сторонников свободы предпринимательства больше, например, среди капиталистов, сторонников социального прогресса — среди наемных работников. Это касается и многих других концепций, взглядов и ценностей. Это обстоятельство объясняет, почему нет и не может быть чисто классовых партий. В рядах партии мы всегда обнаружим представителей разных социальных слоев, но мы вряд ли найдем сторонников резко противостоящих друг другу политических предпочтений. Это объясняет и подтверждает вывод о том, что партия базируется не столько на классовой базе, сколько на общественном движении и политических взглядах.

Следующим характерным фактором партии, тесно связанным с ее общественным движением, является ее представительный характер. В обществе есть много институтов, которые представляют те или иные интересы, взгляды, стремления. Но, как уже подчеркивалось, особенность партии в том, что она дает этим интересам политическое измерение, политическое выражение. Это, конечно, и функция партии, но такая функция, которая отражает некоторую сущность партии. Без представительства нет и партии, как ее нет и без других элементов. Как и в других вопросах, реализация представительства каждой партии в решающей степени зависит от реальной активности партии, ее различных звеньев — от руководства до рядового члена.

Необходимо иметь в виду, что предложенная картина распределения тенденций и взглядов не учитывала философские и политические идеи, которые имеют хождение в каждой стране. Речь идет, в частности, о всевозможных воззрениях: коммунистических, социалистических, социал-демократических, радикальных, либеральных, христианских, консервативных. К ним следует добавить ультралевые и ультраправые и т.п. тенденции. Эти взгляды накладываются на различные проявления общественно-политической активности и на собственно политические течения общественной мысли. Налицо сложнейшая мозаика, которая объясняет часто весьма сложную и противоречивую картину политической жизни в целом и политических партий в частности. Даже в США, где установилась высокая однородность основных политических концепций, исследователи констатируют наличие полутора десятков достаточно влиятельных идейных и политических течений.

5. Организация

Третьим элементом партии является организация. Организацией можно назвать некоторую структуру, некоторое множество или объединение людей, сохраняющее определенную устойчивость. Такое определение может показаться расплывчатым, но оно дает наиболее общую характеристику этого достаточно многообразного и динамичного явления.

На самом деле организация имеет много различных форм и уровней. <...>

Только в том случае, если объективно существующим проявлениям общественно-политической активности граждан удастся найти и предложить соответствующие им устойчивые организационные формы, создаются реальные условия для возникновения партии. Характер организации в этом случае определяется политическими и психологическими условиями в стране и политическими задачами партии.

Политические и психологические условия могут, например, потребовать очень жесткой, централизованной партийной структуры, но они могут сделать дееспособной партию, имеющую весьма неопределенную структуру, т.е. в некоторых случаях основой партии могут быть не организации, а объединения, более похожие на движение. В разных странах и в разных условиях существуют партии и первого, и второго типа. Есть граждане, которые готовы действовать в рамках твердой структуры и дисциплины, но есть и такие, которые могут оказывать действительную помощь время от времени и не хотят состоять в постоянных структурах, тем более что нередко такие жесткие постоянные структуры начинают функционировать по своей собственной логике.

То же касается и политических задач партии. В некоторых ситуациях политику партии можно осуществлять только через строго централизованную структуру, одновременное и согласованное действие всех партийных организаций и всех членов партии. В других случаях, наобо-

рот, разнообразие местных условий может потребовать максимального учета именно таких условий, и чрезмерная централизация, жесткая дисциплина дают негативный результат, отучают членов партии от инициативности, творческого поиска нестандартных решений. Таким образом, названные условия определяют организационную структуру, внутрипартийные отношения, да и сам характер партийных работников. Нет оптимальной модели организации для всех стран, условий и этапов. Есть действенная форма организации для конкретных условий.

В целом проблема соотношения политики и организации партии относится к числу весьма сложных и спорных. Обобщение международного опыта показывает, что главным в функционировании партии является именно политика, правильность и обоснованность политики, организация должна обслуживать политику. Если политика данной партии реализуется плохо, то, если доказано, что политика правильная, следует обратить внимание на партийную организацию. Уж во всяком случае, совершенно порочны попытки свалить вину за неэффективность политики данной партии на простых людей, на граждан, на избирателей.

Анализ практической политики многих политических партий показывает, что эта политика имеет как бы три основных этапа: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный. Временная длительность каждого этапа может быть очень разной, но совершенно ясно, что краткосрочные политические решения исходят из необходимости реагировать на проблемы «сегодняшнего дня», среднесрочные базируются на некотором прогнозе ситуации, долгосрочные решения в гораздо более сильной степени опираются на идеал и на тот прогноз, который является более или менее вероятным. Как правило, именно таким трем основным этапам соответствуют и программные установки партии. <...>

7. Процесс формирования политической партии

Выше указывалось, что политическая партия представляет собой своеобразное соединение определенного общественного движения с определенным мировоззрением. Это показывает, насколько трудным и сложным является процесс формирования политической партии: речь идет о том, чтобы «соединить» крайне разнородные и разноплановые социальные процессы. Для того чтобы такое соединение произошло, требуется целый ряд условий.

Прежде всего, основные самостоятельные компоненты партии должны достигнуть некоторой степени зрелости и определенности. Недоразвитость таких компонентов может и не привести к появлению партии. Скажем, отсутствие должной степени общественно-политической активности более или менее заметной части населения не даст партии минимально необходимого числа активистов, не говоря уже о политическом влиянии в обществе.

Во-вторых, должно произойти определенное сближение некоторых участков общественного движения с общественно-политическими концепциями: эти концепции должны в некоторой мере отражать и выражать потребности, чаяния и интересы данного движения, а следовательно, и восприниматься им.

В-третьих, должна сформироваться более или менее «спевшаяся» инициативная группа, в которой на первом этапе и происходит соединение «теории» и «практики» и которая способна выработать более или менее длительную стратегическую ориентацию, которая является условием привлечения к партии наиболее активных элементов.

В-четвертых, зарождающиеся партийные группы должны установить живые контакты с различными массовыми организациями и движениями, ибо такие контакты, помимо всего прочего, дают партии достоверную информацию о процессах, происходящих в гуще населения, а также естественных лидеров, сформировавшихся в этих организациях.

В-пятых, в партии должно сложиться определенное партийное товарищество, т.е. совокупность правил и традиций взаимоотношений и разрешения неизбежных споров и конфликтов. Эти правила не должны препятствовать необходимым спорам и дискуссиям; известно, что правильные оценки и правильные предложения редко приходят одновременно в голову большинству: как правило, они складываются именно у меньшинства. Партия — живой организм, и если ее покидает больше людей, чем приходит, то эта партия обречена на исчезновение.

В-шестых, партия должна научиться развиваться во взаимодействии и конкуренции с другими политическими партиями. Опыт показал, что без союзов и без борьбы с близкими и далекими партиями любая партия вырождается в бюрократическую силу.

В-седьмых, на ранних, да и на других этапах существования партии крайне важной является ее способность выявлять естественных лидеров и привлекать их в свои ряды. Без этого она рискует остаться сектой.

Конечно, эти условия не возникают сразу, они складываются постепенно. На практике формирование партии и возникновение условий идет параллельно. Но есть некоторый минимальный уровень, ниже которого попытки создать партию могут быть неэффективными.

Обычным является представление о том, что партию создают на учредительном съезде. Но учредительный съезд — это лишь первый шаг к созданию партии, заявление о намерениях. Дальнейшая судьба партии зависит от того, как она использует все имеющиеся условия для саморазвития. <...>

В любом случае возникает очень важная проблема условий необратимости развития партии. Практика позволяет сделать вывод о том, что не существует абсолютных гарантий такой необратимости. Даже партии, объявившие себя руководящей и авангардной силой и находившиеся у власти в течение нескольких десятилетий, не гарантированы от кризи-

са, регресса и даже полного развала. Пребывание у власти гарантий необратимости не дает.

Относительную гарантию необратимости может дать только одновременное внимание партии ко всем своим элементам: организации, социальному движению, мировоззрению, представительству. <...>

В результате действия этих и ряда других факторов в настоящее время в партийной и политической системах многих стран наблюдаются сложные и противоречивые процессы. С одной стороны, партии и многопартийность в целом активно используются для организации и ориентации избирателей, приобщение которых к обсуждению программ, в том числе и предвыборных, содействует росту их политической культуры. С другой, и одновременно, существование ограничивается — во времени и пространстве — деятельность всех партий, чтобы затормозить процесс политизации избирателей. Эта тенденция проявляется наиболее четко в так называемой «американизации» партий, которая просматривается, по существу, во всех капиталистических странах.

Американские партии, различия между которыми ускользающе малы, поскольку они противопоставляют в большей степени личности, чем политику, ценности, идеологию, политическую философию, занимаются почти исключительно предвыборной деятельностью. В этой области они достигли немалых успехов: на этой базе они отработали составление таких программ, которые дают им возможность — разумеется, в условиях США — находить, выдвигать и воспитывать естественных лидеров, умеющих общаться с населением, а в случае избрания на государственные посты — компетентно руководить порученным им ведомством. Такая процедура обеспечивает США относительную политическую устойчивость.

Тем не менее в практическом плане деятельность американских партий остается в основном локализованной вокруг избирательных округов и участков и ограниченной во времени — периодом избирательной кампании. После этого деятельность партийной машины замирает до следующей кампании. В последние десятилетия эта модель настойчиво насаждается практически во всех странах Западной Европы. Однако факты показывают, что заимствование зарубежного опыта, даже когда речь идет о странах с аналогичной социальной, экономической и политической структурой, наталкивается на существенные трудности, в том числе и на сопротивление левых сил, практически отсутствующих в США. Этот процесс порождает новые противоречия. Так, правые партии, встающие на путь американизации, оказываются в известной степени обезоруженными перед своими соперниками, не прекращающими своей деятельности между выборами и активно вторгающимися во все сферы общественной, в том числе экономической и социальной, жизни, привлекающими к себе многочисленные массовые организации и движения, которые в Западной Европе остаются в высшей степени политизированными и ориентированными на «свои» политические

партии. В частности, американизированные партии как бы ускользают от участия в постоянной политической жизни: активизируются они только в связи с выборами. Как партии они не имеют контактов и связей с массовыми организациями. В целом можно констатировать, что они как бы возвращаются к форме партии-движения.

Вместе с тем характерной особенностью американской системы является голосование «пакетом»: избиратель одновременно получает несколько бюллетеней со списками кандидатов в президенты, в депутаты, в губернаторы штатов, в судьи, ректоры университетов и т.д. Делается это под лозунгом «рационализации» выборов. Однако практическим следствием такой «рационализации» является то, что на выборы избиратели приглашаются раз в четыре года в США, раз в пять лет в Европе (там, где это уже принято). В целом же в Западной Европе пока преобладает система раздельных выборов, при которой разного рода выборы происходят отдельно, в результате чего избиратели призываются к урнам практически ежегодно. Конечно, это создает материальные и другие трудности, но такая система все же позволяет поддерживать непрерывный и достаточно высокий уровень политической активности значительной части населения. Во всяком случае, степень участия избирателей в голосовании в Европе гораздо выше, чем в США.

Американизированная партия как бы отстраняется от непосредственного осуществления политики через государственные органы, «дезапгажирована» от практической деятельности правительства. Политическая «расцветка» избранных лиц в США имеет гораздо меньшее значение, чем в Европе. Партии получают возможность не брать на себя ответственность за многие непопулярные меры «своего» же правительства. Применительно к американизированной партии понятие «правящая партия» полностью теряет всякий смысл. Если в Англии лидер партии избирается парламентской группой партии и может быть ею смещен, то в США президент абсолютно не зависит от своей партии и через четыре года представляет свои итоги на суд избирателей. Конечно, связь партии с властью все же есть: именно партия рекомендует на важные государственные посты — президента, госсекретаря, министров и т.д. Но остальной административный аппарат остается неизменным несмотря на то, какая партия одержала победу на выборах. Именно этот аппарат «делает» практическую политику. Эта практика вслед за США была принята Великобританией, Францией, а затем и многими другими странами. Это правило было соблюдено победившими в 1981 г. французскими коммунистами и социалистами после создания ими демократического правительства народного союза.

Сказанное объясняет, почему победившая партия или коалиция одновременно поддерживает «свое» правительство и в известных рамках критикует его, а если требуется, и полностью отстраняется от него и тем самым сохраняет свое влияние среди избирателей. Более того, когда предложенные партией депутаты, министры, мэры и иные лица «выра-

батываются», теряют авторитет, проявляют неспособность активно и эффективно проводить политику, их достаточно быстро заменяют более компетентными, менее скомпрометированными, более популярными деятелями. Жертвывая отдельными деятелями, партия обеспечивает относительную устойчивость и себе, и всей политической системе и приходит к следующим выборам с наименьшими потерями.

Американизированные партии освобождают себя от выработки идеологии и политики. Правые партии в Европе все реже (а в США практически никогда) ведут на своих съездах доктринальные и политические споры; в центре оказываются прагматические соображения, достоинства того или иного лидера, эффективность для выборов того или иного лозунга, формулировка, способная объединить различные течения в партии. Выработка идеологии, перспективных программ все чаще перепоручается различным узким группам, клубам или попросту частным фирмам и оплачивается как обычный товар или услуга. Показательно, что во многих случаях одна и та же фирма или группа может обслуживать соперничающие партии.

Неотъемлемым компонентом современных политических партий, а особенно американизированных, является персонализация политики. В той или иной степени эта тенденция присуща и правым, и левым партиям. В результате происходит распространение персонализированных, а следовательно, иррациональных концепций, в первую очередь на уровне массового сознания, чисто психологического, эмоционального восприятия политики: голлизм, рейганизм, тэтчеризм, сталинизм и т.п. Конечно, современные концепции этого толка существенно отличаются от тех, которые возникли до Второй мировой войны, но и в настоящее время в этом отношении на первое место выступает верность, преданность или просто поддержка либо же, наоборот, антипатия к личности лидера. В партиях американского типа ведущую роль играют не выборные партийные органы, а элиты: партийные парламентские и муниципальные фракции, депутаты разных уровней, мэры, иные «влиятельные» лица. Оправдываются такие тенденции тем, что эти лица избираются всем населением и поэтому имеют приоритет над собственно партийными активистами, в лучшем случае отражающими волю только членов партии.

Страны, где американизация партий зашла достаточно далеко, характеризуются высокой пассивностью и деполитизацией населения, самоустранением избирателей от участия в голосовании. Все чаще встречаются случаи, когда к избирательным урнам приходит менее половины избирателей. Нередко кандидат избирается голосами 20–30% зарегистрированных избирателей.

Таким образом, американизация партий ведет к уменьшению роли политических партий в жизни политической системы, снижению активности рядовых членов и «активистов» партии, распространению узкого прагматизма, к возрастанию роли персонализации политики.

8. Типология современных партий

Огромное разнообразие партий требует выработки эффективной и объективной типологии. На наш взгляд, одним из главных определителей политической партии является наличие рациональных или иррациональных факторов, положенных в основание ее создания и функционирования.

Распространенным является социальное основание: партия рабочего класса, «труда», крестьянства, буржуазии, крупного капитала и т.д. Некоторые партии сами провозглашают такое основание, другие — отрицают его. В этом плане большую роль играет и объективный фактор — социальный состав партии, содержание ее программы и политики. Помимо объективного фактора в ряде случаев важным является и субъективный, т.е. «самоидентификация членов партии». В принципе социальное происхождение является фактором иррациональным: социальное положение родителей человек не выбирает. Но собственное социальное положение чаще всего выступает результатом его осознанного выбора, его многолетних усилий. Занимая то или иное положение в социальной структуре, человек как бы наследует свойственные данному слою традиции, что подкрепляется и практическим жизненным опытом. Но это — общее правило, которому противоречит большое количество конкретных ситуаций. Так, есть рабочие, которые довольны СВОИМ положением и не желают переходить в разряд предпринимателей или капиталистов, есть служащие и крестьяне, которые относят себя к рабочим и ведут себя как рабочие. Но есть и рабочие, которые считают свое положение результатом временной неудачи и ищут пути, позволяющие, на их взгляд, стать самостоятельными предпринимателями. Это касается и других слоев населения.

Иными словами, социальный фактор содержит иррациональный и рациональный факторы. В последнем случае он включает понимание расстановки классовых сил в данной стране, понимание классовых интересов. На социальное основание, особенно на ранних этапах, ссылались социалистические и коммунистические партии.

Следующим основанием является общенародное или «общенациональное» (в западноевропейском смысле) основание. Практика показала, что партия не может достичь существенного влияния в стране, если она опирается только на один слой или один класс. Возникла необходимость для партии объявить себя и стать выразителем интересов всех слоев и всех классов данной страны. <...>

От этого типа партий следует отличать националистические партии, ссылающиеся на узкоэтнические, националистические основания. Националистический фактор выступает уже в качестве иррационального: гражданство можно выбрать, но «нацию» человек получает от родителей. Именно иррациональность облегчает использование национальной темы реакционными силами. «Национальное» легко перерастает в национа-

листическое, а затем и в шовинистическое, в расизм. Неудивительно, что на «национальный» фактор ссылаются чаще всего фашиствующие партии и организации. В некоторых редких случаях удается рационализировать национальный фактор, наполняя его политическим содержанием.

Особого внимания заслуживает политическое основание деятельности партии. Партии определяют себя прогрессивной, демократической, революционной, либеральной, радикальной, республиканской, монархической и т.п. Политическое определение может, таким образом, касаться способа политического и экономического устройства, формы правления, формы действия и т.д. Это — сильный рациональный фактор. Вступая в такую партию или голосуя за нее, человек делает ясный политический выбор, хотя в некоторых случаях им движет не всегда рациональное побуждение. Если в данной стране действуют преимущественно политически ориентированные партии, то это способствует глубокому процессу формирования политической культуры. Партии других типов нередко отвлекают граждан от ориентации на политическую культуру.

Следующая группа партий опирается на идеологические основания. Часто это бывает связано с политическими. Это — социалистические, коммунистические, национально-демократические и т.п. партии. Идеологический фактор является в принципе рациональным. Как правило, поддержка партии в этом случае также является результатом более или менее осознанного выбора. В принципе близко к этому типу партий примыкают партии, опирающиеся на религиозную идеологию, а в некоторых случаях и прямо на веру. Как правило, поддержка партии в этом случае определяется не осознанным выбором, а наиболее распространенной в данной стране религией, религиозностью самого человека, а иногда и традицией. Ощущая иррациональность религиозного основания, многие партии обращаются к дополнительным факторам: так появляются партии «демохристианские», «социал-христианские» и т.п.

В результате процесса персонализации политики возникают партии, которые характеризуются приверженностью к лидеру. Эта тенденция в достаточно сильной степени проявляется в партиях самого разного типа: Сталин, Мао Цзедун, Чаушеску, Гитлер, Перон, де Голль, Тэтчер. Это — фактор иррациональный, базирующийся в большинстве случаев на психологическом преклонении перед харизматическим лидером.

В странах с развитой парламентской системой распространено парламентское основание партий: парламентская — анти- (или «вне-») парламентская партия. Сюда же в принципе относится определение партии «правой» или «левой», которое заимствовано именно из парламентского лексикона, «конституционной» и т.п. <...>

В последнее время усиливается и глобальное основание партии, когда на первое место выдвигаются такие глобальные ценности, как социальный прогресс, социальная справедливость, процветание, демокра-

тия, свобода, сохранение окружающей среды. К глобальным основаниям относится и цель переустройства общества. Разные партии вкладывают в данные ценности разное содержание. Но в любом случае речь идет о рациональных факторах.

На практике все эти основания нередко пересекаются в самых различных сочетаниях: политические с идеологическими, рациональные с иррациональными. Но выявление таких факторов в деятельности каждой партии позволяет лучше понять ее сущность, плюсы и минусы и предвидеть ее будущее.

Предложенная типология политических партий, хотя и исходит из двух исходных оснований — рационального и иррационального, — тем не менее позволяет классифицировать практически все разнообразие существующих партий.

В рамках теории партий необходимо рассмотреть и те условия, в которых партии действуют. Это прежде всего политическая система, гражданское общество, о которых шла речь в соответствующих разделах курса. Но это и непосредственная система — однопартийность или многопартийность. В мире существует большое разнообразие партийных систем: одно-, двух-, трех-, многопартийных. Различные системы существовали при разных политических режимах: авторитарных, реакционных, либеральных, демократических, социалистических.

Каковы основные уроки существования таких систем? Длительный опыт показал, что при всех режимах однопартийная система оказалась неустойчивой. Довольно быстро — в историческом смысле — она приходит к трудностям и к глобальному кризису, который неизбежно сопровождается кризисом всей политической системы, идейными и моральными потрясениями. В результате однопартийность сходит со сцены, а общество нуждается в коренном преобразовании. Будучи внутренне неустойчивой, однопартийность не обеспечивает гармоничного сочетания прямых и обратных связей между гражданами, обществом и политическим руководством, препятствует необходимому разделению властей. Отсутствие соперничающих партий чаще всего становится результатом не конкуренции, а физической расправы правящей партии с инакомыслием. Единственная партия рассматривает всякую критику и всякое несогласие со своими концепциями и политикой как проявление враждебной деятельности. Вместо метода убеждения и консенсуса применяются судебные и даже внесудебные расправы. Население приучается скрывать свои истинные мысли и внешне соглашается с официальными версиями. Иными словами, при однопартийности не устраняется присущий каждому обществу идейный и политический плюрализм, всего лишь закрываются каналы, по которым могут циркулировать различные идеи в обществе. В этих условиях, как правило, происходит тесное сращивание партии с государственным аппаратом. Партия превращается в часть аппарата (или

интегрирует его в себя) и начинает выполнять властные функции, что в принципе не свойственно партии. В результате происходит бюрократизация, ослабление демократического контроля за властью со стороны избирателей, выборы приобретают формальный характер.

Все это нарушает сам фундаментальный принцип представительности власти, разделения властей, политическая система поглощает все гражданское общество. В конечном итоге однопартийность исчезает, устраняя правившую партию, а вместе с ней и созданные ею для себя политические структуры.

Важно подчеркнуть, что существуют «квазимногопартийные» системы, как бы прикрываемые многопартийными формами однопартийное содержание. Такими были, в частности, системы в странах Восточной Европы. Существовавшие в некоторых из них партии, по существу, были карманными в руках правивших партий. Другой разновидностью «квазимногопартийности», хотя и с некоторыми оговорками, являются системы, сложившиеся в Италии и Японии. В этих двух странах у власти постоянно находится одна партия: демохристианская и либерально-демократическая. Правда, в этих странах правящие партии время от времени вступают в коалицию с близкими к ним политическими силами. Однако главные рычаги власти они из своих рук не выпускают.

В результате длительного существования «квазимногопартийность» порождает специфическую систему власти, тенденцию к сращиванию партийного и государственного аппарата, хотя и не в такой степени, как при абсолютной однопартийности, к распространению коррупции, а в ряде случаев и мафии. Это обусловило серьезное перерождение и такой партии также. Многие тенденции в политической жизни обеих стран свидетельствуют о накоплении явных элементов кризиса, факторов неустойчивости, распространения насилия под флагом ультралевого или ультраправого толка. Можно сделать вывод, что такая «квазимногопартийность», являясь специфическим вариантом однопартийности, как и она, предоставляет недостаточно возможностей для цивилизованного выражения различных интересов и идей, оказывается плохо работающим клапаном, не позволяющим своевременно выпускать накапливающиеся в обществе напряжения.

Двухпартийность может в некоторых странах оказаться достаточно устойчивой системой. Обычно приводят в качестве примера США. Однако требуется весьма обстоятельный анализ реальных условий такой устойчивости там, где она наблюдается. Недостаточно ссылаться на абстрактные «национальные особенности», необходимо установить, какие именно особенности и как конкретно влияют на размежевание политических течений, которые лежат в основе существования соответствующих партий. Именно относительная однородность политических концепций в США обуславливает неопределенность размежевания и

американских политических партий. Иными словами, такая двухпартийная система оказывается относительно устойчивой в специфических американских условиях, а также в аналогичных ситуациях. Но она не имеет шансов на выживание в условиях социального и идейного плюрализма, существующего в большинстве стран Европы. Во всяком случае, пока оказались безуспешными попытки внедрить в некоторые страны американскую модель двухпартийности.

Трехпартийность — система, при которой функционируют и имеют заметное влияние в стране три политические партии. Чаще всего, однако, две партии являются основными, а третья выполняет роль вспомогательного союзника для той или другой основной партии. Наиболее яркие примеры — Англия, Германия, Швеция.

В Германии христианско-демократический союз соперничает за власть с социал-демократической партией, практически постоянно пользуясь поддержкой партии свободных демократов. В Швеции основными партиями также являются социал-демократы и правая партия, но здесь формирование правительства часто зависит от позиции немногочисленной, но занимающей ключевое положение в парламенте левой партии — коммунисты Швеции.

В Англии политическая борьба разворачивается между лейбористской и консервативной партиями. Либеральная партия уже много десятилетий не имеет никаких шансов завоевать большинство парламентских мандатов. Здесь играет большую роль мажоритарная избирательная система, при которой кандидату для победы надо получить большинство голосов. Остальные же голоса в данном округе попросту теряются. Тем не менее в ряде округов либералы (в настоящее время — либеральные демократы) имеют прочные позиции и проводят своих депутатов в парламент. Как указывалось выше, в Великобритании партии обеспечивают свое влияние в острой политической конкуренции.

Четырехпартийная система сложилась в странах, где общество расколото на два лагеря — левых и правых, каждый из которых в свою очередь делится на две примерно равные силы. Во Франции коммунисты и социалисты представляют левых, демократы и республиканцы — правых. Эта система отличается определенной устойчивостью, хотя время от времени во Франции возникают группы, усиливающиеся на относительно короткий период на крайне правом фланге: Пужад, Ле Пен. Такое распределение политических сил соответствует наиболее влиятельным и устойчивым политическим симпатиям населения. Во Франции не удалось попытки внедрить дополнительные партии, а также искусственно уменьшить число партий. Точно так же оказались безрезультатными попытки и вообще вытеснить партии из общественной жизни.

Э. ХЕЙВУД*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР¹

Политический спектр «слева направо» — это схематическое представление политических идей и убеждений, идеологических позиций политиков, партий и движений. Идея восходит к временам Французской революции, отражая то, как на первом заседании Генеральных Штатов в 1789 г. «расселись» депутаты. Точного значения у понятий «левый» и «правый», однако, нет. В общем виде линейный политический спектр (рис. 1) иллюстрирует различия в отношении к экономике и роли государства: левые отстаивают принципы вмешательства государства в дела общества и идеал коллективизма, правые отдают предпочтение рынку и индивидуализму.

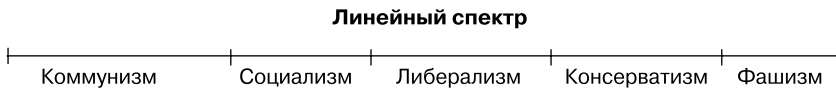

Рис. 1. Линейный спектр

За этим, однако, скрываются более глубокие идеологические и ценностные расхождения, которые можно представить следующим образом:

Левые	Правые
Свобода	Власть
Равенство	Иерархия
Братство	Порядок
Права	Обязанности
Прогресс	Традиция
Реформы	Реакция
Интернационализм	Национализм

* *Хейвуд Эндрю* — известный английский политолог, автор одного из лучших учебников по политологии в Великобритании.

¹ Печатается по: *Хейвуд Э.* Политология. М., 2005. С. 312–314.

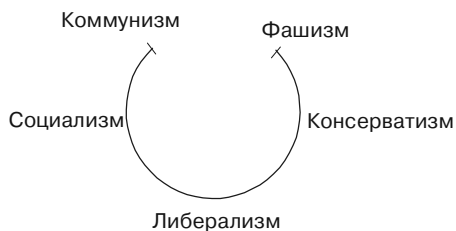

Рис. 2. Политический спектр «подкова»

В виде подковы (рис. 2) политический спектр стали представлять после Второй мировой войны, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, тоталитаристские и «монистические» (антиплюралистские) тенденции как фашизма, так и коммунизма, а с другой — толерантность и открытость иных идеологических направлений.

Рис. 3. Двухмерный спектр

Наконец, Гансом Айзенком (Hans Eysenck, 1964) был предложен двухмерный политический спектр с дополнительной вертикалью «авторитаризм — либерализм» (рис. 3), дающий более точную и объемную картину, чем содержится в традиционном спектре «слева направо»; схема Айзенка, кроме того, позволяет отделить экономическую ось (воззрения на должную организацию экономики) от политической (позиции в отношении гражданских свобод).

ФУНКЦИИ ПАРТИЙ

Хотя феномен партий, строго говоря, осмысливается по их главной функции — политической и государственной (замещение их членами тех или иных постов и отправление государственной власти), их влия-

ние на политическую систему гораздо шире и сложнее, а потому делать здесь какие-то обобщения весьма рискованно.

Конституционные партии, строго соблюдающие правила политической игры, часто изображаются бастионами демократии: если в обществе есть такие партии, это считается показателем его политического здоровья. В партиях, что монополизировали за собой право на политическую власть, напротив, видят инструмент манипулирования и политического контроля. Как бы то ни было, можно следующим образом определить главные функции партий:

- представительство;
- формирование и пополнение элиты;
- определение целей государственного развития;
- артикуляция интересов и их агрегирование;
- социализация и мобилизация граждан;
- формирование правительства.

Представительство

Коль скоро партии создаются для того, чтобы выражать интересы как своих членов, так и избирателей, главной их функцией является представительство. В переводе на язык теории систем они, можно сказать, служат устройством «ввода», или «входом», в государственную систему, через который сюда транслируются потребности, проблемы, устремления и желания общества. Понятно, что лучше всего эта функция выполняется в открытой и состязательной системе, где партии волеяневолей вынуждены реагировать на общественные предпочтения — кто-то даже скажет, что лишь в этом случае она, собственно говоря, и выполняется. Странники теории рационального выбора вслед за Энтони Даунзом (1957) объясняют данный процесс, уподобляя рынок политический рынку экономическому: здесь политики в поиске голосов избирателей действуют по сути как предприниматели, партии выступают как частные фирмы, а выбор остается за покупателем, то есть избирателем. Эта «экономическая модель», однако, весьма уязвима: в действительности партии стремятся не только реагировать на общественное мнение, но и формировать его; что до избирателя, то в жизни он отнюдь не такой уж информированный и рационально действующий покупатель, все думающий, что бы ему такое приобрести у этой или той партии.

Формирование и пополнение элиты

Одна из важнейших функций всех партий — поставлять государству политических лидеров. Это правило, исключением из которого, может быть, стал лишь генерал де Голль, когда в 1944 г. он предложил Франции

свои услуги, поставив себя над партиями, но создав, что примечательно, собственную партию — Союз в защиту Республики. Но это не типичный случай — обычно же политики только из партий и приходят на государственные должности: в предвыборных президентских кампаниях кандидаты являются, как правило, лидерами соответствующих партий, в парламентских же системах премьер-министром становится лидер партии большинства, контролирующей законодательное собрание. Кроме того, ведущим партийным фигурам достаются кабинетные и иные министерские посты, хотя в президентских системах, как, например, в США, в администрацию может быть назначен и беспартийный министр.

Словом, партии суть трамплин для политиков: здесь они приобретают навыки, знания и опыт; можно было бы даже сказать, что отсюда начинается отсчет их «стажа», не находясь это в зависимости от превратностей судьбы самой партии. Но у этой медали есть и обратная сторона, про которую можно сказать так: обступив государство со всех сторон, партии больше никому не дают пробиться даже к подножию власти; резерв, из которого пополняется руководство государства, — это, в сущности, лишь два-три десятка политиков из нескольких партий. Может быть, лишь в США картина несколько иная: процесс первичных выборов здесь столь широк, что партии попросту не в состоянии контролировать процесс первоначального отбора и выдвижения кандидатов.

Определение целей

Политические партии всегда были той средой, через которую общество осмысливает и определяет свои цели, а подчас и реализует их. Эту свою функцию они выполняют постольку, поскольку в борьбе за власть и расширение электората им приходится так или иначе определяться со своими политическими программами — на партийных съездах, в предвыборных манифестах и так далее. Тем самым они не только инициируют новые направления политики — на практике это чаще всего целый набор более или менее достижимых целей, который и преподносится избирателю.

Эта функция партий четче всего выражена в парламентских системах: здесь у победившей на выборах партии есть мандат, как раз и дающий ей право проводить свои программы в жизнь. Впрочем, нечто похожее может иметь место и в президентских системах, где вообще-то программам уделяется куда меньше внимания: примером может служить кампания Республиканской партии «Договор с Америкой» на выборах в Конгресс в 1994 г. И все же воздействие партий на политический процесс сокращается: причины в том, что партии все больше деидеологизируются, а в избирательных кампаниях все больше внимания уделяется не политическим проблемам, а личностям и имиджам. Да и в любом

случае партийные программы практически всегда корректируются под давлением чиновничества и групп интересов, а также факторов внешней и внутренней политики. Осуществлением же политики опять-таки занимаются не партии, а государственные служащие, если это только не однопартийная система, где правящая партия контролирует все уровни государственного аппарата.

Артикуляция интересов и их агрегирование

Вырабатывая цели, партии в то же время выявляют и выражают интересы различных слоев общества. Подчас партийные структуры, собственно, и развиваются как организации, через которые деловые круги, трудящиеся классы, религиозные и этнические сообщества и другие группы проводят в жизнь свои интересы. Скажем, Лейбористская партия Великобритании в свое время была основана профсоюзами, дабы обеспечить политическое представительство рабочего класса. Другие партии, напротив, сами искали те группы общества, которые могли бы стать их электоральной базой: именно так в США в конце XIX — начале XX в. партии стремились привлечь на свою сторону потоки иммигрантов.

Поскольку групп в обществе много и их интересы разноплановы, партии агрегируют эти интересы, сводят их в некое единое целое, находят общий знаменатель для различных их векторов. Конституционным партиям попросту приходится это делать, потому что иначе им не сохранить свои электоральные позиции, но то же самое по-своему происходит и в однопартийных системах, особенно с централизованным планированием, где иначе как через партию по теснейшим ее связям с государством никакие общественные интересы, собственно говоря, и не выражаются. Сказать здесь остается лишь то, что даже и многопартийные системы всех общественных интересов не выражают: интересы маргинальных слоев, как правило, остаются без внимания.

Социализация и мобилизация

В еще одной своей функции партии выступают важнейшим средством политического просвещения общества, чему служит многое — партийные дебаты и дискуссии, избирательные кампании и соперничество на выборах. Каждая партия концентрируется на каких-то своих проблемах, все вместе это становится политической повесткой дня общества, а традиции и ориентации партий — частью его политической культуры. В однопартийных системах распространение «официальной» идеологии (будь то марксизм-ленинизм, национал-социализм или идеи какого-либо харизматического лидера) официально признается одной из первостепенных или даже главной функцией партии.

Впрочем, и в многопартийных системах ведущие партии играют в этом отношении не менее важную роль: побуждая общественные группы соблюдать правила демократической игры, они тем самым явно или неявно мобилизуют их на поддержку существующего режима. Так, возникновение социалистических партий в XIX — начале XX в. позволило тогдашним режимам без особых проблем интегрировать рабочий класс в индустриальное общество. Сегодня, однако, приходится говорить о том, что во многих странах партии теряют эту свою мобилизующую функцию: сказывается феномен «исчезновения сторонников» и растущее разочарование общества в партиях власти. Наконец, некоторые партии окончательно потеряли общественный кредит: вкусив власти, многие из них, что называется, «испортились» и уже не способны привлечь к себе симпатии общества.

Организация правительства

Часто можно слышать, и это совершенно правильно, что без партий сложные современные общества пришли бы к состоянию полной неуправляемости. Во-первых, партии помогают формировать правительства, а в парламентских системах до такой степени, что здесь можно говорить о «партийном правительстве». Партии приносят в управление свою долю стабильности и внутреннего единства, особенно когда члены правительства — однопартийны и, следовательно, связаны общими симпатиями и контактами. Даже правительства, образуемые из партийных коалиций, легче приходят к единству и согласию, чем те, что состоят из отдельных индивидов, каждый со своими собственными приоритетами.

Кроме того, партии облегчают сотрудничество между двумя главными ветвями власти — законодательной и исполнительной. В парламентских системах это обеспечено тем, что правительство здесь формируется из одной или нескольких партий, имеющих большинство в законодательном собрании. Но и в президентских системах президент, взывая к единству партийных рядов, может оказывать то или иное воздействие на законодателей или даже как-то контролировать их. Наконец, партии, по крайней мере в состязательных системах, выступают важнейшим источником оппозиции и критики правительства как извне, так и изнутри. Это расширяет политическую дискуссию в обществе, привлекает более пристальное внимание к отдельным проблемам и в конечном итоге работает на эффективность государственной политики.

ПОЛИТОЛОГИЯ¹

Основные этапы партогенеза

Кристаллизация партийных функций, становление структуры партий и выработка их наиболее типичных способов деятельности в политической системе осуществлялись в многовековом процессе формирования и функционирования этого политического института (партогенезе). Сегодня, по прошествии нескольких столетий политической истории партий, можно выделить три его наиболее крупных исторических этапа.

Начальный этап партогенеза уходит корнями в конец XVII — начало XVIII в. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки. Политические процессы того времени, сопровождавшиеся Гражданской войной в США, буржуазными революциями во Франции и Англии, свидетельствуют о том, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формирующейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Знаменуя собой определенный этап в усложнении политической системы индустриального типа, партии возникли как инструмент ограничения абсолютной монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», утверждения в обществе всеобщего избирательного права, развития представительной системы. С их помощью изменение состава политической элиты, рекрутирование правящих кругов стало постепенно превращаться в дело избирательного корпуса.

Определяющую роль в возникновении партий играли классовые, социальные, национальные и прочие конфликты. Однако свое влияние

* Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова.

¹ Печатается по: Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для вузов. М., 2001. С. 219–223.

оказывали и социокультурные особенности развития отдельных стран, демографические процессы и даже религиозные мотивы (например, возникновение католических партий в Германии и Бельгии в XVIII в.).

Партии не сразу стали полноправным политическим институтом, способным оказывать существенное влияние на власть. Первоначально они представляли собой объединения знати, различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой общения единомышленников (например, Клуб кордельеров времен Великой Французской революции или «Реформ-Клуб», возникший в Англии в 30-х гг. XIX в.).

Непосредственное же влияние на превращение партий в активных участников политического процесса оказали предоставление личности политических прав, возникновение избирательных систем и парламентов. Так, первые партии, боровшиеся против феодальной власти, были созданы сторонниками либеральных воззрений (виги в Великобритании, прогрессивная партия в Германии, Бельгийская либеральная партия и др.).

Однако, выражая групповые интересы и так или иначе проявляя свою самостоятельность и оппозиционность государству, партии в то время практически однозначно воспринимались как источник кризисов и раскола общества. Антипартизм был наиболее распространенным идейным и психологическим течением. Его основной причиной было повсеместно распространенное убеждение, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиции). Не случайно многие выдающиеся ученые и политики того времени отрицательно оценивали деятельность партий как нарождающегося и набирающего силу политического института. Исключительно популярной была идея заговора партий против государства. К примеру, Ф. Бэкон писал: «... усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государя и весьма вредит их славе и успеху их дел». Т. Гоббс прямо указывал на то, что «... партии приводят к мятежам», а Дж. Вашингтон в «Прощальном послании» американскому народу предупреждал об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. И только немногие политические деятели той эпохи были более лояльны к партиям. Например, Н. Макиавелли, хотя и считал, что «образование партий — зло, а безнаказанность зла порождает во всех стремление разделяться на партии», все же оценивал их по своему полезными, поскольку граждане, «умудренные пагубным опытом других» (подразумевалось: тех, кто испытал порожденные партиями вражду и раздоры), «научились бы сохранять единство».

В XIX столетии партии в основном укрепили свое положение в политической системе, став важным механизмом представительства ин-

тересов общества. В то же время начавшийся с первой четверти столетия процесс формирования массовых, в основном социалистических, партий обозначил ряд качественно новых тенденций, обусловивших, в частности, изменение ведущих типов партий и их роли в политическом процессе различных стран и позволивших говорить о втором этапе партотгенеза.

Так, Р. Михельс, М. Вебер, М. Я. Острогорский подметили зарождавшиеся в лоне социалистических партий тенденции к нарастанию роли партийного аппарата в ущерб рядовому членству, к бюрократизации партийных объединений, ко все возрастающему господству партийных лидеров и элит. Так, Михельс в книге «Политические партии. Социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии» (1911) писал, что чем больше расширяется и развивается официальный аппарат партии, тем больше вытесняется из нее демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов. Причины отрыва партийного руководства от рядовых членов партии он видел в технической неспособности большой массы людей к управлению, а также несменяемости руководителей, в их закоренелом негативном отношении к рядовым членам.

Подтверждая этот тезис, Острогорский указывал на то, что основная часть членов партии становится объектом манипулирования со стороны партийной элиты («кокуса»). Под их влиянием партии пытались вырвать из рук парламента законодательную функцию, подавить спонтанное выражение политически информированных групп, разрушить либеральную демократию. Поэтому, считал он, на место партий с жесткой организацией «должны быть поставлены свободные общественные ассоциации, движения, ставящие перед собой более конкретные и выполнимые задачи разного рода, причем участие в одной из них не должно исключать участие в другой, так, чтобы два человека, оказавшиеся противниками по одному вопросу, стали затем союзниками по другому».

Помимо нарастающей бюрократизации партий ученые подметили и то, что в связи с встраиванием партий в избирательные процессы их идейные принципы, которые ранее привлекали рядовых граждан и стимулировали их членство, стали препятствием для завоевания партийной элитой электоральной поддержки. Поэтому идеология постепенно приносилась в жертву голому прагматизму, успеху на выборах. Партийные лидеры больше ориентировались на завоевание массовой поддержки, опасаясь отождествления их партии с определенным классом и соответствующей идеологической доктриной. Партии превращались в ассоциации «хватай всех», беря на себя функцию выражения интересов большинства нации.

Усиление централизации и прагматизации деятельности партий, с точки зрения М. Вебера, позволяло рассматривать их как объединения,

члены которых пытаются добиться власти для своих лидеров, способных в дальнейшем обеспечить «духовные или материальные преимущества» для их «активного членства».

Наряду с оценками этих представителей романо-германской школы в науке в то время сформировались и другие теоретические позиции. Так, марксисты, делавшие упор на классовых основаниях возникновения партий, возвестили о возникновении коммунистических партий (партий «нового типа»), обладавших способностью возглавить политическое движение прогрессивных классов и выступить в роли ведущей и направляющей преобразования силы. В противоположность такому пониманию сторонники рыночной теории рассматривали партии как «свободного игрока» на политической сцене, способного «вступать в сделки» в интересах «политической игры» и потому не обладавшего никакими «своими», в том числе классовыми, позициями.

Современный этап партогенеза свидетельствует о том, что партии стали не просто органическим, но и одним из основных элементов организации политического порядка и функционирования публичной власти. По мере развития парламентских, конституционных основ буржуазной государственности партии укрепляли свой политический и правовой статус. После Второй мировой войны в конституциях разных стран появились соответствующие статьи, а в 70-х гг. сложилось достаточно развернутое законодательство, регламентирующее их деятельность. Поощряя плюрализм политической жизни, партии стабилизировали систему власти, основанную на устойчивом представительстве интересов граждан. Таким образом, в данное время партии представляют собой такой институт власти, без которого не могут осуществляться выборы как основной механизм формирования государственности, легальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

В то же время в разных странах партии играют весьма не однозначные роли. Так, в стабильных демократических государствах, несмотря на статус партий, органическую встроенность их в механизмы государственной власти, деятельность партий сочетается с активностью множества других участников избирательного процесса, причем не только многочисленных групп интересов, СМИ, но и успешно конкурирующих с ними независимых кандидатов. Взаимоотношения населения с властью стали более непосредственными, сильнее ориентированными на индивидуальные позиции граждан. Как писал С. Хантингтон, чем быстрее росла «приверженность американцев своим политическим убеждениям», тем равнодушнее относились они к групповым формам выражения своих политических интересов.

Вместе с тем многие партии, привыкнув к роли постоянного звена в процессе принятия государственных решений, зачастую стали усмат-

ривать свою главную цель в борьбе против правительства, а не в завоевании электората. В этом смысле, по мнению немецкого теоретика К. фон Бойме, партии, усилив свою роль в отборе политических элит, в определенной степени утратили влияние на политическую социализацию граждан. Весьма ощутимой тенденцией во многих западных демократиях стало и снижение партийной идентификации. Поэтому, укрепив демократические ценности в политической жизни своих стран, партии кое-где начинают «уходить в тень», повышая шансы менее формализованных и гибких посредников в отношениях между населением и властью. В самих партиях эти веяния времени стимулируют тенденции децентрализации и усиления роли местных организаций, ослабления требований к партийной дисциплине, расширения связей с разнообразными неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества.

В то же время в странах, переживающих этап модернизации, получили развитие иные тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в посттоталитарных государствах, переживших период жестких идеологических требований к членству в правящих партиях, сохранилось существенное неприятие партийного членства. Это мешает полноценному использованию партийных институтов для возвращения людей в политическую жизнь. Правда, борьба за выбор направления общественного развития, поиск консолидирующих социум ценностей порождают мощные источники формирования новых политических партий. При этом во вновь образующихся партиях сосуществуют тенденции к превращению их как в идеологически нейтральные организации, рассчитанные на максимально широкую социальную поддержку, так и в объединения с жесткими идейными требованиями к своим членам, централизованной организацией управления и авторитарной ролью лидеров. Отличительной чертой развития партий в этих странах является и перманентное изменение у многих из них идейной ориентации, радикализация их политических требований, тесная связь с группами давления, а в некоторых случаях даже криминальными структурами.

**ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ МОДЕЛИ ПАРТИЙНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КАРТЕЛЬНЫХ ПАРТИЙ»¹**

Типология политических партий

Теория «картельных партий» (здесь будем пользоваться данным термином, хотя он и критикуется, например, Клаусом фон Бейме: Веуме, 1996, р. 145–146) была предложена Кацем и Мэйром (Katz, Mair, 1995) и сразу же вызвала особый интерес у исследователей. Она строится на сравнении этих партий с предыдущими партийными типами на основе различных критериев, прежде всего касающихся исторического контекста их деятельности, места в системе «гражданское общество — государство», внутренней организации партий (членство и лидерство), особенностей проводимой политики, отношения к выборам и средствам массовой информации. Как подчеркивают авторы концепции, «картельные партии» появились прежде всего там, где наблюдается усиленная поддержка деятельности партий со стороны государства, есть возможность для партийного патронажа, активно проявляется традиция межпартийной кооперации и сотрудничества (ibid, р. 17).

В основе появления «картельных партий» лежит процесс изменения отношений политической партии, с одной стороны, с гражданским обществом, а с другой — с государством. Исторически первым типом выделяются элитные партии (также «кадровые», или «кокус»-партии), такие партии были в основном собранием людей, тесно связанных с государством и гражданским обществом (рис. 1).

Элитные партии не характеризуются устойчивым членским составом; действуют скорее как клубы, а не как партийные ячейки; состоят из образованных слоев общества, занимающих господствующее положение в экономике и политике; ограничение избирательного права ска-

¹ Печатается по: *Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология: Учебник. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 309–313.

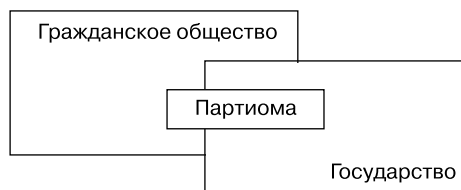

Рис. 1. Место элитных партий в отношениях между гражданским обществом и государством

зывается на довольно прохладном отношении к избирательным кампаниям; как правило, в руках представителей элитных партий находятся средства массовой информации.

Развитие индустриального общества с его социально-классовой дифференциацией и углублением конфликта между социальными группами приводит к формированию такого типа партий, как массовые партии. Их место в системе отношений «гражданское общество — государство» несколько изменяется (рис. 2). Массовые партии отвечают на усиливающийся разрыв между составом гражданского общества и составом государства, становясь по сути связующим звеном между ними и механизмом рекрутирования политического персонала государственных структур.

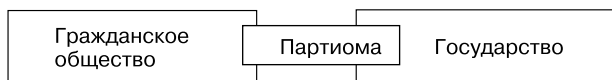

Рис. 2. Место массовых партий в отношениях между гражданским обществом и государством

Возникшее всеобщее избирательное право заставляет партии более внимательно относиться к избирательным кампаниям: формируется устойчивый членский состав партий; партии борются за его расширение, ориентируются на вполне определенные социальные группы избирателей, идеологически оформляют свою политику, создают свои собственные средства массовой информации. Массовые партии — это мобилизационные партии; они придают большее значение развитию организации партии, чем собственно государству. Делегатская система выборов предполагает ответственность избранных в государственные органы депутатов перед избирателями, которые делают выбор между партиями. Однако массовая партия, борясь за голоса избирателей, вынуждена выходить за границы своей репрезентации частных социальных интересов, обращаясь к широким социальным слоям и к единому национальному интересу. Акцент на массовых организациях как поддерживающих парламентские партии, а не на партиях как агентах этих организаций подрывает связи партии с массами. Кроме того, ряд обстоя-

Рис. 3. Место «всеохватных партий» в отношениях между гражданским обществом и государством

тельств, связанных с политикой государства всеобщего благосостояния, ростом социальной мобильности и развитием средств массовой информации, заставляют партийных лидеров менять не только стратегию и тактику политической борьбы, но и характер партийной работы. Олигархизация массовых партий, с одной стороны, конституционализация их деятельности — с другой, все более и более способствуют привязке их к государству. В послевоенный период все явственнее стали проявляться черты нового типа партий — «всеохватных партий» («catch-all parties»).

Понятие «всеохватные партии», использованное впервые Кирхаймером в 1966 г. (Kircheimer, 1966), отражало новые процессы в отношениях между партиями, государством и гражданским обществом. Во-первых, эрозия жестких социальных границ между группами ослабляла политическую идентификацию населения и размывала прежние зависимости между их интересами и партиями. Во-вторых, экономический рост и политика всеобщего благосостояния заставили разрабатывать партийные программы, которые отражали интересы не отдельных групп, а всего населения или почти всего. В-третьих, развитие средств массовой информации позволило обращаться партийным лидерам ко всем избирателям сразу, а не к какой-то особой их части, и сделало последних скорее «покупателями» партий, а не их активными участниками. «Всеохватные партии» превратились в брокеров, торгующих государственными постами (рис. 3).

С одной стороны, партии все более и более проникаются государственным интересом и все менее и менее становятся агентами гражданского общества. Конечно, они продолжают агрегировать и представлять требования населения, но главной их задачей становится защита государственной политики перед населением. Соответствующей таким партиям концепцией демократии становится плюралистическая концепция. В соответствии с ней демократия представляет собой сделку и компромисс независимых интересов.

Партии, строя коалиции, защищают одни интересы от эксплуатации со стороны других интересов, т.е. становятся открытыми к любым интересам. Избирательные кампании превращаются в выбор команды лидеров, а не в борьбу идеологически и социально сгруппированных интересов. Мэйр и Кац подчеркивают, что «всеохватные партии» приобретают новые важные качества, которые были не свойственны их

предшественникам. Во-первых, положение партий как брокеров между гражданским обществом и государством предполагает, что партии начинают проявлять свои собственные интересы, отличные от интересов их клиентов. Более того, они способны брать вознаграждение за свои услуги. Во-вторых, способность партий выполнять брокерские работы зависит не только от их способности обращаться к электорату, но также от их способности манипулировать государством. Но если партия может манипулировать государством в интересах своих клиентов в гражданском обществе, она так же способна манипулировать государством в своих собственных интересах (*ibid*, p. 14).

Дальнейшее развитие партий идет в направлении все более тесной связи между партиями и государством, а также усиления связи между партиями. Возникающий тип «картельных партий» становится механизмом распределения государственных постов между профессиональными группами политиков, основывающимся на непосредственности связи политика и избирателя без посредства партийной организации, на широкой коалиционной основе, на сокращении дистанции между лидерами и избирателями, на больших государственных субсидиях партийной деятельности и т.д. (Weume, 1996, p. 145–146). Изменяются структуры электоральной конкуренции: они становятся определяемыми и регулируемыми. Конечно, партии продолжают конкурировать между собой за государственные посты, но, как подчеркивают Кац и Мэйр, «они делают это, признавая, что они разделяют со своими конкурентами взаимный интерес в коллективном организационном выживании, и в некоторых случаях даже ограниченный стимул к соревнованию действительно заменяется позитивным стимулом не конкурировать» (Katz, Mair, 1995, p. 19–20). Кампании, проводимые «картельными партиями», становятся капитал-интенсивными, профессиональными и централизованными; партии всецело полагаются на ресурсы, поступающие от государства. Изменяется отношение между лидерами и партийными членами. Деятельность «картельных партий» приводит к тому, что различия между членами и нечленами партий становятся несущественными. Атомистическая концепция партийного членства основывается на возможности прямого контакта избирателя с лидерами, минуя посредническую роль партийных организаций. Усиливается самостоятельность местных партийных лидеров, а также их влияние на политику центра.

«Картельные партии» вызывают необходимость пересмотра нормативной модели демократии. Сущностью демократии становится способность избирателей выбирать из фиксированного числа политических партий. Партии становятся группами лидеров, которые конкурируют за возможность занять правительственные посты и взять ответственность на предстоящих выборах за правительственную деятельность. «Демократия становится публичным заискиванием элит, а не включением населения в производство политической стратегии» (*ibid*,

Типы партий

Характеристики	Элитная партия	Массовая партия
Исторический период	XIX век	1880–1960 гг.
Степень вовлечения масс	Ограниченное право голоса	Расширение избирательных прав и всеобщее избирательное право
Уровень распределения политически значимых ресурсов	Значительно ограниченное	Относительно концентрированное
Основные цели политики	Распределение привилегий	Социальная реформация (или сопротивление ей)
Основа партийной конкуренции	Предписанный статус	Репрезентативная способность
Структура электоральной конкуренции	Управляемая	Мобилизация
Природа партийной деятельности и партийных кампаний	Иррелевантная	Деятельностно-интенсивная
Основной источник партийных ресурсов	Личные контакты	Членские взносы и пожертвования
Отношения между обычными членами и партийной элитой	Элиты являются «обычными» членами	«Снизу вверх» (Михельс), элита ответственна перед членами
Характер членства	Небольшое и элитистское	Большое и однородное активно вовлекаемое членство на основе идентичности, акцент на правах и обязанностях
Партийные каналы коммуникации	Межперсональные структуры	Партия находит свои собственные каналы коммуникации
Положение партии между гражданским обществом и государством	Неясные границы между государством и политически релевантным гражданским обществом	Партия принадлежит гражданскому обществу, первоначально как представители релевантных сегментов гражданского общества
Репрезентативный стиль	Опекун	Делегат

Источник: Katz, Mair, 1995. P. 18.

и их характеристики

«Всеохватная партия»	«Картельная партия»
1945–	1970–
Всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право
Менее концентрированное	Относительно рассредоточенное
Социальное улучшение	Политика как профессия
Эффективность политики	Управленческие способности, действенность
Конкурентная	Ограниченная
Деятельностно- и капитал-интенсивная	Капитал-интенсивная
Пожертвования из большого числа источников	Государственные субсидии
«Сверху вниз», члены организованы для одобрения элит	Стратархия, взаимная автономия
Членство, открытое для всех (гетерогенное и поощряемое), акцент на правах, а не обязанностях, членство маргинальное по отношению к индивидуальной идентичности	Ни права, ни обязанности не являются важными (различия между членами и не-членами неясные), акцент на членах как личностях, а не как единицах организации, члены оцениваются по вкладу в легитимизационный миф
Партия соревнуется за доступ к непартийным каналам коммуникации	Партия получает привилегированный доступ к государственно-регулируемым каналам коммуникации
Партии как конкурирующие брокеры между гражданским обществом и государством	Партия становится частью государства
Предприниматель	Государственный деятель

р. 22). Если ранее можно было говорить о четком разделении правящих и оппозиционных партий, то при картельном типе партии ни одна из значимых партий не может рассматриваться находящейся «вне власти». Неразличимость партийных программ делает ответственными за государственную политику все партии и в то же время понижает ответственность конкретной партии. Демократия скорее становится средством достижения социальной стабильности, а не социальных перемен.

Основные признаки четырех типов партий — элитных, массовых, «всеохватных», «картельных» — были сведены авторами концепции в таблицу. Она позволяет более четко представить различия между типами партий, а также увидеть тенденции в развитии западноевропейских партий. С некоторой корректировкой подобная таблица представлена в работе Бейме (Beume, 1996, p. 150).

ПАРТИИ БЕЗ УСТОЙЧИВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОПОРЫ? ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ¹

Работа известного современного политолога — специалиста в области политических партий Томаса Погунтке выполнена в рамках проекта Кильского университета по исследованию европейских партий и посвящена изменению политических связей между партиями и гражданским обществом в современной Европе. Автор рассматривает основные тенденции во взаимоотношениях партий и общества в условиях постиндустриальной и информационной модернизации европейской политической системы, приведшей к эволюции роли и места политических партий, а следовательно — и структуры политических связей.

Изменение роли европейских политических партий в рамках системы взаимоотношений «общество — партии — государство» во многом стало результатом новых явлений в жизни партий, тактика которых стала нацелена, главным образом, на получение мест в правительстве. Это стало рассматриваться ими в качестве доминирующей установки в политической деятельности. Данное обстоятельство привело к возникновению совершенно нового типа партий, получивших название «картельные». В развитых демократиях они играют двойную роль. С одной стороны, они являются добровольными общественными организациями, с другой — проводниками государственной политики, выступая при этом частью государственного механизма. Учитывая данную специфику современных партий, автор ставит перед собой цель раскрыть особенности взаимосвязи между ними и их «социальной опорой», определив, насколько социальные корни являются значимыми для этих организаций.

Автор рассматривает политическую взаимосвязь как ключевую в обеспечении демократического управления, гарантирующую участие

¹*Poguntke T. Parties without firm social roots? Party organizational linkage/ Keele European Parties Research Unit (KEPRU). — Keele, 19. — (Working paper № 13).*

Реферат О. Каринцева. Печатается по: Партии и выборы: Хрестоматия / Отв. ред. Г. Н. Андреева, Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 2. М.: ИНИОН, 2004.

граждан в осуществлении государственной политики. При этом он опирается на определения, данные Латбегом и Кеем. Согласно первому, политическая взаимосвязь — это любые средства, которые применяет политический лидер в соответствии с желаниями, нуждами и требованиями общества при осуществлении публичной политики. Что же касается Кея, то он понимал политическую взаимосвязь как связь между массовым мнением и публичным решением. Автор подчеркивает, что политическая взаимосвязь — это не просто коммуникация, но и согласование решений элиты с предпочтениями граждан, что необходимо для партий, желающих добиться успеха на выборах и получить места в правительстве. Даже оппозиционные партии, которые не ставят перед собой цель участвовать в правительстве, обеспечивают взаимосвязь. Оказывая давление на конкурирующие партии, они вынуждают их регулировать свою политику, чтобы не допустить усиления политических оппонентов.

При рассмотрении политической взаимосвязи, автор концентрирует внимание на ее организационном аспекте, так как успех взаимосвязи во многом зависит от эффективного построения партийных организаций. Обеспечивая открытую для обеих сторон связь между управляющими и управляемыми, партии могут добиться поддержки на выборах. Для достижения этой цели они могут использовать две стратегии, базирующиеся на механизме обмена голосов на политические курсы или политические обещания: непосредственная коммуникация с избирателями и опосредованная различными организационными посредниками. В зависимости от применения той или иной стратегии, автор подразделяет политическую взаимосвязь на два типа: прямую и организационную. В первом случае взаимодействие реализуется через СМИ, нередко с использованием методов политического маркетинга. Основу прямой взаимосвязи составляет индивидуализированный обмен: политики стремятся узнать распределение индивидуальных предпочтений, а в обмен получить поддержку на выборах, которая может поддерживаться посредством социально-психологической идентификации с партией.

Что касается организационной взаимосвязи, то она базируется на обмене между партийными элитами и элитами организаций, способными мобилизовать поддержку или, наоборот, отказаться от поддержки политической партии. Таким образом, эта взаимосвязь позволяет партийным элитам получить более ясное представление о состоянии соответствующих групп их электората, чем прямая. Если достигается согласие между партийной элитой и руководителями общественных организаций, то последние организационно мобилизуют электорат в поддержку партии. Пока организационная интеграция высока, члены организации могут отдать свой голос согласно рекомендации своих лидеров: они лояльны, прежде всего, своей организации. Таким образом,

организационная взаимосвязь расширяет организационную «досягаемость» для партийных элит того пространства, которое находится за границей их собственной организации. При этом такое взаимодействие облегчает двухстороннюю коммуникацию между партийными элитами и группами избирателей, установленную через организационные каналы и основанную на обмене электоральной мобилизации на политическую отзывчивость.

Помимо выделения прямой и организационной взаимосвязи, автор различает также формальную и неформальную взаимосвязи.

Неформальные взаимосвязи между политической партией и заинтересованной организацией основываются на реакции на давление, которое осуществляется во время переговоров между элитами. Они имеют возможность мобилизовать своих членов против политики партии, например, отговорить их от голосования на выборах за соответствующую партию. Поэтому очевидно, что и партия, и сопутствующая организация должны принадлежать к одному и тому же политическому лагерю.

Формальные взаимосвязи между организациями могут также в некоторых случаях предполагать реакцию на давление, но, прежде всего, они основываются на принципе проникновения. В большинстве случаев это означает, что организационные элиты гарантируют постоянный доступ к органам принятия решений в партии (или наоборот). В относительно немногих случаях такие связи базируются на пропорциональном представительстве членов на партийных собраниях. Такие права доступа и участия обычно прописываются в уставе партии.

Формальная взаимосвязь более длительна, устойчива и эффективна, чем неформальная. Вместе с тем эффективность взаимосвязи зависит не только от степени формальности контактов, но и от природы организационного окружения партии.

Автор предлагает классификацию типов организационного окружения, с которым партии стремятся установить устойчивые отношения, руководствуясь определенными целями. В качестве организационного окружения могут выступать как государственные институты, так и организации гражданского общества.

Среди последних выделяются новые общественные движения, сопутствующие организации и организации членов партии. Налаживание политической взаимосвязи между партией и новыми социальными движениями достаточно затруднительно в силу особенностей последних: недостатка формальной организации, организационной аморфности и отсутствия внутренней иерархии и стабильной управленческой элиты. Что же касается относительно формализованных движений, таких как Гринпис или Международная Амнистия, то для них характерно стремление к сохранению беспартийного положения, что также затрудняет их взаимосвязь с партиями.

По сравнению с новыми общественными движениями сопутствующие организации имеют свои преимущества. Под сопутствующими организациями автор понимает посреднические организации, которые формально или неформально взаимодействуют с политическими партиями и, таким образом, соединяют партийные элиты с целевым электоратом. Сопутствующие организации отбирают, артикулируют и агрегируют интересы своих членов и, соответственно, пытаются влиять на политику партии. Целевыми аудиториями сопутствующих организаций, как правило, являются определенные социальные группы, представляющие четко выраженные интересы. Это позволяет привлекать людей, не желающих вступать в политические партии, но симпатизирующие им (например, радикальные молодежные организации, критикующих партию за умеренность, но одобряющих ее деятельность в целом, или католики — члены религиозных организаций, не желающие вступать в партию непосредственно). Сопутствующие организации могут создаваться непосредственно партией, а могут и возникать независимо от партий. Некоторые подобные организации полностью независимы от партий, но в то же время многие значительно привязаны к партии через частично или полностью накладываемое членство и взаимные права в определении кампании. Последние входят в партийные организации и требуют, чтобы все члены вступили в партию, они, однако, способны к привлечению членов, которые не были бы готовы вступить в партию. Такая унитарная структура типична для социал-демократических партий, в то время как у представителей других идеологических «семей» существует только частичное «наложение» членов партий и аффилированных организаций. Партии часто объединяют обе организационные модели или ослабляют требования членства. Таким образом, связь через корпоративное членство существенно отличается от связи между партией и посреднической организацией и предполагает коллективное членство.

И наконец, последний тип организационного окружения партии — организация членов партии. Данный тип является достаточно эффективным типом взаимосвязи. Члены партии более внимательны к политическим действиям партии и, следовательно, более информированы о ее политике. Кроме того, члены партии — важные «датчики» общественных настроений, обеспечивающие обратную связь, что немаловажно для партий. Чтобы гарантировать мобилизацию и поддержку рядовых членов, национальная партийная элита должна выработать соглашения о тактике с элитами среднего уровня, иначе она рискует утратить часть своих членов, которые остаются пассивными в течение избирательной кампании или протестуют против политики, которая поддерживается национальными лидерами.

В целом организационная взаимосвязь эффективней прямой, особенно если она формализована.

Далее автор рассматривает проблему операционализации политической взаимосвязи. Наиболее распространенный способ операционализации — это стандартное измерение количества членов партии. Однако, по мнению автора, только меньшинство членов партии активно вовлечено в ее внутреннюю жизнь.

Существует еще одна важная характеристика партии — плотность членства, индикатором которой является доля членов партии в электорате партии. Однако данный показатель также не лишен недостатков, так как он не отражает активные действия партий по рекрутированию новых членов и уменьшение электората.

Как уже было сказано выше, формальная связь с сопутствующей организацией основывается на принципе проникновения. Члены одной организации (главным образом элита) имеют гарантированное право доступа к важным органам принятия решения другой. В целом сила связи партии может быть измерена через количество и интенсивность таких организационных связей партии с одной или несколькими сопутствующими организациями.

Автор представляет данные, полученные из уставов партий между 1960 и 1989 гг. Он отмечает, что хотя партийные уставы не обязательно отражают достоверную информацию о деятельности партии, но, однако, представляют «решающие ограничения во внутренних играх власти». Кроме того, партийные уставы имеют тенденцию отражать существующее равновесие сил в пределах партии как политической системы, и, следовательно, проявляются, в конечном счете, в изменении правил.

Далее автор переходит к рассмотрению взаимосвязи и плотности членства на основе эмпирического материала о конкретных партиях, представляя эмпирические данные о 78 партиях 11 западноевропейских стран (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания).

На основе эмпирических данных автор делает следующие выводы. Во-первых, в среднем традиционные кадровые партии имеют более сильную организационную связь, чем массовые. Во-вторых, ожидалось, что процессы социальной модернизации ослабят роль партий в обществе, однако произошло увеличение их роли. В-третьих, в новых партиях заметен недостаток организационной взаимосвязи

Т. Погунтке отмечает, что взаимосвязь посредством членских организаций заметно ослабла с 1960 г., в результате этого процесса больше всего пострадали традиционные кадровые партии. Партиям без традиции массовости трудно поддерживать большое количество членов в период упадка института членства. Новые партии характеризуются очень слабой связью, а увеличение средней плотности членства в 80-х — лишь временное явление. Складывается парадоксальная ситуация с комби-

нацией стабильности и перемен. В то время как связь через параллельные организации была чрезвычайно устойчива, западноевропейские членские организации существенно уменьшились в размерах. С тех пор как произошло увеличение доли голосов, поданных за новые партии, в западноевропейских партийных системах после 60-х политическая взаимосвязь пришла в упадок.

По мнению автора, одна из возможных причин упадка членства — неэффективность данного типа связи для ведения электоральных кампаний.

Оба типа взаимосвязи помогают партиям стабилизировать свое электоральное окружение. Безусловно, партийная организация имеет значение и для связи с сопутствующими организациями, и для членства. Партийные элиты имеют мощный стимул поддерживать сильную организацию членства, поскольку оно представляет важный избирательный актив.

Автор выделяет три типа связей партийных элит с обществом:

1. Связь через формальную организацию. Посредством данного типа взаимосвязи партийные элиты устанавливают отношения, прежде всего, с традиционными сегментами общества, которые включают тех, кто готов вступить в партию, или членов сопутствующих организаций, защищающих относительно гомогенный социальный интерес. Роль этих организаций снизилась, но тем не менее ни партия, ни организационные элиты не заинтересованы в прекращении отношений. В то время как связь через сопутствующую организацию поддерживалась, кризис членства в партии был виден невооруженным глазом.
2. Связь через новые социальные движения. Данный тип коммуникации важен тем, что он обеспечивает взаимосвязь с современными индивидуализированными сегментами электората. Протестные движения отказались присоединяться к формальным организациям, но партии, сочувствующие новым инициативам, заинтересованы в установлении устойчивых отношений с «сектором протеста».
3. Прямая связь. Она помогает коммуникации с теми частями электората, взаимосвязь с которыми не может быть достигнута другим путем. Посредством данного типа связи вовлекается та часть электората, которая отчуждена от политики или интересуется политикой, но не хочет участвовать в коллективных формах политической деятельности.

Старые традиционные партии используют все способы связи. Они смогли сохранить свои связи с параллельными организациями, но в то же время оказались неспособны к снижению их собственной членской

базы. На основе идеологической ориентации старые партии часто могли также объединяться с различными движениями (особенно это касается левых, которые особенно успешно поддерживали неформальные союзы с частями экологического движения и движения за мир). Новые партии, напротив, не заимствовали сильные организационные взаимосвязи. Старые партии могут положиться на относительно устойчивое ядро избирателей, которых они вовлекают через организационную взаимосвязь. Но в то же время сильные связи с мощными социальными интересами, подобно профсоюзам или региональным организациям, могут мешать политическим партиям отвечать на требования избирателей. Существует проблема «взаимного давления», когда партия пытается привлечь на свою сторону социальные группы с пересекающимися интересами.

Все партии без сильных связей (главным образом новые партии) зависят от эффективного действия прямых методов коммуникации. Поскольку число «одиноких» избирателей увеличилось в современных демократиях, их возможности возросли.

В настоящее время политические решения могут все более и более определяться результатами политического маркетинга. Это неизбежно будет вести к менее последовательному политическому позиционированию партий. Данный процесс отражает растущую разнородность в современном обществе, но главным образом он указывает на изменения в формулировке внутренней политики. Вслед за снижением организационной связи традиционные партии все больше зависят от их избирателей. Сталкиваясь со снижением устойчивых социальных союзов и снижающейся способностью формулировать однозначные политические альтернативы, электоральная привлекательность традиционных партий все больше зависит от их лидеров как «медиаисполнителей». Они могут воздерживаться от прямого популизма, но соблазн воспользоваться таким способом привлечения голосов сохраняется.

**«КРАЙНЕ ПРАВЫЕ» В ЕВРОПЕ:
ГДЕ, КАК И ПОЧЕМУ?¹**

Мы уже давно предпочитаем не использовать термин «крайне правые», поскольку его часто употребляют в негативном смысле. Кроме того, он охватывает очень разнородные идеологические реалии. Поэтому при описании деятельности внепарламентских и националистических «крайне правых» движений мы чаще прибегаем к понятию, распространенному как в англосаксонской политической науке, так и среди немецких и итальянских ученых, — «радикально правые». Однако мы наделяем его и другим смыслом. Нам кажется, что термин «крайне правые» не вполне правомерно объединяет на одном политическом континууме ультраправые движения с партиями, заявляющими о своей принадлежности к либеральным или консервативным силам и разделяющими ценности индивидуализма и философию Великой французской революции и Просвещения. Если использовать устоявшуюся классификацию Пьеро Игнаци, то эти партии можно отнести к «традиционным» или партиям «постиндустриального экстремизма». Большая часть «крайне правых» отвергает либеральные ценности и заявляет о своем разрыве с другими правыми силами. Однако именно этот разрыв, которым они так гордятся и объясняют свои притязания на воплощение глобальной альтернативы «системе», оправдывает использование понятия «радикально правые». Другие политические движения, которые получают от выборов к выборам все больше голосов — например, популистские националистические партии в Скандинавских странах, — наоборот, избегают проводить различия между собой и другими правыми движениями, и в этом смысле они, безусловно, являются «крайне правыми»...

* Камю Ж.-И. — сотрудник европейского центра изучения расизма и антисемитизма (Париж), автор работ о крайне правых политических силах.

¹ Camus J.-Y. L'extrême droite en Europe: ou 1, sous quelle formes, pourquoi?// Pouvoirs. P., 1998. № 87. P. 21–34 / Пер. с фр. М. Нурланова, С. Зверева, И. Чамова.

Печатается по: Партии и выборы: Хрестоматия / Отв. ред. Г. Н. Андреева, Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 2. М.: ИНИОН, 2004.

«Крайне правые» в Европе: обзор

В рамках Европейского союза французский Национальный фронт (le Front National) зачастую служит организационной и идеологической моделью для других партий националистического толка. Это проявляется даже в выборе названий («Frente Nacional» Бласа Пинара в Испании, итальянский Fronte Nazionale, созданный в 1997 г. Адриано Тильером). Для партий «постиндустриального экстремизма» он также играет роль партийного образца¹. Кстати, именно поэтому Национальные фронты выдвигают инициативы по созданию «интернационала» «крайне правых» партий, будь то идея Ле Пена о Евро-Нате или Хартия молодых европейских националистов, предложенная в июле 1998 г. молодежным отделением Национального фронта.

Германоговорящие государства

В Германии, Австрии и Швейцарии Национальные фронты не имеют никакого влияния. «Крайне правые» в Германии и Австрии имеют общую культуру, основанную на идее пангерманизма, принадлежности к народной (völkisch) модели национальной идентичности, территориальном ирредентизме и историческом ревизионизме. Националистический популизм республиканцев (Republikaner) и Австрийской партии свободы (Freiheitliche Partei Österreichs) Йорга Хайдера распространяется на «крайне правых» в Швейцарии, которые особенно активно действуют в германоговорящей части Швейцарии и в италияязычном кантоне Тичино (Тичинская лига (Lega dei Ticinesi) получает на уровне кантонов 18,6% голосов). Швейцарские демократы, возглавляемые Рудольфом Келлером, имеют 3 депутатов в Федеральном совете и в среднем 3,1% голосов по стране; Партия свободы, протестное движение, отколовшееся от Партии автомобилистов, имеет 7 депутатов и 4,5% голосов. Однако наиболее успешно основные пункты программ «крайне правых» в Швейцарии озвучивает возглавляемое Кристофом Блохером цюрихское отделение Демократического союза, входящего в правительственную коалицию (14,9% голосов на федеральном уровне). К этим пунктам относятся борьба с иммиграцией и противодействие требованиям предоставления убежища (Швейцария предоставляет убежище значительной части беженцев из Косово), отказ от присоединения к Европейскому союзу и недоверие к международным организациям, пересмотр вопроса о возмещении денежных средств евреям, снятие с себя чувства вины за сотрудничество с фашистами во время Второй мировой войны.

¹ В 1960–1970-е гг. эту функцию в среде традиционных экстремистских партий выполняло Итальянское социальное движение (MSI — Movimento Sociale Italiano).

«Крайне правые» в Германии, и в частности республиканцы, играют ключевую роль в выстраивании отношений между ультраправыми движениями в Европе. С одной стороны, между французским Национальным фронтом и республиканцами установлены связи, и Ле Пен часто прислушивается к советам Франца Шонхубера. С другой стороны, «крайне правые» партии в Нидерландах находятся под влиянием немецких экстремистов. Кстати, одна из причин провала Группы европейских «правых» на выборах в Европарламент состояла в том, что Итальянское социальное движение и республиканцы так и не смогли сотрудничать друг с другом, поскольку последние поддержали территориальные притязания Австрийской партии свободы на Южный Тироль.

Бенилюкс: фламандский феномен

В странах Бенилюкса «крайне правые» добились влияния только в бельгийской части Фландрии. Бельгийский национальный фронт (БНФ)¹ наиболее активно действует в Валлонии и Брюсселе. Он был основан в 1985 г. Даниелем Фере по образу и подобию Национального фронта во Франции. БНФ получил 4,2% на парламентских выборах 1991 г. и 7,9% голосов среди валлонского населения на выборах в Европарламент. В 1995 г. он раскололся на многочисленные мелкие объединения, которые начали оспаривать право на роль центрального органа. Несмотря на слияние в 1997 г. с достаточно сильным на местном уровне движением «Действие» (Agir) из Льежа, Бельгийский национальный фронт лишился политического влияния. Новый фронт Бельгии, которым руководит Маргарит Бастьен, бывший член Реформистской либеральной партии (Parti Reformateur Liberal), в настоящее время является главным соперником БНФ. Обоим движениям, выступающим за монархию и единое бельгийское государство, недостает поддержки французского Национального фронта, который перестал ее оказывать под давлением Фламандского блока (Vlaams Blok — ФБ). Ввиду разобщенности и слабости франкоязычных партий, влияние Фламандского блока усиливается: основанный в 1978 г., ФБ² имеет около 12% голосов фламандского населения. Сегодня во Фламандский блок пришло молодое поколение харизматических лидеров (Филип де Винтер, Франк Ванхэке, Карим Ван Овермейер), которые считают себя преемниками фламандского националистического движения «Диназо» (Dinaso), основанного в довоенный период Ван Севереном³, и поддерживают контакты с фла-

¹ О БНФ и других «крайне правых» партиях в Валлонии см.: Manuel Abramowicz, *Les Rats Noirs. L'extreme droite en Belgique francophone*, Bruxelles, Ed. Luc Pire, 1996.

² О Фламандском блоке, а также о нидерландских партиях см.: Cas Mudde, *The Extreme Right Party Family*, university of Leyde, 1998. P. 121–253.

³ О Ван Северене и его движении см. журнал: *TeKoS*, n° 81, Wijnegem, 1996, *De Dinaso Generatie*. P. 1–48.

мандскими националистическими группами («Voorpost», «Tal Aktie Komitee»), а также с другими маргинальными движениями («коллорационистами»). Основные пункты программы Фламандского блока сводятся к требованиям независимости Фландрии (включая Брюссель), установления республиканской формы правления и объединения с Нидерландами. ФБ выступает против иммиграции и придерживается антилиберальных взглядов в экономике, за исключением группы «Нуклеус» Александры Колен, ориентированной на экономические курсы Р. Рейгана и М. Тэтчер.

Для «крайне правых» партий в Нидерландах 1998 год был неудачным: в мае они получили 0,6% голосов на парламентских выборах и не прошли в парламент. Ни Демократы центра (Centrumdemokraten) во главе с Хансом Янмаатом (который был депутатом с 1982 г.), ни неонацистская «Партия центра'86» (Centrumpartij' 86), которая имела депутатов в местных законодательных органах, так и не смогли укрепиться в обществе, где повсеместно признается мультикультурализм. Принятый 1 января 1998 г. закон ограничивает возможности маленьких партий участвовать в выборах, соответственно, делает будущее нидерландских националистов еще более сумрачным. Экстремисты также провалились в Люксембурге. В 1930-е гг. там существовало сильное католическое движение. Однако на выборах 1994 г. Национальное движение (National Bewegong) набрало всего 3% голосов и в декабре 1995 г. объявило о самороспуске¹.

Скандинавские страны: рост националистических настроений

Популистские националистические партии в последнее время становятся все более популярными в Скандинавских странах. Они выступают против проводимой налоговой политики и социал-демократического государства. В Норвегии Партия прогресса (Fremskrittspartiet — ПП), возглавляемая Карлом Иваром Хагеном, на парламентских выборах в сентябре 1997 г. получила второе место после Норвежской рабочей партии, набрав 15,4% голосов (+9%) и проведя 25 депутатов в Стортинг (парламент). ПП пользуется наибольшим влиянием в Осло (20%) и на юго-западе страны, наименьшим — в центре и на севере (11,8% голосов она получила в провинции Финнмарк, где в основном проживают лапландцы, к которым ПП проявляет расизм). Партия борется с иммиграцией и высказывается против вступления Норвегии в Европейский союз. Единственным конкурентом ПП является неонацистская Партия родины (Fedrelandspartiet), которая получила 0,15% голосов.

В Дании на мартовских выборах 1998 г. Датская народная партия (Dansk Folkeparti) Пия Кьерсгора доказала, что пользуется популярно-

¹ «О крайне правых партиях» в Люксембурге см.: Lucien Blau *Histoire de l'extreme droite au Grand-Duche de Luxembourg au xx^e siecle*; Esch s/Alzette, Le Phare, 1998.

стью, получив 7,4% голосов, что на 5% больше голосов, набранных Партией прогресса Кима Бенке (2,4%), от которой она когда-то откололась. Чтобы вернуться на политическую сцену, Партия прогресса пытается вернуть в свои ряды своего основателя адвоката Могенса Глиструпа, который в начале 1970-х гг. был организатором протестов против налоговой политики государства.

Что касается Швеции, то здесь «крайне правые» менее популярны¹. В 1994 г. антииммигрантская партия «Новые демократы» (Ny Demokrati) потеряла 7 депутатов, набрав только 1,2% голосов. Партия «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna) Микаэла Янссона, образованная в 1988 г., по-прежнему является маргинальной политической силой и имеет только 7 членов в региональных советах. На выборах в 1998 г. она получила около 0,1% голосов. Тем не менее «Шведские демократы» усиливают связи с немецкими республиканцами и французским Национальным фронтом. В июле 1998 г. молодежное отделение партии подписало Хартию молодых европейских националистов, предложенную молодежным филиалом Национального фронта².

В Финляндии ни одна партия не смогла прийти на смену фашистской организации Лапуа, которая была достаточно влиятельной до войны (8,3% в 1936 г.). Несмотря на постоянное противоборство «красных» и «белых», продолжающееся со времен гражданской войны 1918 г., политика стабильности и даже консерватизма, символом которой был президент Кекконен, препятствовала возникновению экстремистских политических движений. Партия «Истинные финны» (Perussuomalaiset), отколовшаяся от Аграрной партии, на муниципальных выборах 1996 г. набрала всего 1,3% голосов и имеет только одного депутата, избранного от провинции Вааса. Национальный патриотический союз, возглавляемый Матти Ервихарью и требующий возвращения Россией Карелии, не участвует в выборах, а некоторые из его членов избираются по спискам «Истинных финнов».

Бывшие диктатуры Южной Европы: модернизация не возможна

В странах, где существовали авторитарные «корпоративные» режимы (в Испании, Португалии и Греции), «крайне правые» практически не имеют поддержки. Так, в Испании после исчезновения с политической сцены «палеофранкистов» Фуерцо Нуэвы, партии, называющие себя «Фалангой», — неофранкисты из «Союза за национальное единство» и

¹ О «крайне правых» партиях в Швеции см.: Stieg Larsson & Anna-Lena Lodenius, *Extrem Hogern*, Stockholm, Tidens Forlag, 1994. P. 15–16.

² О связях между «крайне правыми» в Швеции и французским Национальным фронтом см.: Vim Clinell, *De hunsades revansch-extremhogern aterkomst i Frankrike*, Stochholm, Bokforlaget DN, 1998.

«модернизаторы» из партии «Национальной демократии» — вместе имеют около 30 тысяч голосов.

Как справедливо заметил Хосе Луис Родригес Жименес, несмотря на усилия национал-революционного движения, борющегося за расширение региональной автономии и заявляющего о себе в газете «Альтернатива Еуропае» (Европейская альтернатива), журналах «Трибуна де Еуропа» (Трибуна Европы) и «Резистенсия» (Спротивление), а также поддержку военизированной группировки ЭТА, терроризирующей Испанию, крайне правые не смогут получить общенациональной поддержки, так как они продолжают занимать реакционные, консервативные католические позиции, которые мешают им вернуть поддержку электората, разочарованного в Народной партии (Partido Popular) и перешедшего к «франкистам».

В Португалии «крайне правые» находятся в еще более изолированном положении: несмотря на участвовавшие нападения на португальцев африканского происхождения и расистское отношение милиции к цыганам, экстремистские партии (I'Accao Fundacional Nacionalista или le Frente da Direita Nacional) даже не могут добиться участия в выборах. Электорат правых партий, выступающий против европейской интеграции, перешел к Народной партии Паоло Портаса (Le Partido Popular).

В Греции националистических позиций придерживаются как правые консерваторы, так и Всегреческое социалистическое движение. В итоге сторонники режима Пападопулоса потеряли свое влияние: Национальный политический союз (Ethniki Politiki Enosis — EPEN), который до 1989 г. имел своего депутата в Европарламенте, на парламентских выборах 1996 г. получил лишь 0,24% голосов, а неонацисты «Золотой зари» (Chrissi Avghi) — 0,07%. В 1997 г. EPEN раскололась, и образовался «Греческий фронт» (Elliniko Metoro), близкий французскому Национальному фронту (FN).

Соединенное королевство и Ирландия: бремя избирательной системы и двухпартийности

В Великобритании, где до 1972 г. Национальный фронт имел около 15 тыс. членов, а на выборах 1974 г. получил 3,2% голосов, в настоящее время «крайне правые», как и все «третьи» партии, остаются «не у дел» в связи с особенностями избирательной системы, основанной на принципе «полезного голосования» (vote utile). Правое крыло консервативной партии озвучивает свои позиции прежде всего через «Сандей Клуб» (Monday Club) и журнал «Райт Най!» (Right Now!). Оно выступает за изоляцию от Европы и отказ от идеи построения мультикультурного общества. Экстремистские партии — Британская национальная партия Дж. Тиндэлла, Национальная демократическая партия Я. Андерсона и Национальный фронт — напрасно надеются привлечь избирателей

консервативной партии или лейбористов, недовольных иммиграцией населения из других стран Содружества. На майских выборах 1997 г. эти партии добились сравнительно небольших успехов на местных выборах в восточных кварталах Лондона и западном Мидланде, получив менее 10% голосов. Ухудшения межрасовых отношений, на которое они рассчитывали, так и не произошло. Поэтому перспективы их существования выглядят весьма сумрачно.

В Ирландии вопросы иммиграции и права убежища стали особенно актуальными в 1997–1998 гг., поскольку количество ходатайств о предоставлении убежища возросло с 39 в 1992 г. до 3880 в 1997. Хотя призывы к проведению жесткой миграционной политики и получили общественный резонанс, они нисколько не усилили позиции «крайне правых»: закрытая политическая система, основанная на чередовании двух партий Файнна Фейла и Файна Гаэла, регулирует вопросы национализма, разрешая функционирование лишь тех групп, которые выступают против иммиграции (например, Платформа по контролю за иммиграцией, основанная в январе 1998 г.), или ультракатолических движений по защите моральных ценностей («Youth Defence», «Family and Life»). Институциональная дискриминация продолжается лишь в отношении бомжей (Travellers) и небольшого еврейского сообщества, которое если и подвергалось, то очень умеренным вспышкам антисемитизма, вызванным теологическими расхождениями.

Страны, где нет «крайне правых»

В настоящее время «крайне правые» не представлены только в некоторых странах Западной Европы. Например, в Исландии националистические и антиамериканские настроения вызывает только военная база Кефлавик. Традиционно их выражают левые партии. «Крайне правых» партий также нет в микрогосударствах Монако, Лихтенштейне, Андорре и Гибралтаре, для которых характерны «замороженные» политические системы. Примечательно, что число иностранцев в этих странах значительно превышает число собственно граждан. Например, в Сан-Марино действует столько же партий, сколько и в Италии, однако при этом здесь никогда не существовало партий, подобных «Итальянскому социальному действию» или Национальному альянсу (l'Alleanza Nazionale). В ходе референдума о праве иностранцев на постоянное проживание в Сан-Марино, который проводился 26 октября 1997 г., не было ни одной националистической кампании или вспышки ксенофобии. В этих микрогосударствах распространению национализма препятствует крайне жесткое законодательство по вопросу предоставления гражданства иностранцам (например, чтобы получить гражданство в Андорре, необходимо 25 лет постоянно проживать в этой стране).

Восточная Европа: будущее «крайне правых»?

Помимо того, что «крайне правые» партии имеют значительный успех на выборах в посткоммунистических странах, они также устанавливают отношения с экстремистами на Западе, которые в свою очередь, без сомнения, полагают, что расширение Евросоюза даст им неожиданную возможность стать весомой политической силой на континенте. Так, Жан-Мари Ле Пен часто приезжает в Россию по приглашению лидера либерал-демократов Владимира Жириновского, в Словакию, где он имеет связи со Словенской народной партией, оппозиционному правительству Мечьяра, в Югославию, где он опирается на Сербскую радикальную партию Воислава Шешеля, в Венгрию для встреч с основателем Венгерской партии справедливости и жизни Иштваном Ксуркой, а также в Румынию — на съезды панрумынской и антисемитской партии «Великая Румыния» (Romania Mare). Новые немецкие правые, используя расположение еженедельника «Юнге Фрайхайт» и лично его редактора Вольфганга Штрауса, установили прочные связи с прибалтийскими и украинскими националистами.

Это сближение необходимо принимать во внимание тем более потому, что националистические партии в Восточной Европе выступают с тех же позиций, что и правые крылья умеренных или консервативных местных партий, которые наиболее восприимчивы к ирредентистским и ревизионистским настроениям. Они отказываются говорить о принадлежности к народу и нации, если она определяется не происхождением, языком и религией, а свободным выбором индивида. Если взять пример Хорватии, то здесь французский Национальный фронт сотрудничает с малочисленной проустанской Партией права (HSP) (4 депутата), однако его программа также созвучна с позицией радикалов из партии Ф. Туджмана (HDZ), например, депутата Владимира Секша.

«Крайне правые» укрепили свои позиции в Восточной Европе сравнительно недавно. В частности, вынужденными союзниками Федерации молодых демократов, партии премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, стали явно антисемитская и антицыганская Венгерская партия справедливости и жизни, которая получила в 1998 г. 14 мест в парламенте, и Партия мелких собственников Ж. Торгиана, в дискурсе которого четко обозначено расистское разграничение между «коренными венграми» и меньшинствами (48 депутатов). В Словакии Словенская народная партия (5,4% голосов), которая выступает за восстановление клерикально-фашистского режима Тисо, удерживает посты министров образования и культуры в правительстве Мечьяра. В августе 1995 г. румынские экстремистские партии «Великая Румыния» (4,46%), Социалистическая партия труда (2,16%) и Партия национального единства (PUNR — 4,36%) подписали «Протокол четырех партий», что дало им

возможность заседать в правительстве даже тогда, когда они предпринимали попытки восстановить пронацистский режим Антонеско. Наконец, следует напомнить, как в 1998 г. сербский радикал В. Шешель был назначен вице-премьером после того, как он прошел во второй тур президентских выборов в 1997 г.

Ситуация, которая сложилась в России, создает серьезную проблему для «крайне правых» в Западной Европе: сначала они вступили в союз с Жириновским, который, после выборов в Думу в 1995 г., начал терять голоса (сейчас он имеет около 5% голосов). Затем западные радикальные партии поняли, что, несмотря на свои заявления, Жириновский чаще всего поддерживал решения Ельцина, а его роль заключалась в аккумуляции растущего потенциала русского национализма. По этой причине западные «национал-большевики», например из французского движения «Новое сопротивление» и Национального фронта, примкнувшие к новым правым, предпочитают сотрудничать с маленькими радикальными партиями типа Национал-большевистской партии писателя Э. Лимонова и журналиста А. Дугина, которые распространяют в России идеи Ю. Эволы, Р. Генона и GRECE (Объединение по исследованию и изучению европейской цивилизации).

Формы организации «крайне правых»: парламентская деятельность и логика мелких групп

В 1990-е годы в Европе «крайне правые» пережили серьезные изменения: из маргинального положения политического гетто они превратились в полноценных участников демократических и парламентских игр. Этим изменениям подверглись и Национальный фронт во Франции, и итальянский Национальный альянс. В то же время продолжают существовать и другие формы экстремистской деятельности. Значительное число «крайне правых» движений отказывается идти на компромисс с системой... Они не участвуют в электоральном процессе, однако сохраняют связи с другими партиями. Последние, в свою очередь, придают особое значение двойному членству своих сторонников. Так, во Франции в октябре 1996 г. движение «Новое сопротивление» приняло условную поддержку Национального фронта, в котором состояли многие ее члены. В Нидерландах сторонники Фронта национал-социалистов (Aktiefront Nationale Socialisten), Партии рабочих (FAP-Arbeiterspartij) и Jongerefront Nederland, а также неонацисты принадлежат к парламентским партиям «Демократы центра» и «Партия центра'86». Такая практика существует давно: так, костяк Итальянского социального движения в 60–70-х гг. составляли члены «Ордине Нуово» (Ordine Nuovo) или «Авангардия Национале» (Avanguardia Nazionale), занимавшиеся «черным террором».

Политическая наука практически не занимается анализом деятельности внепарламентских образований. Однако этот анализ является ключевым для понимания внутренней структуры того, что принято называть «националистическим лагерем»: внутри «крайне правого» сектора не существует препятствий для взаимодействия между партиями и мелкими группами. Последние, в частности, воспитывают будущих членов парламентских партий, которые будут стремиться участвовать в политических играх на более конструктивных началах, нежели на поддержке культуры доносительства и ностальгии, свойственной маленьким радикальным группам. Лишь ничтожное меньшинство членов экстремистских движений по собственной воле полностью разрывает с парламентской политикой и отдает предпочтение террористической деятельности: между тем попытки немцев и австрийцев создать нечто вроде фракции «коричневых», пока RAF все более смещалась вправо, провалились. Террористические акты в Австрии, отправление писем-бомб членами нелегального нацистского движения VAPO (Volkstreu Ausserparlamentarische Opposition), покушения, организованные движением Combat 18 в Великобритании и Белым арийским сопротивлением (VAM) в Швеции, — это все, что осталось от «черного террора».

Некоторые группы отделились от политики и погрузились в новую деятельность — метаполитику. Так произошло в случае с «новыми правыми», которые по сравнению с 1970-ми гг. потеряли свое идеологическое влияние и связи в СМИ. Французское движение GRECE (Объединение по исследованию и изучению европейской цивилизации) так и не оправилось от потери своих лучших кадров, вступивших в Национальный фронт в 1984–1985 гг., а также от независимого поведения своего идеолога Алэна де Бенуаста по отношению к другим партиям, в особенности после 1985 г., когда он резко заявил о формальном отказе от крайнего расизма. За границей «новые правые» остались маргиналами: в Италии Марко Тарчи продолжил свою карьеру в политической науке, начав издавать журнал «Трасгрессьони»; в Австрии, несмотря на усилия журнала «Цур Цайт», возглавляемого бывшим идеологом Австрийской партии свободы Андреасом Мольцером, идеи «новых правых» так и не получили распространения среди сторонников Йорга Хайдера; они оказались невостребованными и Народной партией (Partido popular) в Испании, несмотря на деятельность Хосе Хавьера Эспарца, являющегося одновременно сотрудником медиакомпания «Коррео», советником сенатора Луиса Фрага и главным редактором журнала «Эсперидес». В ходе идеологической эволюции от иерархизирующего фашизма к коммунитаристскому дифференциализму «новые правые» существенно отделились от «крайне правых». Некоторые из их идеологов, например португалец Джейме Ногейра Пинто, бывший редактор журнала «Футору Презенте», стали занимать позиции, близкие политическому кон-

серватизму, католицизму и экономическому либерализму. Так, Ногейра Пинто стал одним из организаторов кампании против легализации аборт-тов перед референдумом 28 июня 1998 г. В глазах самых консервативных сторонников «новых правых» такие действия выглядят отступническими.

Еще одной областью деятельности «крайне правых» является религия. Консервативный католицизм является благоприятной почвой для политической активности, особенно во Франции. Так, внутри Национального фронта существует консервативное, верное Папе движение Христианской солидарности, возглавляемое депутатом Европарламента Бернаром Антонио, который является к тому же главным редактором газеты «Презант». Кроме того, в Национальном Фронте представлены сторонники Братства Св. Пия X, однако они менее многочисленны (Роланд Гоше, Франсуа Брине, Кристиан Бэкерут, Мартин Леидо). Зато значительное число лефевристов вовлечено в монархическую и контрреволюционную деятельность. Такая мистико-религиозная составляющая также свойственна «крайне правым» в Испании. Она проявляется в таких журналах, как «Фуерца Нуэва», «Ла Насьйон» и в «Мовимьенто Католико Эспаньол»...

Факторы голосования за экстремистские партии

Было бы самонадеянным из этого чисто описательного обзора выводить теорию факторов, объясняющих электоральные успехи «крайне правых» в Европе. Тем не менее некоторые объяснения допустимы. Отторжение фашизма и близких ему идеологий, которое наблюдалось после 1945 г., спустя 50 лет прошло. Произошла переоценка исторических событий: например, Национальный альянс в Италии после того, как он официально отрекся от фашистской идеологии Муссолини и не признал расистские законы 1938 г., стал полноправным участником на политической сцене. Падение коммунистических режимов в Восточной Европе и приравнивание преступлений, вершимых при Сталине, к фашизму позволили переписать историю. На государственном уровне были предприняты некоторые символические шаги по реабилитации жертв: в Венгрии был переправлен пепел регента Хорти, в Румынии в честь маршала Антонеско были переименованы улицы, в Латвии прошли официальные торжественные поминания легионеров, состоявших на службе войск СС и реализовывавших проект президента Туджмана по захоронению на месте концентрационного лагеря Ясеновак еврейских и цыганских жертв Анте Павелича бок о бок с усташами, убитыми Движением сопротивления.

Следует отметить глубокий и продолжительный кризис, который переживали традиционные партии. Этот кризис в ряде случаев (Бельгия, Нидерланды, Скандинавия) провоцировала замкнутость партий-

ной системы, в которой третьи партии оставались в маргинальном положении. Характерным примером в данном случае является Австрия: роль Партии свободы, как и ее аналога в Германии, до прихода Йорга Хайдера сводилась исключительно к дополнению «большой коалиции» социалистов и консерваторов, что вызывало альтернативный запрос в обществе.

Необходимо также отметить, что в результате перехода от культурно однородных к открытым, мультикультурным и даже многорасовым обществам возникают сложности в процессе адаптации и даже отторжение других культур. Этим как раз и пользуются «новые правые», превращая иностранцев или иммигрантов в козлов отпущения и обвиняя их в экономических и социальных кризисах в Восточной Европе. Даже в странах, устойчивых к кризисам (например, в Скандинавии), осознание того факта, что миграционные потоки более не являются лишь транзитными, а предполагают закрепление в стране иностранцев, вызвало сильные популистские и националистические настроения, и даже социал-демократическая модель социальной защиты была поставлена под сомнение.

Также необходимо учитывать, что голосование за «крайне правых» как во Франции, так и везде отражает вызов процессам европейской интеграции и глобализации. «Крайне правые» с тем большим успехом используют недовольство переходом к единой валюте и его последствиями, чем более «политкорректно» подается либеральная концепция единого рынка. Левые партии, поддержавшие глобализацию, могут рассчитывать на возвращение части своего электората, перешедшего к протестным антиинтеграционным движениям только в том случае, если они пересмотрят свое отношение к евро. Однако такая перспектива, впрочем, как и возможность идеологического возрождения правых консерваторов и либералов, маловероятны (скорее можно ожидать их распада). Все это позволяет сделать вывод, что «крайне правые» в Европе вступают в новую длительную фазу консолидации, которая может в конечном итоге привести их к власти.

ПАРТИИ—ПРЕЕМНИЦЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРТИЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Демократизация и становление партийной политики в странах посткоммунистической Восточной Европы и бывшего Советского Союза открывают уникальную возможность проследить процесс организационного развития партий и проверить справедливость некоторых устоявшихся положений теории партийных организаций. Хотя [в последние годы] появилась обширная литература по эволюции партийных систем и политических установок в посткоммунистическом мире, до сих пор мало что сделано в области систематического сравнительного анализа организационного развития политических партий. Конечно, имеется довольно много трудов, рассматривающих конкретные случаи...; есть также исследования, посвященные компаративному анализу нескольких стран Восточной и Центральной Европы... Тем не менее работ, в которых бы сравнивались различные типы партийных организаций в посткоммунистическом мире в целом, крайне мало. Какие же факторы обуславливают возникновение одних или других организационных форм?

В настоящей статье предпринята попытка приблизиться к решению данной проблемы. С этой целью я сначала установлю теоретические рамки, определяющие континуум типов партийных организаций, и факторы, способные стимулировать развитие партийных организаций того или иного типа. При исследовании организационного развития партий в посткоммунистической политике я буду руководствоваться прежде всего совокупностью общетеоретических положений, выработанных в западной литературе по вопросам партийной организации. Использование в качестве отправной точки исследования преимущественно за-

* *Ишияма Дж. Т.* — американский политолог, профессор политических наук Университета Трумэна (штат Флорида).

¹ Печатается по: *Ишияма Дж. Т.* Партии—преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике // Полис. 1999. № 4. С. 148—167.

падных теоретических работ по организационному развитию партий, а не зарождающейся описательной литературы по партиям и партийным организациям в Восточной Европе, обусловлено двумя обстоятельствами. Обращение к западным теориям, во-первых, позволит установить степень их применимости для объяснения посткоммунистического организационного развития партий и, во-вторых, откроет путь для более широкого, чем при изучении партийного развития одной или нескольких стран, компаративного анализа. Что касается эмпирических разделов статьи, то здесь внимание будет сфокусировано на подгруппе партий—преемниц коммунистических, т.е. на тех партиях, [чьи предшественницы] при коммунистических режимах являлись правящими и которые унаследовали преобладающую долю ресурсов и кадров бывших правящих партий.

Конкретно я буду изучать организационные особенности 10 партий-преемниц. К ним относятся: Болгарская социалистическая партия (БСП), Коммунистическая партия Богемии и Моравии (КПБМ) в Чешской республике, Словацкая партия демократических левых (СПДЛ), Эстонская демократическая рабочая партия (ЭДРП), Венгерская социалистическая партия (ВСП), Литовская демократическая рабочая партия (ЛДРП), Социал-демократическая партия Республики Польша (СДРП), Партия социал-демократии Румынии (ПСДР), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и Коммунистическая партия Украины (КПУ). Данные партии были выбраны по двум причинам. Во-первых, в отличие от «новых партий», партии—преемницы коммунистических — это не просто клубы нотаблей или «диванные» объединения (все члены которых могут уместиться на одном диване). Они представляют собой настоящие организации и относятся к «реальным» политическим партиям (какое бы определение партий мы ни использовали). Во-вторых, перечисленные партии удовлетворяют нескольким общим критериям, позволяющим сопоставлять их между собой: (а) в период с 1992 по 1995 г. во всех 10 странах как минимум единожды проводились относительно конкурентные выборы, и все эти страны продолжили движение (хотя и с разной скоростью) по пути демократического транзита и консолидации...; (б) ни в одной из указанных 10 стран демократический переход не был прерван затяжной гражданской войной, в значительной степени меняющей политическую среду, в которой действуют ранее господствовавшие партии...; (в) во всех 10 странах партии—преемницы коммунистических столкнулись с новыми конкурентными условиями и партийной системой на ранних стадиях развития последних... При эмпирическом анализе 10 партий-преемниц я проверил степень воздействия на их организационные характеристики нескольких установленных «независимых переменных» и попытался определить объяснительную способность каждой такой переменной.

Организационные модели партий

Значительная часть работ, посвященных исследованию организационного развития партий, исходит из постулата о том, что важнейшей целью партий является победа на выборах, поэтому изменения в партийной организации рассматриваются как следствие стремления партий к электоральному выживанию... Так, с появлением индустриального общества возникли массовые партии, которые вытеснили «кадровые», или «келейные» (*caucus*), в качестве господствующей организационной формы, поскольку были способны более эффективно мобилизовывать избирателей, лишь недавно получивших право голоса. В свою очередь, прежние кадровые партии, чтобы выжить, были вынуждены перенимать организационные черты массовых партий...

После Второй мировой войны, с началом экономического подъема, сопутствовавшего восстановлению, партиям пришлось подстраиваться под меняющуюся среду, в которой сократилось значение классовых политических расколов и усилилась роль проблем, чье влияние распространялось поверх границ между классами (связанных, например, с качеством жизни). Как отмечает О. Кирхаймер..., такие изменения в послевоенной политической среде заставили массовые партии отказаться от апелляции исключительно к собственной классовой базе и расширить сферу своего обращения, что в конечном итоге привело к появлению «универсальных» (*catch-all*) партий... Аналогичным образом Р. Кац и П. Мэйр обращают внимание на то, что появление «картельных» партий (плодов слияния партии и государства) было следствием растущей апатии среди избирателей и потребности западных партий в новых политических ресурсах, которые бы могли придать им свежие силы.

Для того чтобы определить характер организационных изменений, произошедших в результате приспособления партий к новой политической среде, исследователи традиционно фокусируют внимание на «трех ликах партии»: партия как аппарат (*party in office*), партия как организация и партия как электорат... или, используя терминологию Каца и Мэйра, партия в публичных структурах, партия в центральном аппарате и партия на местах... Исторически соотношение между этими тремя ипостасями в разных моделях партийной организации, как правило, было разным... Для оценки значимости каждой из них ученые используют несколько индикаторов, наиболее важными из которых являются: относительная величина официального членства, соотношение между числом партийных функционеров в центре и на местах, соотношение между количеством функционеров и активистов в центральном аппарате партии.

Предпринимались также попытки использовать положения западной теории партийной организации для исследования восточноевропейских партий...

Наиболее основательное теоретическое исследование типов партийных организаций в Восточной Европе дано, однако, в работах П. Копецкого и Г. Китчельта. С точки зрения Копецкого, самой перспективной организационной формой являются «образования с рыхлой электоральной базой, в которых относительно важную роль играет партийное членство, а ведущую — партийное руководство»... Это связано с несколькими обстоятельствами: (а) партии, похоже, вынуждены обращаться к широкому кругу избирателей главным образом потому, что не могут рассчитывать на поддержку электората с устоявшейся партийной приверженностью, поскольку при авторитарном правлении подобная приверженность индивидов партии попросту отсутствовала; (б) партии, по-видимому, не стремятся к увеличению членства, так как их финансовые ресурсы не зависят от количества членов (в этом отношении они гораздо больше полагаются на государство), а при меньшем числе членов сокращается вероятность потенциально мощных вызовов существующему партийному руководству; (в) наконец, деполитизированные граждане посткоммунистических систем не проявляют особого желания идентифицироваться со всеохватывающими идеологиями и партийными символами, скорее, они склонны солидаризироваться с сильными личностями. Поэтому, утверждает Копецкий, наибольшие шансы в посткоммунистической политике имеют партии наподобие «универсальных» или «электорально-профессиональных», где партийное руководство играет доминирующую роль, а партийная организация — второстепенную.

Ряд теоретических установок для анализа партийной организации в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе предлагает и Китчельт. Он выделяет три «идеалтипа» партий (харизматический, клиентелистский и программный) и определяет условия, при которых данные типы партий могут возникнуть. Харизматические партии представляют собой «немногим более, чем неструктурированную массу людей, сплотившихся вокруг лидера»... Такие партии от природы нестабильны, поскольку, чтобы сохранить приверженность последователей, [харизматические] лидеры должны рано или поздно обеспечить своему электорату избирательные стимулы и вступить на путь организационного развития, в результате которого харизматическая партия преобразуется в клиентелистскую или программную. Для клиентелистских партий характерен упор на персональный патронаж. Они вкладывают много средств в создание организации, которая эффективно снабжает ресурсами своих последователей. Подобные партии, однако, избегают расходов на координацию деятельности своих членов, так как от последних требуется не вера в некий набор идеологических целей, а личная лояльность. Со своей стороны, программные партии учреждаются для рекламы идеалов «желаемого общества как коллективного блага, которое они обещают обеспечить, и привлечения активистов и лидеров, готовых пропагандировать и вопло-

щать в жизнь эти идеалы»... Программные партии относительно труднее создать, нежели другие типы партий, однако они «в большей степени способны усилить консолидацию и стабильность демократического режима, чем два альтернативных типа» партийной организации...

Помимо выделения особых организационных типов, Китчельт предлагает эвристическую модель для объяснения причин формирования различных типов партий в посткоммунистической политике... В целом Китчельт считает, что степень вероятности появления программных партий определяется четырьмя факторами: (а) давностью индустриализации; (б) институциональными характеристиками, такими как наличие президентской или парламентской системы; (в) особенностями демократического транзита и (г) системным временем, прошедшим с момента первых свободных выборов (измеряемым числом такого рода выборов). Исходя из этой модели, ученый высказывает предположение, что шансы на появление программных партий наиболее высоки в Чешской республике, Венгрии, Польше и Словении и несколько меньше в Словакии, государствах Балтии и Хорватии. В Болгарии, Румынии, большинстве республик бывшего Советского Союза и Югославии гораздо вероятнее формирование клиентелистских или харизматических партий.

Каждому из описанных выше подходов к концептуализации организационного развития партий в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе присущи три общих недостатка. Во-первых, все они используют для идентификации партийных типов абстрактные категории, хотя не совсем понятно, в чем заключаются важнейшие организационные различия между «универсальными» и «электорально-профессиональными» или «клиентелистскими» и «программными» партиями (если таковые вообще имеются). Во-вторых, при проведении кросснациональных исследований стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза ни в одном из них (за исключением, пожалуй, концепции Китчельта) не принимаются во внимание организационные вариации. Складывается впечатление, что все они исходят из предположения, что наиболее вероятен единый (электорально-профессиональный) тип. В-третьих, в них практически отсутствует систематический сравнительный анализ возможных объяснений того, почему могут возникать различные организационные типы [партий].

Осмысление и оценка партийной организации

Хотя в литературе выделяются несколько видов партий, далеко не всегда понятно, чем они отличаются друг от друга... Поэтому для концептуальной ясности я предлагаю выстроить очень простую типологию, основанную на двух измерениях, почерпнутых из классических работ по партийной организации: значении членства и идеологической пос-

ледовательности¹... Взятые вместе, названные измерения образуют таблицу, состоящую из двух строк и двух столбцов (табл. 1).

Таблица 1

Организационные типы партий

	Опора на членство	
	относительно высокая	относительно низкая
Идеологическая последовательность	Массовая партия	Программная партия
Идеологическая непоследовательность	Клиентелистская партия	Кадровая партия

Прежде чем рассматривать приведенную типологию, важно отметить, что классические кадровые и массовые партии — это исторические типы, которые в настоящее время не существуют в «чистом» виде и которые... вряд ли возникнут в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Тем не менее их полезно использовать в качестве точек отсчета. Кадровые, или «элитные», партии XIX в. по существу представляли собой «комитеты людей, сообща конституировавших государство и гражданское общество»... Следовательно, партии были лишь «группами людей», которые «прикарманивали» (pursing) общественный интерес и не нуждались в формальных или высокоструктурированных организациях либо в значительном официальном членстве. Парламентская составляющая партии или ее аппарат доминировали, а в число ресурсов, необходимых для выборов, часто входили местные связи и личная политическая известность.

В отличие от кадровых партий, для второго организационного типа, партий массовых, было характерно широкое, активное членство. Причина заключалась в том, что массовые партии возникали «прежде всего

¹ Я рассматриваю эти два измерения в сочетании, а не по отдельности, по трем причинам. Во-первых, в классических работах по политическим партиям, прежде всего у М. Дюверже... и Л. Эпштейна..., массовые, или программные, партии одновременно характеризуются через опору на массовое членство и значимость идеологической последовательности. В свою очередь, кадровые... партии в меньшей степени опираются на массовое членство и делают акцент не столько на идеологическую последовательность, сколько на идеологическую гибкость. Иными словами, анализ этих измерений в тандеме соответствует подходу, принятому в классической литературе по политическим партиям. Во-вторых, при раздельном исследовании названных измерений можно упустить из виду особые их комбинации, характеризующие разные типы партий. Речь идет о партиях, которые опираются на массовое членство, но идеологически непоследовательны, и о партиях, которые идеологически последовательны, но не ищут политической поддержки в массовом членстве. В-третьих, я в целом согласен с заключением Китчельта о наличии связи между идеологической последовательностью и организацией в партийном развитии вообще и в посткоммунистической политике в частности.

среди недавно активизировавшихся и зачастую лишенных избирательных прав элементов гражданского общества»... В то время как старые кадровые партии делали упор на качество (личностные свойства) своих сторонников, массовые партии полагались на количество приверженцев, пытаясь компенсировать численностью то, чего им не хватало в плане индивидуальной клиентуры. В массовых партиях, являвшихся политическим инструментом лишенных избирательных прав, естественно, доминировали те, кто обладал политической поддержкой не столько в правительстве, сколько в самой партии; кроме того, учитывая активистскую политическую направленность таких партий, а также жизненный опыт их сторонников, они были более склонны навязывать партийную сплоченность и дисциплину, чем партии кадровые. Иными словами, среди присущих массовым партиям черт наиболее важными были опора на массовое членство и идеологическая гомогенность, связывавшая лидеров с рядовыми членами...

Промежуточное положение между этими двумя идеальными типами занимают всевозможные смешанные формы, отражающие различные комбинации двух [описанных выше] измерений¹. Если массовые партии характеризуются опорой на широкое членство и идеологической гомогенностью, а кадровые — идеологической непоследовательностью и относительной неважностью массового членства, то большинство других партий располагается где-то между ними. Путем измерения уровня членства и степени идеологической гомогенности можно, например, выявить отличительные особенности партийных типов, которые, согласно Китчелту, развиваются в посткоммунистической политике, а именно: программных и клиентелистских партий. Так, программная партия обладает некоторыми чертами партии массовой, к числу которых относится, прежде всего, сохраняющееся влияние партийной организации и партийных активистов. В то же время в программных партиях партийное руководство играет более важную роль, чем в классических массовых; кроме того, отношения между партийной организацией и политической элитой в таких партиях строятся на основе взаимной поддержки, в отличие от модели массовой партии, где партийный аппарат выступал лишь в качестве представителя партийной организации. Программные партии придают меньшее, по сравнению с массовыми, значение идеологической и программной последовательности, хотя такого рода последовательность там еще ценится. Однако роль членства, особенно как основного источника электоральной поддержки, в программных партиях существенно скромнее, чем в массовых.

¹ В настоящей статье я не рассматриваю в качестве особого организационного типа «картельную» партию, выделенную Кацем и Мэйром, поскольку (по их собственному признанию) «феномен картельной партии» находится в ранней стадии развития и, соответственно, не поддается четкому определению...

Другой... организационный тип — клиентелистские партии — обладает чертами, которые по форме, возможно, напоминают черты массовых партий, но на практике подчеркивают независимость партийного аппарата. В таких партиях, как и в прежних кадровых, заправляет политическая элита, а партийная организация подчинена партийному аппарату. Клиентелистским партиям свойственно также относительно широкое членство, хотя привязывает членов к этим организациям не идеологическая программа, а наличие связей патрон-клиент и заинтересованность в электоральной победе...

Поэтому для оценки влияния типов возможных организационных конфигураций партий я измеряю степень «массово-» или «кадровоподобности» последних¹. Хотя определять организационные типы партий можно по нескольким параметрам, я свожу их к двум характеристикам «более массовоподобных» партий: (а) относительно широкое членство, которое играет в партии важную политическую роль, и (б) значительная идеологическая и программная последовательность. В свою очередь, «более кадровоподобные» партии отличаются небольшим, относительно незначимым членством и заметной идеологической и программной непоследовательностью.

Для оценки партийной организации я использую два основных индикатора, отражающие важность партийного членства и уровень идеологической последовательности. Первый индикатор — организационная плотность, т.е. соотношение между примерным количеством официальных членов партии и числом получаемых ею голосов. Этот показатель, впервые введенный Дюверже..., измеряет относительную важность партийного членства как доли электоральной поддержки партии. [Электоральная] поддержка партий, обладающих более «кадровоподобными» чертами, обычно в меньшей степени зависит от членства, чем у «массовоподобных» партий. При определении организационной плотности [рассматриваемых в настоящей статье] 10 партий данные о примерной численности их чле-

¹ Важно отметить, что в настоящей статье термин «кадровая» используется не в том значении, в котором он употребляется в теории Ленина. Говоря о «кадровой партии», я имею в виду знаменитое понятие теории партийной организации, разработанное М. Дюверже. Далее я буду применять термины «массовоподобная» и «кадровоподобная». Их выбор объясняется двумя причинами. Во-первых, компаративисты, исследующие партийные организации в странах Восточной Европы, уже начали использовать эти термины в качестве отправных при анализе посткоммунистических партий... Во-вторых, употребление терминов «кадровая» и «массовая» позволяет сохранить концептуальную преемственность с общей литературой по партийной организации в приложении к партиям в посткоммунистических странах. Несмотря на опасность путаницы, я утверждаю: чтобы продвинуться в исследовании политических партий в посткоммунистической политике и уменьшить концептуальную неразбериху, абсолютно необходимо, прежде чем создавать собственную регионально-специфическую терминологию, приложить максимальные усилия для глубокого ознакомления с существующей богатой литературой по политическим партиям.

нов делятся на среднее число голосов, полученных каждой партией в ходе последних двух выборов в законодательные органы.

Второй показатель устанавливает степень идеологической и программной последовательности партии. Как отмечалось выше, «массовоподобным» партиям, как правило, присущ относительно высокий (и поддающийся идентификации) уровень идеологической последовательности. По справедливому заключению Китчелта..., идеологические характеристики чаще всего связаны с другими организационными характеристиками. Так, в посткоммунистической Восточной Европе партии с коллективистскими, авторитарными и антирыночными лозунгами «обычно создают клиентелистские массовые организации...»¹ Напротив, либертариистские/прорыночные партии будут развивать рыхлые ассоциации политических профессионалов со слабыми позициями на местах и без каналов связи (transmission belts) с потенциальным электоратом»...

Хотя существует множество способов осмысления идеологической последовательности..., в настоящей работе используется «минималистский» подход — идеологическая последовательность концептуализируется как степень, в которой партия демонстрирует распознаваемые и непротиворечивые предпочтения по поводу политического курса, с очевидностью принадлежащие к той или иной части идеологического спектра... Несмотря на то что данный подход, наверное, далек от идеального, он все же позволяет использовать систему показателей, принятых в современной литературе по партийной идеологии, и применять их при исследовании посткоммунистической политики.

Один из таких показателей, измеряющий уровень проявленности в публичном облике партии распознаваемых и непротиворечивых предпочтений по поводу политического курса, заимствован из работы Дж. Хьюбера и Р. Инглхарта. Идеологические баллы (колеблющиеся в интервале от 1 для самых левых до 7 для самых правых) подсчитывались путем «экспертного кодирования» различных партий из 42 стран... На основе такого кодирования было определено стандартное отклонение идеологических баллов. Этот показатель колебаний указывает на степень согласия экспертов относительно идеологического расположения [партий]. Чем меньше стандартное отклонение, тем выше согласие между привлекавшимися экспертами (и, предположительно, более проявлена идеологическая последовательность партий). Чем больше стандартное отклонение, тем меньше согласия между экспертами относительно расположения партии...¹.

¹ Конечно, указанный метод измерения идеологической последовательности далеко не совершенен... Я все же считаю, что описанный выше метод способен служить заменой более строгих методов измерения партийной последовательности... На данном этапе метод измерения данных Хьюбера и Инглхарта остается наиболее удобным в употреблении.

**Измерения партийной организации
(Показатели идеологической последовательности и организационной плотности)**

Идеологическая последовательность	Организационная плотность	
	высокая (0,051 и выше)	низкая (0–0,05)
Высокая (<1,5)	КПБМ (0,47; 0,32) ЭДРП (0; 0,10)	СДРП (0,71; 0,02) ВСП (0,64; 0,02) СПДЛ (1,25; 0,02)
Низкая (1,5 и выше)	ЛДРП (2,24; 0,07) БСП (2,31; . 18) ПСДР (1,50; 0,08)	КПУ (3,77; 0,02) КПРФ (3,75; 0,03)

Источники: «Vocea României», 24. 11. 1995. Foreign Broadcast Information Service — Eastern Europe. 1995. P. 60–61; *Huber J., Inglehart R.* Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies. «Party Politics», 1995. Vol. 1; *Day A. J., German R., Campbell J.* (eds). Political Parties of the World. L., 1996; Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States 1997; *Глуботский А.* Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия: Политические партии и организации. М., 1993.

Для оценки различных типов партийной организации два описанных выше показателя (организационная плотность и уровень идеологической последовательности) каждой из исследуемых партий сведены в табл. 2. В рамках этой таблицы показатели объединены в две строки и два столбца, так что каждая из получившихся в результате ячеек включает в себя один из четырех основных типов партий. Выделяются два уровня идеологической последовательности — высокий и низкий; партии, имеющие балл ниже 1,5, относятся к последовательным, те же, чей балл составляет 1,5 или выше, — к менее последовательным. Организационная плотность также подразделена на две категории: организационная плотность партий с показателем 0,05 и ниже считается низкой, а с показателем более 0,05 — высокой. Точкой разграничения стала отметка 0,05 (5%), поскольку именно на таком уровне во многих избирательных системах установлен заградительный барьер, который требуется преодолеть для получения мест в нижней палате парламента. Соответственно, в качестве «организационно плотных» в настоящем исследовании рассматриваются партии, которым для преодоления электорального барьера достаточно поддержки собственных членов. Полученные в результате описанной процедуры четыре ячейки примерно соответствуют четырем типам партий из табл. 1. КПБМ и ЭДРП квалифицируются здесь как наиболее «массовоподобные» (и обозначены как тип 1). Они относительно последовательны (особенно КПБМ) и полагаются преимущественно на своих членов для получения электоральной поддержки. Другую крайность (нижняя правая ячейка) составляют партии, которые производят впечатление идеологически непоследова-

тельных и которые не связывают свои надежды на электоральную поддержку исключительно с массовым членством¹. К их числу относятся КПУ и КПРФ, которые по своим характеристикам более соответствуют «кадровоподобным» партиям (тип 4). В промежутке между этими двумя группами располагаются те партии, которые относительно идеологически последовательны, но не сильно зависят от широкого членства в плане электоральной поддержки — СДРП, ВСП и СПДЛ (тип 2); а также партии, которые идеологически менее последовательны, но чья электоральная поддержка определяется значительным числом членов — ЛДРП, БСП и ПСДР (тип 3).

Измерение независимых переменных

Некоторые ученые отмечают, что на партийную политику в Восточной Европе в целом и в государствах бывшего Советского Союза влияют уровень общественного доверия к партиям как институтам, объем полномочий президентской власти, степень юнионизации труда, тип прежнего режима и идеологическая ориентация партий. Таким образом, исследователи доказывают, что трансформация политического движения зависит от «структуры возможностей» (opportunity structure). Под «структурой возможностей» — термин С. Тэрроу... и Е. Шлезингера... — понимается «совокупность возможностей и ограничений, которые влияют на выбор движением своей линии поведения и заставляют его отдавать предпочтение тем, а не иным формам коллективного действия»... «Структура возможностей» определяется множеством факторов, но к числу тех, на которые чаще всего ссылаются [специалисты], относятся институциональные характеристики политической системы (такие как парламентский или президентский режим и электоральное законодательство), а также «политическая среда», в которой функционирует партия.

Тип прежнего режима и организационный переход

Один из вариантов объяснения эволюции партий—преемниц коммунистических фокусирует внимание на наследии прежнего коммунистического режима... Согласно такому подходу, природа прежнего режима влияет на характер происходящего транзита, который, в свою очередь, определяет структуру политической жизни в постпереходный период. Х. Уэлш... обнаруживает такую связь в Восточной Европе, где тип режима воздействует на уровень использования в процессе перехода торго и компромис-

¹ Я отнюдь не хочу сказать, что эти партии не опираются на партийных активистов при проведении электоральных кампаний. Речь идет здесь только о том, что у таких партий низкие показатели организационной плотности.

сов; в странах, прошедших через длительный период торга и компромиссов, соперничающие партии чаще располагают подготовленными кадрами политиков, научившихся играть по правилам демократической конкуренции и электоральной политики. Чем продолжительнее переходный период, тем выше вероятность того, что вырастающие из коммунистического режима партии (и, соответственно, партийные системы) будут более институционализированными и структурированными. Чем институционализированнее партии, тем выше вероятность того, что внутрипартийные отношения станут более структурированными и иерархическими, что в конечном итоге будет способствовать развитию партий скорее по «масово-», нежели по «кадровоподобному» пути...

Для измерения различий между разновидностями коммунистических режимов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе Китчельт... разработал удобную трехчленную типологию, выделив патримонильный, бюрократическо-авторитарный и национально-консенсусный типы коммунизма. Первый тип коммунистического режима — патримонильный (закодирован как тип 1) — опирался преимущественно на иерархические системы персональной зависимости между лидерами и последователями и характеризовался низкими уровнями внутриэлитной борьбы, артикуляции общественного интереса и рационально-бюрократической рационализации. Более того, при таком режиме огромную роль играл «демократический централизм», который хорошо согласовался с иерархической структурой зависимости между ведущими и ведомыми. К категории стран с подобным режимом Китчельт относит Сербию, Румынию, Болгарию, Россию, Украину, Беларусь и большинство других республик бывшего Советского Союза.

В режимах второго (бюрократическо-авторитарного) типа (закодирован как тип 2) межэлитная борьба и артикуляция интересов были поставлены в жесткие рамки, однако уровень рационально-бюрократической институционализации был довольно высок. В категорию стран с такого рода режимом Китчельт включает бывшую ГДР, Чешскую республику, а также Словакию. В режимах третьего (национально-консенсусного) типа (закодирован как тип 3) в известных пределах присутствовали [межэлитная] борьба и артикуляция интересов и была относительно развита бюрократическая профессионализация. По сути дела, коммунистические элиты допускали некую толику разногласий и артикуляции интересов в обмен на принятие базовых характеристик существующей системы. Данный тип режима, по мнению Китчельта, действовал в Польше и Венгрии, а также в Словении и Хорватии. К этой же категории в качестве «пограничных случаев» Китчельт относит три государства Балтии: Эстонию, Латвию и Литву. Хотя эти страны были поглощены Советским Союзом, в них сохранялась существенная доля внутрережимного соперничества и терпимости, во всяком случае гораздо большая, чем в других частях СССР...

Другой довод, имеющий отношение к воздействию прежнего режима, касается особенностей организационной трансформации каждой партии-преемницы. Подобная организационная трансформация сама по себе способна повлиять на тип возникших впоследствии партийных организаций. Действительно... каждая партия—преемница коммунистической претерпевает свою особую организационную трансформацию, характер которой зависит от того, какая из тенденций — «консервативная» (standpatter), «либеральная» или «демократическо-реформистская» (терминология С. Хантингтона) — возоблада в ходе внутренней перестройки руководства в 1990—1993 гг. Хантингтон... считает, что тип осуществленного [организационного] перехода во многом определялся внутренней борьбой демократических реформистов, либералов и консерваторов в коммунистической партии. Выделяя эти три группы, ученый исходит из специфики базовых позиций [коммунистических лидеров] по отношению к демократическому транзиту, общественному участию и политической конкуренции...

Президентская власть

Кроме [типа режима, на партийное развитие] воздействуют факторы, связанные с объемом президентских полномочий. По заключению Х. Линца..., наличие сильного института президентства стимулирует партии к борьбе прежде всего за пост президента, отодвигая на второй план другие политические цели. Данная закономерность проявляется не только в случае избрания президента прямым голосованием, но и тогда, когда его выборы опосредованы (например, когда он избирается парламентом). [Наличие полномочного института президентства], как отмечают М. Шугарт и Дж. Кэри..., обычно снижает роль кампаний, основанных на идеологических принципах, и усиливает значимость кампаний, в центре которых стоят личности. Более того, концентрация власти в руках президента поощряет харизматических лидеров и в целом ослабляет идеологическую последовательность партий, поскольку конкуренция между личностями торжествует над «чувством локтя»... Соответственно, чем сильнее президентская власть, тем более вероятно развитие у партий «кадровоподобных» черт.

Для измерения силы института президентства я использовал разработанный Дж. Хеллманом... индекс официальных полномочий президента¹. Индекс учитывает конституционные полномочия, предоставленные президенту, обеспечивая стандартный показатель, который позволя-

¹ При проведении подобных измерений иногда применяют взвешенный показатель президентской власти Дж. МакГрегора... К сожалению, сам по себе этот показатель не учитывает, прямым или непрямым образом избирается президент и является ли система парламентской или президентской.

ет осуществлять кросснациональные измерения относительной силы различных президентских режимов в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза... Чем выше значение показателя, тем сильнее президентская власть.

Средняя величина избирательного округа

Помимо типа прежнего режима и уровня полномочий президента имеется еще один фактор, который, по мнению исследователей, сказывается на организационном развитии партий. Этим фактором является характер избирательной системы и особенно величина избирательного округа (М) на выборах в нижнюю (и наиболее влиятельную) палату законодательного органа. Средняя величина избирательного округа, т.е. число мест, в среднем распределяемых в избирательном округе, квалифицируется как наиболее важный из элементов избирательной системы, воздействующих на эволюцию партийной политики. Для определения средней величины избирательного округа общее число мест в нижней палате парламента делится на количество избирательных округов. Наименьшая средняя величина избирательного округа ($M = 1$) бывает в тех случаях, когда все депутаты нижней палаты парламента избираются по одномандатным округам, наибольшая — в ситуации, когда вся страна представляет собой единый избирательный округ (как, например, при использовании списочной пропорциональной системы в ее «чистом» виде)...

Уровень недоверия к партиям

На развитие политических партий теоретически воздействуют... степень общественного доверия (недоверия) ... которые создают условия, более благоприятные для развития одних видов партий по сравнению с другими. В целом, «массовоподобные» партии обычно преуспевают там, где граждане оценивают политические партии позитивно или, по крайней мере, не негативно.

Для измерения отношения к политическим партиям я использую показатель не уровня доверия, а уровня недоверия к ним, поскольку и те, кто относится к партиям нейтрально, как правило, склонны рассматривать их в качестве важнейших каналов артикуляции и агрегации интересов (даже если не выказывают к ним выраженных симпатий)¹. Кроме того, уровень недоверия указывает на то, насколько враждебно на-

¹ Уровень недоверия жителей стран Восточной Европы, Украины и России [к партиям] измерялся на основе ответов на следующий вопрос: «В Вашей стране имеется множество различных институтов, например, правительство, суды, полиция, государственные служащие. Пожалуйста, укажите на этой семибалльной шкале, где 1 обозначает полное недоверие и 7 — высшее доверие, каково Ваше личное доверие к каждому из этих институтов» ...

селение относится к политическим партиям. Если уровень недоверия высок, повышается вероятность того, что население не считает партии главным каналом артикуляции интересов и, соответственно, уменьшается вероятность появления «массовоподобных» партий.

Общий уровень недоверия к партиям определялся путем вычисления среднего процента отрицательных ответов на вопрос о доверии к ним в каждой из исследуемых 10 стран в 1993 — 1996 гг.

Уровень недоверия к профсоюзам и примерная доля юнионизированного населения

Дополнительной переменной, характеризующей состояние окружающей среды, является сила профсоюзного движения. Как отмечает Дюверже..., в прошлом массовые партии выросли из профсоюзного движения и профсоюзы составляли постоянный источник поддержки массовых партий. Данный факт явился одним из важнейших аргументов, предложенных М. Уоллером... для объяснения того, почему в Восточной и Центральной Европе партии—преемницы коммунистических добились таких политических успехов. По мнению исследователя, этим партиям удалось установить прочные связи с посткоммунистическими профсоюзами, которые обеспечили им бесценную организационную и электоральную поддержку... Такие партии, как ВСП и СДРП, по сути дела обязаны своим успехом организационной и электоральной поддержке, мобилизованной профсоюзами на местном уровне. Конечно, подобное заключение справедливо только по отношению к тем странам, где рабочие союзы относительно сильны. Из этого, в свою очередь, вытекает, что в системах с сильными тред-юнионами партии имеют стимулы для вступления с ними в политический союз, что способствует выработке у партий «массовоподобных» организационных черт.

Для оценки относительной силы тред-юнионов использовались два показателя. Первый — примерная численность профсоюзов... Второй показатель — уровень недоверия к профсоюзам... Использование второго показателя обусловлено тем, что численность членов тред-юнионов не обязательно коррелирует с общественной поддержкой этих организаций. Так, например, хотя по имеющимся оценкам численность профсоюзов в посткоммунистической России велика, это, вероятно, связано не столько с их поддержкой, сколько с сохраняющимся воздействием обязательного членства в профсоюзах в коммунистический период...

Анализ

Исходя из вышесказанного, можно выдвинуть следующие гипотезы:

Гипотеза 1. В странах, прежним коммунистическим режимам которых в наибольшей степени были присущи межэлитное соперничество

и открытая артикуляция интересов, партии—преемницы коммунистических скорее всего будут обладать более «массовоподобными» характеристиками.

Гипотеза 2. Партии, процессом трансформации которых руководили демократические реформисты, должны заметно отличаться от тех, чье преобразование осуществлялось под контролем либералов и консерваторов.

Гипотеза 3. Чем сильнее конституционная президентская власть, тем значительнее роль личности политика и, соответственно, менее вероятно появление «массовоподобных» партий—преемниц коммунистических.

Гипотеза 4. Чем больше средняя величина округа, тем серьезнее давление в направлении развития у партий—преемниц «массовоподобных» черт.

Гипотеза 5. Чем сильнее недоверие к политическим партиям, тем меньше условий для формирования «массовоподобных» партий.

Гипотеза 6. Чем значительнее сила рабочих союзов, тем благоприятнее условия для развития «массовоподобных» партий.

Для элементарной проверки справедливости этих гипотез была построена матрица двухмерных коэффициентов корреляции Спирмана для восьми выделенных выше переменных¹...

...к числу независимых переменных, демонстрирующих высокую и статистически значимую корреляцию с типом партии, относятся: президентские полномочия (0,92), тип режима (-0,69), средняя величина округа (-0,66) и уровень недоверия к профсоюзам (-0,72). Отрицательное значение соотношения между типами партийной организации и прежнего режима подтверждает гипотезу 1, согласно которой более открытые и конкурентные (т.е. национально-консенсусные) режимы порождают более «массовоподобные» партии, характеризующиеся большей идеологической последовательностью и организационной плотностью. В свою очередь, системам с более сильной конституционной властью президента обычно сопутствуют... более «кадровоподобные» партии с меньшей идеологической последовательностью и организационной плотностью, что соответствует предположению, высказанному в гипотезе 3.

Подтвердилась и гипотеза 4. Значение показателя корреляции со средней величиной округа (как и предсказывалось) оказалось отрицательным. Это означает, что при большей величине округа возникают более «массо-

¹ Методика двухмерных корреляций Спирмана была выбрана по двум причинам. Во-первых, она позволяет проверить, существует ли устойчивое соотношение между каждой из независимых и зависимой переменной (тип партии); когда исследуется небольшое число случаев, простая двухмерная корреляция делает менее острой проблему уровней свободы, которая встает при использовании многомерных моделей. Во-вторых, методика Спирмана подходит для анализа как категориальных, так и/или промежуточных переменных...

воподобные» партии... В то же время подобной корреляции между зависимой переменной и типом организационного перехода и уровнем недоверия к партиям не обнаружилось... Иными словами, гипотеза 2 не получила подтверждения, поскольку нет устойчивых данных, свидетельствующих о том, что процесс организационного перехода, особенно если говорить о силах, контролировавших этот процесс, имел отношение к характеру эволюции партий-преемниц как организаций.

Что касается уровня недоверия к партиям, корреляционный анализ показывает: значительное общественное недоверие к партиям сочетается с партиями, обладающими более «массовоподобными» чертами (это следует из отрицательного значения коэффициента...) — результат, прямо противоположный предполагаемому интуитивно. Это, однако, может означать, что организационная эволюция партий—преемниц коммунистических не зависит от массового отношения к политическим партиям и, скорее, является функцией других структурных факторов. Данный вывод противоречит исходным посылкам значительной части работ по политическим партиям, чьи прогнозы относительно развития последних строятся исключительно на результатах [социологических] обследований. Как бы то ни было, гипотеза 5, согласно которой общественное восприятие партий устойчиво связано с типом партийной организации, не подтвердилась.

Наиболее интересными оказались сведения о соотношении между организационным типом партий и силой рабочих союзов. Как уже говорилось, для измерения силы тред-юнионов использовались два индикатора: примерная доля юнионизированной рабочей силы и уровень недоверия к профсоюзам со стороны населения. Выяснилось, что, похоже, существует довольно сильная зависимость между негативным отношением к рабочим союзам и организационной формой партии—преемницы коммунистической. В то же время отрицательное значение коэффициента... свидетельствует о том, что эта зависимость противоположна той, которая постулировалась в гипотезе 5: исследование показало, что негативное общественное восприятие профсоюзов ассоциируется с появлением более «массовоподобных» партий-преемниц. Оказалось также, что, в отличие от показателя общественного отношения к тред-юнионам, примерная доля юнионизированной рабочей силы не влияет на организационный тип партий. Тем не менее знак коэффициента корреляции между долей юнионизированной рабочей силы и типом партии противоположен тому, который следовало бы ожидать. Чем большая доля рабочей силы юнионизирована, тем менее «массовоподобной» является партия—преемница коммунистической. Хотя это представляется противоречащим тезису о том, что сила тред-юнионов влияет на организационное развитие партий, данная проблема еще требует дополнительных исследований. Вполне возможно, что важна не

столько сила профсоюзов, сколько характер связей, установившихся между ними и партией (такое предположение уже высказывалось по отношению к ВСП и СДРП). Но если оно справедливо, это будет означать, что объяснения, фокусирующие внимание на связях между партией и юнионами, могут оказаться менее универсальными при выходе за пределы Восточно-Центральной Европы.

Обсуждение и выводы

Проведенный выше анализ представляет собой лишь первое приближение к исследованию развития различных типов партийных организаций на примере формирующихся в Восточной Европе и России партий-преемниц коммунистических. Главная цель настоящей статьи состояла в проверке некоторых положений западной теории партийной организации на основе данных о партиях—преемницах коммунистических в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Выяснилось, что вопреки представлению о том, что партии—преемницы коммунистических должны были бы относиться к одному типу, при их сравнении выявляются значительные расхождения. Более того, было обнаружено, что среди факторов, о влиянии которых на организационное развитие партий чаще всего пишут [ученые], наибольшими прогностическими возможностями при определении организационного типа партий в плане их идеологической последовательности и организационной плотности обладают структурные факторы, особенно тип прежнего коммунистического режима, сила конституционной президентской власти и средняя величина [избирательного] округа.

Эти заключения позволяют выделить несколько различных моделей организационного развития партий—преемниц коммунистических. Прежде всего, можно отметить, что Венгерская социалистическая партия представляет собой разновидность программной партии. Подобно массовой партии, ВСП в определенной мере сохраняет идеологическую последовательность и, хотя партийная элита, безусловно, доминирует, а число официальных членов партии относительно невелико (если измерять его с точки зрения организационной плотности), когда речь идет о базе кандидатов, партийное руководство зависит от поддержки партийных активистов и низовых (ancillary) организаций. Однако, в отличие от более идеологически жесткой (и «массовоподобной») Коммунистической партии Богемии и Моравии, ВСП показала себя довольно гибкой и способной адаптироваться к новым электоральным условиям. До некоторой степени такая модель сложилась благодаря особенностям национально-консенсусной системы, существовавшей в Венгрии до крушения государственного социализма. Наличие такой системы обеспечило организационный инкубационный период, в ходе

которого в рамках старой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) сформировался широкий слой европеизированной реформаторской интеллигенции, равно как и соответствующая массовая база... В результате преемница ВСРП — ВСП — оказалась хорошо укомплектованной (как на общенациональном уровне, так и в регионах) индивидуальными лидерами, обладавшими организационными навыками и политическими знаниями. В целом ВСП, вероятно, ближе всего к «программной» партии.

Примером другого партийного типа может служить Литовская демократическая рабочая партия. В случае Литвы мы сталкиваемся с организацией, где доминируют партийная элита и партийный аппарат, где правилом являются не столько связи через партийную организацию или «гражданское общество», сколько персональные клиентелистские связи между партийным руководством и рядовыми членами... Успех, достигнутый ЛДРП в 1992 г., был обусловлен не тем, что она смогла выдвинуть четко сформулированную политическую альтернативу Саюдису, но ее попыткой создать себе имидж партии технократов и специалистов и способностью привлечь под свои знамена группу кандидатов, обладающих высокими профессиональными и личностными качествами, которые не входили прежде в коммунистическую партию... В то же время для электорального успеха партии необходима поддержка ее членом. Из этого следует, что ЛДРП ближе всего к «клиентелистской» партии, в которой ведущую роль играет партийный аппарат, но которая опирается на присоединившихся к ней членом для получения широкой электоральной поддержки. Соответственно, для ЛДРП характерны: доминирование элиты; значительное, но пассивное официальное членство и относительно меньшая идеологическая последовательность, чем у электорально-профессиональной партии, хотя и большая, чем у партии кадровой.

Еще одна [организационная] модель представлена КПРФ, которая, как и «кадровоподобная» партия, для достижения успеха полагается на свои «тесные связи с элитными группами», но при этом обладает довольно сильной организацией... Хотя после 1993 г. КПРФ приняла нечто вроде универсалистской (catch-all) стратегии не только в своей программе, но и в практике рекрутирования кандидатов, партийные кандидаты-«новобранцы» менее независимы, чем в ЛДРП... Более того, несмотря на упор на личные связи и вербовку элит, КПРФ по-прежнему во многом зависит от активного массового членства для поддержки своих кампаний¹. Своим электоральным успехом, особенно на региональных выборах,

¹ Еще раз обратите внимание на то, что, хотя при организации партийных кампаний партия опирается на своих активных членом, ее электоральная база образуется далеко не только за счет массового членства...

партия в значительной степени обязана способности местных партийных организаций мобилизовать поддержку избирателей...

Короче говоря, КПРФ, возможно, представляет собой современную модификацию кадровой партии; но является неустойчивым соединением, состоящим из двух партий, фактически выступающих под одним знаменем. Это создает трения между различными частями КПРФ, одна из которых стремится приспособиться к реалиям постсоветской политики, а другая мечтает о возврате к прошлому... Итоги парламентских выборов 1995 г., похоже, усилили тенденцию к внутреннему расколу между «умеренным» партийным руководством и более радикальными местными партийными организациями. Безусловно, ...партии выживают и даже могут процветать, несмотря на расхождения между партийным руководством и партийными организациями, так что нельзя исключить вероятность того, что равновесие между центральной и местными партийными организациями будет найдено и в КПРФ. Однако на сегодняшний день предметом разногласий между руководством и местными организациями являются вопросы, касающиеся базовых принципов партийной идентичности, поэтому маловероятно, что эти противоречия будут разрешены в обозримом будущем.

События в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе открывают перед исследователями партийных организаций огромные возможности для уточнения и проверки теоретических положений, столь кропотливо выведенных на основе западного опыта... Как иллюстрируют данные, относящиеся к рассмотренным выше партиям-преемницам, даже партии, которые в организационном плане были по большей части сделаны «из одного теста», эволюционируют в посткоммунистической политике в совершенно разных направлениях. Исследование этих партий позволит не только гораздо лучше понять, почему партии развиваются именно в те организации, которыми становятся, но и предугадать будущие очертания политической жизни и демократии в посткоммунистическом мире...

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРТИЙ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ¹

1. Введение: предварительные замечания

Событие, произошедшее в Москве 7 мая 1988 г. — провозглашение первой в современной истории страны некоммунистической партии «Демократический союз» — стало «точкой отсчета» не только для развития партийной системы России, но и для исследований российских политических партий. Прошедшие десять лет вместили в себя значительные изменения как в среде партийной политики, так и в исследовательской среде. Юбилей, таким образом, дает основания для обобщения накопленного опыта изучения современных российских партий в отечественной политической науке и для определения перспектив дальнейших исследований, что, собственно, и является предметом настоящей работы.

Прежде всего, необходимо определиться с основными понятиями и рамками исследования. Говоря об изучении политических партий в России, следует иметь в виду, что само по себе слово «партия» в наименовании той или иной организации не может служить критерием партийности. С одной стороны, многие организации такого рода не функционируют в качестве участников политического процесса либо их влияние на политику бесконечно мало. С другой стороны, хотя такие значимые в российской политике организации, как «Наш дом — Россия» или «Яблоко», предпочитают не именовать себя партиями, исключение их из числа партий на этом основании (Кондрашев и др., 1995; Олещук и Павленко, 1997) вряд ли правомерно. Более того, в условиях неопределенности как юридического, так и фактического статуса партий трудно найти какую-либо разницу между партией и общественно-политическим

* *Гельман Владимир Яковлевич* — кандидат политических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Печатается по: *Гельман В. Я.* Исследования партий в России: Первые десять лет // Политическая наука: Проблемно-тематический сборник. М., 1999. Вып. 3. Политическая наука современной России: Тенденции развития. С. 101–109.

объединением, основываясь на формальных критериях. В самом деле, российское избирательное законодательство выделяет единственный критерий участвующего в выборах общественного объединения («избирательного объединения») — факт записи в его уставе положения о праве выдвижения кандидатов на выборах. Закон о партиях в России пока не принят, а закон об общественных объединениях ориентирован прежде всего на правовое регулирование деятельности «третьего сектора», а не политических организаций. В то же время применение к современным российским партиям ряда определений, принятых в западной политологии, вынудило бы к утверждению о том, что в России нет партий вообще. Так, Д. Ла Паломбара и М. Вайнер в качестве организационных признаков политических партий рассматривают долговременность существования, наличие устойчивой организационной связи между центральной и низовыми организациями, опору на массовую поддержку и стремление к борьбе за власть (La Palombara and Weiner, 1966); но если следовать этим критериям, то надо признать, что наличие всех этих признаков не присуще практически ни одной из российских партий. Поэтому определение «партия» применительно к данной работе означает, что имеется в виду «политическая организация, открыто конкурирующая за осуществление публичной власти». Это понятие близко к определению Д. Сартори (Sartori, 1976), для которого критерием политической партии является ее участие в борьбе за власть на выборах (однако в российских условиях вплоть до 1995 г. выборы можно было признать партийными лишь с большими оговорками).

Временные рамки исследования охватывают период с весны 1988 г. — формального зарождения многопартийности в СССР до весны 1998 г. — неофициального начала избирательной кампании по выборам седьмой Государственной Думы. Столь жесткая связь между временным рядом политических событий и временным рядом исследований является вынужденной для изучения российской политологии, которая не только эволюционировала вслед за развитием политических событий (Voronkov and Zdravomyslova, 1996; Temkina und Grigor'ev 1997), но подчас претерпевала концептуальные превращения в результате ликвидации КПСС или выборов в Государственную Думу 1993 г. Этот выбор обусловлен тем обстоятельством, что подавляющее большинство исследований партий в России носили и носят актуальный характер. Однако хотя работы, содержащие анализ политических течений периода перестройки, пока немногочисленны, но в них есть как описание отдельных аспектов создания новых партий (Кудрявцев, 1993; Соловей, 1994; Лысенко, 1995; Ступарь, 1996), так и определение этапов (Марков, 1994, 1996; Автономов, 1996) и характера формирования первых посткоммунистических партий России (Urban et al., 1997; Urban and Gel'man, 1997).

Географические рамки исследования охватывают в основном анализ работ российских авторов, опубликованных в России (до 1991 г. — в СССР) на русском языке и касающихся проблем партий в России (до 1991 г. — в СССР и РСФСР); рассмотрение исследований партий в других республиках СССР выходит за рамки настоящей работы. Большинство этих работ выполнено специалистами из Москвы и Санкт-Петербурга. Несмотря на то что исследованиями партий (прежде всего, прикладными) в России сегодня занимаются практически повсеместно, в подавляющем большинстве случаев работы, выполняемые местными исследователями, вынужденно ограничиваются рамками одного региона и не выходят на уровень сравнений и макрообобщений, оставаясь в рамках *area studies* и/или *case studies*, когда эмпирические данные о развитии партий в данном и некоторых соседних регионах перемежаются с компиляциями на тему партийной системы России в целом (Тафаев, 1993, 1995). Причины этого явления (характерного для российской политической науки в целом) не только в элементарной нехватке денег, но и в слабости инфраструктуры межрегиональных связей, гиперцентрализации общественной жизни страны, отсутствии во многих регионах серьезных традиций в обществоведении вообще и в политической науке в частности и т.д.

Говоря об исследованиях партий как о новой для России отрасли науки, следует отметить (за редким исключением) отсутствие как институциональной, так и концептуальной связи между исследованиями партий в России, проводившимися до 1917 г. (см.: Амелин и Дегтярев, 1997) и в настоящее время. Поэтому сюжеты подобного рода также лежат за пределами данного исследования. Кроме того, в российской политической науке к исследованиям партий принято относить изучение отношения избирателей к тем или иным политическим объединениям и их лидерам, выявляемого в основном по итогам массовых опросов. Безусловно, эти работы имеют немалое значение для развития политической науки (прежде всего, политической социологии) в России, но было бы не вполне корректным относить эти работы к изучению партий как таковых.

Наконец, в России пока не стал общепринятым сам термин, обозначающий исследования партий как отрасль политической науки. Название «партология», предложенное А. Куликом (Кулик, 1993), не прижилось из-за некоторой своей неблагозвучности; на Первом Всероссийском конгрессе политологов (февраль 1998) упоминалась «партиология», но пока имеет смысл говорить об «исследованиях партий».

Итак, какие факторы определяли характер исследований современных российских партий в первое десятилетие? Очевидно, можно говорить о воздействии:

- 1) общих закономерностей развития политической науки в России;
- 2) состояния и характера развития самого объекта исследования.

Влияние первого фактора безусловно связано с особенностями раннего этапа институционализации политологии и присущими ему «детскими болезнями» гиперполитизированности и ориентации на сервис власть предрежащих (Гельман, 1997а, 79), некритического использования западных моделей, отказа от эмпирических исследований под предлогом неповторимости российского опыта, слабой разработки методологии (общей теории) и методики исследований (Состояние, 1997, с. 130–131). В этом смысле исследования партий в России не являются исключением. По сей день работы по анализу российской политики вообще и российских партий в частности остаются частью партийной пропаганды, перейдя, однако, в состояние научной «многопартийности». Примерами могут служить идеологически ориентированные классификации партий, имеющие целью выставить ту или иную политическую силу в выгодном свете. Так, В. Головин разделяет российские партии по их экономическим взглядам на сторонников «рыночного каркаса» открытой и конкурентной рыночной экономики (ДВР, ПЭС, «Демократическая Россия») и сторонников «периферийного рынка», склонных к государственному регулированию рынка и к изоляционизму, куда в большей или меньшей мере причислены все иные партии (Головин, 1994; Игрицкий и др., 1996, 203). Напротив, Б. Пугачев в своей классификации партий причисляет ДВР к радикал-либералам, в то время как КПРФ отнесена им к «социал-реформаторам» (Пугачев, 1994; Игрицкий и др., 1996, 203). Если специалисты информационно-экспертной группы «Панорама» с оговорками включают КПРФ в ряд экстремистских политических организаций (Верховский и др., 1996а; Тарасов и др., 1997), то авторы РАУ-корпорации рассматривают эту партию как левоцентристскую (Краснов, 1996) и т.д. Столь же симптоматичным является активное участие российских политологов (в том числе — специалистов по изучению партий) в научном обосновании проектов «партии власти» с целью обеспечить сохранение статуса представителей правящей группировки (см.: Бунин и Макаренко, 1995; Двублоковая, 1995). Хотя различные авторы отмечают постепенное снижение политизированности работ (Мейер, 1994; Гельман, 1997а; Temkina und Grigor'ev, 1997), и, по некоторым признакам, происходит выделение политического консалтинга в отдельную, не связанную с наукой сферу бизнеса, но разграничение научной (в веберовском смысле *Wissenschaft als Beruf*) и внеакадемической деятельности в российской политологии еще не произошло. В силу этого обстоятельства пока невозможно говорить о существовании научного сообщества в российской политологии вообще и в изучении партий в частности; следует согласиться с оценками статуса дисциплины как допарадигмального (Алексеева, 1998).

Состояние исследований партий в России наиболее наглядно проявляется при сравнении с развитием дисциплины на Западе. В фунда-

рованном обзоре К. Джанды (Джанда, 1997), посвященном исследованиям политических партий в США и в Западной Европе, представлено 9 направлений дискуссий в области эмпирических исследований партий с соответствующими более дробными разделами, в то время как в российской литературе можно более или менее уверенно говорить о двух кластерах дискуссий (проблемная ориентация партий и социальная поддержка партий), а некоторые направления представлены лишь единичными работами — например, коалиционная политика (Шмачкова, 1996; Гельман, 1997b), организационное развитие (Голосов, 1999; Golosov, 1998), политическое финансирование (Gel'man, 1998) или идеологическая стратегия (Голосов, 1997a; Голосов, 1999).

Сходным образом выглядят различия в области теории партий и партийных систем. Если классические работы М. Острогорского, Р. Михельса, М. Дюверже, Д. Сартори вошли в российскую науку даже на уровне учебной литературы (см. в частности: Виноградов и Головин, 1997, с. 87–120; Голосов, 1995, 107–126; Пугачев и Соловьев, 1995, с. 211–222) и успешно применяются в исследованиях (например, анализ развития российской партийной системы в рамках типологии Д. Сартори (Sartori, 1976) у С. Заславского (Заславский, 1994a)), то исследования таких современных авторов, как Р. Кац, К. Лоусон, П. Мэйр, Г. Китчелт, А. Панебианко, А. Уэр и ряд других, остаются невостребованными и, скорее всего, неизвестными большинству российских политологов. Некоторое исключение представляют работы К. Джанды, ставшие известными благодаря популяризации их А. Куликом (Кулик, 1993, 1994).

Однако сопоставление исследований российских партий в России и на Западе выявляет иную картину. Прежде всего, отсутствие удовлетворительных теорий, объясняющих формирование партийных систем в посткоммунистических обществах (Evans and Whitefield, 1993), на фоне обилия и масштабности новых явлений в российской политике повлекло за собой в работах западных авторов доминирование дескриптивных подходов (см., например: Lentini, 1995; Sakwa, 1995; Belin and Orttung, 1997; White et al., 1997) либо попытки вписать появление новых российских партий в рамки схем «политического участия», «гражданского общества» (Weigle, 1994; Devlin, 1995) или противостояния сторонников и противников реформ (Макфол, 1994; Remington and Smith, 1995). Попытки интерпретативных схем для анализа становления российского политического общества, предпринятые М. Урбаном (Urban, 1994; Urban et al., 1997; Urban and Gel'man, 1997), попытки теоретического осмысления организационного развития российских партий в работах С. Фиша (Fish, 1995a, 1995b), анализ влияния избирательной системы на формирование российской партийной системы у Р. Мозера (Moser, 1995) пока остаются исключениями на общем фоне западных работ, хотя, вероят-

но, включение исследований российских политических партий в сравнительную перспективу в ближайшие годы может изменить ситуацию.

В то же время развитие самого объекта исследования также сыграло немалую роль в динамике изучения российских партий. Вслед за К. Джандой, отмечающим влияние характеристик американских партий на развитие исследований партий в США (Джанда, 1997, с. 85–88), можно говорить о том, что состояние российских партий оказывает влияние на исследовательские интересы и подходы. Подобно тому как политические партии в России к 1998 г. хотя и превратились из маргинальных групп в неотъемлемый элемент политической системы страны, но не стали значимым актором при принятии решений, исследования партий хотя и прочно заняли место в российской политологии, но не относятся к числу наиболее привлекательных тем. Достаточно сказать, что ведущий российский политологический журнал «Полис», ежегодно публикующий в среднем около 80 научных статей, в 1996 г. опубликовал лишь одну статью по проблемам политических партий в России (Шмачкова, 1996) и 6 работ по смежной тематике электорального поведения, а в 1997 г. — один критический отзыв на данную статью (Гельман, 1997) и 3 работы по смежным темам (электоральное поведение и партийная идеология). Более того, упадок общественного интереса к партиям и критическое к ним отношение в обществе, вероятно, сыграли не последнюю роль в том, что в мае 1996 в ИНИОН РАН был закрыт сектор по изучению проблем современных политических партий и движений (Любин, 1997, с. 5) — единственное специализированное подразделение такого рода в системе государственных научных учреждений России.

В более общем плане влияние динамики изменений изучаемого объекта (в данном случае — политических партий) на развитие исследований можно связать с альтернативной моделью исследовательского цикла (Голосов, 1997d), применимой к изучению недостаточно теоретически описанных феноменов. В рамках логики такого цикла первый этап исследований предполагает чисто описательные, теоретические подходы. По мере развития объекта исследования и накопления достаточного эмпирического материала наступает черед сравнительно ориентированных на изучение отдельных случаев (*case studies*) (Доган и Пелласси, 1994, с. 168–175), далее — «систематических сравнительных иллюстраций» (Smelser, 1976), содержащих глубокую контекстуализацию (Рэгин, 1997), и, наконец, наступает момент, когда параллельно сформированные по ходу этого развития массив данных, с одной стороны, и корпус теорий — с другой, становятся достаточными для статистической проверки. Изучение российских партий, во всяком случае, вписывается в эту логику. Если смежная с изучением партий область электоральных исследований России уже прошла путь от отдельных описа-

ний кампаний (Березкин и др., 1990) до сравнительных статистических кроссрегиональных исследований (Анализ, 1997), то изучение российских партий партийной системы пока находится на стадии анализа «отклоняющихся случаев» (Гельман и Голосов, 1998) и «систематических сравнительных иллюстраций».

Так или иначе, главным итогом первого десятилетия исследования партий в России явилась институционализация данной отрасли российской политической науки, проявлениями чего являются:

- формирование корпуса профессиональных (в смысле основного занятия) исследователей партий, работающих в рамках РАН, высших учебных заведений, государственных структур и аналитических центров, выпуск ряда научных монографий, посвященных изучению партий в России (см., например: Салмин и др., 1994; Краснов, 1995; Коргунюк и Заславский, 1996; Игрицкий и др., 1996; Голосов, 1999);
- функционирование информационной инфраструктуры в сфере изучения партий — базы данных в ИСКР АН, информационно-экспертной группе «Панорама», выпуск информационных бюллетеней «Партиформ» и Левого информцентра, регулярный мониторинг деятельности партий, ведущийся в рамках ИГПИ, Центра политических технологий и ряда других аналитических центров, выпуск ряда научно-популярных (Абрамов, 1997; Кулик, 1997) и информационно-справочных изданий по российским партиям (см., например: Белонучкин, 1995; Кондрашев, 1995; Абрамов и Головина, 1996; Гельбрас, 1996; Олещук и Павленко, 1997);
- регулярные защиты диссертаций по проблемам политических партий в России (см., например: Антонов, 1993; Базовкин, 1993; Березовский, 1993; Виноградов, 1994; Заславский, 1995; Колымцов, 1996; Сунгуров, 1996);
- регулярное чтение лекционных курсов по исследованиям политических партий в ведущих российских университетах (МГУ, РГГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Однако эти же факты говорят о том, что в российской политической науке завершен лишь первый период формирования изучения партий как новой отрасли исследований, основной характеристикой которого стало накопление и осмысление первичных данных и специализация ученых (рекрутированных, как правило, из других отраслей науки). В рамках этого периода можно выделить четыре этапа, связанных с состоянием как исследований, так и самого объекта исследований, существенно менявшимся при переходе от одного этапа к другому.

**Этапы развития политических партий и исследований
политических партий в России (1988–1991)**

Этап	Временные рамки	Особенности этапа	
		развития партий	исследований партий
1	1988 — август 1991	Общественные движения как «протопартии»	Сбор первичной информации, политическая ангажированность
2	август 1991 — осень 1993	Кризис партийного развития	Реорганизация исследовательской среды, регулярные наблюдения
3	осень 1993 — лето 1996	Электоральная реформа, становление партийной системы	Проведение case studies, попытки типологий партий и выработка «grounded theories»
4	с лета 1996	Институционализация партийной системы	Институционализация отрасли исследований, сравнительные исследования

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РОССИЙСКИЙ
ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМ:
ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИЙ¹**

**Влияние партийной системы на президентализм:
два варианта объяснения**

Для ряда исследователей вопрос о недостатках президентской (полупрезидентской) формы правления формулируется, исходя из иного основания. Критика президентализма заключается в проблемах не столько в сфере исполнительной, сколько в сфере законодательной власти. «Опасности президентства», с этой точки зрения, проистекают не из-за того, что глава государства обладает большими полномочиями и следует авторитарным практикам управления. Напротив, они являются результатом его слабости и невозможности проводить свои инициативы через парламент. Как пишет Сартори, парадокс президентской формы правления именно в том и состоит, что исполнительная власть, будучи независимой от власти законодательной, в то же время на ней основывается и без нее теряет свою силу... Для смешанных форм правления этот вывод приобретает еще большую значимость. Наличие двойной структуры исполнительной власти, одна из составляющих которой в значительной степени зависит от доверия парламента, еще более усиливает взаимозависимость между ветвями власти, делая поиск компромисса необходимым для обеспечения жизнеспособности системы.

Как следует из данных рассуждений, полнота президентской власти и способность президента влиять на законодательный процесс проистекают из двух основных источников... — конституционного и партийного... Конституционные полномочия президента, такие как право накладывать вето на законопроекты, издавать указы и т.д., позволяют ему

* *Лихтенштейн Алла Владимировна* — кандидат политических наук, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Печатается по: Сб. научных трудов ИНИОН РАН «Политическая наука». 2003. № 1.

формировать результат процесса принятия решений безотносительно того, поддерживает ли его парламентское большинство или нет. «Партийный» же источник президентской власти, в свою очередь, обусловлен позицией президента по отношению к партийной структуре парламента, которая и определяет степень влияния главы государства на законодательный процесс. Именно этот аспект и является предметом дальнейшего анализа. Сначала я остановлюсь на концепциях, связывающих функционирование президентализма с фрагментацией партийной системы, затем внимание будет уделено влиянию характеристик самих политических партий на процесс принятия решений.

Фрагментация партийной системы и президентское правление

Начало исследованию влияния партийной системы на функционирование президентских режимов было положено работой американского ученого С. Мэйнуоринга... в которой он пришел к выводу, что недостатки президентализма обусловлены во многом тем, с какой партийной системой он сочетается. Результаты его анализа показывают, что высокий уровень партийной фрагментации значительно повышает вероятность конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти в странах с президентскими формами правления... Напротив, биполярный формат партийной системы способствует ее большей стабильности и снижению конфликтности... В качестве одного из главных аргументов в пользу данного заключения выступал опыт США...

Несовместимость президентализма и многопартийности связана с тем, что в подобных условиях президентской партии практически невозможно получить большинство мест в парламенте. Действительно, данные Мэйнуоринга подтверждают, что по мере увеличения фрагментации партийной системы и увеличения эффективного числа партий в стабильных президентских демократиях снижается средняя доля мест в ассамблее, которые контролируются президентской партией. Это ведет к тому, что президент лишается возможности работать с лидерами сильных парламентских фракций. Поэтому он вынужден взаимодействовать с отдельными законодателями, что способствует распространению практики патронажа и тем самым снижает стабильность взаимоотношений между ветвями власти... На основе изучения бразильской партийной системы Мэйнуоринг пришел к заключению, что «...комбинация президентализма, фрагментированной многопартийной системы и недисциплинированных партий затрудняет работу президента через партийные каналы и поощряет антипартийные практики»... Отсутствие стимулов к повышению значимости политических партий объясняется

также тем, что в условиях фрагментированной и слабой партийной системы кандидаты в президенты не испытывают потребности обращаться к партиям за поддержкой. Персональное лидерство и харизма кандидата приобретают гораздо большую политическую ценность в ситуации «циничного отношения избирателей к партиям», «отчужденным на периферию электоральной политики»...

Напротив, в условиях низкой фрагментации партийной системы значимость партий в политическом процессе резко повышается, что ведет к большей стабильности президентализма... С этой точки зрения двухпартийность, как наиболее желательная ситуация, оказывается способной устранить «опасности президентства», на которые указывал Линц, и, в частности, снизить вероятность противостояния ветвей власти, устранить тенденцию к идеологической поляризации, облегчить достижение межпартийных коалиций...

Партийная дисциплина и президентское правление

Предположение Мэйнуоринга и других авторов о том, что для успешного функционирования президентализма необходимо совпадение партийной принадлежности президента и парламентского большинства, справедливо для большинства стран Латинской Америки. Но оно не подтверждалось частыми периодами так называемого «разделенного правления» в США, когда американский президент был вынужден работать с парламентским большинством, не принадлежащим к его партии. Теоретически это должно было привести к противостоянию ветвей власти и вылиться в затяжной кризис. Однако на практике ничего подобного не происходило. Действительно, ряд исследователей предсказывал крайне негативные последствия «разделенного правления», которые должны были привести к неэффективности и неработоспособности самой формы правления и, кроме того, к «распылению» ответственности правителей из-за отсутствия ясности по поводу того, кто принимает решения и контролирует управленческий процесс. Так, например, Дж. Сандквист пишет, что оппозиционное президенту большинство в Конгрессе США имеет все основания отвергнуть инициативы исполнительной власти; принять их — означает подтвердить власть президента и, следовательно, способствовать его переизбранию. Аналогичным образом, президент не сможет конкурировать с парламентской партией большинства на следующих президентских выборах, если он согласится с Конгрессом сейчас. С этой точки зрения, «разделенное правление» создает институциональные стимулы к тому, чтобы ветви власти находились в оппозиции друг к другу по законодательным вопросам (тем самым ведя к неэффективности правления) ради перспектив своего будущего переизбрания...

Однако проведенный Д. Мэйхью анализ предлагаемых и принимаемых законодательных инициатив в Конгрессе США показал, что причин для сильного беспокойства нет: «разделенное» ли правление или «объединенное», это никак не влияет на ход законодательного процесса... Вместе с тем выбранная Мэйхью методология анализа часто становилась предметом критики, что стало поводом к сомнению в достоверности полученных этим исследователем выводов... Более убедительное объяснение того, почему частые ситуации «разделенного правления» не вылились в политический кризис, предлагают работы, посвященные характеристикам самих американских политических партий. Так, Ф. Риггс пришел к выводу, что работоспособность и долговечность американской государственной системы обеспечивают особые «параконституционные» практики, важнейшим элементом которых является слабая внутрипартийная сплоченность... Несмотря на негативные стороны такого положения дел, а именно, неспособности президентской партии значимо влиять на принятие решений и отсутствие стимулирующей оппозиции, низкая дисциплина политических партий оказывается, как ни удивительно, благоприятным фактором функционирования системы в целом. Объяснение состоит в том, что, с одной стороны, такая характеристика американской партийной системы снижает вероятность формирования в парламенте дисциплинированной оппозиционной фракции, что впоследствии могло бы привести к развитию конфликтной ситуации и даже вылиться в диктатуру (как произошло, например, в Чили в 1973 году). Эта потенциальная возможность уже сама по себе делает нежелательным наличие сильных парламентских партий в президентской системе. Вместе с тем, даже если президентская партия оказывается в меньшинстве в Конгрессе, вероятность создания пропрезидентских коалиций значительно повышается, если фракции не придерживаются жестко установленных партийными лидерами правил парламентского поведения. В подобных условиях решение конгрессменов о голосовании за тот или иной проект закона не связано с их партийной принадлежностью и строгим следованием идеологическим принципам. Это позволяет президенту взаимодействовать с парламентом, исходя из индивидуальных предпочтений конгрессменов, не принимая во внимание партийную композицию легислатуры. Как утверждает Риггс, именно поэтому особое значение приобретает центростремительная... а не центробежная динамика партийной системы, облегчающая коалиционные взаимодействия между основными соперниками. В результате рыхлость организации политических партий и отсутствие жестких идеологических принципов позволяют президенту «торговаться» с Конгрессом, тем самым обеспечивая нахождение компромиссных решений в проблематичных ситуациях. Центром принятия решений в легислатуре в такой ситуации оказываются не парламентские фракции, а сильные комитеты...

Соглашаясь с размышлениями Риггса, Сартори заявлял, что американская система работает, несмотря на конституцию... В действительности президентализм, по его мнению, является заведомо неэффективной системой, и ее работа может быть обеспечена только при выполнении определенных условий. Они заключаются, во-первых, в отсутствии идеологической жесткости, слабости и недисциплинированности политических партий (на что указывал Риггс), а во-вторых, в регионально ориентированной политике, ведущей к стимулированию голосования за личности, а не за партии, а также институционализации практик патронажных сделок (pork-barrel politics). Сартори отмечает, что это постепенно приводит к тому, что парламентские партии становятся все более и более фрагментированными, а поведение отдельных законодателей все больше напоминает поведение лobbyистов своего округа, а не членов политической организации. Коалиции в такой ситуации все более представляют собой заключенные по отдельным вопросам соглашения, которые после проведения нужного закона сразу распадаются, делая похожими межпартийные взаимодействия скорее на беспорядочное вращение калейдоскопа, чем поиск надежного компромисса. Именно эти особенности американских политических партий, по мнению Сартори, и стали причиной того, что Мэйхью не удалось обнаружить видимых различий между ситуациями «разделенного» и «объединенного» правления: ведь рыхлость и атомизация американских партий делают понятие партийного большинства бессмысленным. «Объединенное» правление в такой ситуации никак не может повлиять на эффективность американского законодательного процесса, как, впрочем, и правление «разделенное».

Фрагментация и партийная дисциплина: взаимодополняющий эффект

Как видно из рассмотренных выше двух групп теорий среднего уровня, характер функционирования президентской формы правления связывается с влиянием многопартийности и партийной дисциплины. Ниже приводится таблица, в которой делается попытка объединить оба направления анализа и представить возможные комбинации факторов «фрагментация — партийная дисциплина» и их влияние на способность президентской системы к преодолению кризисных ситуаций и эффективному принятию решений.

Знак «+» в ячейке показывает, что сочетание факторов является благоприятным для президентского правления, «-» показывает неблагоприятное воздействие комбинации, «-/» говорит о том, что однозначного вывода о сочетаемости комбинации факторов с президентализмом сделать нельзя либо отсутствуют достаточные основания для какого-либо заключения.

**Возможные сочетания факторов «фрагментация — партийная дисциплина»
и их влияние на президентализм**

Партийная дисциплина	Высокая фрагментация (отсутствие стабильного большинства)	Двухпартийность (сформировано однопартийное большинство в парламенте)
Высокая	–	–/+
Низкая	–/+	+

Так, высокая партийная дисциплина, мало подходящая для президентализма, во фрагментированных системах ухудшает возможности построения коалиций, тем самым еще более затрудняя работу президента с парламентом и препятствуя эффективному правлению. С другой стороны, как утверждает М. Коппедж, ошибкой было бы полагать, что партийная система с доминирующей партией и высокой партийной дисциплиной была бы решением проблемы... Основной аргумент, однако, связан не столько с неэффективностью процесса принятия решений (эта проблема возникает лишь в том случае, если президент и парламентское большинство принадлежат к оппозиционным партиям), сколько с нарушением демократического принципа разделения властей и угрозы авторитарного правления, если президент и парламент принадлежат к одной партии... Низкая партийная дисциплина, как можно ожидать, положительно влияет на функционирование президентской формы правления: именно этот фактор и обеспечивает отсутствие кризисов американской двухпартийной системы. Возможность убеждения законодателей персонально, провоцирование расколов во фракциях или распределение благ и формирование клиентелистских альянсов позволяют президенту работать с парламентом без лояльного большинства... Однако полное отсутствие дисциплины также нежелательно, и... также может иметь критические последствия для демократического правления. Сходной точки зрения придерживаются С. Мэйнуоринг и М. Шугарт. Авторы пришли к выводу, что партии в президентских системах не должны быть слишком дисциплинированными (чтобы сохранялся демократический принцип разделения властей). В то же время полное отсутствие дисциплины также нежелательно, так как крайне затрудняет стабильные взаимоотношения между исполнительной и законодательной властями. Умеренная же дисциплина политических партий представляется им наиболее приемлемым вариантом...

Как можно видеть, наиболее желательным вариантом является двухпартийность, когда политические партии не являются дисциплинированными (по американской модели). В этом случае нет опасности того,

что будет сформирована сплоченная оппозиция в парламенте. В то же время президент получает возможность эффективно работать с законодательной властью, даже если большинство в ней не принадлежит к его партии. Вариант, когда фрагментация в парламенте высокая, а дисциплина низкая, также является приемлемым, хотя существует опасность нестабильности партийных коалиций и потери управляемости законодательного органа. Допустимым также является и вариант, при котором низкая фрагментация сочетается с высокой дисциплиной, хотя в данном случае возможно развитие авторитарных тенденций при несоблюдении принципа разделения властей либо формирование сплоченной оппозиции, что может привести к кризису принятия решений. Наконец, наименее привлекательным вариантом оказывается сочетание многочисленных, но сплоченных партий.

Российский президентализм и двухпартийность сквозь призму теорий

Итак, в соответствии с представленными выше концепциями, президентализм наилучшим образом сочетается с двухпартийной системой. Принимая во внимание взаимоотношения между президентом, премьер-министром и парламентом, мы считаем, что этот вывод остается справедливым и для смешанных форм правления с сильной президентской властью. Однако справедлив ли он для российской системы? Такая постановка вопроса допускает наличие неких особенностей российского президентализма, которые не позволяют однозначно ответить «да» на этот вопрос.

Конституция 1993 года определяет российскую государственную систему как смешанную (или, по классификации Шугарта и Кэри, как президентско-парламентскую). Главной особенностью такой формы правления является двойная структура исполнительной власти, которая допускает сосуществование всенародно избираемого президента и назначаемого премьер-министра, который возглавляет правительство. Президент является независимой политической фигурой, избираемой на фиксированный срок, на изменение продолжительности которого парламент не может повлиять никаким образом. В свою очередь правительство зависит от поддержки парламента... Вместе с тем в России возможности влияния парламента на состав правительства достаточно ограничены...

Как можно видеть, Конституция формально закрепляет доминирующее положение президента в системе разделения властей. Однако принципиальное отличие формы правления, сложившейся в России и ряде других стран бывшего СССР, состоит не столько в обширных конституционных полномочиях президента, сколько в его «внепартийном»

положении. Объяснение тому можно обнаружить в особенностях трансформационного периода. Исторически сложилось так, что партии не играли значимой роли в выборах российского президента, причем сам глава государства всячески подчеркивал свое стремление быть выше партийной политики и представлять «интересы всех россиян», а не ограниченного круга сторонников какой бы то ни было политической организации. Это привело к тому, что исполнительная власть в стране формировалась исходя из других, отличных от партийных, принципов.

Отсутствие у президента заявленных партийных предпочтений дает ему большую свободу при выборе партий-сторонников в парламенте, для которых поддержка со стороны сильного инкумбента имеет значимые выгоды. В условиях неустойчивых электоральных предпочтений избирателей такое «надпартийное» положение главы государства открывает для него дополнительные возможности целенаправленного конструирования формата партийной системы. На практике примерами подобного конструирования и стали попытки создания «партий власти». Но при этом сами партии, без возможности участвовать в выработке важнейших государственных решений и нести за них ответственность, были обречены оставаться слабыми и неустойчивыми... В то же время, однако, они часто демонстрировали бескомпромиссность и неконструктивную идеологическую непримиримость в парламенте.

Как трансформируется идея формирования двухпартийной системы в ситуации, когда исполнительная власть не связана партийными обязательствами? С точки зрения разработанных в сравнительной политологии теорий, создание в России двухпартийной системы в этом случае могло бы повлечь за собой два варианта развития событий. Первый, наиболее близкий к опыту США, сценарий — это формирование крупных, идеологически близких между собой партий, способных к компромиссу в процессе выработки и принятия решений. Именно такой вариант, как представляется, и был положен в основу проекта строительства «партий власти» на думских выборах 1995 года. «Беспартийный» президент при таком сценарии получал бы возможность работать с парламентом на основе тактических альянсов между законодателями, чьи партийные предпочтения, возможно, отошли бы на второй план, уступив место профессионализму и компетентности в конкретной области законотворчества. Однако, как доказали выборы, реализация такого проекта невозможна в условиях нестабильной партийной системы и неустойчивых предпочтений избирателей.

Второй сценарий, который предлагают нам рассмотренные теории, подразумевает формирование в парламенте сплоченного однопартийного большинства. Этот вариант является более рискованным, так как существует вероятность того, что в условиях двухпартийной системы парламентское большинство не будет принадлежать к партии сторон-

ников президента. Стратегией, минимизирующей риск для президента, может стать конструирование такой системы, где одна партия (поддерживающая президента) значительно превосходит по силе партию оппозиции. В этом случае возникновение «разделенного правления» становится практически невозможным, а исполнительная власть получает надежную поддержку в законодательном органе для проведения своих инициатив. Такая расстановка сил сложилась в России в ходе работы третьей Государственной Думы, и вполне допустимо, что по такому сценарию будет эволюционировать российская партийная система после выборов 1999 года, что подтверждается развитием последней «партии власти». Не стоит, однако, забывать, такой вариант опасен нарастанием авторитарных тенденций, причина которых кроется в нарушении принципа разделения властей и отсутствии стимулирующей оппозиции. Об этом предупреждают нас теории, разработанные на материале сравнительных исследований. Хотелось бы, чтобы эти опасения оказались напрасными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЙ: 1987–1991¹

Простое (хотя и неполное) определение начальной фазы формирования партийной системы состоит в том, что это период, когда люди в силу ряда причин вступают в партии. Причины партийного активизма, или стимулы к нему, можно в аналитических целях разделить на коллективные и селективные (Panebianco, 1988: 24; Clark and Wilson, 1961). Под первую категорию попадают мотивы, связанные с индивидуальными потребностями по поводу идентичности и солидарности. Несколь-ко упрощая, можно сказать, что носители коллективных стимулов вступают в партии, чтобы найти себя и себе подобных. Важнейшим моментом коллективных стимулов являются идеологические предпочтения. Селективные стимулы — это стремление извлечь из участия в работе партии материальные выгоды. Имеются в виду не только и не столько денежные выгоды, непосредственно извлекаемые из партийной работы (хотя она вполне может быть оплачиваемой), сколько возможности сделать политическую карьеру, занять государственные должности. Между коллективными и селективными стимулами к партийному активизму нет четкого водораздела. К какой категории отнести, например, возможность скоротать свободное время путем посещения партийного клуба? Однако в аналитических целях данная концептуализация применяется достаточно широко.

Как правило, начальная фаза организационного развития партии характеризуется преобладанием коллективных стимулов над селективными. Первые активисты рассматривают приверженность каким-то общим целям, чаще всего сформулированным в идеологическом ключе, как основную или даже единственную причину совместных действий. В дальнейшем, однако, структура стимулов к партийному активизму диверсифицируется, и все большее место в ней занимают материальные

* *Голосов Григорий Васильевич* — доктор политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Печатается по: *Голосов Г. В.* Происхождение современных российских политических партий, 1987–1993 // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Общ. ред.: В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. — М.: Весь Мир, 2000. С. 77–105.

интересы. Это не означает, что коллективные стимулы перестают играть какую бы то ни было роль. Но это означает, что партия должна подкреплять программные цели идеологического характера, в любом случае продолжающие служить важной приманкой для потенциальных активистов, таким видением стратегии по достижению этих целей, в котором нашлось бы место для удовлетворения материальных притязаний «своих». А для того чтобы эта стратегия выглядела реалистической, партии необходимо время от времени вознаграждать активистов. Таким образом происходит процесс, определяемый как институционализация партии.

До 1990 г. как коллективные, так и селективные стимулы к членству в независимых политических ассоциациях отсутствовали просто потому, что политическая система СССР, санкционированная Конституцией 1977 г., допускала существование лишь одной партии — КПСС, за которой закреплялась ведущая роль в обществе. Однако политическая реальность страны была сложнее конституционной нормы. Одним из элементов «перестройки», инициированной М. Горбачевым летом—осенью 1986 г., была «активизация человеческого фактора», понимавшаяся, в частности, как умеренное расширение социальной самодеятельности (Bonnell, 1991). В задачи настоящей работы не входит обсуждение того, был ли М. Горбачев в момент начала «перестройки» «либеральным реформатором», «демократическим реформатором» или даже «консерватором», единственной целью которого была консолидация собственных позиций в партийном руководстве. Все эти интерпретации представлены в литературе (см.: Lewin, 1988; Lynch, 1989; Doder and Branson, 1990; Sakwa, 1990; White, 1990; Dunlop, 1993; Miller, 1993). Факт состоит в том, что приблизительно летом 1986 г. Горбачев предпринял ряд шагов в области управления средствами массовой информации и литературно-художественными журналами. Эти меры, в основном связанные с персональными перестановками, непосредственно подготовили «гласность» — пропагандистскую кампанию, в фокусе которой находилась критика сталинской модели государственного социализма. Первоначально провозглашенными целями «гласности» были «исправление недостатков» и «совершенствование социализма». Вскоре, однако, критика режима переросла эти рамки и стала непосредственно смыкаться с взглядами, когда-то артикулировавшимися диссидентами. Важным символическим шагом, продемонстрировавшим рост терпимости в отношении подобных взглядов, стало возвращение А. Сахарова из горьковской ссылки в декабре 1986 г.

На этом фоне «активизация человеческого фактора» приобрела новое направление, связанное с созданием большого количества «неформальных групп» (Hosking, 1988; Неформальная Россия, 1990; Неформалы, 1990; Brovkin, 1990; Tolz, 1990; Sedaitis and Butterfield, 1991). Чаще всего эти группы были вполне аполитичными. Другие, не расходясь с

руководством КПСС по поводу необходимости «обновления социализма», артикулировали собственные — более или менее нетрадиционные — версии социалистической идеологии (Brovkin, 1990). Например, Московский народный фронт, объединивший несколько «неформальных» организаций, первоначально находился под контролем социалистов — групп «Социалистическая инициатива», «Народное действие» и пр. Однако к концу 1988 г. социализм в качестве ведущей идеологии «неформального движения» был вытеснен комплексом представлений, иногда определяемым как «основная демократическая» идеология (Franklin, 1993).

«Основная демократическая» идеология не отличалась содержательным богатством. В сущности она может быть представлена в весьма краткой формулировке одного московского журналиста, который, отвечая в 1991 г. на вопрос западного исследователя о своих политических целях, сказал, что это «нормальное общество», основанное на «правах человека, гражданских свободах и свободе предпринимательства» (Kullberg, 1994:941; целый ряд развернутых нарративных экспозиций подобных взглядов можно найти в: Babkina, 1991). Одним из основных элементов «основной демократической» идеологии служило представление о том, что воплощением «нормального общества» и примером соблюдения человеческих прав и свобод является Запад; советская же система рассматривалась как «ненормальная» или, прибегая к более широко применявшемуся тогда понятию, «тоталитарная».

Причины, по которым «основная демократическая» идеология возобладала над возможными альтернативами, многообразны (Devlin, 1995). Для понимания этих причин важно, в частности, иметь в виду, что «перестройка» была инициирована в советской институциональной среде, уже насыщенной различными институтами политической мобилизации масс — от самой Коммунистической партии до профсоюзов, молодежных организаций и различных выборных органов государственной власти. Больше того, одна из ее официальных целей состояла в возрождении этих институтов. В этих условиях «набор идентичностей» (Dunleavy, 1991: 54–5), на котором могли бы строиться коллективные стимулы к участию в «неформальном движении», должен был прежде всего дистанцировать потенциальных активистов от институтов советской системы. Эти институты необходимо было представить как недостаточные — недостаточно демократические, — а стало быть, «ненормальные». Такую функцию и выполняла «основная демократическая» идеология. Отсюда — постепенная радикализация «неформального движения» в 1987–1988 гг. (Igrunov, 1991). В мае 1988 г. небольшая группа во главе с Е. Дебрянской и В. Новодворской объявила себя первой оппозиционной политической партией. Уже к концу года созданный таким образом Демократический союз распался на три организации. Открыто

оппозиционные программы, полностью выдержанные в духе «основной демократической» идеологии, выдвигались и некоторыми другими группами — «Демократическая перестройка», «Гражданское достоинство» и пр.

«Основная демократическая» идеология повлияла на организационную структуру групп, участвовавших в «неформальном движении». Высоко ценилась внутренняя демократия, а иерархические партийные структуры отвергались как наследие сталинской модели партийного строительства. В некоторых организациях руководство отсутствовало вообще — все их члены считались равноправными. В других группах практиковалось коллективное руководство. Как отмечает С. Фиш, «организационные формы, которые можно было обнаружить в российском демократическом движении, в действительности представляли собой символический вызов советским организационным формам с присутствием им субординацией и имитацией вовлеченности» (Fish, 1995: 113—118). Не удивительно, что организационная консолидация в общероссийском масштабе была для «демократических неформалов» колоссальной проблемой. Многие группы слишком ценили свою независимость, чтобы легко ею поступиться. Позднее их стали называть «диванными» партиями, т.е. такими, все члены которых легко умещались на одном диване. Однако «основная демократическая» идеология содержала в себе и довольно сильный коллективный стимул к консолидации — приверженность идее многопартийной демократии. Когда в марте 1990 г. была отменена статья 6 советской Конституции, закреплявшая политическую монополию КПСС, был предпринят целый ряд попыток реализовать эту идею путем создания всероссийских партий. Некоторые из «неформалов», как мы видели, вступили на путь партийного строительства даже раньше.

Многие наблюдатели ранней фазы партийного строительства в России отмечали, что возникавшие тогда организации зачастую совершенно не отличались друг от друга в идеологическом плане (Urban, 1992a). Оно и понятно, если принять во внимание, что «основная демократическая» идеология задавала участникам процесса одинаковые коллективные стимулы. Но почему же тогда все «демократы» не объединились в одну партию? Думается, что ответ на этот вопрос кроется в существенном расхождении «наборов идентичностей» двух основных партий, сформировавшихся в 1990 г. на основе «неформального движения» — Социал-демократической партии России (СДПР) и Республиканской партии Российской Федерации (РПРФ).

Один из немногих ранних опросов партийных активистов показывает, что водоразделом, по которому проходило различие между членами СДПР и РПРФ, была интенсивность критического отношения к режиму до начала демократизации (Mitrokhin and Urban, 1992). О том же

свидетельствуют и данные об организационном развитии двух партий (Гладыш, 1990; Панкин, 1991; Markov and McFaul, 1993). СДПР создавалась преимущественно теми «неформалами», которые либо никогда не вступали в КПСС, либо вышли из нее на заре «перестройки». Напротив, основными участниками РПРФ были «партийные неформалы» — участники дискуссионных клубов и, позднее, Демократической платформы в КПСС. Отсутствие идеологических различий между двумя партиями вело к тому, что их лидеры периодически возвращались к идее союза между ними или даже полного объединения. Однако эта идея никогда не материализовалась — в значительной мере потому, что она не находила отклика в «партийных массах». «Республиканцы» оставались для многих «социал-демократов» людьми, решившимися на разрыв с прошлым только тогда, когда это уже не влекло за собой никакого риска, а «социал-демократы» в глазах «республиканцев» ассоциировались с политической безответственностью и отсутствием деловых качеств. Члены двух партий были, можно сказать, вхожи в разные дома. Общей идентичности у них не было. СДПР и РПРФ не раз вступали в переговоры о слиянии, но эта идея так никогда и не реализовалась.

Вопреки названию СДПР, ее идеология имела мало общего с социализмом, пусть даже демократическим. Когда партия еще только замышлялась в 1988 г., сама идея организованной оппозиции казалась опасной, и можно было надеяться, что «социал-демократия» в названии хотя бы отчасти нейтрализует угрозу со стороны властей. В феврале 1989 г. рядом «неформальных» групп, действовавших в городах России, была учреждена Социал-демократическая конфедерация. Когда же возникла возможность трансформировать это образование в партию, название стало чем-то вроде традиции. Однако принятая при учреждении СДПР в мае 1990 г. программа была последовательно антисоциалистической. Выступая за «социальное партнерство», СДПР видела себя политической представительницей нарождающегося «среднего класса». Руководство партией осуществлялось коллективно советом из трех сопредседателей — П. Кудюкина, А. Оболенского и О. Румянцева. Выделившись из КПСС в ноябре 1990 г., РПРФ приняла программу, практически не отличающуюся от программы «социал-демократов». Похожей была и структура руководства: РПРФ тоже возглавляли три сопредседателя — В. Лысенко, С. Сулакшин и В. Шостаковский. Даже по численности СДПР и РПРФ были почти одинаковыми — первоначально, по оценкам наблюдателей, обе насчитывали примерно по пять тысяч членов.

Надо заметить, что хотя «основная демократическая» идеология и играла ведущую роль в «неформальном движении», полной монополией она не пользовалась. Существовали и две альтернативные тенденции. Ни одна из них в 1987—1991 гг. не добилась больших успехов, но их наследие сыграло достаточно важную роль в дальнейшем. Одна из них

может быть определена как националистическая, хотя ее представители предпочитали именовать себя «патриотами». Предыстория этой тенденции уходила достаточно далеко в советское прошлое. Даже среди диссидентов были отдельные лица и группы, придерживавшиеся взглядов, связанных с отстаиванием «русского самобытного пути развития» (подробнее см.: Yanov, 1987; Dunlop, 1983; Carter, 1990). Достаточно широкое распространение подобные взгляды получили и за пределами диссента — особенно в литературных кругах, с начала 60-х годов группировавшихся вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Националистический оттенок имело также оказавшее осязаемое влияние на интеллигенцию литературное течение, за которым впоследствии закрепилось название «деревенщики». Отношение властей к подобным взглядам было двусмысленным, хотя в целом, как кажется, более благоприятным, чем к «западничеству». Во всяком случае московское общество «Память» приобрело легальный статус в 1983 г. — в то самое время, когда диссент подвергался особо суровым репрессиям (Ortung, 1992).

Новым стимулом к деятельности националистов послужила антиалкогольная кампания 1985–1986 гг. Одним из ее аспектов была поддержка, которую партийные власти оказывали повсеместному созданию «добровольных обществ трезвости» и тому подобных организаций. И хотя в большинстве своем они не преследовали никаких политических целей, в создании некоторых приняли активное участие великорусские националисты. Их группы, часто под названием «Память», возникли в нескольких крупных городах России (см., например: Golosov, 1994). Вопрос о том, в какой мере националисты пользовались покровительством высокопоставленных членов руководства КПСС, остается спорным, хотя в некоторых работах выдвигается тезис о том, что на раннем этапе «перестройки» Е. Лигачев активно способствовал националистическому движению (Dunlop, 1993). Так или иначе, в течение некоторого времени «Память» и родственные ей группы оставались наиболее значительными организациями, в рамках которых была возможна — пусть весьма умеренная и своеобразная — критика режима (Wishnevsky, 1988: 82–83).

Для того чтобы не уступить «основной демократической» идеологии, националисты должны были построить не менее убедительный «набор идентичностей». Это-то и составляло проблему. Хотя некоторые из активистов «Памяти» критически относились к большевистской революции, враждебность к Западу — к его геополитическим амбициям, массовой культуре и рыночной стихии (Вите, 1992) — роднила националистов с наиболее консервативными представителями руководства КПСС. А значит, оппозиционность националистов выглядела сомнительной, а их сотрудничество с властями — логичным и неизбежным. Коллективные стимулы к участию в националистическом движении были, стало быть, заведомо слабыми. Это подрывало массовую базу дви-

жения. Ни одна из многочисленных националистических групп в 1991 г. не насчитывала более 600 членов (Pribylovskii, 1992).

В то же время эффективность партийного строительства на националистическом фланге оказалась не выше, чем на демократическом. «Память» так никогда и не состоялась в качестве общероссийской организации. Скорее, это был набор не связанных между собой групп, использовавших одно и то же название (Hughes, 1992). В отличие от приверженцев «основной демократической» идеологии, националисты не придавали никакого значения внутрипартийной демократии; даже самые мелкие группы такого рода были, как правило, иерархически организованными и управлялись единоличными лидерами. Однако такая организационная форма слабо соответствовала необходимости поддерживать коллективные стимулы к участию (безоговорочное подчинение — не лучший способ реализовать потребность в самореализации). В то же время селективных стимулов националисты своим сторонникам не предлагали просто из-за собственной слабости. Как следствие, националистическое движение стало ареной бесконечной ожесточенной борьбы за руководство и многочисленных расколов. К этому надо добавить, что, враждебно относясь к самой идее многопартийности, националисты не придавали партийному строительству как таковому особого значения (Ortung, 1992). Таковы обстоятельства, определившие крайне фрагментированный характер националистического движения.

В начале 1990 г. Национально-патриотический фронт «Память» Д. Васильева сосуществовал, помимо прочих, с Православным патриотическим фронтом «Память», Русским национально-демократическим фронтом — Движением «Память», Союзом за национально-пропорциональное представительство «Память» и даже с Всемирным антисоциалистским и антимасонским фронтом «Память» (Дейч, 1991). К числу сравнительно важных деталей этой в целом хаотичной картины следует отнести создание в начале 1990 г. Национально-республиканской партии России Н. Лысенко и Русского национального единства А. Баркашова. Первая из этих отколовшихся от «Памяти» Д. Васильева групп участвовала в избирательной кампании 1995 г., а вторая в конечном счете превратилась в крупнейшую националистическую организацию.

И демократы, и националисты — хотя и по-разному — строили свои «наборы идентичностей» на отказе от официальных ценностей советской системы. Такая характеристика была бы не вполне справедливой применительно к третьей, коммунистической тенденции. Представители этой тенденции не рассматривали советскую систему как порочную. Скорее, они считали, что «завоевания советской власти» могут быть утрачены из-за предательской политики Горбачева и уступок, сделанных им Западу, мелкой буржуазии и спекулянтам. Основная цель, таким образом, состояла не в борьбе против КПСС, а в ее улучшении.

Активность масс вне партии нужна лишь постольку, поскольку сама она уже не способна выполнить свою роль политического авангарда.

Основными организациями «неформальных коммунистов» стали Объединенный фронт трудящихся (ОФТ) и движение «Коммунистическая инициатива» (Ortung, 1992). Учредительный съезд ОФТ состоялся в Ленинграде в июле 1989 г. Некоторые из его лидеров участвовали и в «Коммунистической инициативе», официальной целью которой было создание Компартии России, организационно автономной от КПСС и ее «ревизионистского» руководства. Многие рядовые активисты тоже совмещали членство в обеих организациях; таких активистов было не очень много — от трех до четырех тысяч (Pribylovskii, 1992: 109). Надо, однако, отметить, что «коммунистическим неформалам» были чужды как распространенное среди демократов отвращение к сильной организации, так и фракционные склоки на манер националистов. Их движение, при всей его немногочисленности, было сравнительно хорошо организованным.

В 1987–1990 гг. коллективные стимулы, безусловно, преобладали на находившейся в эмбриональном состоянии арене российского партийного строительства. Проведение выборов не могло не изменить эту ситуацию. Состоявшиеся в 1989 г. выборы народных депутатов СССР не были основаны на межпартийной конкуренции. Собственно говоря, КПСС продолжала оставаться единственной легальной партией, руководящая роль которой была закреплена конституционной нормой. Не были эти выборы и вполне свободными (Mote, 1989; Lentini, 1991; White, 1991). Тем не менее часть «демократических неформалов» завоевала мандаты народных депутатов. Многие из них были избраны при поддержке «клубов избирателей», придерживавшихся «основной демократической» идеологии. Они составили ядро сформировавшейся на съезде Межрегиональной депутатской группы, в которую вошел пользовавшийся значительной личной популярностью в стране Б. Ельцин. И хотя приверженность самого Ельцина на том этапе его политической карьеры основным ценностям «демократического движения» вызывает известные сомнения (Colton, 1995), ясно, что положение вождя этого движения служило лучшим стимулом к постепенному восприятию основных элементов его риторики.

В течение 1989 г. политическая мобилизация, теперь уже не контролируемая руководством КПСС, нарастала. В преддверии намеченных на март 1990 г. выборов народных депутатов РСФСР была создана предвыборная коалиция «Демократическая Россия», объединившая, наряду с некоторыми «неформальными» организациями, «клубы избирателей» и инициативные комитеты в поддержку того или иного кандидата. Как организационно, так и идеологически «Демократическая Россия» была связана с Межрегиональной группой (Мурашов, 1990). В про-

грамме коалиции указывалось, что она действует на основе «идей Сахарова», суммированных как «свобода, демократия, права человека, многопартийная система, свободные выборы и рыночная экономика». Выборы оказались достаточно успешными для «демократов», особенно в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов (Colton, 1990; Kiernan, 1993), и увенчались избранием Ельцина на пост Председателя Верховного Совета России.

Попытка консолидации была предпринята и националистами, в декабре 1989 г. объявившими о создании предвыборного «Блока народно-патриотических сил». Однако кандидаты этого блока потерпели на выборах тяжелое поражение (Dunlop, 1990). И действительно, на фоне биполярного противостояния между «демократами» и политическими силами, которые в той или иной форме отстаивали старый порядок, «народно-патриотический блок» с его двусмысленным отношением к демократизации и откровенно негативным — к рыночной экономике оказался лишним.

Однако электоральный успех «Демократической России» не привел к ее организационной консолидации. Напротив, после выборов она фактически распалась. Помощь, оказанная демократически настроенным депутатам участниками коалиции, нередко была значительной. Но не менее важными факторами были личная популярность и благосклонное внимание средств массовой информации. К тому же, какие бы то ни были стимулы поддерживать дальнейшие союзнические отношения с «неформалами», у новоизбранных депутатов отсутствовали. Они уже добились своей цели. Даже некоторые лидеры «неформальных групп» отвернулись от них, став депутатами (Fish, 1995: 134). Теперь им предстояло адаптироваться к новой институциональной среде. Съезд народных депутатов России обладал более четкой и разветвленной политической структурой, чем всесоюзный, где МДГ оставалась единственной депутатской фракцией. Однако российские депутаты не стремились соединить свои фракции с внепарламентскими организованными группами. Правда, одна из фракций называлась «Объединенная фракция социал-демократов и республиканцев», но и у нее практически отсутствовала связь с соответствующими партиями.

Наиболее важный вклад избирательных кампаний 1989 и 1990 гг. в развитие российской партийной системы состоял, как представляется, в том, что они создали новую структуру политических возможностей, в рамках которой начали складываться селективные стимулы к участию в партийном строительстве. Политическая карьера стала вполне привлекательной для значительной массы лиц, индивидуальные ресурсы которых (популярность, доступ к средствам массовой коммуникации и т.д.) не позволяли надеяться на электоральный успех в рамках новой структуры возможностей. В то же время какая-то часть «нового поли-

тического класса», коренившегося в советских органах разных уровней, стремилась укрепить свои позиции путем создания стабильных баз поддержки. Есть данные, свидетельствующие о том, что именно эти две категории «политических предпринимателей» составили основу Демократической партии России (Mitrokhin and Urban, 1992: 70).

Ярким примером «политического предпринимателя» был основатель и лидер ДПР Н. Травкин. Видный деятель Демократической платформы КПСС, добившийся широкой личной известности во многом благодаря своей роли на всесоюзном Съезде народных депутатов, он не сразу пришел к идее создания «антикоммунистической партии». Первоначальным направлением поисков было забастовочное движение шахтеров Кузбасса и других регионов. В дальнейшем, однако, Травкин отказался от создания «рабочей партии». Сделав выбор в пользу «основной демократической» идеологии без дальнейших спецификаций социальной базы, он сумел перехватить инициативу у целого ряда групп, претендовавших на первые роли в руководстве ДПР (Завойский и Крыловский, 1990), и добился поста председателя партии при ее учреждении в мае 1990 г. После этого Травкин предпринял значительные организационные усилия по созданию региональной сети организаций ДПР. Однако реализовать эту задачу путем привлечения исключительно новых «политических предпринимателей» было невозможно, ибо в большинстве регионов уже существовали организации демократически ориентированных «неформалов». Нередко такие организации вливались в ДПР в полном составе (Pribylovskii, 1992: 20). Это ускорило процесс «партийного строительства на местах», но одновременно привнесло в новосозданную партию организационный этос «неформального движения». Тем не менее первоначально Травкину удавалось следовать своей линии на создание «сильной партии», неясность идеологических ориентиров которой компенсировалась бы ясностью тактических целей, сильным руководством и дисциплиной — партии, которая, будучи как бы «зеркальным отражением» КПСС, могла бы бросить ей вызов и победить.

Часть «неформалов» приняла участие в формировании партий, которые пытались улучшить свои шансы на привлечение новых членов и электоральный успех путем внесения тех или иных модификаций в «основную демократическую» идеологию. Например, в России возникла христианская демократия. Основанный в августе 1989 г. Христианско-демократический союз мало чем отличался от прочих групп «неформального движения». Однако уже в апреле 1990 г. от него откололось Российское христианско-демократическое движение (РХДД) во главе с В. Аксюцием. Риторика РХДД причудливо сочетала «демократизм» с представлением о православии как основе российской национально-государственной традиции (Sakwa, 1992). Формально РХДД возглавля-

ли несколько сопредседателей, но фактически руководство было сосредоточено в руках Аксючица.

Сходную эволюцию претерпели конституционные демократы. Идея восстановить основную «буржуазную» партию добольшевистской эпохи, так называемых «кадетов», пользовалась известной популярностью среди «неформалов». Уже в сентябре 1989 г. был учрежден претендовавший на реализацию этой идеи Союз конституционных демократов, позднее переименованный в партию (ПКД). Один из расколов этой организации, страдавшей всеми болезнями «неформального движения», привел к созданию Конституционно-демократической партии — Партии народной свободы (КДП—ПНС), во главе которой в августе 1990 г. оказался народный депутат России М. Астафьев. Принятая под его руководством программа КДП—ПНС полностью совпадала с программой исторических «кадетов» и, стало быть, довольно сильно расходилась с «основной демократической» идеологией (Левичева и Нелюбин, 1990).

В некоторых отношениях РХДД и КДП—ПНС мало отличались от СДПР и РПРФ. Все они вышли из одного источника — «неформального движения», а позднее участвовали в деятельности «Демократической России». Однако различия между базовыми структурами стимулов к активизму отслеживаются по особенностям организационной истории двух видов партий. СДПР и РПРФ, при всей их внутренней рыхлости, сохраняли организационное единство по крайней мере до смены режима, а их руководство носило коллективный характер. От партий же, в создании которых присутствовал значительный элемент «политического предпринимательства», постоянно откалывались все новые и новые группы, причем руководство каждой из них становилось все более единоличным. Процессы эти, конечно, были взаимосвязанными: в условиях, когда шансы партии на успех неясны, а корпус сторонников существует лишь в потенциале, каждый из видных активистов может поддаться соблазну перехватить успех у лидера партии, создав новую партию с тем же «набором идентичностей», но под собственным руководством. Ниже нам предстоит убедиться, что и в дальнейшем стратегии лидеров ПКД сильно разошлись с путями СДПР и РПРФ.

Еще более наглядный, хотя и одиозный пример «политического предпринимательства» — это деятельность В. Жириновского, одного из пионеров партийного строительства в России. О степени безразличия этого деятеля к коллективным стимулам свидетельствует тот факт, что первоначально он собирался назвать созданную им партию «социал-демократической» и лишь затем, приняв во внимание переполненность рынка соответствующих идеологических услуг, склонился к «либеральной демократии». Возможно, Жириновскому принадлежит одна из лучших формулировок «основной демократической» идеологии: «Моя про-

грамма? Как у всех — перестройка, рынок и демократия» (Pribylovskii, 1992: ix). Однако и этот выбор не был окончательным, ибо он не позволял последовательно развести установки Либерально-демократической партии и «основную демократическую» идеологию. Когда обнаружилось, что организационная слабость возникшего ранее националистического движения оставила пустующей привлекательную идеологическую нишу, Жириновский немедленно ее оккупировал. Именно в этом качестве основанная в мае 1990 г. Либерально-демократическая партия в дальнейшем стала одним из наиболее заметных участников российской электоральной политики.

Организационные усилия Травкина и его конкурентов не вызывали особого сочувствия у некоторых лидеров «демократического движения», которые пользовались большой личной популярностью, но не располагали серьезными организационными ресурсами. Стремление предотвратить «популистскую диктатуру» Травкина во многом определило их стратегию при создании «Демократической России» как широкой коалиции без четкой организационной структуры и единоличного руководства, — коалиции, не налагавшей на своих участников практически никаких дисциплинарных ограничений (Brudny, 1993). Естественно, что эта стратегия встретила полное понимание среди активистов тех партий, определяющую роль в формировании которых сыграли коллективные стимулы — СДПР и РПРФ. Партии вроде КДП—ПНС и РХДД тоже могли присоединиться к «Демократической России» без ущерба для себя, ибо они были слишком малы, чтобы играть самостоятельную роль, и слишком ценили свою организационную самостоятельность, чтобы легко поступиться ею в пользу какого бы то ни было централизованного руководства. Однако для ДПР создание «Демократической России» порождало весьма серьезные проблемы. Ведь теперь у «политических предпринимателей» на местах, составлявших основной контингент реальных (и, что еще более важно, потенциальных) членов ДПР, появилась вполне реальная альтернатива. Позиция лидера ДПР, соответственно, заключалась в том, что само ее существование делало «Демократическую Россию» излишней.

Не удивительно, что дебаты между Травкиным и остальными членами организационного комитета «Демократической России» увенчались отказом лидера ДПР примкнуть к движению (Готов, 1990). Однако это решение вызвало протест крупнейших местных отделений партии — прежде всего, созданных на основе «неформального движения». И действительно, для бывших «неформалов» главным в ДПР был не организационный план Травкина, а роль партии, воплощавшей «основную демократическую» идеологию. Теперь же они рисковали оказаться на обочине движения. В результате многие члены и целые организации ДПР просто проигнорировали позицию Травкина и вступили

в «Демократическую Россию». Теперь уже Травкин столкнулся с опасностью оказаться «генералом без армии». В конце концов, он был вынужден дать согласие на то, чтобы войти в руководство движения. Однако ясно, что тем самым идентичности ДПР как «анти-КПСС» нанесен непоправимый ущерб. Она оказалась не более чем одним из партнеров в более широкой коалиции. Разумеется, можно лишь спекулировать по поводу того, могла ли ДПР в конечном счете превратиться в реальную силу, конкуренция которой с КПСС легла бы в основу новой структуры политических альтернатив. Но если такая возможность и была, то она была упущена из-за ситуационных обстоятельств процесса смены режима.

Президентские выборы 1991 г. характеризовались острой конфронтацией между «Демократической Россией», в октябре 1990 г. воссозданной как политическое движение, и КПСС (Urban, 1992b; White, McAllister and Kryshstanovskaya, 1994). Одну из сторон этой конфронтации представлял «единственный кандидат демократического движения» — Ельцин. Кандидатура Ельцина пользовалась поддержкой «Демократической России», ДПР, СДПР, РПРФ, РХДД, КДП-ПНС и ряда других организаций. Ему противостояли четыре кандидата, сохранявшие членство в КПСС, и Жириновский. Было ли выдвижение такого количества кандидатур от правящей партии тактическим ходом или свидетельством глубокой идейной и организационной дезинтеграции КПСС — сказать трудно. Скорее всего, возможна комбинация двух этих объяснений. Убедительная победа Ельцина в первом туре голосования продемонстрировала, что абсолютное преимущество было в любом случае на стороне «демократов». Выяснилось, однако, что «демократами» и «коммунистами» набор доступных в России идеологических альтернатив уже не исчерпывался. Успех Жириновского, получившего на выборах 7,8% голосов, стал признаком превращения «националистов» в заметную политическую силу.

После президентских выборов Россия вступила в новую фазу своего политического развития. Теперь, когда Ельцин стоял во главе крупнейшей из республик распадающегося Союза, КПСС вряд ли можно было рассматривать как правящую партию. Это повлекло за собой ряд последствий. С одной стороны, Травкин возобновил свои попытки создать массовую антикоммунистическую организацию путем слияния ДПР с другими партиями, прежде всего — с СДПР и РПРФ. Переговоры о слиянии велись летом 1991 г., но не увенчались успехом. С другой стороны, успех Ельцина побудил правящие круги к большей активности в поисках альтернативной организации, которая могла бы встать на ее место, не допустив туда «демократов». Одной из таких альтернатив могло стать антигорбачевское крыло КПСС, которое в 1991 г. конституировалось как Демократическая партия коммунистов России под руко-

водством вице-президента А. Руцкого, а другой — Движение демократических реформ. Во главе движения стояли, помимо Руцкого, такие видные «демократы», как Г. Попов, А. Собчак, Э. Шеварднадзе, И. Силаев. РПРФ присоединилась к движению в качестве коллективного члена. В известном смысле, лето 1991 г. было весьма успешным периодом партийного строительства в России. Широко распространилось мнение, согласно которому к следующим парламентским выборам коалиция демократических партий окрепнет и бросит вызов КПСС. Эти надежды были похоронены августовскими событиями.

Часть III

**СОВРЕМЕННЫЕ ПАРТОЛОГИ
О ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ**

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ¹

Глава первая. Количество партий

III. Однопартийность

Однопартийность принято рассматривать как большую политическую инновацию XX века. На самом деле диктатура стара, как мир; нова лишь диктаторская система, опирающаяся на единственную партию, — такая, какую мы видели в Германии и Италии, или та, что и сегодня функционирует в СССР и странах народной демократии. Но, быть может, не меньшее различие существует между демократиями XIX века, покоившимися на персональном представительстве и независимости депутатов, и современной демократией, которая базируется на совершенно изменившемся взаимодействии избирателей и избранных. Подлинная инновация заключается в существовании организованных партий: однопартийный режим — это не что иное, как приспособление для нужд диктатуры всей той технологии власти, которая сложилась в рамках демократии. Великая инновация XX века — не единственная партия, а просто партия.

Глава вторая. Размеры и союзы

III. Союзы партий

Движущие силы объединения

В образовании союзов партий определяющую роль играет их количество. При двухпартийном режиме они представляют собой редкое исключение, принимая форму национального объединения в случае серьезных внутренних или внешних обстоятельств. Англия знала такие

* *Дюверже Морис* — один из главных основателей современной теории партий. Получил юридическое образование в Парижском университете, в котором преподает до сих пор. Его самая известная работа «Политические партии» (1951) переведена на 20 языков мира.

¹ Печатается по: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 116–119, 120–122, 166–173, 318, 393–394, 396–397.

союзы в 1914 и 1939 г. Соединенные Штаты тоже использовали такую двухпартийность; они даже дали пример оригинального альянса, ограниченного внешнеполитическими целями. А вместе с тем Южная Африка в 1933—1941 гг. жила в условиях коалиции двух единственно тогда существовавших в стране партий. И наоборот: многопартийные режимы лишь в качестве исключения могут обойтись без коалиций, когда какая-то одна из партий добивается абсолютного большинства; но и при таком варианте партия большинства чаще всего стремится управлять совместно с другими (как мы это видим в Италии с 1948 г.), чтобы заставить их разделить с собой ответственность за власть: она остается психологически доминирующей в режиме, и основа этого доминирования — психология альянсов. Ту же роль в этом отношении, бесспорно, играют национальные традиции: Блок 1902 г., Картель 1924, Народный фронт 1936 и даже трехпартийность 1945 г. во Франции были порождены тенденцией к объединению всех республиканцев; такова восходящая к началу века традиция сотрудничества датских радикалов с социалистами и объединения аграрной левой (Венстре) с консерваторами; ставшая привычной после распада альянсов 1868 г. коалиция между католиками и протестантами в Нидерландах, etc. В авторитарных режимах таким же весьма существенным фактором выступает вмешательство правительств: многие альянсы в балканских демократиях периода 1920—1940 гг. были заключены под давлением власти; точно так же в кайзеровской Германии знаменитый Картель 1887 г. был инициирован Бисмарком. Немаловажную роль играют и исторические обстоятельства: такова роль финансового кризиса в создании Французского национального союза 1926 г., событий 6 февраля 1934 г. — Народного фронта, подпольной борьбы — в формировании трехпартийности.

И все же среди этих факторов преобладающим оказывается влияние избирательной системы. Оно выступает настолько четко, что можно было бы выразить его в точных формулах. Мажоритарное голосование в два тура в принципе ведет к установлению прочных союзов; система пропорционального представительства, напротив, — к полной независимости. Что же касается мажоритарного голосования в один тур, то его воздействие может быть весьма различным в зависимости от количества партий, участвующих в выборах: при двухпартийных режимах оно порождает их абсолютную независимость; при режимах многопартийных предрасполагает к весьма прочным союзам. Первая тенденция очевидна: ведь сам механизм мажоритарного голосования в два тура фактически внутренне предполагает, что во втором внутри каждого «большого духовного семейства» менее удачливые партии ретируются в пользу более удачливых. При этом различают просто уход и снятие кандидатуры, когда выходящий из борьбы призывает своих избирателей передать их голоса именно тому из конкурентов, на которого он укажет.

На практике между ними — тысяча более или менее изощренных нюансов: есть много способов ретироваться и столько же степеней снятия; но само собой разумеется, что близкие кандидаты договариваются перед выборами, чтобы предвидеть взаимные снятия или отзывы кандидатур во втором туре. Наблюдения подтверждают эти умозрительные соображения: во всех странах, где имеется второй тур, обнаруживаются более или менее четкие следы предвыборных альянсов. Наиболее типичны в этом отношении кайзеровская Германия и Третья французская республика. <...>

Воздействие мажоритарного голосования в один тур совершенно различно в зависимости оттого, протекает ли оно в рамках дуалистического режима или в условиях многопартийности. В первом случае само понятие избирательного союза бессмысленно: ведь если бы две партии объединились, то выставлялся бы только один кандидат и выборы приняли бы характер плебисцита, что полностью изменило бы характер политического режима. И тем не менее в политических науках нужно всегда воздерживаться от однозначных заключений: пример Южной Африки в период 1933—1941 гг. показывает, что при мажоритарной системе такие избирательные союзы двух партий возможны и без полного изменения политического режима; но речь идет о случае весьма исключительном. Если же голосование в один тур происходит в условиях многопартийности и в связи с какими-то особыми обстоятельствами, мы обнаруживаем тенденцию к установлению весьма прочных союзов, несравненно более тесных, чем соглашения второго тура, ибо в этом случае становится необходимым распределиться по округам до голосования, чтобы таким образом дать возможность избирателям объединить свои голоса вокруг единственного кандидата коалиции. Это предполагает гораздо большую согласованность, чем в другом случае, когда существование второго тура дает возможность свободного выдвижения кандидатур в первом: здесь в общем и целом распределение мест между членами альянса обеспечивает избиратель; там партийные штабы должны сделать это сами. Такой союз труднее создать; но, будучи раз заключенным, он предполагает более тесное сотрудничество. С другой стороны, давление избирательной системы, побуждающей к его установлению, гораздо более сильное: при отсутствии согласия голосование обнаружит неумолимую тенденцию к устранению избыточных партий, вплоть до возврата в конечном счете к двухпартийности. Можно привести немало примеров избирательного сотрудничества этого типа. Мы уже говорили о подобном весьма тесном содружестве в 1910 г. датских радикалов и социалистов — настолько тесном, что они никогда ни в одном округе не выставляли своих кандидатов друг против друга. Ближе к нашим дням можно указать на английские коалиции на выборах

1918, 1931 и 1935 гг. и пакт, заключенный в 1924 г. В Южной Африке между националистической партией (Эрцог) и лейбористами.

Система пропорционального представительства по природе своей выступает в качестве голосования изоляционистского: она ведет к предоставлению каждой партии полной свободы на выборах. Но, весьма редко принося какой-либо одной партии абсолютное большинство, она в силу этого внутренне предполагает парламентские альянсы. Такое противоречие между избирательным и правительственным аспектами — еще не самый худший из недостатков пропорциональной системы: представляя партиям полную независимость друг от друга в первом туре, она обязывает их к сотрудничеству во втором. Это обычно делает более трудным образование парламентских коалиций и менее предсказуемой — судьбу правительственного большинства. Уместно привести по этому поводу пример Нидерландов, где при пропорциональной системе правительственное большинство бывало гораздо менее надежным и продолжительным, нежели при мажоритарном голосовании в два тура. <...>

В этом отношении несколько удачных примеров дает Боннская республика, избирательная система которой в общем представляет собой компромисс между мажоритарным голосованием в один тур и системой пропорционального представительства (после того, как места, выставленные на мажоритарное голосование, завоеваны, некоторое количество дополнительных мест распределяется затем по пропорциональной системе). В 1950 г. на земельных выборах христианские демократы и либералы часто выступали в союзе. В земле Северный Рейн-Вестфалия ХДС не выставляла кандидатов в 12 округах, где она вела кампанию в пользу либералов, а в 17 округах дело обстояло наоборот: благодаря этой коалиции христианские демократы и либералы получили 53% мест, собрав при этом только 49% голосов. Еще более значительным оказался выигрыш в Шлезвиг-Гольштейнии, где та же самая коалиция, связанная с немецкой партией, добилась около 45% мест при 36,4% голосов. Французская система 1919—1924 гг. вела к тем же результатам, поскольку согласно ей сперва объявляется избранным любой кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, а затем добавляются места соответственно системе квот, отдающей все оставшиеся места партийному списку, имеющему наиболее высокую среднюю. Тем самым она явно давала преимущества списку, возглавлявшему соревнование. Отсюда и стремление близких партий выставить общий список; предвыборное блокирование к тому же облегчало его создание. <...>

ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ АНАЛИЗЕ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ¹

Несмотря на то что исследования партий родственны исследованиям партийных систем, применяемые концептуальные и теоретические средства различны. В классическом труде М. Дюверже эти расхождения отразились в делении работы на «Книгу I: Структура партий» и «Книгу II: Партийные системы». «Партии и партийные системы» Дж. Сартори тоже разделены на две части, причем раздел о партийных системах вдвое больше раздела о партиях (Sartori, 1976). В то время как партии изучаются специалистами по отдельным странам, которых интересуют партии как политические институты, партийные системы чаще привлекают внимание ученых, занимающихся кросснациональным анализом политики. Количественное преобладание кросснациональных исследований партийных систем над сравнительным изучением отдельных партий особенно заметно в США. Литература по партийным системам в основном касается демократических стран Запада, хотя предпринимались и попытки разработать типологию латиноамериканских партийных систем (Wertz, 1987; Collier и Collier, 1991: 498–505).

Невзирая на разницу между базовыми единицами анализа, выражающуюся в различиях понятийного аппарата, в однопартийных системах понятия партии и партийной системы во многом идентичны. В своей глубокой работе, посвященной анализу партий и партийных систем, Дж. Сартори (Sartori, 1976: 42–45) обосновал тезис о том, что партийная система возникает лишь при наличии более чем одной партии. Можно соотносить единственную партию с государством и обсуждать феномен «партийно-государственной системы», включая в это обсуждение

* *Джанда Кеннет* — американский политолог, специализирующийся на изучении политических партий, автор, в числе прочего, в интегративной теории партийных изменений. Преподает в Северо-западном университете, штат Иллинойс.

¹ Печатается по: *Джанда К.* Сравнение политических партий: Исследования и теория // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / Науч. ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 84–143.

и свойства партии, однако, строго говоря, однопартийных систем не существует. И хотя термин «однопартийная система» продолжает использоваться по сей день, в научной литературе доминирует позиция Сартори, согласно которой для существования партийной системы требуются по меньшей мере две партии. В первом издании своей книги Я.-Э. Лэйн и С. Эрссон (Lane и Ersson, 1987b) дают детальный обзор представленных в литературе позиций по проблемам определения, концептуализации и анализа, возникающим при изучении партийных систем. Все ученые сходятся в том, что партийная система, как и любая другая, состоит из частей и взаимоотношений между ними, представляя собой нечто большее, чем сумма частей. Исходя из этого, Лэйн и Эрссон определяют партийную систему как «совокупность политических партий, действующих в стране на основе определенной организационной модели, которую характеризуют свойства партийной системы» (с. 155). Но по вопросу о том, какие именно свойства концептуально важны для теории партийных систем, единство среди ученых отсутствует, и различные подходы находят отражение в исследовательской практике. В составленном А. Лейпхартом (Lijphart, 1984) списке отмечены такие свойства, как (1) «минимальные выигрышные коалиции» (Dodd, 1976; Laver и Schofield, 1990); (2) продолжительность существования правительства (Dodd, 1976; Grofinan, 1989); (3) эффективное число партий (Taagepera и Grofinan, 1985; Herzog, 1987; Molinar, 1991); (4) количество проблемных измерений (Powell, 1987; Listhaug, McDonald и Rabinowitz, 1990); (5) непропорциональность результатов выборов (Rae, 1971; Lijphart, 1990a). Другие ученые добавляют к этим характеристикам межпартийную конкуренцию (Laver, 1989; Strom, 1989; Ware, 1989) и неустойчивость избирательских предпочтений (Pedersen, 1983). Чтобы определить действительно существенные измерения партийной системы, Лэйн и Эрссон проделали факторный анализ набора из 14 показателей, выделенных на основе предложений Лейпхарта, на материале 272 выборов в 16 европейских странах с 1920 по 1984 г. (об этом исследовании говорится в первом, но не во втором издании их книги) и пришли к заключению, что европейские партийные системы имеют пять главных измерений:

- 1) дробность, т.е. колебания в численности и силе единиц, составляющих партийные системы;
- 2) функциональная ориентация, т.е. различия между традиционными буржуазными партиями и религиозными и этническими;
- 3) поляризация, т.е. колебания в идеологической дистанции между партиями по «лево-правой» шкале;
- 4) радикальная ориентация, т.е. различия в степени влияния левых партий;
- 5) изменчивость, т.е. различия в суммарной мобильности между партиями (Lane и Ersson, 1987b: 177).

Ученые также сделали вывод о том, что основная проблема, возникающая при изучении партийных систем, состоит в анализе изменений выделенных характеристик. Эти изменения могут быть как следствием долговременных тенденций, так и флуктуациями. В последние годы измерение динамики партийных систем стало одной из основных тем сравнительной политологии (Mair, 1983; Flanagan и Dalton, 1984; Wolinetz, 1988; Laver, 1989; Mair, 1989b; Smith, 1989; Smith и Mair, 1989; Smith и Mair, 1990). Однако попыток объяснить этот процесс гораздо меньше (Silverman, 1985; Mair, 1989a; Alber, 1989; Carmines, 1991). По словам Г. Рейтера, имеющиеся попытки строятся на привлечении понятий «изобилия, разрастания государства... неокорпоратизма, средств массовой информации, новых политических проблем и расколов, трудностей в функционировании государства, постиндустриализма» (Reiter, 1989: 329). Вполне представительна для данного исследовательского направления работа Р. Инглхарта о постиндустриализме и «новой политике», в которой центральную роль играют проблемы защиты окружающей среды и качества жизни (Inglehart, 1990). В работе Т. Погунтке не только выделены основные элементы «новой политики», но и высказана гипотеза о пяти возможных способах ее воздействия на партийные системы: возникновение новых социальных движений; рост влияния малых партий; отход части сторонников традиционных левых партий к постматериалистическим левым партиям; отчуждение носителей «нового политического сознания» от политики и их отказ поддерживать партии; создание новых партий (Poguntke, 1987: 78–79). Понятие партийной системы весьма широко применялось как независимая переменная при кросснациональном анализе эффективности политических систем. Прделанный Дж. Б. Пауэллом (мл.) анализ 28 партийных систем, функционировавших в 1965–1975 гг., выявил корреляцию между высоким уровнем поддержки экстремистских партий и правительственной нестабильностью и массовыми беспорядками (Powell, 1981). В более поздней работе ученого соотношение между уровнем поддержки экстремистских партий и нестабильностью, с одной стороны, и беспорядками, с другой, рассматриваются отдельно (Powell, 1986). Однако Я.-Э. Лэйн и С. Эрссон обнаружили лишь опосредствованное влияние дробности партийной системы и ее поляризации на социальные беспорядки и правительственную нестабильность (Lane и Ersson, 1987a).

Наиболее разработанной теорией, рассматривающей партийные системы, является теория избирательных систем, где партийные системы обычно выступают как зависимые переменные. Основы этой теории были в значительной мере заложены во второй части книги М. Дюверже, где был сформулирован так называемый закон Дюверже, гласящий, что одномандатные округа и выборы по системе простого большинства порождают двухпартийную систему (Taagepera и Grofman, 1985; Scarrow,

1986). К счастью, содержание обширной литературы по проблеме великолепно представлено в нескольких недавних публикациях (Grofman и Lijphart, 1986; Lijphart, 1990a). А. Бле (Blais, 1991) тоже дает прекрасный обзор «дискуссии» об избирательных системах и дополняет его моделями, объясняющими их следствия. Рассматривая аргументы в пользу пропорционального представительства, ученый отмечает, что эта система «не выказывает явного превосходства над системой простого большинства в плане обеспечения политического порядка в зрелых демократиях, а в новых демократиях выбор пропорционального представительства чреват риском» (с. 246). Падение коммунизма и появление межпартийной конкуренции в Восточной Европе привели к тому, что проблема воздействия избирательных систем на партии приобрела особую актуальность. А. Лейпхарт стал главным адвокатом пропорционального представительства и мультипартийности в этих странах. Ученый утверждает, что пропорциональная система и парламентаризм лучше справлялись с задачами «представительного правления, защиты интересов меньшинств, политического участия избирателей и контроля над безработицей», чем альтернативные системы, основанные на принципе относительного большинства (Lijphart, 1991a: 83). Это заявление встретило резкую критику со стороны К. Квейда, выступившего на защиту системы относительного большинства: «Система простого большинства побуждает соревнующиеся между собой партии принимать установку на формирование политического большинства. В результате партии склоняются к умеренности, к поиску примирения, к сглаживанию острых углов — короче, к готовности делать еще до выборов то, способность к чему после выборов вызывает восхищение Лейпхарта» (Quade, 1991: 41). Присоединяясь к Квейду, Г. Лэрдиет писал, что «в условиях системы простого большинства партии стремятся к умеренности, так как это позволяет им получать голоса откладывающих свое решение на последний момент избирателей-центристов» (Lardeyret, 1991: 33). В ответ на критику Лейпхарт указал, что многие страны избрали пропорциональную систему, чтобы адаптироваться к новым социальным расколам; что страны с пропорциональной системой, несомненно, достигли больших успехов в экономическом развитии; что системы относительного большинства нередко порождают искусственное большинство, что недемократично (Lijphart, 1991b). Пока велись все эти научные споры, новые демократии внедряли различные избирательные системы. Дж. Хиббинг и С. Пэттерсон описывают сложную избирательную систему Венгрии, сочетающую элементы пропорционального представительства и системы относительного большинства, в целом высказываясь в пользу последней и против чисто пропорциональной системы (Hibbing и Patterson, 1992). Анализ ситуации в Польше привел К. Ясевича к выводу о том, что главный источник неприятностей — не про-

порциональная система, а отсутствие зрелых партий, хотя аргументы Лейпхарта в пользу пропорционализма не снискали поддержки ученого (Jasiewicz, 1992). Позднее Лейпхарт использовал анализ установленных в Венгрии, Польше и Чехословакии избирательных систем для проверки высказанной С. Рокканом гипотезы, согласно которой упрочившиеся буржуазные партии конца прошлого столетия (как и коммунистические партии в конце 1980-х годов) отдавали предпочтение пропорциональному представительству потому, что видели в нем средство сохранить хоть какую-то долю власти в условиях давления со стороны новой волны избирателей. Лейпхарт делает вывод, что эта гипотеза верна по крайней мере для Польши, где действительно была принята весьма радикальная форма пропорционального представительства (Lijphart, 1992).

Описанная выше полемика относительно следствий различного рода избирательных систем велась вне рамок какой бы то ни было широкой теоретической схемы. Между тем Р. Кац предлагает дедуктивную теорию, «объясняющую проблемные ориентации, идеологические стили и структурную согласованность (сплоченность как противоположность дезинтеграции и фракционности) представленных в парламенте партий» (Katz, 1980: 13). В основе теории лежит положение о том, что «партийная организация в парламенте представляет собой продолжение организации, ведущей избирательную кампанию, и потому должна иметь такие же структурные характеристики, как и рационально организованная кампания», подчиняющаяся избирательной системе (с. 32). Исходя из восьми допущений относительно избирателей и предвыборной конкуренции, Кац выдвигает двенадцать гипотез, в том числе и две следующие:

- «5) в условиях пропорциональной системы с большими избирательными округами партии будут более идеологизированными, чем в условиях системы относительного большинства;
- б) партии, конкурирующие между собой в малых округах, будут по преимуществу ориентироваться на персоналии лидеров и патронаж, тогда как партии, конкурирующие в больших избирательных округах, будут склонны к проблемной ориентации» (с. 33–34).

Кац подверг свои гипотезы проверке двумя способами, экстенсивным — на основе привлечения кросснациональных данных, и интенсивным, включавшим в себя детальный анализ партий Великобритании, Ирландии и Италии. В обоих случаях гипотезы выдержали проверку. Сходные представления высказывались и другими учеными, но, как замечает Кац, «есть разница между знанием чего-то и пониманием, почему это так» (с. 117). Разработанная ученым теоретическая структура позволяет объяснить различия между партиями, действующими в условиях различных избирательных систем.

АГРЕГАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ¹

Состязательные партийные системы и агрегация интересов

Во многих современных политических системах главными структурами, обеспечивающими агрегацию интересов, выступают партии. Однако мы должны учитывать принципиальное различие между состязательными партийными системами, которые пытаются прежде всего выстроить электоральную поддержку, и неконкурентными авторитарными партийными системами, которые стремятся управлять обществом. Это различие не связано ни с тем, насколько они приближены к электоральной победе, ни даже с числом партий. Оно зависит от способности политических партий свободно образовываться и конкурировать в борьбе за поддержку граждан, а также от того, является ли получение такой поддержки необходимым условием контроля правительством. Другими словами, партия может завоевать большинство голосов в каком-то районе или даже выиграть общенациональные выборы, но, несмотря на это, по-прежнему останется состязательной. Если в число ее задач входит победа на выборах в качестве самозначимой цели либо средства, позволяющего определять политический курс, электоральное превосходство этой партии может быть оспорено другими партиями. Короче говоря, ее организация и задачи направлены на то, чтобы выяснять желания избирателей, приобретать преданных сторонников и представлять эти интересы в политическом процессе.

Анализируя роль состязательных партий в агрегации интересов, следует принимать во внимание не только отдельную партию, но и

* *Далтон Рассел* — профессор Калифорнийского университета США, известен своими работами в области сравнительной политологии, политической культуры, политических систем и политических партий.

¹ Печатается по: *Далтон Р.* Агрегация интересов и политические партии // Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 160–161, 169–178.

структуру взаимодействующих между собой партий, электоратов, избирательных законов и органов, вырабатывающих политический курс. Как правило, в состязательной партийной системе агрегация интересов происходит на нескольких уровнях: в рамках отдельных партий, поскольку партия отбирает кандидатов и выдвигает предложения относительно политического курса; через электоральную конкуренцию, ибо объемы поддержки избирателями различных партий варьируются; через торг и коалиционное строительство в законодательном органе или в исполнительной власти. <...>

Классификация состязательных партийных систем

На рис. 1 дана классификация типов состязательных партийных систем и приведены примеры систем каждого типа. Мажоритарные и многопартийные системы отличаются друг от друга числом политических партий. Количество партий влияет на законодательный процесс и пути формирования правительств.

В мажоритарных системах либо просто доминируют две партии (как в Соединенных Штатах), либо существуют две главные партии и действуют электоральные законы, обычно обеспечивающие одной из них парламентское большинство (как в Великобритании). В чисто многопартийных системах сочетание партий, структура избирательной поддержки и электоральные законы практически исключают завоевание одной партией большинства в законодательном органе. Агрегация интересов в ходе послевыборного торга между партиями играет там решающую роль в определении направления политического курса. К числу многопартийных систем, где поддержка избирателями партийных коалиций на электоральном уровне оказывает существенное воздействие на формирование правительств и определение политического курса, относятся, как уже упоминалось, Германия и Франция.

Степень антагонизма или поляризации партий влияет на уровень стабильности правительства. В консенсусных партийных системах партии, контролирующие большинство мест в законодательном органе, не слишком сильно различаются между собой с точки зрения политических курсов и в достаточной мере доверяют как друг другу, так и политической системе. Данные характеристики типичны для партийных систем, подобных тем, которые изображены в верхней части рисунка. В такого рода системах может вестись напряженный торг и идти оживленная политическая жизнь, но это редко угрожает системе как таковой.

В конфликтных партийных системах в законодательном органе доминируют партии, которые сильно расходятся между собой по принципиальным вопросам либо враждебно настроены по отношению друг

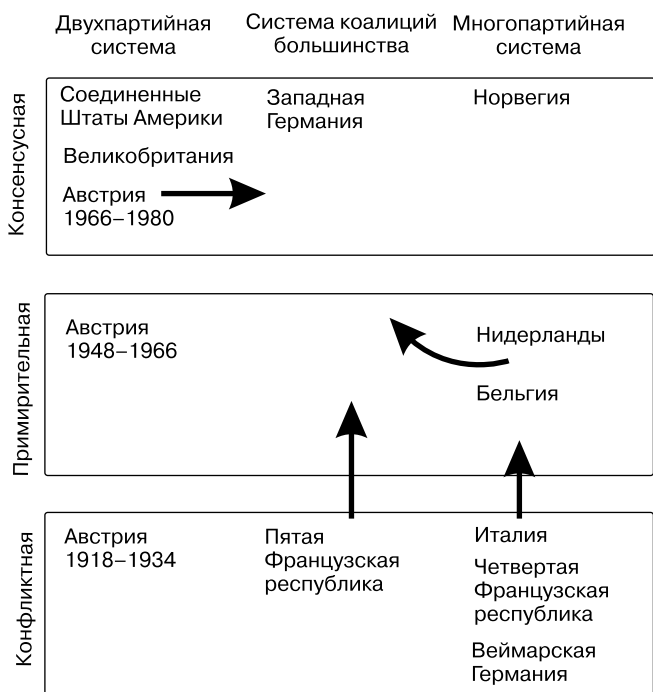

Рис. 1. Классификация партийных систем по числу партий и степени межпартийного антагонизма

к другу и к политической системе, как происходит, например, в России. Если партийная система обладает определенного рода смешанными характеристиками, т.е. чертами и консенсусной, и конфликтной системы, мы классифицируем ее как консоциативную (сообщественную), или примирительную. Аренд Лейпхарт использовал эти термины для описания партийных систем, в которых политические лидеры способны преодолеть глубокие различия между антагонистическими группами избирателей.

Соединенные Штаты и Великобритания представляют собой современные образцы консенсусных мажоритарных систем, хотя и отличаются по степени согласия. Они не являются в полном смысле слова двухпартийными. Помимо Лейбористской и Консервативной партий в Великобритании действуют Шотландская националистическая партия, меньшая по размерам партия Уэльса, а также Либерально-демократическая партия. Однако парламентское большинство завоевывает там, как правило, одна партия, и она же контролирует законодательную и исполнительную власть посредством дисциплинированного партийного голосования. В Соединенных Штатах периодически возникают пре-

тендующие на роль третьей силы партии и кандидаты. (Последняя политическая партия такого рода была сформирована преуспевающим бизнесменом Россом Перо, бросавшим вызов кандидатам от Республиканской и Демократической партий на президентских выборах 1992 и 1996 гг.) В связи с подвижками в программах партийных кандидатов в президенты уровень согласия в стране меняется от выборов к выборам. Более того, рыхлая структура американских партий, а также тот факт, что контроль над законодательным органом, с одной стороны, и исполнительной властью — с другой, часто принадлежит разным партиям, приводят к послевыборному торгу, подобно тому как это происходит в консенсусных многопартийных системах. Показательными примерами консенсусных многопартийных систем могут служить системы, сложившиеся в Норвегии и Швеции. В каждой из этих стран действуют по четыре или пять партий — социалисты, аграрии либо центристы, либералы, консерваторы, мелкие коммунистические движения. То или иное подмножество таких партий обычно бывает в состоянии — самостоятельно или в коалиции — создать прочное правительство.

Наилучший пример мажоритарной конфликтной партийной системы дает Австрия 1918—1934 гг. Антагонизм между социалистами и другими политическими силами принял там столь острые формы, что в середине 1930-х годов стал причиной кратковременной гражданской войны. Это столкновение привело к запрещению Социалистической партии, крушению демократического правительства и созданию авторитарной однопартийной системы. Австрийский опыт показывает также, как партийная система может меняться со временем. После Второй мировой войны лидеры двух крупнейших партий заключили тщательно продуманное коалиционное соглашение о распределении власти и взаимных сдержках и противовесах, ибо страна, восстанавливая свою экономику и добываясь освобождения от оккупировавших ее восточные регионы советских войск, стремилась держать под контролем возникавшие в ней конфликты. После двадцати лет правления консоциативной «Большой коалиции» партийный антагонизм снизился до такого уровня, когда стала допустима нормальная политика на принципах подчинения меньшинства большинству, хотя некоторые элементы общественной системы сохранились. В последние годы партийная система Австрии приблизилась к консенсусной — временами с однопартийным, а временами с коалиционным большинством.

Франция, Италия и Веймарская Германия — прекрасные примеры конфликтных многопартийных систем с влиятельными коммунистическими партиями слева и консервативными или фашистскими движениями справа. В таких условиях кабинеты приходилось формировать на основе центристских движений, которые сами расходились во мнениях по многим проблемам, что порождало нестабильность, плохое ис-

полнение правительством своих функций и утрату доверия граждан к демократии. Эти факторы сыграли свою роль в ниспровержении демократии в Веймарской Германии, крушении Четвертой республики во Франции и правительственной нестабильности и отчуждении граждан от политики в Италии.

Если говорить о событиях последнего времени, то тенденцию к воспроизводству подобного курса обнаружили недавно возникшие партийные системы стран Центральной и Восточной Европы. Например, на парламентских выборах 1995 г. в России в избирательных бюллетенях фигурировали 43 партии — от коммунистов старого образца слева до националистических партий справа, и семь из них получили представительство в парламенте. Аналогичным образом, в 1997 г. в Польше в избирательной гонке приняли участие более дюжины партий, и шесть завоевали места в парламенте. Остается только надеяться, что это — следствие переходного периода, связанное со становлением новых партийных систем, а не предвестник нестабильности, терзающей другие поляризованные партийные системы.

Смешанные консоциативные системы могут возникать в странах, где налицо серьезные конфликты и антагонизм на религиозной, этнической или социально-классовой почве. Со-общественные порядки способны открыть перед глубоко расколотой нацией путь к мирному демократическому развитию. Например, в Нидерландах руководство соперничающих движений нашло основания для компромисса, обеспечившего взаимные гарантии для различных групп. В консоциативных системах, действовавших после Второй мировой войны в Австрии и Ливане, противостоящие группы — социалисты и католики в Австрии, христиане и мусульмане в Ливане — выработали ряд соглашений, создавших условия для формирования устойчивых правительств. Австрийское урегулирование базировалось на двухпартийной системе, ливанское — на множестве небольших, персоналистских религиозных партиях. Однако после 1975 г. под влиянием ближневосточного конфликта в Ливане произошел раскол, и страна была ввергнута в гражданскую войну.

Южная Африка прибегла к со-общественной практике в процессе перехода к демократии. Лидеры крупнейших политических партий белого меньшинства и двух наиболее значительных сегментов черного большинства договорились (с огромным трудом) о порядке проведения демократических выборов и формирования на их основе многопартийного коалиционного правительства. Типично консоциативная черта «Временной конституции» переходного периода заключалась в том, что каждой партии, набравшей в ходе выборов более 5% голосов, гарантировалось участие во власти и в правительстве, т.е. посты в кабинете. Как свидетельствует противоположный по своему характеру опыт Австрии

и Ливана, консоциативные порядки (и сама способность договориться об их установлении) дают глубоко расколотым демократиям надежду, но отнюдь не гарантируют долговременный успех.

Из всего этого следует, что, хотя число партий влияет на уровень политической стабильности, более важную роль играет степень антагонизма между ними. Многопартийные системы с относительно умеренным антагонизмом между партиями, безусловно, способны сохранять стабильность и эффективно функционировать. Но там, где партийные системы состоят из крайне антагонистически настроенных по отношению друг к другу элементов, постоянно присутствует угроза крушения и гражданской войны вне зависимости от числа партий. При возникновении кризиса готовность партийных лидеров к сотрудничеству и защите демократии может иметь решающее значение для ее сохранения. Не исключено, что в условиях многопартийности и представительства легче договориться о такого рода обязательствах. Некоторые новые демократии Восточной Европы и Латинской Америки, особенно расколотые в языковом или этническом отношении, сталкиваются с подобными проблемами.

Авторитарные партийные системы

Авторитарные системы также являются специализированными структурами по агрегации интересов. Они сознательно пытаются выработать предложения относительно политического курса и мобилизовать им поддержку, однако делают это совсем по-другому, нежели состязательные партийные системы. При авторитарной партийной системе агрегация интересов происходит в рамках партии или в ходе взаимодействия между группами предпринимателей, землевладельцев и институциональными группами внутри бюрократии или военных. Граждане лишены возможности влиять на этот процесс через выбор партийных альтернатив.

Авторитарные партийные системы различаются между собой по уровню нисходящего контроля внутри партии и степени партийного контроля над другими группами в обществе. На одном конце континуума находится эксклюзивная правящая партия, которая предполагает полный контроль партийного руководства над политическими ресурсами. Она отрицает любую легитимную агрегацию интересов внутрипартийными группами и не допускает никакой свободы деятельности социальных групп, граждан или других правительственных органов. Она пронизывает собой все общество и мобилизует поддержку политике, выработанной наверху. Средством легитимации ее политического курса выступает всеобъемлющая политическая идеология, которая претендует на знание подлинных интересов граждан, каковы бы ни были их непосредственные предпочтения. На другом конце расположена инк-

люзивная правящая партия, которая признает и пытается координировать различные социальные группы, существующие в обществе. Она принимает и агрегирует определенные автономные интересы, одновременно подавляя другие и запрещая любые формы деятельности, способные сколько-нибудь серьезно подорвать ее господство.

Эксклюзивные правящие партии

Лишь немногим партиям удавалось в течение длительного времени поддерживать присущие авторитарной модели характеристики — абсолютный централизованный контроль, полное пронизывание общественных структур и идеологическую мобилизацию. Однако в Советском Союзе (до 1985 г.), в странах Восточной Европы (до 1989 г.) и в Китае, Северной Корее, Вьетнаме и на Кубе (по сегодняшний день) господствующие коммунистические партии безусловно приблизились к контрольной границе шкалы авторитарных партий. Так, например, для режима, действующего в Китае, характерно отрицание легитимности любой крупной группы в китайском обществе. Артикуляция индивидами своих интересов может быть дозволена в определенных пределах, но пока высшая элита не примет решения относительно политического курса, не допускается мобилизация широкой поддержки.

Даже на стадии авторитарной мобилизации в эксклюзивной правящей партии порой происходит большая внутрипартийная агрегация, чем обычно признается или разрешается законом. Внутри партии различные группы могут объединяться вокруг каких-то особых интересов (например, региональных или отраслевых) либо лидеров и политических фракций. Поколенческие различия или различия темперамента нередко отделяют приверженцев жесткой линии от сторонников «мягких» вариантов политического курса. Во времена кризисов может начаться острая борьба за власть (открытая или завуалированная, под прикрытием якобы существующего единого фронта), в ходе которой отдельные лидеры пытаются мобилизовать поддержку себе и своей позиции. Особенно часто такую борьбу за власть, как показали события, последовавшие за смертью Сталина в Советском Союзе и Мао Цзэдуна в Китае, порождают кризисы преемственности. Кроме того, Китайской коммунистической партии несколько раз приходилось обращаться к армии и даже полагаться на коалицию региональных военачальников, чтобы сохранить свою власть.

Пронизывающие и контролирующие общество однопартийные системы — как полностью авторитарные, так и просто эксклюзивные — способны играть важную роль в мобилизации поддержки политическому курсу. Не подвергаемый сомнению идеологический фокус обеспечивает легитимность и последовательность; именем этой идеологии и в

соответствии с централизованным политическим курсом партия пропитывает собой и организует большинство общественных структур.

Будучи рассчитана на общую мобилизацию, эксклюзивная правящая партия использовалась многими лидерами, посвятившими себя осуществлению крупномасштабных социальных преобразований. Например, партия, которая успешно мобилизовала народ колониальной страны в поддержку независимости, может быть использована для изменения слабо развитого общества. Однако, как показывает опыт многих новых наций, из эксклюзивной правящей партии крайне сложно сделать агента социальной трансформации. Соблазны власти постоянно ведут к политическим эксцессам, которые не сдерживает ни идеология, ни конкурентная демократическая политика. В некоторых африканских странах возможности эксклюзивных правящих партий контролировать общество тоже ограничены. Более того, к началу 1990-х годов утрата веры в марксистско-ленинскую идеологию и советскую модель авторитарного развития заставила все восемь африканских стран, которые когда-то пошли по этому пути, отказаться от него.

По мере того как эксклюзивные правящие партии стареют, многие из них вступают в стадию «зрелого» авторитаризма, который сохраняет контроль над обществом, но уделяет меньшее внимание мобилизации. В конечном итоге, как показал крах коммунизма в бывшем Советском Союзе и в Восточной Европе, когда (и если) партийные лидеры теряют веру в объединяющую идеологию, бывает трудно сохранить единство и последовательность партии.

Инклюзивные правящие партии

В доиндустриальных странах, особенно там, где имеются заметные этнические или племенные расхождения, более эффективными представляются инклюзивные авторитарные системы. Такие системы признают автономию социальных, культурных и экономических групп и пытаются не контролировать или переделывать их, а, скорее, инкорпорировать либо вести с ними переговоры. В наиболее успешных африканских однопартийных системах, например в Кении и Танзании, в рамках децентрализованных партийных организаций допускалось объединение вокруг персоналистских, фракционных и строящихся по этническому признаку группировок. По сравнению с другими аналогичными режимами коммунистический режим в Югославии имел более децентрализованную и корпоративистскую форму, что отражалось и в вопросах политического курса, и в признании тесных связей партии с ее сторонниками из числа крестьян. Пришедший ему на смену режим в Белграде, как показали последовавшие трагические события, не сумел сохранить эту формулу сотрудничества.

Инклюзивные партийные системы иногда называют авторитарным корпоративизмом. Подобно демократическим корпоративистским системам некоторые из этих систем поощряют создание крупных организованных групп интересов, которые могут вести торг между собой и с государством. Однако, в отличие от демократических корпоративистских систем, авторитарные системы такого рода не обеспечивают политическими ресурсами непосредственно граждан. Независимый протест и политическая активность вне официальных каналов запрещаются. Выдвижение автономных требований допускается только в ограниченном масштабе — либо в рамках партии, либо со стороны связанных с нею групп.

Легитимная агрегация интересов, разрешенная в инклюзивных авторитарных системах, может быть весьма значительной и принимать различные формы. Партия обычно старается собрать под своим крылом разнообразные социальные группы и вести переговоры с находящимися вне ее социальными группами и институтами. Некоторые из таких инклюзивных партий пытаются осуществить далеко идущие программы социальных изменений. Другие являются по преимуществу аренной агрегацией различных социальных и институциональных интересов. Отдельные, образованные инклюзивными партиями правительства даже разрешают другим партиям выставлять своих кандидатов на выборах, пока те не имеют реальных шансов на победу. Типичная инклюзивная правящая партия — Институционно-революционная партия Мексики.

Относительная стабильность некоторых инклюзивных авторитарных партийных систем не должна затмевать тот факт, что им часто не удается создать устойчивые структуры управления. Во многих странах инклюзивные партии сосуществуют в рамках шатких и непрочных коалиций с вооруженными силами и гражданской бюрократией. В некоторых случаях партия становится относительно малозначимым прикрытием для военного режима или личной тирании. И лишь крайне редко таким партиям удается решать стоящие перед их нацией экономические или этнические проблемы.

Инклюзивные авторитарные системы часто возникали в ходе всеобщей борьбы против колониализма, и чем дальше в прошлое отодвигаются колониальные времена, тем менее жизнеспособными оказываются такие системы. По мере того как стираются воспоминания о борьбе за независимость и умирают возглавлявшие эту борьбу лидеры, ослабевают и связывавшие эти партии узы идеологии и опыта. В результате однопартийная модель в целом утрачивает свою легитимность. В некоторых случаях провал авторитарных партий открывает дорогу для межпартийной конкуренции. В других — правительственные органы или внеправительственные силы прибегают к прямому принуждению, а конечным вершителем судеб становятся военные.

ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: РАМКИ АНАЛИЗА¹

5. 3. Двухуровневое картирование

Классификация представляет собой распределение объектов по взаимоисключающим классам, которые создаются на основе принципа или критерия, выбранного для такой классификации. Типология является более сложным предметом: это распределение по совокупности признаков, т.е. распределение на базе более чем одного критерия. Согласно такому определению, до сих пор мы обсуждали классификацию, а не типологию, т.е. мы выделили определенные «классы», а не «типы» партийных систем. По моему мнению, на основе числового критерия можно выделить следующие семь классов: 1) однопартийная система; 2) гегемонистская система; 3) система с доминирующей партией; 4) двухпартийная система; 5) система ограниченного плюрализма; 6) система крайнего плюрализма; 7) атомизированная система.

По сравнению с традиционной тройной классификацией очевидны два нововведения. Во-первых, я разделяю на три категории традиционный однопартийный кластер, который объединяет различные, несравнимые случаи. Тем самым создается возможность по-другому классифицировать политии, ранее ошибочно относимые к одному классу однопартийных как однопартийные, гегемонистские и системы с доминирующей партией. Во-вторых, я также поделил традиционный многопартийный кластер, будучи убежденным, что одинаковый подход ко всем системам, где присутствуют более двух партий, является следствием особенностей правил счета.

Что же касается последней категории, «атомизированная» модель нуждается в небольших пояснениях. Она введена в классификацию как

* *Сартори Джованни* — профессор Колумбийского университета США, автор всемирно известных трудов, посвященных вопросам методологии политического анализа, демократии и партийным системам

¹ Печатается по: *Партии и выборы: Хрестоматия* / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М., 2004.

остаточный класс, чтобы обозначить черту, за которой проблема точного подсчета уже не стоит столь остро, порог, за которым точное количество партий — будь их 10, 20 или 30 — уже не несет определяющего значения. Атомизированные партийные системы могут быть определены аналогично атомизированной конкуренции в экономике, т.е. как «ситуация, когда ни одна компания не оказывает какого-либо заметного влияния на другие компании». <...> Это также показывает, что критерий численности может быть применен только к тем партийным системам, которые вошли в стадию структурной консолидации...

Несмотря на улучшение аналитического инструмента, первая категория очевидно остается неадекватной. Один — это всего лишь один, численный критерий не позволяет признать различия между однопартийными политиями. И, что еще хуже, непонятно деление на классы ограниченного и крайнего плюрализма. Лежащее в его основе допущение, которое проистекает из здравого смысла, заключается в том, что взаимодействие трех—пяти партий, рассматриваемое как ограниченный плюрализм, существенно отличается от системы взаимоотношений шести—восьми партий, рассматриваемой как крайний плюрализм. Но ни наши правила, ни вдумчивый подсчет не могут провести реальную границу между двумя образцами. Основная причина заключается в том, что фрагментация <...> может быть результатом совокупности причин и должна рассматриваться только с учетом всех этих конкретных факторов. Проще говоря, фрагментация партийной системы может отражать либо сегментацию, либо поляризацию, т.е. идеологическое дистанцирование. Очевидно, что есть нечто такое, чего нельзя выявить с помощью количественного подсчета, и что, тем не менее, весьма значимо. Это также является аргументом в пользу необходимости перехода от классификации к типологии и соединения критерия численности с идеологическим <...>

<...> Следующие соображения приводят к двухуровневому картированию, которое можно назвать измененной классификацией. Измененная классификация призвана разрешить проблему, с которой не удалось справиться классификации, построенной на основе численности: как поступить с «сегментацией» <...> Решение заключается в проверке сегментированных политий с помощью идеологического критерия. Если они фрагментированы, но не поляризованы, то они принадлежат к типу (идеологически) умеренного плюрализма. Если же они фрагментированы и поляризованы, то они явно относятся к (идеологически) поляризованному плюрализму. Данная измененная классификация, таким образом, отличается от основанной исключительно на критерии численности только в отношении классов ограниченного и крайнего плюрализма. Они заменяются типами, определенными мной как системы умеренного и поляризованного плюрализма. Предполагаемые соответствия проиллюстрированы в виде рис. 1.

Разрабатывая картирование, мы можем задаться вопросом о его целесообразности. Приводит ли измененная классификация к пониманию сути? Рассуждения, к примеру, могут касаться того, указывает ли числовой критерий, хотя бы и весьма ограниченно, на распределение политической власти. Однако само по себе распределение оценить довольно сложно. Поэтому я бы скорее сказал, что картирование дает достаточное представление лишь о дисперсии власти, которая может быть как сегментированной, так и поляризованной.

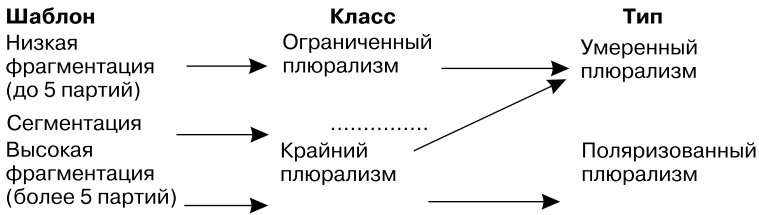

Рис. 1. Шаблоны, классы и типы многопартийности

<...> Казус однопартийной системы ясен: политическая власть монополизирована лишь одной партией в том смысле, что другие партии не имеют права на существование. Существуют системы, в которых одна партия значит больше остальных — но ее власть проявляется по-разному. С одной стороны, у нас есть партия-гегемон, которая допускает существование исключительно партий-сателлитов, или, по меньшей мере, «подчиненных» партий. Это означает, что никто не может оспорить гегемонии партии. С другой стороны, у нас есть система с доминирующей партией. Она предполагает такое распределение власти, в котором одна партия управляет единолично ровно столько времени, сколько обеспечивает себе большинство на выборах. С двухпартийными системами все ясно, по крайней мере, с их конфигурацией власти: две партии соперничают за абсолютное большинство, которое может быть завоевано как одной, так и другой. Таким образом, мы приходим к общему понятию многопартийности в целом, которое можно определить следующим образом: 1) ни одна партия не в состоянии завоевать... абсолютное большинство, 2) относительную силу (или слабость) партий можно измерить на основании их коалиционного и/или 3) их шантажного потенциала.

Системы распределения власти можно охарактеризовать следующим образом: 1) монополия, 2) иерархия (или ослабленная монополия), 3) одновышняя концентрация (безальтернативное превалирование), 4) равномерная (или биполярная) концентрация, 5) низкая фрагментация и/или деполаризованная сегментация, 6) высокая фрагментация с поляризацией. Если такое распределение власти и соответствующие

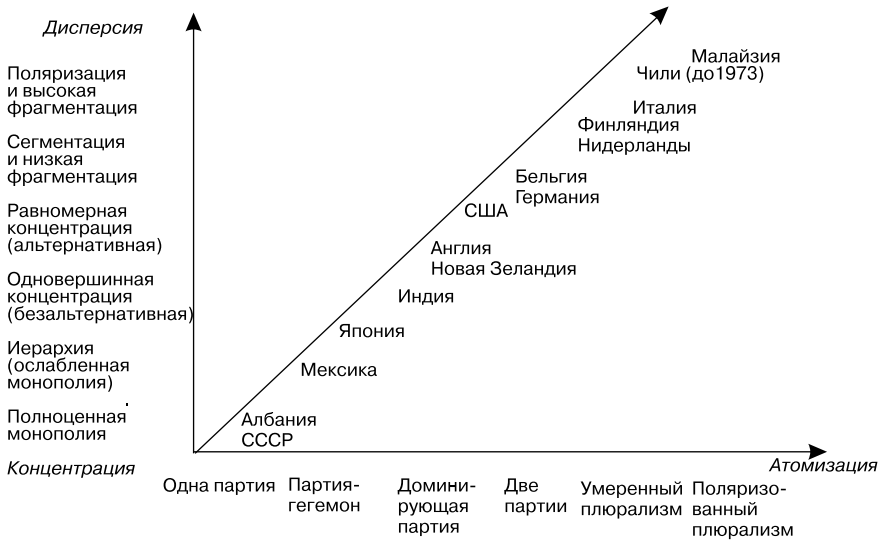

Рис. 2. Страны, расположенные по распределению власти в партийных системах

партийные системы расположить на схеме, <...> то мы получаем классификацию, отраженную на рис. 2.

Как я уже сказал, число партий имеет значение. Остается лишь объяснить, по отношению к чему именно оно имеет значение. Когда партийные системы подвергают классификации с помощью критерия численности, то их классифицируют на основе формата, т.е. по количеству партий. Но данный формат представляет интерес только постольку, поскольку он воздействует на механику, т.е. на работу системы. Иначе говоря, формат интересен в той степени, в которой он определяет работу механики, точнее, набор функциональных черт партийной системы, и как следствие, политической системы в целом <...>

СТРУКТУРЫ РАЗМЕЖЕВАНИЙ, ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ¹

Трансформация структурных размежеваний в партийные системы

До сих пор мы сосредотачивались на появлении какого-либо одного размежевания и только случайно затрагивали рост систем размежеваний и их превращение в политические партии. <...>

Но размежевания не транслируются в партийные различия сами по себе: нужно рассмотреть организационную и избирательную стратегии, взвесить преимущества от союзов по сравнению с потерями от размежеваний, последовательно сузить «рынок мобилизации» посредством организационных усилий. <...> Как социокультурный конфликт транслируется в партийные различия? Чтобы приблизиться к пониманию вариаций этого процесса, мы должны проанализировать большое количество информации об условиях выражения протеста и представления интересов в каждом обществе. Во-первых, мы должны знать традиции принятия решения в государстве: преобладание процедур примирения интересов над деспотическими устремлениями центрального правительства; правила разрешения противоречий и протестов; меры, принятые для управления или защиты политических ассоциаций, сво-

* *Липсет Сеймур Мартин* — американский социолог и политолог, старший научный сотрудник Гуверовского института (Hoover Institution), профессор Университета Джорджа Мэйсона (George Mason University). Кроме этого Липсет — единственный ученый в США, который был как президентом Американской ассоциации политической науки (1979–1980), так и президентом Американской социологической ассоциации (1992–1993).

Стейн Роккан — норвежский социолог и политолог-компаративист, видный представитель западной послевоенной политической науки; один из основателей и первый председатель Европейского консорциума политических исследований (ЕСPR). Президент Всемирного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО (1973–1977).

¹ Печатается по: *Партии и выборы: Хрестоматия* / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М., 2004.

боды связи и организации демонстраций. Во-вторых, мы должны иметь представление о каналах выражения и мобилизации протеста: существовала ли система представительства, и если да, то насколько доступными для народа были представители, кто имел право их выбрать и как они были выбраны? Существовал ли конфликт, выраженный через прямые демонстрации, через забастовки, саботаж или открытое насилие, или он мог быть перенаправлен через систему выборов или давление легитимно избранному представителю? В-третьих, мы должны знать о возможностях, вознаграждениях и затратах союзов в системе: <...> насколько охотно или неохотно расширяли старые движения базы своей поддержки и насколько было легко или трудно новым движениям добиться представительства? В-четвертых, мы должны иметь представление о возможностях и ограничениях мажоритарного правления в системе: какие союзы наиболее вероятно добиваются мажоритарного управления органами представительства и насколько сильно они могут влиять на структурирование институтов и распределений в системе?

Четыре порога

Эти вопросы означают существование ряда порогов на пути любого движения, выдвигающего определенные требования в политической системе. Во-первых, порог легитимации: отвергаются ли все протесты как заговорщические, или имеет место признание права петиций, критики и оппозиции? Во-вторых, порог объединения (инкорпорации): все или большинство сторонников движения лишаются статуса участников при выборе представителей или им дают политические и гражданские права на паритете с их противниками? В-третьих, порог представительства: должно ли новое движение присоединиться к большим движениям, чтобы получить доступ к органам представительства, или оно может самостоятельно добиться представительства? В-четвертых, порог мажоритарного правления: имеются ли сдержки и противовесы численному правлению большинства в системе, или победа на выборах приведет к власти партию или союз партий, которые будут осуществлять структурные изменения в политической системе?

Таким образом, мы получаем довольно грубую типологию условий развития партийных систем, состоящую из четырех переменных (табл. 1).

Из таблицы 2 видно, что изменения в одном из порогов рано или поздно приводят к изменениям в других порогах, однако можно проследить различные варианты изменений. Не существует единого линейного измерения политического развития от системы с четырьмя высокими порогами к системе с четырьмя низкими. Четкие прогрессии в

Таблица 1

Типология развития партийных систем

Уровень порога	Порог			
	легитимации	объединения	представительства	мажоритарного правления
Высокий ВВВВ	Высокий	высокий	высокий	высокий
Средний СВВВ	Средний	Высокий	Высокий	Высокий
ССВВ	Средний	Средний	Высокий	Высокий
Низкий НСВВ	Низкий	Средний	Высокий	Высокий
НСВС	Низкий	Средний	Высокий	Средний
СНВС	Средний	Низкий	Высокий	Средний
ННВВ	Низкий	Низкий	Высокий	Высокий
ННВС	Низкий	Низкий	Высокий	Средний
ННСС	Низкий	Низкий	Средний	Средний
НННН	Низкий	Низкий	Низкий	Низкий

Таблица 2

Партийная система	Примеры
Автократические или олигархические режимы. Отсутствие политических партий. Протесты и недовольства направляются либо через администрации областей, либо через представительство сословий	
Зарождающиеся закрытые партийные системы: юшки представителей, клубы нотаблей	Великобритания до 1832 г., Швеция в период противостояния «шляп» и «кепок» («Hats» and «Caps»)
Закрытые партийные системы, порождающие элементарную поддержку извне ввиду регистрации ассоциаций, но защищающие существующие организации	Западная Европа в период между падением абсолютизма и введением парламентского правления (избирательное право по возрастному цензу)
Начальная стадия зарождения внешних партийных систем: свободное развитие движений низших классов при ограниченном избирательном праве	Швеция до 1909 г.
То же, что в модели НСВВ, но при правлении парламента	Бельгия до 1899 г., Норвегия 1880–1900 гг.
Изоляция низших классов и религиозных меньшинств от всей политической системы: ограничительные меры в отношении политических организаций при избирательном праве	Правление Вильгельма 1878–1890 гг. Франция 2-й империи и первые десятилетия III республики

Партийная система	Примеры
Состязательная партийная система при всеобщем равном избирательном праве, большие вознаграждения союзов, четкое разделение законодательной и исполнительной властей	США (если не принимать во внимание запрет деятельности Коммунистической партии и de facto низкий уровень предоставления избирательных прав неграм на Юге); Франция V республики
То же, что и в модели ННВВ при власти парламента	Франция в последние десятилетия III республики и практически всей IV республики
То же, что и в модели ННВВ, но при среднем пороге пропорционального представительства: практически нет необходимости создавать союзы, чтобы добиться представительства при существовании барьеров для фрагментации существующего или подразумеваемого электорального минимума	Скандинавские страны; Бельгия, Голландия, Швейцария 1918–1920 гг.
То же, что и в модели ННВВ при максимальном пропорциональном представительстве и большем ограничении мажоритарного правления: фрагментированный парламент, плебисцитарное президентство	Веймарская республика

сторону более низких порогов прослеживаются на ранних стадиях изменений: признание свободы собраний, расширение избирательного права. На поздних же этапах вариантов изменений намного больше. В действительности, не существует единой конечной стадии развития, но можно выделить некоторые альтернативные этапы:

- ННВВ — высокий порог мажоритарного представительства и разделения властей;
- ННВС — высокий порог мажоритарного парламентаризма;
- ННСС — средний порог парламентаризма (пропорционального представительства);
- НННН — низкий порог пропорционального представительства и плебисцитарное правление большинства.

Ранние сравнительные исследования по развитию партий и партийных систем сосредотачивались на последствиях снижения первых двух порогов: появление парламентской оппозиции и свободы прессы, а также расширение избирательного права. Алексис де Токвиль, Острогорский, Вебер и Михельс пытались исследовать изнутри центральный институт современной политики: состязательную массовую партию. Последующие исследования, особенно начиная с 20-х годов, занимались рассмотрением третьего и четвертого порогов: последствия избиратель-

ной системы и структуры принятия решений для образования и функционирования партийных систем.

Дебаты по поводу «за» и «против» электоральных систем способствовали развитию сравнительного анализа, однако эмоциональный подход сторон приводил к сомнительной интерпретации и поспешным обобщениям скудных данных. Некоторые авторы довольствовались сравнением последовательности изменений в разных странах. Они пытались повлиять на будущий ход вещей и, видимо, слишком оптимистично оценивали возможности эволюции партийных систем с помощью электоральной инженерии (electoral engineering). Они забывали о том, что однажды созданные партии развивали свою собственную внутреннюю структуру и добивались длительной лояльности своих сторонников. Электоральные устройства могут предотвратить или отложить образование партии, но раз уж она была создана и укоренилась в политической системе, очень сложно изменить ее направленность и характер посредством изменений в условиях электорального агрегирования.

В действительности, в большинстве случаев практически не имеет смысла рассматривать избирательные системы как независимые, а партийные системы как зависимые переменные. Партийные стратегии будут оказывать решающее воздействие на избирательное законодательство и выбирать такие системы агрегирования, которые будут способствовать укреплению позиции партии либо посредством увеличения своего представительства, либо усиления предпочитаемых союзов, либо посредством барьеров для осколочных движений. Используя абстрактные теоретические понятия, возможно, стоит предположить, что системы простого большинства будут способствовать возникновению двухпартийной системы в культурно однородных общностях и порождать больше партий там, где существуют территориальные размежевания, однако единственным подтверждением подобного обобщения являются страны с продолжительной историей существования простого большинства с самого начала демократической массовой политики. <...>

Правила электоральной игры

Все ранние избирательные системы ставят высокий барьер для набирающих силу партий. Для движений рабочего класса всегда представляло большую трудность получить представительство, полагаясь только на себя, но существовали значительные варианты открытости систем, позволяющие этому новому классу оказывать на нее давление. <...>

Системы простого большинства британско-американского типа также устанавливают высокие барьеры для восхождения все набирающих силу движений — новых участников на политическую арену; однако начальный уровень не сводится к 50% голосов от каждого избирательного

округа, а зависит от стратегий, принятых утвердившимися партиями. Если они объединяются с целью защиты общих интересов, барьер для них будет высоким; если каждое движение борется только своими силами, данный барьер будет низким. На ранних стадиях мобилизации рабочего класса эти системы способствовали созданию так называемых союзов либеральных и лейбористских партий. Новые участники видели свой единственный шанс добиться представительства на политической арене, присоединившись к более реформистским партиям. На более поздних стадиях социалистические партии смогли получить представительство без чьей-либо поддержки в районах высокой концентрации промышленности и высокого уровня классового неравенства.

В Англии решающий прорыв в представительстве рабочего класса пришелся на выборы 1918 и 1922 гг. Перед Первой мировой войной Лейбористская партия представила своих кандидатов лишь в нескольких избирательных округах и выиграла всего лишь 42 из 670 мест; в 1918 г. она неожиданно выдвинула своих кандидатов в 388 избирательных округах и выиграл 63 места, затем в 1922 г. — 411 избирательных округов и 142 места... Однако не во всех государствах с партийной системой простого большинства развивались такие сильные партии рабочего класса. Канада и Соединенные Штаты остались на так называемом уровне союзов либеральных и лейбористских партий. Исследователи этих двух «девиантных» наций на первый план выдвинули такие факторы, как раннее предоставление избирательного права, высокая мобильность, укоренившийся федерализм и региональное, этническое и религиозное разнообразие. <...>

<...> Самые ранние шаги к пропорциональному представительству были сделаны в наиболее гетерогенных в этническом отношении европейских странах, уже в 1855 г. в Дании <...>, с 1891 г. в Швейцарских кантонах, с 1899 г. в Бельгии, с 1905 г. в Моравии и с 1906 г. в Финляндии... В обществах с разными языками и религиями системы простого большинства могли бы явно угрожать длительному существованию политической системы. Введение некоторых элементов представительства меньшинства явилось необходимым шагом в стратегии территориальной консолидации. <...>

Требования пропорциональности также появились в более гомогенных по культурному признаку государствах. В большинстве случаев победа нового принципа представительства достигалась посредством одновременного давления снизу и сверху. Набирающий силу рабочий класс хотел понизить барьер представительства, чтобы получить доступ к законодательным органам, и наиболее напуганные из старых партий требовали пропорционального представительства для защиты своего положения от новых волн мобилизованных всеобщим избирательным правом избирателей. <...>

Модель европейской партийной системы

<...> В абстрактной схеме мы выделили четыре решающих размежевания, существующих в западной политике: два из этих измерений явились результатом так называемой национальной революции (размежевания между центром и периферией, между государством и церковью); оставшиеся два измерения появились в результате промышленной революции (размежевания между городом и селом, между собственниками и рабочими). По их основным характеристикам партийные системы, возникшие в Западной Европе на ранней стадии соревнования и мобилизации, могут восприниматься как результат последовательного взаимодействия между этими двумя фундаментальными процессами.

Различия во времени и характере национальной революции являются причиной поразительных расхождений в европейских партийных системах. В протестантских странах в период Реформации конфликты между государством и церковью были временно улажены королевскими указами, и процессы централизации и стандартизации, начавшиеся в 1789 г., не спровоцировали конфликта между ними. Временные духовные учреждения встали на защиту центральной культуры образования нации (nation—building), но вскоре начали получать отпор на периферии, в областях и в районах проживания непривилегированного класса крестьян, ремесленников и рабочих лидеров и идеологов, выступающих против их движения. Другие западноевропейские страны после Французской революции были раздроблены. Во всех этих странах без исключения для защиты интересов церкви развивались сильные партии: явно, как в Германии, странах Бенилюкса, Швейцарии, Австрии, Италии, Испании, или неявно, как в случае с «правыми» во Франции.

Различия во времени и характере промышленной революции также отразились на контрастах среди национальных партийных систем Европы.

Примечательно, что размежевания «центр—периферия», «государство—церковь», «город—село» привели к развитию различных партийных систем, в то время как размежевание рабочего класса способствовало сближению партийных систем в их структуре. Существенная дифференциация между партийными системами появилась на ранней стадии конкурентной политики. <...> Она отразила основные различия в условиях и последовательности построения государства-нации и в структуре экономики. Движения рабочего класса существуют во всех странах Запада, но они заметно отличаются по размеру, по сплоченности, по идеологической ориентации и по степени их интеграции или отчуждения от исторически сложившейся национальной политики. <...> Однако решающие различия систем появились еще перед выходом рабочего класса на политическую арену, на характер этих массовых партий

большое влияние оказали идеологии, движения и организации, которым они должны были противостоять. <...>

Построение национального государства неизбежно порождает территориальное сопротивление и культурное напряжение. Потенциальные центры политического контроля будут соперничать между собой; может вспыхнуть конфликт между столицей и растущими областями провинции; напряженность между культурно и экономически продвинутыми областями и отсталой периферией также неизбежна. Некоторые из этих территориально-культурных конфликтов были решены в результате раскола или изменений границ, но другие были усилены в результате движения объединения.

Возьмем очевидный пример: расчленение Габсбургской империи, конечно, уладило большое количество безнадежно запутанных конфликтов, но также привело к политическому объединению таких культурно и экономически гетерогенных государств, как Италия, Югославия и Чехословакия. Однако территориально-культурные конфликты находят не только политическое выражение в сепаратистских и ирредентистских движениях; они проникают в структуру размежеваний национального сообщества и создают условия для развития не только каждой общенациональной партийной организации, но и всей партийной системы. <...>

В период Реформации все государства Северо-Западной Европы приняли государственную религию, но на ранней стадии демократизации и мобилизации в этих странах развивались совершенно различные партийные системы. Это различие в политическом развитии отражалось не в выделении какой-либо одной линии, а в воздействии двух линий размежеваний: противостояния между центральной культурой построения национального государства и традициями периферии, между первичным и вторичным секторами экономики.

В Англии культура центра поддерживалась и укреплялась земельной аристократией, в Скандинавских странах городской элитой: административной и патрициата. В Англии линии размежеваний пересекаются; в Скандинавии они подкрепляют друг друга. Британская структура способствовала постепенному слиянию городских и сельских компаний, в то время как скандинавская модель содействовала их разделению и противостоянию; Консервативная партия Великобритании смогла создать объединенный фронт земельных и индустриальных интересов, в то время как «правые» в Скандинавии остались по существу городской партией и оказались неспособными создать какой-либо длительный союз с аграриями или периферийными «левыми».

Подобные процессы партийного взаимодействия можно проследить в развитии континентальной партийной системы. Конфликты между мобилизованной элитой и периферийными культурами усиливались, а в некоторых случаях усугублялись конфликтами между государством и

церковью, а также размежеваниями между городом и селом. Бельгия представляет собой поразительный пример усиления размежеваний. Продолжающиеся процессы экономической, социальной и культурной мобилизации привели к поляризации между франкоговорящей, светской и индустриальной Валлонией и голландскоговорящей, католической и сельскохозяйственной Фландрией. В Швейцарии из пяти франкоговорящих кантонов — три протестантских и два католических, а из 19 германоговорящих кантонов или полукантонов — десять протестантских и девять католических.

Условия появления и образования территориальных противостоящих культур значительно различаются внутри Европы. Организованное сопротивление централизованному аппарату государства-нации возникало в трех ситуациях:

- сильная концентрация контркультуры в пределах четко очерченной территории;
- малочисленные коммуникационные связи, небольшой опыт переговоров с национальным центром и гораздо более развитые отношения с внешними центрами культурного или экономического влияния;
- минимальная экономическая зависимость от политической столицы.

Федералистские, автономистские, сепаратистские движения и партии наиболее вероятно появятся именно при совокупности этих условий. Сравнение Испании и Италии может дать множество подтверждений процессам «накопления размежеваний» (cleavage cumulation). В обеих странах в течение столетий господствовала католическая церковь, после национальных революций оформился сильный конфликт между светской властью и привилегиями духовенства, причем и Испания и Италия остались высоко гетерогенными государствами по своей этнической структуре, культурным традициям и историческим обязательствам. Все же они заметно различались по характеру партийных систем, которые образовались в этих странах на начальной стадии массовой мобилизации.

<...> Мы сосредоточились на трех первых линиях размежеваний, потому что они объясняют большинство различий между системами: взаимодействия периферии и центра, государства и церкви и размежевания между городом и селом порождали гораздо более очевидные и длительные различия между национальными партийными системами, нежели любой из расколов, вызванных движениями рабочего класса. <...>

Наша первоначальная схема установила четыре решающих измерения размежеваний в западных политиях. Наша модель образования партийных систем точно определила три критических обстоятельства в национальной истории, относящихся к первым трем измерениям.

Оси размежеваний:

Центр — периферия. Реформация: государственный — наднациональный уровень.

Контрреформация: религия...

Государство — церковь. Национальная революция: государственный — церковный контроль.

С 1789 г. — введение всеобщего образования.

Сельское хозяйство — промышленность. Промышленная революция: тарифы на сельскохозяйственную продукцию; контроль/свобода промышленных предприятий.

Собственники — рабочие. Революция 1917 г. в России: интернациональное революционное движение.

В этой схеме прослеживается круговое движение. Процесс начинается с краха одного международного порядка и утверждения сильного территориального чиновничества, легитимирующего себя посредством стандартизации национальных религий и языков, а заканчивается конфликтом относительно национальной или международной ориентации сельских и промышленных рабочих слоя, который последним был интегрирован в нацию-государство. Условия развития партий рабочего класса значительно различаются в европейских странах. Эти различия проявились перед Первой мировой войной. В результате революции в России не возникли новые размежевания, однако проявились линии противоречий, существовавшие длительное время в элите рабочего класса.

Наша трехэтапная модель не сможет дать четких предсказаний развития партий. Достаточно достоверен тот факт, что наиболее однородные и «одомашненные» (domesticable) партии рабочего класса возникли в странах, где преобладает протестантское население и которые наиболее мягко прошли период национального строительства: Великобритании, Дании, Швеции. Также достоверно то, что в странах с преобладанием католиков, прошедших трудный или относительно недавний путь национального строительства, возникли разнородные и отчужденные движения рабочего класса (Франция, Италия, Испания). Для характеристики промежуточных зон между протестантским северо-востоком и латинским югом следует учитывать другие переменные. Как австрийские, так и немецкие движения рабочего класса создавали и развивали свои собственные контркультуры, отличные от доминирующих национальных культур. Австрийский социалистический «лагерь», преимущественно сконцентрированный в Вене, оказался в состоянии сплотиться перед лицом движений клерикальных консерваторов и паннемецких националистов, возникших после распада Габсбургской империи. <...>

Различия между Францией, Италией и Испанией, с одной стороны, и между Австрией и Бельгией — с другой, позволяют прийти к следующему обобщению: движения рабочего класса были неоднородны и глубоко разделены в тех странах, где «строители» нации и церковь открыто или латентно противостояли друг другу на этапах повышения образовательного уровня и массовой мобилизации в отличие от стран, где церковь, по меньшей мере первоначально, сотрудничала со строителями наций в борьбе с общим врагом извне (в случае с Австрией — союз против протестантской Пруссии и зависимого населения Габсбургской империи, в случае с Бельгией — союз против голландцев-кальвинистов)...

Представляется возможным применить данное обобщение к протестантскому северу: чем больший внутренний раскол проявлялся в борьбе за национальное единство, тем сильнее было воздействие революции в России на размежевания в среде рабочего класса... В Северных странах две нации, Дания и Швеция, в наименьшей степени были затронуты делением на коммунистов/социалистов. Под большим влиянием находились три страны, обладавшие ранее статусом колоний: Норвегия (независимая во внутренних делах с 1814 г. и ставшая независимым государством в 1905 г.) — лишь на короткий период времени в начале 20-х годов; Финляндия (получившая независимость в 1917 г.) и Исландия (независимая во внутренних делах с 1916 г. и ставшая независимым государством в 1944 г.). <...> Лишь в двух Скандинавских странах — в Финляндии и Исландии — после Второй мировой войны сохранились коммунистические партии. У этих стран существует две общие черты: длительная борьба за культурную и политическую независимость и поздняя индустриализация. Фактически обе страны прошли через очень сложные процессы политических изменений, начиная с фазы национальной мобилизации и заканчивая образованием партийной системы при существовании всеобщего избирательного права. Одна из причин различий этих стран состоит в отдаленности от России. Возникновение Социалистической партии в Финляндии в 1906 г. (партия набрала 37% голосов на первых выборах при всеобщем избирательном праве) явилось лишь частью общей волны мобилизации против царского режима. Революция 1917 г. в России способствовала разделению финского пролетариата: рабочий класс разрывался между привязанностью к своей национальной культуре, социальной иерархии и солидарностью с классом и защитниками революции. Победа «белых» и последующее подавление Коммунистической партии (1919–1921, 1923–1925, 1930–1944) оставили глубокие следы.

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ¹

Двухпартийные и многопартийные системы

Наличие однопартийного мажоритарного правительства или широкой многопартийной коалиции является самой первой из десяти переменных, отражающих различия между мажоритарной и консенсусной демократиями. Это самое первое различие можно рассматривать и как самое важное, характеризующее модели демократии, поскольку оно отражает разницу между концентрацией власти, с одной стороны, и коалиционностью — с другой...

Классификация правительств — однопартийные или многопартийные (коалиционные), на основе незначительного большинства или меньшинства, или правительства, включающие в себя партии, участие которых в коалициях не является необходимым (*unnecessary parties*), — зависит, главным образом, от того, что понимается под политическими партиями и как определяется их количество в партийных системах... Стоит, однако, заметить, что тип партийной системы также является компонентом фактора «соотношение участия в исполнительной власти и принадлежности к партии» («*executives — parties*» dimension)...

Для мажоритарной модели демократии характерна двухпартийная система, а для консенсусной — многопартийная. В традиционной литературе подчеркивается превосходство двухпартийной системы и мажоритарной модели. Считается, что двухпартийная система обладает прямыми и косвенными преимуществами над многопартийной системой. Первое прямое преимущество состоит в том, что избирателю предлагается сделать определенный выбор между двумя альтернативными политическими курсами. Во-вторых, эта система оказывает умеряющее воздействие, поскольку две основные партии соревнуются за голоса колеблющихся избирателей в центре политического спектра и поэтому

* *Лейпхарт Арендт* — нидерландский политолог, профессор Калифорнийского университета (США, штат Калифорния, г. Сан-Диего).

¹ Печатается по: *Партии и выборы: Хрестоматия* / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М., 2004.

отстаивают умеренную, центристскую политику. Этот механизм является особенно действенным, когда большинство избирателей относят себя к политическому центру. Однако логика этого механизма продолжает работать, даже когда мнения более поляризованы: на полюсах политического спектра партии потеряют голоса некоторых из своих сторонников, решивших воздержаться вместо того, чтобы голосовать за слишком умеренную для них программу. При этом центристские голоса, полученные за счет другой партии, гораздо важнее, чем голоса воздержавшихся. Оба этих заявления выглядят достаточно правдоподобно, но в то же время они довольно противоречивы: если программы обеих партий близки политическому центру, они будут очень похожи, и вместо того, чтобы предлагать значимый «выбор» избирателю, они, скорее всего, будут повторять друг друга¹.

Кроме того, считается, что двухпартийная система имеет важное косвенное преимущество: она необходима для формирования стабильного и эффективного однопартийного правительства. Например, Лоуэлл... один из первых современных политологов, писал, что законодательная власть должна включать в себя «две партии, и только две... для того чтобы парламентская форма правления всегда давала хорошие результаты». Он назвал это «аксиомой в политике». Коалиционные правительства, недолговечные и слабые по сравнению с однопартийными: «Чем больше количество разноречивых групп, составляющих большинство, тем сложнее угодить им всем и тем слабее и нестабильнее положение правительства»...

... Я подтверждаю гипотезу Лоуэлла о связи между партийной системой и типом правительства и его «аксиому» о том, что однопартийные кабинеты прочнее и влиятельнее коалиционных. Приверженность сторонников мажоритаризма двухпартийной системе четко и логично связана с предпочтением сильного и влиятельного однопартийного правительства... Однако способствует ли мажоритаризм выработке более эффективной политики, нежели консенсуализм, — совсем другой вопрос. Лоуэлл предполагает, что сила заключается в принятии эффективных решений, ... я покажу, что это предположение глубоко неправильно...

Эффективное число партий

Чистая двухпартийная система, в которой, говоря словами Лоуэлла, «две и только две партии», встречается крайне редко... Партийные

¹ Это определение дано П. А. Лазарсфельдом и Алленом Х. Бартоном: «... под “типом” понимается конкретный сложный признак»... Там, где нет необходимости отделять классификацию от типологии, я буду пользоваться термином «таксономия». Строго говоря, понятие «таксономия» является средним между группами классификации и типологии (матричного типа)...

системы Великобритании, Новой Зеландии и Барбадоса я называл двухпартийными, несмотря на присутствие в системе законодательных органов этих стран одной или более «малых» партий. Так правильным ли является такое определение двухпартийной системы..? Этот вопрос указывает на одну из самых важных проблем, которые возникают при определении количества партий в партийной системе: считать или не считать «малые» партии, и если нет, то насколько партия должна быть крупной, чтобы ее учитывать при подсчете.

Широко известное решение этой проблемы было предложено Джованни Сартори... Он предложил... исключать те партии, которые не смогли получить места в парламенте, и определять относительный вес других партий также в зависимости от количества мест в парламенте. При этом нужно принимать во внимание размер партии, но нельзя обозначить произвольный рубеж, например, 5% или 10%, в зависимости от преодоления которого партии должны учитываться или исключаться из подсчетов. Эти предварительные положения превосходны. Гораздо более противоречивыми являются «правила подсчета» Сартори. Он утверждает, что частью партийной системы должны считаться только те партии, которые обладают «коалиционным» или «шантажным» потенциалом. Считается, что партия обладает коалиционным потенциалом, если она участвует в правительственных коалициях (или, конечно, в однопартийных правительствах) или если основные партии рассматривают ее как возможного партнера по коалиции. Партии, которые не рассматриваются всеми или большинством партий как возможные партнеры по коалиции по идеологическим соображениям и, следовательно, не обладают коалиционным потенциалом, все-таки должны учитываться при подсчете в том случае, если они достаточно крупные. Примерами могут послужить такие сильные партии, как Французская и Итальянская коммунистические партии до 70-х годов. В этом заключается дополнительное правило подсчета Сартори, основанное на... шантажном потенциале оппозиционно настроенных партий...

Критерии Сартори незаменимы для выявления различий между партиями, которые играют значительную роль в политической системе, и теми, чья роль невелика... Однако эти критерии недостаточно хороши для подсчета партий в партийных системах. Во-первых, хотя критерии Сартори и основаны на двух переменных (размере партии и идеологической совместимости), размер является фактором решающим. Только достаточно крупные партии могут обладать шантажным потенциалом. В то же время размер партии является определяющим фактором наличия коалиционного потенциала: малые партии с небольшим числом голосов в парламенте могут быть довольно умеренными и, следовательно, идеологически приемлемыми для большинства других партий. Однако они редко обладают коалиционным потенциалом из-за

недостатка «веса», чтобы вносить какой-либо существенный вклад в правительство. Следовательно, при подсчете учитываются в основном только более крупные партии вне зависимости от идеологической совместимости.

Во-вторых, хотя размер партии имеет существенное значение в размышлениях Сартори, он не использует этот фактор для проведения дальнейших различий между похожими партиями. Например, одинаковым образом учитываются Христианско-демократическая партия, которая доминировала в политической жизни Италии до 90-х, и Республиканская партия, ее постоянный, но небольшой по размеру партнер, никогда не получавший больше 5% мест в нижней палате парламента.

Чтобы исправить этот недостаток, Жан Блондель... предложил классификацию партийных систем, основанную как на количестве партий, так и их размере. Он выделил четыре категории, которые представлены в табл. 1. В двухпартийной системе преобладают две крупные, хотя не исключается наличие нескольких небольших партий в парламенте. В качестве примеров Блондель приводит... Великобританию и Новую Зеландию. Если в дополнение к двум крупным партиям есть партия, которая значительно меньше, но, возможно, обладает коалиционным потенциалом и играет существенную политическую роль, как, например, либералы в Германии и Люксембурге, Лейбористская партия Ирландии и Новые демократы в Канаде, — то такие партийные системы Блондель называет «двух с половиной партийными». Системы, где присутствуют более чем две с половиной значимые партии, являются многопартийными. Они в свою очередь могут подразделяться на многопартийные с доминирующей партией и без нее. Примерами могут служить Италия до 90-х годов, где доминирующей партией являлась Христианско-демократическая, а также три Скандинавских государства, где сильны социалистические партии. Партийными системами без доминирующей партии являются швейцарская, нидерландская и финская.

Понятия «доминирующая» партия и «двух с половиной партийная система» нуждаются в пояснениях: насколько сильна или слаба их позиция по отношению к другим важным партиям в системе, определено недостаточно точно. Нам необходим некий индекс, с помощью которого, учитывая размер партий, можно точно определить, сколько их в системе. Такой индекс эффективного числа партий был разработан Маркку Лааксо (Markku Laakso) и Райном Таагаперой (Rein Taagepera) (1979) и сейчас широко используется компаративистами в политической науке. Это число (N) вычисляется следующим образом:

$$N_{эф} = 1/\sum S_i,$$

где S_i — доля мест i -партии в парламенте.

Легко заметить, что в двухпартийной системе с двумя одинаково сильными партиями эффективное число партий — 2,0. Если одна из

Таблица 1

Классификация партийных систем на основе количества и размера партий

Тип партийной системы	Гипотетическое распределение мест в парламенте, %	Эффективное число партий
Двухпартийная система	55–45	2,0
Система двух с половиной партий	45–40–15	2,6
Многопартийная система с доминирующей партией	45–20–15–10–10	3,5
Многопартийная система без доминирующей партии	25–25–25–15–10	4,5

партий значительно сильнее другой, например, когда количество мест в парламенте соотносится как 70% : 30%, то это число будет равняться 1,7 — в соответствии с нашим интуитивным суждением о том, что партийная система движется от чисто двухпартийной по направлению к однопартийной. При наличии трех равных партий эффективное число будет соответствовать 3,0. Если одна из этих партий слабее, чем две другие, то эффективное число будет колебаться между 2,0 и 3,0 в зависимости от размера третьей партии. В нашем гипотетическом примере «двух с половиной партийной системы», представленной в табл. 1, соотношение мест в парламенте выглядит как 45%: 40%: 15% и эффективное число партий в действительности близко двум с половиной — 2,6.

Во всех случаях, когда силы партий равны, эффективное число будет примерно соответствовать их количеству. В случае неравенства эффективное число будет меньше, чем действительное количество партий. Это можно проследить и по табл. 1. В обоих гипотетических примерах многопартийных систем — по пять партий. При наличии доминирующей партии эффективное число партий всего лишь 3,5. Когда доминирующей партии нет, то места в парламенте распределяются более равномерно, и эффективное число возрастает до 4,5, приближаясь к действительному числу партий, подсчитанному вне зависимости от их размера.

Тесно связанные партии

Проблема подсчета партий разных размеров решается путем использования эффективного числа партий. Однако этот способ не предполагает определения того, что является политической партией. Согласно допущению, распространенному среди политологов, политическими партиями считаются организации, которые так себя называют. Это правило работает для большинства партий и стран, но применение его

становится проблематичным в двух случаях: когда партии, как близнецы, настолько тесно связаны друг с другом, что они более похожи на одну партию, чем на две; когда, напротив, партии настолько фракционированы, что выглядят как две или несколько. Первую проблему решить проще, чем последнюю...

Подходящими примерами являются следующие пять тесно связанных партий: Христианско-демократический союз (ХДС) и Христианско-социальный союз (ХСС) в Германии, Либеральная и Национальная партии в Австралии, две Христианско-демократические партии Бельгии, которые образовались на основе разделения по языковому принципу в 1968 г., подобным же образом разделенные с 1971 г. две Либеральные партии и с 1978 г. две Социалистические партии. Обе германские и австралийские партии особенно часто рассматриваются как одна. Так, например, Блондель считает Либеральную и Национальную партии как одну и называет австралийскую партийную систему двухпартийной, а не «двух с половиной партийной»...

При помощи четырех критериев можно решить, учитывать ли тесно сотрудничающие партии, которые имеют разные названия и отдельные партийные организации, как две партии или как одну. Во-первых, политические партии обычно соревнуются за голоса на выборах. Происходит ли это с обозначенными нами пятью проблемными партиями? ХДС и ХСС не соревнуются за голоса избирателей, поскольку действуют в разных регионах страны: ХСС в Баварии, а ХДС на остальной части Германии. Впрочем, так же как и три бельгийские партии, которые соревнуются либо во Фландрии, либо в Валлонии, а в Брюсселе между говорящими по-французски или по-голландски...

Второй критерий связан со степенью сотрудничества между партиями в парламенте, в частности с тем, формируют ли партии единую партийную парламентскую группу и фракционный комитет (caucus). Так происходит только с ХДС и ХСС. В-третьих, имеет значение, как ведут себя партии при формировании правительства: участвуют ли они вместе в правительстве или в оппозиции, или одна партия может войти в правительство, а другая остаться в оппозиции? В этом отношении все названные партии действуют как одна. Особенно примечательным является пример Австралии, где на выборах 1975, 1977 и 1996 гг. либералы получили абсолютное большинство мест и, таким образом, могли править сами, но, тем не менее, при формировании всех трех правительств включили представителей Национальной партии.

Четвертый критерий — время: тесно связанные партии имеет смысл учитывать как одну, только если они сотрудничают на протяжении долгого времени. Для описанных выше пяти партий характерны как продолжительность, так и тесное сотрудничество по сравнению с другими примерами, где электоральный союз всего лишь «брак по расчету». Избирательная

система, в которой выборы осуществляются по одномандатным округам, дает малым и средним партиям сильный стимул для формирования подобных союзов, но такие союзы чаще временные, возникающие по случаю. Примерами могут послужить Франция, Индия и Маврикий...

К сожалению, эти четыре критерия не дают четкого ответа на вопрос, как нужно оценивать пять проблематичных пар Австралии, Бельгии и Германии. Все они находятся в некоем промежутке между одной и двумя партиями. Таким образом, вместо того, чтобы произвольно решать, одна это партия или две... я предлагаю провести различие следующим образом: подсчитать два эффективных числа партий, первое — допуская, что это две партии, и второе — что одна, а потом вычислить среднее арифметическое этих чисел. Это означает, что тесно связанные партии-близнецы будут считаться как полторы партии. Как и любой компромисс, это может быть не самым удачным решением, но оно отражает реальность лучше, чем другие крайние варианты.

Фракционные партии

Я предлагаю подобное решение и для высоко фракционированных партий: Либеральной и Консервативной партий Колумбии, Индийского национального конгресса, Христианско-демократической партии Италии, Либерально-демократической партии Японии и Демократической партии США. В современных демократиях это не единственные партии, которым не хватает единства... Но приведенные выше случаи — наиболее крайние. Зачастую аналитики склоняются к выводу, что их партийные фракции скорее похожи на отдельные партии...

Сильные внутрипартийные фракции обычно действуют как политические партии при формировании кабинетов и коалиционных правительств. Как уже было сказано, коалиционные правительства менее долговечны по сравнению с однопартийными. А если фракции ведут себя как отдельные партии, то можно ожидать, что правительства, состоящие из фракционированных партий, будут менее прочными, чем правительства, образованные более сплоченными партиями. Джеймс Друкман... в своем сравнительном исследовании восьми стран обнаружил, что все в действительности так и происходит.

Самой большой проблемой при учете фракционированных партий является следующее. Совершенно не очевидно, что в данном случае компромисс должен быть найден между двумя числами: возможно описать такую партию как целую, одну партию, но каково предельное число, если мы рассматриваем одну партию как несколько? В Италии и Японии, где внутрипартийные фракции являются явными и их легко обозначить, число фракций довольно велико: если эти фракции считать за партии... христианские демократы и либеральные демократы счи-

тались бы как пять или шесть партий... Но это слишком много; при таком подходе в этих двух странах будут самые многопартийные системы в мире. Я предлагаю избежать этого следующим способом: нужно рассматривать каждую фракционированную партию как две партии одинакового размера. А далее исчислять среднее число фактических чисел, рассчитанных сначала как в случае с одной партией, а затем — с двумя равными.

Таким образом, фракционированные партии учитываются как полторы партии — совершенно так же, как я предлагал делать в случае с тесно связанными партиями. Конечно, мое предложение по поводу фракционированных партий приблизительно и нетрадиционно и, следовательно, является более спорным. Однако, поскольку центральным моментом этой работы является многопартийность как элемент концентрации или фрагментарности власти, необходимо принять во внимание внутрипартийное деление...

Партийные системы в 36 демократических странах

В таблице 2 представлено эффективное число партий в 36 демократических странах. Данные таблицы, полученные в результате выборов за период с 1945 до середины 1996 г., основаны на партийном составе нижней (как правило, наиболее важной) палаты двухпалатного парламента или единственной палаты однопалатного парламента... и расположены по убыванию эффективного числа партий. Различия в значениях достаточно высоки: от 5,98 в Папуа—Новой Гвинее до 1,35 в Ботсване. Среднее эффективное число парламентских партий в 36 демократических странах равняется 3,16.

Как и следовало ожидать, ближе к концу таблицы располагаются Великобритания, Новая Зеландия и Барбадос... Тот факт, что среднее эффективное число партий в британской палате общин составляет 2,11, свидетельствует о наличии множества мелких партий в рамках двухпартийной системы. В Новой Зеландии и на Барбадосе, где третьи партии представлены в меньшем количестве, а партия, одержавшая победу на выборах, обычно имеет довольно крупную парламентскую фракцию, среднее эффективное число составляет менее 2. Та же картина с тремя другими демократическими государствами Содружества: Ямайкой, Тринидадом и Багамскими островами, а также Мальтой и особенно Ботсваной, где правящая партия значительно превосходит остальных по своей численности. В начале таблицы, почти на самом верху, расположена Швейцария. Бельгия лишь на восьмом месте в целом за весь изучаемый период, однако с 1978 г. по результатам шести выборов, когда главные партии раскололись по языковому признаку, среднее эффективное число парламентских партий равнялось 5,82, что лишь немногим меньше аналогичного показателя в Папуа—Новой Гвинее.

Таблица 2

Среднее, низшее и высшее эффективные числа парламентских партий по результатам выборов в 36 демократических странах и число выборов, на основе которых были рассчитаны данные, 1945–1996 гг.

Страна	Среднее	Низшее	Высшее	Число выборов
Папуа—Новая Гвинея	5,98	2,69	10,83	4
Швейцария	5,24	4,71	6,70	13
Финляндия	5,03	4,54	5,58	15
Италия	4,91	3,76	6,97	14
Нидерланды	4,65	3,49	6,42	15
Израиль	4,55	3,12	5,96	14
Дания	4,51	3,50	6,86	21
Бельгия	4,32	2,45	6,51	17
Индия	4,11	2,51	6,53	6
Исландия	3,72	3,20	5,34	16
Япония	3,71	2,58	5,76	19
Франция	3,43	2,49	4,52	10
Венесуэла	3,38	2,42	4,88	8
Люксембург	3,36	2,68	4,05	11
Норвегия	3,35	2,67	4,23	13
Португалия	3,33	2,23	4,26	8
Швеция	3,33	2,87	4,19	16
Колумбия	3,32	2,98	4,84	14
Германия	2,93	2,48	4,33	13
Ирландия	2,84	2,38	3,63	15
Испания	2,76	2,34	3,02	7
Маврикий	2,71	2,07	3,48	6
Австрия	2,48	2,09	3,73	16
Коста-Рика	2,41	1,96	3,21	И
США	2,40	2,20	2,44	25
Канада	2,37	1,54	2,86	16
Австралия	2,22	2,08	2,30	21
Греция	2,20	1,72	2,40	8
Великобритания	2,11	1,99	2,27	14
Мальта	1,99	1,97	2,00	6

Страна	Среднее	Низшее	Высшее	Число выборов
Новая Зеландия	1,96	1,74	2,16	17
Тринидад	1,82	1,18	2,23	7
Барбадос	1,76	1,25	2,18	7
Багамские острова	1,68	1,45	1,97	5
Ямайка	1,62	1,30	1,95	7
Ботсвана	1,35	1,17	1,71	7

В таблице представлены также самые высокие и самые низкие показатели эффективных чисел парламентских партий в этих 36 демократических государствах, полученные по результатам всех проводимых в них выборов... Строго двухпартийная система Мальты, где существуют только две равные парламентские партии, имеет наименьшую разницу между самым низким и самым высоким эффективными числами: от 1,97 до 2,00... Наибольшую разницу эффективных чисел парламентских партий можно наблюдать... в Папуа-Новой Гвинее. Изначально казалось, что имела место тенденция консолидации партийной системы: эффективное число партий, по итогам первых выборов после получения независимости в 1977 г. составившее 4,46, сократилось до 2,69 после вторых выборов в 1982 г. Однако тенденция изменилась: в результате выборов 1987 и 1992 гг. эффективное число партий увеличилось до 5,95 и 10,83 соответственно. Последний показатель... отражает наличие большого количества мелких партий, а также независимых депутатов в законодательном собрании.

В некоторых странах наблюдалась долгосрочная тенденция усиления многопартийности, что особенно характерно для Бельгии, но это можно наблюдать и в Австрии, Колумбии, Дании, Индии, Италии, Норвегии и Швейцарии. В Германии, Израиле и Японии эффективное число парламентских партий сначала постепенно уменьшалось, но за прошедшие две — три декады снова увеличилось. Португалия — единственная страна, где существует стабильная тенденция к сокращению числа парламентских партий. В большинстве же стран наблюдаются либо колебания показателя эффективного числа без определенной долгосрочной тенденции, либо незначительные изменения. В действительности наивысший и наименьший показатели эффективного числа парламентских партий получались в результате двух следующих друг за другом выборов как минимум в семи странах: Ботсване, Канаде, Коста-Рике, Франции, Новой Зеландии, Испании и США.

Проблемные измерения партийного соревнования

Как можно охарактеризовать содержимое программы партии, а также проблемные измерения партийных систем? К официальным партийным программам и манифестам нужно относиться с долей скепсиса. Тем не менее они являются ключом к пониманию того, каких позиций в публичной политике партии придерживаются, в особенности если эти положения дополняются другими официальными заявлениями партии, обсуждениями на партийных собраниях, выступлениями партийных лидеров в парламенте и пр. Более того, мы можем наблюдать реальный политический курс, проводимый партией, когда она находится у власти или разделяет власть в коалиции с другими партиями. Содержимое программы необходимо отличать от характеристик, которые присущи избирателям данной партии. Например, тот факт, что на выборах партия получает поддержку значительного числа избирателей-католиков, автоматически не превращает эту партию в католическую и не характеризует религию как важное проблемное измерение. И все-таки зачастую существует взаимозависимость между программой партии и объективными и субъективными интересами, потребностями ее приверженцев.

Вторым ключевым моментом в определении проблемных измерений партийных систем является тот факт, что акцентируются не внутрипартийные, а межпартийные различия. Это означает, что важные проблемы в масштабах страны могут и не создавать проблемных измерений партийной системы: вместо того чтобы разделять партии по определенным вопросам, они могут вызвать внутрипартийные размежевания. В-третьих, анализ ограничится проблемами, разделяющими, по словам Сартори, «релевантные» партии, т.е. обладающие «шантажным» или «коалиционным» потенциалом. И наконец, акцент будет сделан на устойчивых проблемных измерениях, а не на тех, которые появляются на одних выборах, а затем быстро исчезают.

В 36 демократических партийных системах за период с 1945–1996 гг. можно было наблюдать наличие следующих семи проблемных измерений: (1) социально-экономического, (2) религиозного, (3) культурно-этнического, (4) город—село, (5) поддержки режима, (6) внешней политики, (7) постматериалистического измерения. В таблице 3 показано, какие проблемные измерения существуют в каждой из 36 демократических систем. Были выявлены различия между наиболее заметными (В) проблемными измерениями и теми, которые проявлялись со средней или меняющейся (от низкой до высокой) интенсивностью за рассматриваемый период времени (С). Оценки, положенные в основу таблицы, имеют долю субъективности, но в большинстве случаев они основаны на прямых, не содержащих противоречий данных...

1. **Социально-экономическое измерение.** Социально-экономическое проблемное измерение представлено первым в табл. 3, поскольку в силу

Таблица 3

Проблемные измерения в 36 демократических партийных системах,
1945—1996 г.

Страна	Социально-экономическое	Религиозное	Культурно-этническое	Город—село	Поддержка режима	Внешняя политика	Постматериалистическое	Количество измерений
Финляндия	В	С	В	С	С	—	—	3,5
Бельгия	В	В	В	—	—	—	—	3,0
Германия	В	В	С	—	—	—	С	3,0
Индия	В	В	С	—	С	—	—	3,0
Израиль	В	В	—	—	—	В	—	3,0
Италия	В	В	—	—	С	С	—	3,0
Нидерланды	В	В	—	—	—	—	В	3,0
Норвегия	В	В	—	С	—	—	С	3,0
Папуа—Новая Гвинея	В	С	В	—	—	С	—	3,0
Швейцария	В	В	С	С	—	—	—	3,0
Франция	В	С	—	—	С	С	—	2,5
Япония	В	С	—	—	С	С	—	2,5
Португалия	В	С	—	—	С	С	—	2,5
Колумбия	В	С	—	С	С	—	—	2,5
Дания	В	С	—	С	—	С	—	2,5
Испания	В	С	В	—	—	—	—	2,5
Швеция	В	С	—	С	—	—	С	2,5
Коста-Рика	В	В	—	—	—	—	—	2,0
Люксембург	В	В	—	—	—	—	—	2,0
Венесуэла	В	В	—	—	—	—	—	2,0
Исландия	В	—	—	С	—	С	—	2,0
Мальта	В	С	—	—	—	С	—	2,0
Маврикий	В	—	В	—	—	—	—	2,0
Ирландия	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Ямайка	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Великобритания	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Канада	С	—	В	—	—	—	—	1,5
Тринидад	С	—	В	—	—	—	—	1,5
Австралия	В	—	—	—	—	—	—	1,5

Страна	Социально-экономическое	Религиозное	Культурно-этническое	Город—село	Поддержка режима	Внешняя политика	Постматериалистическое	Количество измерений
Австрия	В	С	—	—	—	—	—	1,5
Ботсвана	В	—	С	—	—	—	—	1,5
Греция	В	—	—	—	С	—	—	1,5
Барбадос	В	—	—	—	—	—	—	1,0
Новая Зеландия	В	—	—	—	—	—	—	1,0
США	С	—	С	—	—	—	—	1,0
Багамские острова	С	—	—	—	—	—	—	0,5
Всего	34,0	16,5	9,5	4,0	4,0	6,5	2,5	77,0

Примечание: В означает, что измерение имеет высокую значимость, а С — среднюю.

своей важности оно присутствовало во всех демократических партийных системах в период 1945—1996 гг., а между социально-экономическими курсами партий и правительств правого и левого толка имеются важные различия. При правительстве левых систематически наблюдается более высокий темп роста доли общественного сектора в экономике, увеличивается бюджет центрального правительства, наблюдается выравнивание доходов, предпринимаются более значительные попытки сократить безработицу, больше внимания уделяется системе образования, здравоохранения и социальных льгот, чем это бывает при правительстве правых сил. Суть различий можно свести к следующему утверждению Эдварда Р. Тафта: «В зависимости от положения правящей партии на шкале “левый—правый” определяется вид макроэкономической политики в индустриальных демократиях. Программы партий и политическая идеология устанавливают приоритеты и способствуют выбору того или иного курса».

Различия по признаку «левый—правый» в социально-экономических вопросах начали снижаться с 60-х годов, но не до такой степени..., чтобы можно было считать это проблемное измерение исчезнувшим в любой из этих стран или хотя бы ставшим в большинстве стран измерением средней величины. В таблице 3 оно обозначено как среднее только для США, Канады, Тринидада и Багамских островов. Если суммировать показатели всех 36 стран, где В = 1,0, С = 0,5, то итоговое число будет равняться 34,0..., что более чем в два раза превосходит сумму показателей любых других измерений. Кроме того, это единственное проблемное измерение, которое присутствует в значительной степени во всех 36 партийных системах...

2. Религиозное измерение. Различия между партиями религиозного и светского характера создают второе важное проблемное пространство. Такие различия можно найти более чем в половине из 36 демократий. В 12 странах, где население состоит по большей части из католиков и/или протестантов, существуют или длительное время существовали многочисленные партии, открыто провозглашавшие себя «христианскими»: в Бельгии, Коста-Рике, Дании, Финляндии, Германии, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Венесуэле. В течение изучаемого периода различия по признаку «светский—религиозный» являлись важными во всех этих 12 партийных системах... В шести преимущественно католических странах: Австрии, Колумбии, Франции, на Мальте, в Португалии и Испании — религиозные различия в среднем менее заметны, тем не менее это проблемное измерение до сих пор присутствует и имеет среднюю значимость. В трех по большей части не христианских странах религиозное проблемное измерение также присутствует. Это измерение продолжает оставаться крайне важным для Израиля, где Национально-религиозная партия и другие партии религиозной направленности уже давно являются успешными защитниками ортодоксального религиозного курса, а также для Индии, где партию Бхарати Джанати часто характеризуют как партию «хинди-националистов». Японская партия Комейто, которая приобрела значительный политический вес в 70-е годы, является политическим представителем буддистской секты Сока Гаккай (Buddist Soka Gakkai).

После Второй мировой войны религиозное измерение, как и социально-экономическое, потеряло свою значимость. В европейских странах, где население состоит и из католиков, и из протестантов, а история знает примеры антагонистических противоречий между ними, межрелигиозные трения почти полностью исчезли, и две группы даже проявляют склонность к политическим союзам. Христианско-демократический союз был основан в послевоенной Германии как объединенная партия католиков и протестантов. В Нидерландах Католическая партия и две главные протестантские партии шли на парламентские выборы 1977 г. единым списком, а вскоре объединились в единую партийную организацию. Кроме того, как религиозные партии, так и их антиклерикальные оппоненты стали гораздо более сдержанны в своих заявлениях и ответных реакциях. Однако религиозные и светские партии все еще разделены по таким вопросам морали, как проблема брака и развода, права представителей сексуальных меньшинств, контроль над рождаемостью, аборт, половое воспитание, порнография и пр. Эти вопросы стали играть заметную роль с конца 60-х. Более того, только ко второй половине изучаемого периода сравнительно мелкие религиозные партии Японии, Дании, Финляндии и Швеции приобрели значительный электоральный вес...

3. Культурно-этническое измерение. В своей теории развития размежеваний и партийных систем Сеймур Мартин Липсет и Стейн Роккан (1967) определяют четыре основных источника становления партийных систем на основе размежеваний. Наряду с уже рассмотренными социально-экономическим и религиозным измерениями, это культурно-этнические размежевания и противоречия между сельско-аграрными и индустриально-городскими интересами. Культурно-этническое измерение достаточно значимо во всех девяти странах, охарактеризованных как плюралистические общества... кроме Израиля... Неожиданными исключениями стали этнически многообразные Индия и Швейцария; в этих двух государствах религиозное измерение играет гораздо более важную роль дифференциатора на национальном уровне.

В трех полуплюралистических обществах культурно-этническое измерение также имеет некоторое значение. В Финляндии шведскоговорящее меньшинство и Шведская народная партия очень малы. Тем не менее эта организация является успешным политическим актором и частым партнером по правительственной коалиции. Германия охарактеризована как страна, где культурно-этническое измерение имеет среднюю значимость, потому что Христианско-социальный союз Баварии считается некой «полупартией», а Партия демократического социализма возникла исключительно как партия Восточной Германии с момента объединения в 1990 г. Ни одна из американских партий не строит свою программу на этнической основе. Однако демократы внимательнее относятся к интересам этнических и расовых меньшинств и более полно их представляют, чем республиканцы. Когда речь идет о противоречивых акциях, направленных на самоутверждение группы, а также специальных программах этнических меньшинств, демократы их обычно поддерживают, а республиканцы выступают против. В Ботсване в восприятии племен бамангвато и баквена правящая партия «представляет интересы их народов»...

4. Проблемное измерение «город — село». Различия между городом и селом, а также их интересами существуют во всех демократических системах, однако лишь в нескольких из них они создают проблемное измерение, да и то лишь средней значимости. Там, где действуют аграрные партии (в основном в Северных странах), они перестают представлять интересы только лишь сельских жителей и все больше апеллируют к городскому электорату... Очевидным знаком этого является изменение названий аграрных партий Швеции, Норвегии и Финляндии, которые стали «партиями центра» в период с 1957 по 1965 г. Датские либералы и исландские прогрессисты, возникшие как аграрные, также одновременно пытаются позиционировать себя в качестве партий центристского толка. Швейцарскую народную партию и Колумбийскую консервативную партию в некоторой степени можно рассматривать и

как представителей интересов сельского населения. Австралийская национальная партия раньше называлась «Сельской партией», традиционно она отстаивала интересы сельских жителей и фермеров...

5. Проблемное измерение «поддержка режима». Это измерение может появляться в демократиях как результат действия влиятельных партий, противостоящих демократическому режиму. Среди изучаемых 36 демократий оно присутствует в основном в европейских и азиатских странах с крупными коммунистическими партиями: во Франции, Италии, Финляндии, Португалии, Греции, Индии и Японии. Однако развитие «еврокоммунизма» изменило отношение коммунистов к демократии и внешней политике. Индийская и Японская компартии стали также более умеренными в своих взглядах. Именно по этой причине ни в одной из партийных систем данное проблемное измерение не имеет оценки выше средней...

6. Проблемное измерение «внешняя политика». В 12 из 36 изучаемых демократий партии разделились по целому ряду вопросов внешней политики: традиционная, теряющая политический вес просоветская позиция европейских коммунистических партий, оппозиция членству в НАТО... во Франции и Исландии, оппозиция членству в Европейском союзе (или в предшествующих ему организациях) в Великобритании, Дании, Франции, Ирландии и на Мальте, отношения с США в Японии и на Ямайке, с Австралией в Папуа—Новой Гвинее, с Ливией на Мальте, различные позиции ирландских партий по проблеме Северной Ирландии. Однако ни один из перечисленных вопросов не был достаточно важным или долговременным, чтобы показатель проблемного измерения был выше среднего. Единственной страной с показателем «высокой значимости» данного проблемного измерения среди государств, представленных в табл. 3, является Израиль. Здесь речь идет о национально-территориальном вопросе... Это проблемное измерение играет особенно важную роль с момента оккупации Арабских территорий в 1967 г.

7. Постматериалистическое проблемное измерение. Оно включает в себя два аспекта: демократия участия и защита окружающей среды. Оба соотносятся с ценностями, названными Рональдом Инглехартом... «постматериалистическими». Инглехарт обнаружил, что в западных демократиях стремление «иметь более широкие возможности в принятии решений по различным вопросам на работе и в своих общинах», «активнее влиять на процесс принятия политических решений на правительственном уровне» является особенно приоритетным для молодых представителей среднего класса. Более того, в более богатых странах постматериалистические ценности включают в себя также «стремление к облагораживанию городов и сел». Согласно табл. 3, постматериализм образует новое проблемное измерение только в нескольких партийных

системах. Данный факт объясняется тем, что только наиболее развитые страны лишь недавно достигли постматериалистической стадии развития. Как результат, постматериалистские партии остаются небольшими по своему размеру и, как правило, не имеют определенного коалиционного потенциала. Однако центристские партии Норвегии и Швеции в своих программах постепенно заменили «старомодные» сельские ценности на современные, связанные с защитой окружающей среды. Две новые голландские партии (Демократы-66 и Радикалы) в конце 60-х годов выступили с предложениями по развитию демократии участия и в 1973 г. вошли в коалиционное правительство. Данное проблемное измерение в Германии оценено как среднее из-за особой роли Партии зеленых. Она входила в различные правительства на федеральном уровне. Считалось, что Партия зеленых обладала коалиционным потенциалом для участия в национальном правительстве еще до того, как она стала младшим партнером социалистов по правительственной коалиции 1998 г.

Проблемные измерения и партийные системы

В последнем столбце табл. 3 показано число проблемных измерений в каждой из 36 демократий. В принципе значение этого показателя могло бы варьироваться от 7 до 0, но реально оно меняется от 3,5 до 0,5. Страны со сходными значениями сгруппированы и расположены согласно уменьшению числа их проблемных измерений. В каждой категории первыми перечислены страны с одинаковыми проблемными измерениями. Например, в группе, где число проблемных измерений равняется 2,5, Франция, Япония и Португалия имеют социально-экономическое измерение высокой значимости, их религиозное измерение, измерения «поддержки режима» и «внешней политики» являются средними. Коста-Рика, Люксембург и Венесуэла находятся в аналогичной подгруппе. Здесь число измерений равно 2,0. Пять стран с британским политическим наследием образуют две подгруппы с числом измерений равным 1,5: в первую подгруппу входят Ирландия, Ямайка и Великобритания, а во вторую — Канада и Тринидад.

Как число проблемных измерений связано с эффективным числом партий? Существуют две причины прочной связи. Во-первых, когда имеется несколько измерений политического конфликта, следует ожидать, что для их выражения (если они не совпадают) потребуется достаточно большое количество партий. Во-вторых, определение проблемных измерений базируется на различиях не внутри партий, а между ними. Это означает, что, например, двухпартийная система не может охватить столько проблемных измерений, сколько многопартийная система. Коэффициент корреляции между эффективным числом партий в 36 де-

мократиях (см. табл. 2) и числом проблемных измерений (см. табл. 3) статистически значим. Он равняется 0,84.

<...> Рейн Таагапера и Бернанд Грофман предложили, что эту взаимосвязь [между эффективным числом партий и числом проблемных измерений. — *Ред.*] можно выразить формулой:

$$N_{эф} = I_{np} + 1,$$

где $N_{эф}$ — эффективное число партий; I_{np} — число проблемных измерений.

Классическая Вестминстерская двухпартийная система с одним проблемным измерением прекрасно вписывается в эту формулу. По мере увеличения эффективного числа партий будет также увеличиваться и число проблемных измерений...

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ, 1948–1977¹

1. Суть проблемы

В 60-х годах XX века среди политологов была широко распространена точка зрения, согласно которой партийные системы в европейских государствах являлись внутренне стабильными и отражали за некоторыми исключениями структуру социетальных размежеваний прошлого... Веские эмпирические доказательства, относящиеся к партийной системе на уровне электората, лишь подтверждали данную позицию. Они даже позволили Роузу и Эрвину сделать вывод, что «со времени окончания войны электоральный вес большинства партий в западноевропейских государствах претерпел лишь незначительные изменения» ...

Последние события европейской истории оказались во многом неожиданными, что затруднило соотнесение теоретического видения и политических реалий. Так, в государствах Северной Европы количество партий, ведущих борьбу на политической арене, за последние несколько лет значительно увеличилось. В то же время в некоторых странах распределение голосов избирателей изменилось непредсказуемым образом. Взаимоотношения между избирателями и партиями, очевидно, претерпели изменения. В одних странах обнаружена тенденция понижения партийной идентификации, в других — увеличение доли неконвенционального политического поведения. В некоторых случаях произошел полный переход большого количества избирателей от старых партий к новым. Старые и новые партии можно было бы описать соответственно как традиционные массовые и, используя терминологию О. Киркхеймера, как «всеохватные» партии...

На данный момент эти тенденции очевидны. Они свидетельствуют о том, что, даже если партийные системы еще продолжают отражать

* *Педерсен Могенс* — профессор Университета Южной Дании, автор широко используемого в политических исследованиях индекса электоральной неустойчивости.

¹ Печатается по: *Партии и выборы: Хрестоматия* / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М., 2004.

традиционную структуру общественных размежеваний, исключения, о которых писали Липсет и Роккан, не являются больше редкостью и составляют увеличивающуюся долю европейских партийных систем.

Необходимо определить, являются ли данные изменения, наблюдаемые прежде всего (но не только) в странах Северной Европы, фундаментальными трансформациями партийных систем или они представляют лишь незначительные колебания, временные отклонения от стабильной модели. Вписываются ли они в нее или являются нетипичными явлениями, не связанными с историей европейских обществ или с развитием других государств в Европе? Становятся ли в 70-х годах европейские партийные системы более унифицированными и похожими друг на друга или же, наоборот, они приобретают больше различий? Возможно ли говорить об определенных периодах стабильности и изменений и, если это так, присущи ли эти периоды только некоторым странам или же большей части европейских политий? Являются ли колебания случайными во времени и пространстве или же они образуют тенденции, которым присущи увеличивающиеся и понижающиеся темпы изменений?

Возможно, мы имеем дело с обширной проблемой, имеющей различные аспекты. Первой трудностью, с которой мы сталкиваемся в процессе описания и понимания степени и направления изменений партийных систем в Европе, является определение границ проблемы, сокращение количества вопросов. Мы предлагаем сделать это следующим образом.

Концепция изменения партийной системы не является столь простой и однозначной. Мы можем узнать, что партийная система «является системой взаимодействия, складывающегося в результате межпартийной конкуренции»... Однако взаимодействие и конкуренция протекают на различных уровнях, или, другими словами, сама система может быть описана как состоящая из подсистем. Для характеристики изменения партийной системы нам необходимо рассмотреть уровни функционирования парламента и правительства, партийной организации и электората. Изменение партийной системы может быть определено как всеобъемлющий комплекс перемен в моделях взаимодействия и конкуренции как на этих трех уровнях, так и между ними.

На данной стадии исследования невозможно рассмотреть все уровни. Поэтому я намеренно сосредоточиваю внимание именно на электоральном уровне. Данный анализ основан на допущении, что «результаты выборов важны для политиков и политологов». Можно также добавить, что даже если выборы не всегда имеют определяющее значение, они все еще остаются наилучшим объектом для изучения процесса перемен. Это обусловлено тем, что изменение является либо следствием выборов, либо выборы фиксируют переменны, произошедшие в партийной системе.

Как на уровне электората, так и на других уровнях партийная система может быть описана с использованием единиц анализа, составляющих различные теоретические концепции. Партийные системы различаются по степени поляризации, фрагментации, институционализации и т.д.

Если считать, что партийная система состоит из «частей», то иногда оказывается полезным использовать простейшее определение формата партийной системы. Определение формата избирательной партийной системы (electoral party system) может быть дано в соответствии с числом партий, соревнующихся на выборах, и распределением голосов избирателей среди данных партий.

Принимая во внимание основополагающую роль выборов в процессе изменения партийной системы, представляется правильным... рассмотреть эволюцию моделей трансформации формата партийных систем в Европе, т.е. изменение числа конкурирующих партий и распределения голосов избирателей среди них. Явлением, которое мы собираемся выделить для дальнейшего анализа, является электоральная неустойчивость, под которой будет пониматься конечное изменение внутри избирательной партийной системы, вытекающее из смены индивидуальных ориентации и предпочтений избирателя...

<...> По традиции политологи уделяли значительное внимание количеству партий, считая этот фактор важнейшим для функционирования партийной системы. С конца 60-х годов XX века описание формата партийной системы с точки зрения количества партий и распределения голосов избирателей стало привычным. Были предприняты многочисленные попытки снабдить [исследователей] единообразными количественными показателями формата партийной системы, которые позволили бы сравнивать партийные системы и описывать внутрисистемные изменения. Этим показателям, к которым, в частности, относится индекс фракционализации, разработанный Рэем... были присущи локальность и статичность. Вследствие этого они не являются оптимальными инструментами для изучения динамических характеристик партийных систем...

Если же мы хотим сосредоточить внимание на проходящем изменении формата партийных систем, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью разработать показатели этого процесса, которые, во-первых, позволят нам дифференцировать системы; во-вторых, будут отражать сходства и различия между диахронными образцами и, в-третьих, будут поддаваться достаточно простой теоретической интерпретации. Эти требования можно удовлетворить с помощью использования... суммарного показателя темпов изменения, происходящего в партийной системе. Недавно были предложены и применены несколько таких критериев... В данной работе мы будем использовать индекс электоральной неустойчивости, который подсчитывается следующим способом.

Пусть $\rho_{i,t}$ обозначает процент голосов, полученных партией i на выборах t . Тогда формула, отражающая изменение процента голосов, полученных партией i , по сравнению с последними выборами, будет следующей:

$$C_{i,t} = \rho_{i,t} - \rho_{i,t-1},$$

и если мы не будем учитывать разницу в знаках, то мы получаем следующее уравнение для партийной системы:

$$(TNC_t) = \sum_{i=1}^n |\Delta \rho_{i,t}|.$$

где n обозначает число партий, конкурирующих между собой на двух следующих друг за другом выборах; TNC (Total Net Change) $0 \leq TNC \leq 200$.

Вспомним, что чистая «прибыль» победивших партий в числовом выражении равна потерям проигравших партий. Поэтому можно использовать другой индекс, который легче подсчитать и интерпретировать, а именно:

$$\text{Неустойчивость } (V_t) = \frac{1}{2} TNC_t, \quad 0 \leq V_t \leq 100,$$

где V_t обозначает совокупную прибыль победивших партий в партийной системе или... числовое значение совокупного уменьшения поддержки проигравших партий в целом. Диапазон колебаний... выражается в процентах.

Описание партийных систем европейских государств с использованием индекса электоральной неустойчивости, по меньшей мере, даст частичный ответ на широкий спектр вопросов о степени их изменчивости и стабильности. Таким образом, он позволит определить, что является типичной, а что девиантной моделью развития.

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ¹

Главная гипотеза, на которой сосредоточивают свое внимание авторы данной работы и которую они берутся проверить, была сформулирована в работах Липсета и Роккана, Роуза и Урвина. Несмотря на все политические изменения, произошедшие в странах Западной Европы с 1920-х по 1980-е годы, структура социальных размежеваний, определяющих партийную систему, осталась прежней. Следовательно, в большинстве своем сохранились как сами партии, так и дистанции в политическом пространстве между ними. Констатация такой преемственности требует дополнительного теоретического обоснования и прояснения, недостаток которых в большинстве работ представляется для них очевидным. Для этого, прежде всего, требуется более детальная разработка аналитического инструментария. Построение теории изменений партийных систем предполагает проработку, во-первых, понятия «партийная система» и, во-вторых, понятия «изменение» или, иначе, «нестабильность».

Понятие «партийная система» описывает не просто сумму действующих в политическом пространстве той или иной страны партий, но и всю совокупность их взаимосвязей, а также характерных и устойчивых атрибутов взаимодействия между ними. Следовательно, разработка теории изменения партийных систем должна, прежде всего, опираться на анализ «измерений» — специфического понятия, которое призвано обозначить свойства партийной системы, которые не могут быть сведены ни к составляющим ее частям, ни к взаимоотношениям между ними именно в силу ее «системности».

Можно выделить множество характеристик конкретных партийных систем. Задачей же любого анализа является выделение семантически релевантных характеристик — таких, которые, будучи свойственными для партийных систем конкретных стран, указывали бы на то общее и

* Ян-Эрик Лейн (*Jan-Erik Lane*) — профессор Университета Осло, Норвегия, политолог.

¹ Печатается по: Партии и выборы: Хрестоматия / Отв. ред. Г. Н. Андреева, Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 2. М., 2004.

то различное, что есть между ними, позволяя, таким образом, делать обоснованные обобщения. Необходимо выделить такой минимальный набор характеристик для максимально расширенного множества вариаций современных партийных систем.

Большинство классических классификаций партийных систем являются одно- или двухмерными (согласно выделенным семантически релевантным характеристикам). Так, например, у М. Дюверже единственным измерением выступало количество партий. Дж. Сартори добавил к этому идеологические дистанции между партиями. Педерсен ввел измерение «изменчивости», а С. Липсет и С. Роккан — «значимые размежевания». Решение о том, сколько же измерений действительно необходимо учитывать для построения универсальной¹ модели анализа партийных систем, должно быть принято исходя из результатов факторного анализа индикаторов, представляющих числовое отображение определенного набора характеристик.

Принимая во внимание, во-первых, количество партий и, во-вторых, их устойчивость, авторы выделяют следующие индикаторы²:

- общее количество партий;
- количество влиятельных партий (устойчивых партий, обладающих коалиционным или шантажным потенциалом);
- индекс фракционности ($F = 1 - p_i^2$, где p_i — это доля мест, которыми обладает партия);
- агрегированный индекс (отношение между долей поддержки самой крупной партии и общим количеством партий);
- шкала «левый—правый», отражающая идеологическую фрагментацию на момент выборов;
- индекс поляризации ($P = \sum f_i (x_i - X)^2$, где n — количество партий; f_i — доля голосов, полученных соответствующей партией; x_i — положение данной партии на шкале «левый—правый»; X — разброс партий данной партийной системы на шкале «левый—правый»);
- доля коммунистических, фашистских и «протестных» партий;
- масштаб антисистемных партий;
- неустойчивость партийных предпочтений — индикатор, отражающий изменения между долями поддержки всех партий от одних выборов к другим ($V_i = \frac{1}{2} \sum |\Delta p_{i,t}|$, где n — количество партий, участвующих в выборах в момент t и/или $t-1$; Δp_i — изменения в распределении голосов, поданных за одну партию от одних выборов к другим);

¹ Авторы сразу оговариваются, что универсальность критериев партийных систем понимается ими только в контексте стран Западной Европы и только на анализируемых ими отрезках времени (1920–1945; 1945–1984).

² Как вся система индикаторов, так и каждый индикатор в отдельности отражают показатели, соответствующие на момент тех или иных выборов.

- изменение количества партий участвующих в выборах (аналогично предыдущему индикатору, сравниваются два идущих подряд избирательных цикла);
- доля этнических или религиозных партий (т.е. артикулирующих соответствующие ценности);
- показатель консервативности-либеральности (доля либеральных и консервативных партий);
- доля партий рабочего класса (доля коммунистических, социалистических и левосоциалистических партий);
- доля партий буржуазии (доля консервативных, либеральных и аграрных партий).

Далее, по результатам факторного анализа, примененного к этим индикаторам, авторы выделяют пять равнозначных факторов:

1. Мера фракционности партийной системы (отображает наложение индекса фракционности на общее количество партий).
2. Мера функциональной ориентированности партийной системы (показатель выше, чем больше доля консервативных, либеральных и аграрных партий, и наоборот, показатель тем ниже, чем больше доля этнических и религиозных партий).
3. Мера поляризации партийной системы (учитываются индекс поляризации и доля коммунистических партий).
4. Мера радикальной ориентированности партийной системы (учитывается, с одной стороны, доля партий рабочего класса, а с другой — показатель шкалы «левый—правый»).
5. Изменчивость партийной системы.

По мнению авторов, результаты факторного анализа свидетельствуют о том, что традиционные модели, основанные на одном или двух измерениях, не подходят для анализа вариаций партийных систем Западной Европы. Равнозначность факторов означает невозможность выделить один доминирующий фактор. Далее Лейн и Эрссон приходят к важному выводу, что западноевропейские партийные системы могут быть описаны с точки зрения пяти ключевых измерений: 1) фракционность; 2) функциональная ориентированность; 3) поляризация; 4) радикальная ориентированность; 5) изменчивость.

Только теперь, когда каждому измерению соответствует аналогичная семантически релевантная характеристика, становится возможной проверка основной гипотезы. Для этого для каждого измерения указывается соответствующий индикатор, значимый по результатам факторного анализа, — это индекс фракционности, показатель партий буржуазии, индекс поляризации, показатель партий рабочего класса, индекс нестабильности партийных предпочтений.

Затем авторы переходят к разбору и выявлению тенденций эволюции партийных систем Западной Европы. По каждому из пяти измерений они описывают тенденции эволюции партийных систем всего региона с 1920 по 1984. Затем авторы в отдельной сводной таблице указывают специфику эволюции партийной системы каждой из стран до и после 1945 года.

Попытка дать определение понятию «изменение (нестабильность) партийной системы» сразу наталкивается на две проблемы. Во-первых, это понятие используется достаточно широко и каждый раз принимает контекстуальное значение. Во-вторых, это понятие достаточно фундаментально, поэтому его определение зависит и от теоретической, и от эмпирической верификации. При разработке понятия «нестабильность» и противоположного ему понятия «стабильность» партийной системы авторы считают необходимым различать изменение как «тенденция» и изменение как «флуктуация».

В частности, для операционализации этого различия авторы предлагают составить уравнение регрессии и расположить его по временным рядам. При этом любое суждение по поводу частоты тенденции или флуктуации, как характеристики изменений партийной системы, должно быть сделано на основе анализа измерений партийных систем, выделенных по результатам факторного анализа. Лейн и Эрссон выводят специальное уравнение, решение которого позволяет сделать вывод о том, имеем ли мы дело с тенденцией или флуктуацией:

$$PSD_{it} = f(\text{Time}),$$

где PSD_{it} — измерение партийной системы i на выборах t .

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ПАРТИЙ¹

Парламентские выборы в Италии занимают исключительно важное место в политической жизни страны, поскольку парламент доминирует в системе государственной власти республики. Только парламент, состоящий из Палаты депутатов и Сената, избирается всеобщим и прямым голосованием и является единственным выразителем народного суверенитета и высшим представительным органом страны, обладающим законодательными функциями. Парламент определяет виды, функции и компетенцию всех государственных органов, избирает президента республики, может привлечь его к судебной ответственности за измену и посягательство на Конституцию. Каждая палата может как утвердить правительство, так и отправить его в отставку, причем резолюция недоверия может быть подписана всего лишь одной десятой членов Палаты и Сената (93 депутатами и сенаторами). Без согласия палат правительство не может издавать декреты, которые имели бы силу обычного закона. Даже состояние войны объявляется палатами, которые облачают правительство необходимыми полномочиями. Если к этому добавить бюджет, амнистию и помилование, право проводить расследования по вопросам, представляющим государственный интерес, избрание одной трети членов Высшего совета магистратуры, Конституционного суда и т.д., то оказывается, что сфера компетенции и деятельности итальянского парламента простирается далеко за пределы собственно законотворчества.

Конституция предусматривает непосредственное участие народа в деятельности парламента. Существует, например, институт народной законодательной инициативы, когда не менее чем 50 тыс. избирателей могут внести в парламент постатейно составленный Законопроект, хотя практическое значение этого института невелико. Кроме выборов итальян-

* *Антонос Георгий Александрович* — российский политолог, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

¹ Печатается по: *Антонос Г. А.* Парламентские выборы и финансирование партий // Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов. М., 2004. С. 79–94.

янские избиратели участвуют в референдумах, по числу которых Италия в Европе уступает лишь Швейцарии. Конституция предусматривает довольно значительное число референдумов на национальном, областном и локальном уровнях. Наиболее ограничивающим прерогативы парламента является институт народного права вето (ст. 75), т.е. референдум по уже принятому закону (например, референдумы по законам о разводе, борьбе с терроризмом, строительстве ядерных электростанций и т.д.). Референдум назначается для полной или частичной отмены закона или акта, имеющего силу закона, по требованию 50 тыс. избирателей, или пяти областных советов. Вынесенный на референдум вопрос считается принятым, если в голосовании приняло участие большинство имеющих на это право граждан и если предложение собрало большинство голосов, признанных действительными. Несмотря на ряд серьезных ограничений, референдум является единственной формой протестного голосования на национальном уровне.

Естественно, что в такой ситуации борьба за места в парламенте, т.е. за победу на выборах, — главная задача всех политических сил. Их расстановка на протяжении почти четырех послевоенных десятилетий определялась двумя факторами: во-первых, Италия является католической страной и в ней находится центр католицизма — Ватикан; во-вторых, в Италии сформировались самая крупная на Западе коммунистическая партия и мощные профсоюзы. Эти обстоятельства определили строение партийной системы, характеризовавшейся дуализмом Христианско-демократической партии (ХДП) и Итальянской коммунистической партии (ИКП). Но этот дуализм не имел ничего общего с англосаксонской двухпартийной системой: ХДП почти четыре десятилетия была правящей партией, а ИКП и крайне правые (Итальянское социальное движение — ИСД) — всегда в оппозиции. ХДП правила в коалиции с более мелкими парламентскими партиями либо правого, либо левого центра.

Итальянская политическая сцена послевоенных десятилетий была очень статичной, на ней постоянно присутствовали одни и те же партии — ИКП, ИСП, ИСДП, ИРП, ИЛП, ХДП и ИСД. Неизменность политического предложения определяла и высокую статичность предвыборной борьбы, и устойчивость электората традиционных партий, на который приходилось до 98% голосов избирателей. При этом следует учитывать высокий уровень участия в голосовании — 90% и более, ибо, по итальянской Конституции, участие в голосовании является обязанностью граждан. ХДП в 1948–1987 гг. в среднем получала около 40% голосов избирателей, ИКП — около 30%, но доверие избирателей к ним, как и к другим традиционным партиям, снижалось. Все больше распространялась неудовлетворенность политической элитой, рос абсентеизм,

возникали нелегальные организации, а также легальные альтернативные объединения и движения.

Прорыв произошел в 1987 г., когда в парламент были избраны 13 депутатов от «зеленых» и два — от Ломбардской лиги. Важнейшая особенность «альтернативщиков» состояла в том, что они отказались от традиционной идентификации «левые—правые». Свидетельством разложения политической системы, утраты влияния традиционных партий и усиления региональных политических сил, лучше знающих местные проблемы, защищающих местные интересы и зачастую выступающих с националистических и сепаратистских позиций против «олигархического Рима», стали досрочные парламентские выборы 5–6 июня 1992 г. В избирательной кампании были широко представлены нетрадиционные силы — 116 организаций, партий и движений, включая такие экзотические, как партии пенсионеров, автомобилистов, охотников и рыболовов, «партия любви» и т.д. Впервые ХДП и ее союзники не получили свыше 50% голосов, и впервые Совет министров возглавил беспартийный и даже не являвшийся депутатом парламента К. А. Чампи, который ввел в правительство технократов, коммунистов и «зеленых».

Важным для итальянской политической системы стало прекращение деятельности ИКП в начале марта 1990 г. и появление на ее базе нового политического образования — Демократической партии левых сил (ДПЛС), которая была уже не классовой, а «прогрессистской партией, созданной на основе плюрализма». Члены ИКП, не согласившиеся с подобной трансформацией, создали свою организацию — партию «Коммунистическое воссоздание». Обе наследницы ИКП участвовали в парламентских выборах 1992-го и последующих годов.

Совершенно новым явлением в предвыборной борьбе 1992 г. стало участие в ней и большой успех Лиги Севера, созданной в 1989 г. У. Босси в результате слияния Ломбардской лиги и десятка региональных и автономных движений Севера Италии. На парламентских выборах 1992 г. она оказалась на четвертом месте, завоевав 55 депутатских мандатов. Успех лиги во многом был обеспечен игрой на глубоких экономических и социальных различиях между Севером и Югом страны. Она объявила себя движением, которое рассматривает политическую борьбу не как борьбу классов или социальных групп, а как конфликт между централизованным государством и «народами, ратующими за право на самоопределение». Лига требовала введения в Италии федерализма, а затем, с 1995 г., — независимости Северной Италии, создания государства «Падания». При этом утверждалось, что «Падания» — это не только географическое, но и национальное понятие; населяющий ее «паданский народ» имеет политические права на свою территорию, но эти права попираются «этническим большинством», т.е. южанами. Впоследствии лига умерила свои притязания и на региональных (2000) и парламент-

ских (2001) выборах выступала лишь за широкую автономию Севера в сферах здравоохранения, образования, налогообложения, полиции в рамках единого итальянского государства.

Важным событием стало проведение 18 апреля 1993 г. референдума об изменении электоральной системы Италии, которому предшествовала прокатившаяся по всей стране с весны 1990 г. по начало 1993 г. волна референдумов двух типов: за отмену пропорциональной системы выборов и связанных с ней партийных льгот и за переход к мажоритарной избирательной системе. Они происходили в обстановке высокой политической активности, при участии сети добровольных комитетов, действовавших зачастую вне зоны влияния бюрократизированных партийных аппаратов. 82,7% лиц, принявших участие в этом референдуме, высказались за введение мажоритарной системы. Важное институциональное изменение произошло не по воле политического класса (как соглашение большинства и оппозиции в парламенте), а по воле подавляющей части избирателей, высказавшихся против сохранения статус-кво.

3 августа 1993 г. парламент одобрил новый закон о мажоритарно-пропорциональной избирательной системе, по которому 75% парламентариев избираются по мажоритарной системе и 25% — по пропорциональной. Новый закон применялся на выборах 1994, 1996 и 2001 гг. Его главный недостаток состоит в том, что он не привел к созданию стабильных правительств. В 1999 и 2000 гг. предпринимались попытки проведения референдумов об отмене принципа пропорционального представительства, но они были признаны несостоявшимися ввиду низкого участия граждан (менее 50%).

Прямым следствием нового закона о выборах, как и кампании по борьбе с коррупцией («Чистые руки»), стало полное изменение политической картины страны. Прекратили существование, раскололись или преобразовались все партии, доселе управлявшие страной. После выборов 1994 г. 80% мест в парламенте заняли те, кто никогда прежде в парламент не избирался. В январе 1994 г. распалась ХДП. Исчезли ИРП, ИСДП, ИЛП. Последние три партии еще участвовали в выборах 1992 г. и за них голосовали около 10% избирателей (чуть более 4 млн). Обе наследницы ИКП продолжают вести активную политическую борьбу. Наряду с Лигой Севера появились новые политические акторы, например Национальный альянс, который стремится объединить правые силы во время избирательных кампаний.

26 января 1994 г. по всем телевизионным каналам выступил С. Берлускони, который заявил о своем участии в политической борьбе в качестве руководителя никому доселе не известной организации, которую он назвал «Вперед, Италия» (клич итальянских футбольных болельщиков). Он не упомянул ни о каких своих соратниках: главным был он, лидер, призвавший телезрителей по всей стране создавать клубы «Впе-

ред, Италия» (4, с. 86). Берлускони — самый богатый человек Италии, его состояние оценивается в 14 млрд долл. Центр его империи — холдинг «Фининвест», которому принадлежат (или подконтрольны) десятки компаний, действующих в банковской сфере, страховании, сфере недвижимости, издательском деле, рекламе, средствах массовой информации и футболе (клуб «Милан»). За несколько лет Берлускони удалось превратить свою партию из виртуальной в реальную, насчитывающую, по официальным данным, 200 тыс. членов, 7800 штатных сотрудников, 8 тыс. избранных депутатов на местных уровнях. Это очень централизованная организация с полным контролем сверху донизу при отборе кандидатов (в основном из представителей бизнеса и свободных профессий), с распределением единообразных пропагандистских материалов, в которых всегда на первом месте лидер, со стандартизацией политической аргументации. Модель этой партии близка к голлистской, но между ними есть и очень существенная разница: эта партия — вотчина Берлускони, связанная с его коммерческими организациями. Берлускони финансирует ее как одно из своих предприятий.

Новый избирательный закон имел неожиданный для многих результат: появились новые политические акторы — коалиции лево- и правоцентристского толка, созданные только ради победы на выборах. Каждый член коалиции стремится сохранить свою автономию, но у коалиции больше шансов выиграть. Из ее рядов избирается лидер, который имеет большее влияние, чем обычный партийный лидер. К тому же коалиция может выдвинуть общих кандидатов почти во всех одномандатных округах (всего их в Италии 707).

Итак, на политическом рынке накануне парламентских выборов 1994 г. появились разнообразные коалиции: «Стол прогрессистов» из восьми участников, Демократический альянс, «Пакт за Италию» и т.д., но особых успехов они не достигли и вскоре распались. Наиболее долговечным оказался союз центристов и правых «Полюс свободы» — «Полюс достойного правления», главной силой которого стала «Вперед, Италия», которая вступила на Севере страны в коалицию с Лигой Севера, а в Центре и на Юге — с Национальным альянсом. «Полюса» победили на выборах во многом благодаря Берлускони, но первое правительство Берлускони просуществовало всего два года, ибо союзники по правоцентристской коалиции сразу же после выборов стали выступать под собственными лозунгами. Их междоусобица и привела к правительственному кризису. Берлускони ушел в отставку под давлением Лиги Севера, а не оппозиции. Шаткость первого правительства Берлускони объясняется не только тем, что правый центр имел незначительное большинство.

На парламентских выборах 1996 и 2001 гг. друг другу противостояли левоцентристская коалиция Проди, выступавшая под названием «Оливковое дерево», или «Олива», и правоцентристская коалиция Берлуско-

ни, называвшаяся «Дом свобод». Ядром первой коалиции были все те же наследники ИКП (сменившие еще раз название на «Левые демократы»), вторым — «Вперед, Италия». В значительной мере победы «Оливы» в 1996 г. и «Дома свобод» в 2001 г. связываются с их лидерами — Проди и Берлускони. Но между обеими победами есть существенная разница: после выборов 2001 г. Берлускони имеет солидное большинство в обеих палатах: 367 (из 630) мест в Палате депутатов и 177 (из 315) — в Сенате. Его главные соперники — левоцентристы — провели в Палату 248 своих кандидатов. Берлускони победил не только благодаря голосам значительной части электората развалившейся ХДП, но и за счет правых движений националистического и неофашистского толка и своих ближайших союзников — Лиги Севера и Национального альянса. «Олива» почти сохранила своих избирателей (40% в 1996 и 39% в 2001 г.), тогда как ряд мелких партий, движений и образований просто исчезли (в целом на последних выборах они все вместе набрали около 4% голосов).

Впервые за всю историю премьер-министром Италии оказался человек, против которого были возбуждены уголовные дела, но ему пока удастся выходить сухим из воды. Во многом это объясняется как спецификой итальянской судебной системы, так и национальным менталитетом. В Италии расследование начинается после того, как обвиняемому инкриминируется преступление. Расследование может длиться не более двух лет без предъявления обвинения. После предъявления обвинения судебный процесс может продолжаться от 6–7 до 10–12 лет, столько же времени может занять и апелляционное производство. Обвиняемый признается виновным только после окончательного приговора апелляционного суда, поэтому у Берлускони даже те три обвинения (из инкриминированных ему девяти), по которым он признается виновным в суде первой инстанции и которые дошли до Апелляционного суда (нелегальное финансирование политической партии, дела о коррупции и подкупе финансовой гвардии и фальсификация финансовой отчетности), закрыты. По одним делам истек срок исковой давности, по другим — он признан невиновным, одно дело находится в Апелляционном суде. Остальные все еще находятся в суде, по одному ведется следствие и одно закрыто за сроком давности (3, с. 22–23).

Сам Берлускони обрушивается на судей и утверждает, что все обвинения в его адрес в отмывании денег, связях с мафией, уходе от налогов, соучастии в убийстве и подкупе судей, политиков и служащих финансовой гвардии имеют политический характер. Многие итальянцы считают, что Италия — это особая страна, где коррупция, подкупы, взяточничество и другие нарушения закона — в порядке вещей и Берлускони действует по сложившимся правилам, побеждая потому, что он умнее и богаче, чем его соперники.

Проблема регламентации деятельности политических партий и их финансирования имеет в Италии давнюю историю. В первые послевоенные годы при обсуждении Конституции делались предложения внести в ст. 49, где говорится о праве граждан свободно объединяться в партии и участвовать в определении национальной политики, поправки о финансировании партий и открытости их финансовых отчетов. Но поправки не были приняты. В 1958 г., десять лет спустя после принятия Конституции, был выдвинут первый проект закона о политических партиях и кандидатах на общенациональных, региональных и местных выборах. Но этот проект, как и проект 1946 г. о создании фонда для финансирования политических партий, был отвергнут парламентом. В 60-х — начале 70-х годов данная тема стала одной из центральных в политических дискуссиях. Сформировались две точки зрения: одни считали государственное финансирование партий совершенно необходимым, другие же утверждали, что это подрывает автономию партий. Верх взяли сторонники первой точки зрения.

Историю государственного финансирования партий в Италии можно разделить на три этапа. Первый этап начался с принятия 2 мая 1974 г. закона № 195. По сложившейся практике средства для деятельности партий поступали в виде взносов их членов и вкладов сочувствующих, поступлений из частных источников, включая «вознаграждения» за контракты и содействие, которые партии получали, если могли оказать соответствующее влияние на местные и центральные органы управления. Партии финансировались и за счет средств государства, получаемых в результате бюрократических махинаций, использования «черных фондов» государственных или полугосударственных предприятий, а также доходов от различных контролируемых партиями предприятий в промышленности и торговле и от операций с недвижимостью, вознаграждений от итальянских предпринимателей за посреднические услуги в торговле с зарубежными партнерами. Средства поступали и в виде финансовой помощи из-за границы от иностранных правительств, профсоюзов и частных организаций. Таким образом, партии обладали целым набором неконтролируемых и зачастую не очень честных источников финансирования.

Такое положение порождало множество скандалов, поэтому существовала проблема придания большей прозрачности деятельности партий и одновременно предоставления им легальных источников финансирования. Закон 1974 г. не только поставил в привилегированное положение партии, представленные в парламенте, в ущерб другим, более мелким политическим силам и группам. Он укрепил их центральные аппараты, которые занялись распределением получаемых средств. Усилился процесс цементирования, «склеротизации» итальянской политической системы, тогда как в обществе росла неудовлетворенность

партиями, начались поиски других, альтернативных форм и методов политической жизни.

Второй этап приходится на начало 80-х годов, когда в дискуссиях о состоянии и судьбе итальянской политической системы появились две новые темы: предоставление равных с партиями возможностей другим субъектам политики и обеспечение прозрачности партийных средств. Под давлением обстоятельств парламент принимает в 1981 г. закон № 659, в котором в зачаточной форме содержатся обязательства открытости партийного бюджета. Закон разрушил систему исключительности политических партий, запреты и обязательства распространялись теперь на парламентские группы и «течения».

На третьем этапе, в начале 90-х годов, партиям пришлось отказываться от роли главного интегрирующего общества звена. Появлялись новые политические субъекты — объединения, альянсы, союзы избирателей, движения. Радикальной реформы финансирования политики не произошло, и только в 1997 г. (закон № 2) право на получение государственных средств обрели партии и политические движения, которые имели хотя бы одного парламентария.

Согласно закону № 195 1974 г., просуществовавшему с дополнениями и изменениями до 1994 г., государственные средства должны были использоваться на «возмещение» электоральных расходов политических партий (15 млрд лир) и на расходы, связанные с политической деятельностью и функционированием партий и парламентских групп (45 млрд лир). Источником этих средств являлись бюджеты Палаты депутатов и Сената.

Право на государственные средства имели партии, представившие списки депутатов на выборах в Палату более чем в $\frac{2}{3}$ избирательных округов, получившие не менее 2% общего числа голосов, т.е. по крайней мере 30 тыс. избирателей, и проводившие одного депутата в каком-либо округе или регионе со специальным статусом (Валле-д'Аоста и Южный Тироль).

На втором этапе эволюции государственного финансирования политики принятый закон неоднократно изменялся и дополнялся (законы № 422 от 8 августа 1980 г., № 659 от 18 ноября 1981 г., № 22 от 27 января 1982 г., № 143 от 8 августа 1985 г.), и в результате к началу 90-х годов сложилась следующая система нормативных положений относительно государственного финансирования политических партий и выборов.

Государство ежегодно выделяло 30 млрд лир на расходы на избирательные кампании на выборах в обе палаты парламента. Средства распределялись среди политических партий при условии, если они соблюдали законодательство о выборах, по следующей схеме: 20% в равной доле всем партиям и 80% предоставлялось партиям пропорционально количеству голосов, полученному на выборах в Палату депутатов. 40 млрд лир

выделялось на возмещение расходов по выборам в региональные советы всем партиям, даже тем, которым удалось провести лишь одного кандидата. 30 млрд лир шло на возмещение избирательных расходов на выборах депутатов от Италии в Европейский парламент тем партиям, которым удалось добиться избрания хотя бы одного своего кандидата.

Государство продолжало ежегодно субсидировать деятельность депутатских групп в Палате депутатов (82 млрд лир) и в Сенате (886 млн лир), причем депутаты обеих палат обязаны были не менее 90% полученных средств отдать своим партиям. Общая сумма государственных средств распределялась следующим образом: 2% распределялось поровну между всеми группами депутатов, 73 — пропорционально их численности и 23% — по смешанному критерию. Запрещалось финансирование как со стороны государственных органов и учреждений, так и компаний с государственным участием свыше 20%; принятие финансовых средств от частных компаний было возможно только с разрешения какого-либо компетентного общественного органа и при условии обязательного отражения суммы взноса в балансе предприятия или компании. Получатели и держатели были обязаны совместно в письменной форме заявить о всех взносах и дарениях, превышающих 5 млн лир в год, и представить соответствующий документ в президиум Палаты депутатов. Партии были обязаны ежегодно публиковать либо в своей, либо в какой-либо общенациональной газете итоговый отчет о расходах, дополненный сведениями о собственности и экономической деятельности партии, о добровольных взносах свыше 5 млн лир и о расходах на избирательные кампании.

Сохранялась с некоторыми дополнениями система уголовных и административных наказаний за нарушение обязательств и запретов, содержащихся в законе от 1974 г. В частности, за выплату или получение запрещенных денежных средств или взносов может последовать наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до четырех лет и штраф, до 3 раз превышающий суммы, полученные в период нарушения закона. За сокрытие или неверную декларацию о полученных средствах налагались штраф, превышающий в 2–6 раз недеklarированную сумму, и дополнительное наказание в виде запрета на выполнение публичных обязанностей.

Проблема государственного финансирования партий и выборов обострилась в Италии в начале 90-х годов. На фоне общего политического кризиса и громких коррупционных скандалов, в которых были замешаны верхушки почти всех политических партий, всплыли и вопиющие факты сокрытия партийных средств и источников их поступлений. Была раскрыта целая система взяток, которые получали министры и депутаты за проталкивание и принятие решений, выгодных тем или иным группам предпринимателей. В связи с обвинением в нарушении

закона о финансировании партий было начато множество судебных преследований политиков. Зачастую это был только предлог к возбуждению дел о коррупции, которая процветала как по причине несовершенства законодательства, так и благодаря пропорциональной системе, существовавшей в Италии более 50 лет, при которой главное для кандидата состояло в том, чтобы любой ценой попасть в список, а цена за это была достаточно высокой.

В глазах общественности законы о финансировании партий стали символом партократии: получалось, что продажные политики использовали государственные деньги для сохранения коррупционной системы. На референдуме, состоявшемся 18 апреля 1993 г., 90,1% принявших в нем участие итальянцев высказались за отмену статей нового закона № 195 1974 г. о финансировании партий и за выборы в Сенат не по пропорциональной, а по полумажоритарной системе.

10 декабря 1993 г. был принят новый закон о выборах (№ 515), который не только ввел новую систему выборов, но и отменил финансирование партий. Однако принцип возмещения со стороны государства расходов на предвыборные кампании сохранился. В круг получателей этих средств вошли кандидаты в одномандатных округах, партии или движения, списки и группы кандидатов. Главное новшество состояло в системе предоставления денежных средств: речь пошла не о фиксированных суммах, установленных законодательным путем и выплачиваемых с определенной периодичностью, а о выплатах пропорционально численности населения, проживающего на территории страны. В законе предусматривались два равноценных вида финансирования: возмещение расходов по выборам в Сенат и Палату депутатов и выплаты исходя из расчета 1600 лир на каждого гражданина Италии, число которых определяется по последней переписи населения (эти переписи производятся в Италии каждые десять лет). Общая сумма последнего вида финансирования составляла 91 млрд лир.

С целью добиться большего ограничения и прозрачности предвыборных расходов вводилась должность «уполномоченного по выборам», который назначался каждым кандидатом и нес полную ответственность за сбор средств на его избирательную кампанию. Разовый взнос в фонд одного депутата не мог превышать 20 млн лир, а общий потолок для кандидата по одномандатному округу в Палату депутатов и Сенат — 80 млн лир. К этому добавлялись по 100 лир на каждого гражданина, проживающего в одномандатном избирательном округе, и по 10 лир на каждого гражданина в округе с пропорциональной квотой.

Для контроля отчетов по расходам партий, движений, списков и групп кандидатов был создан специальный орган. Кроме того, была учреждена и Региональная коллегия по обеспечению выборов, которая должна была контролировать соблюдение прозрачности, правил рекла-

мы и размеры предвыборных расходов. Закон предусматривал целый комплекс административных и денежных санкций, вплоть до снятия с выборов в случае нарушения сформулированных в нем норм.

После периода громких скандалов и почти полной политической дестабилизации произошла перегруппировка политических сил и наступило некоторое политическое равновесие: главные и второстепенные действующие силы итальянской политической сцены определились и появилась потребность в большей стабильности. Многочисленные предвыборные кампании 1993–1996 гг. (две — по выборам в парламент Италии, одна — в Европейский парламент, региональные и административные выборы) опустошили кассы как новых, так и традиционных политических субъектов¹. Оказавшиеся перед перспективой остаться без средств политики единодушно обратились к идее «добровольных взносов» на деятельность политических партий и движений. В этой атмосфере угрозы безденежья парламент в течение двух лет принял два закона: о добровольном финансировании партий и движений (1997) и о возмещении предвыборных расходов (1999). Принятый 2 января 1997 г. закон № 2 «Меры по упорядочению добровольных взносов движениям и партиям» позволил физическим лицам выделять 0,004% своего подоходного налога на финансирование движений и партий². Чтобы участвовать в распределении созданного таким образом фонда, политические организации должны иметь по состоянию на 31 октября каждого года хотя бы одного парламентария в Палате депутатов или Сенате и обратиться к председателю Палаты депутатов с соответствующей просьбой до 31 октября. При определенных условиях к участию в распределении этих средств допускаются и зарегистрированные кандидаты, движения и партии, участвующие в парламентских выборах. Суммы выплат определяются министрами казначейства и финансов, исходя из пропорциональной квоты представительства в Палате депутатов каждой партии, деньги предоставляются также партиям национальных меньшинств. Закон позволяет делать большие взносы физическим лицам, промышленным и торговым компаниям, но общий объем фонда не должен превышать 110 млрд лир. Получается, что все опять «вернулось на круги своя»: такая система распределения средств фонда создает проблемы для возможных новых групп, движений, объединений и партий, так как они не получают доступа к этому источнику финансирования.

¹ По некоторым оценкам, общие расходы на организацию и проведение досрочных парламентских выборов 1992 г. составили свыше 700 млрд лир.

² Эта схема была заимствована из схемы добровольных взносов физических лиц религиозным организациям; только здесь они жертвовали 0,008% оплаченного подоходного налога, т.е. не 4, а 8 из 1000 лир, и эти средства распределялись по воле дарителей, тогда как деньги партиям шли в общий фонд, размеры которого зависели от щедрости и обеспеченности пожертвователей.

Наибольшие протесты вызвал тот факт, что по этому закону государство в 1997 г. досрочно выделило на финансирование политических сил 160 млрд лир и на 1998 г. — 110 млрд лир. Парламент, который принимал соответствующие законы в 1997 и 1998 гг., преодолел вето президента Италии и продолжал настаивать на государственном финансировании партий и движений.

Результатами поиска вариантов решения проблемы государственного финансирования политических сил стало принятие парламентом 3 июня 1999 г. нового закона (№ 157) о новых нормах возмещения расходов в связи с проведением национальных, региональных и европейских выборов и референдумов и отмене положений о добровольных выплатах движениям и партиям. Это вызвало возмущение в обществе, ибо фактически вновь вводилось государственное финансирование функционирования партий и движений под прикрытием возмещения предвыборных расходов. Тут же началась кампания по сбору подписей о проведении референдума по отмене этого закона, и вскоре подписанные листы были переданы в Конституционный суд. Однако референдум об отмене этого закона, проведенный в мае 2000 г., был признан несостоявшимся ввиду низкого участия в нем избирателей.

Закон 1994 г. гарантирует пропорциональное распределение среди всех политических сил, получивших на выборах по крайней мере 1% голосов, средств из четырех фондов, создаваемых для каждого вида выборов (в Палату депутатов, Сенат, Европейский парламент и региональные советы). Каждый фонд формируется одинаково: в него перечисляется по 4 тыс. лир на каждого избирателя, включенного в списки по выборам в Палату депутатов¹; итого образуется сумма около 190 млрд лир, которая распределяется ежегодно: в первый после выборов год 40% и по 15% — в последующие годы.

Критики упрекали парламентариев в том, что закон учитывает не принявших участие в голосовании, а всех избирателей и поэтому выделяемые суммы оказываются слишком большими, способствуя появлению множества мелких партий, желающих кормиться за счет государства. Но острие критики было направлено на то, что возмещаемые по закону электоральные расходы, как показала практика, зачастую завышались. Так, в 1996 г., по данным Государственного контроля (аналог российской Счетной палаты), партии и движения получили от государства 90,1 млрд лир, тогда как их общие реальные расходы на предвы-

¹ При выборах в Европарламент — по 3400 лир на каждого избирателя, включенного в списки. Для проведения референдумов в каждом случае создается фонд в 5 млрд лир, который формируется из расчета 1000 лир за каждую действительную подпись. Но средства этого фонда подлежат распределению только в том случае, если референдум будет признан состоявшимся.

борные кампании были чуть выше 34,4 млрд лир, т.е. составляли всего 37,9% полученной суммы (на выборах в 1999 г. — 50%). У трех блоков расходы действительно превышали государственные выплаты на 25—50%, Лига Севера получила в 4 раза больше, а две мелкие сардинские партии умудрились получить в 10 раз больше государственных денег, чем было ими реально затрачено.

Поэтому закон № 157 предусматривает возврат полученных, но не использованных средств в течение 10 лет (по 10% ежегодно) для партий и движений, имеющих право на возмещение расходов, для не имеющих этого права — в течение пяти лет (по 20% ежегодно).

Почти вдвое и более увеличилось по этому закону и фактическое финансирование партий и движений: на 2000 г. предусматривалось выделение 198 млрд лир, на 2001 г. — 257 млрд лир. Очевидно, что это делалось участниками правящего тогда блока «Олива», чтобы быть в состоянии хоть что-нибудь противопоставить на выборах 2001 г. финансовой мощи блока, возглавляемого Берлускони. Попытками противостоять информационной империи Берлускони можно считать и принятый в 1995 г. декрет № 83 о срочных мерах по обеспечению равного доступа к СМИ для всех партий и движений в периоды предвыборных кампаний и подготовки к референдумам, предусматривавший финансирование государством партий и движений в размере половины их затрат на каждое средство информации. В законе № 28, принятом 22 февраля 2000 г. в преддверии очередных парламентских выборов, особый упор делался на обеспечение равного доступа к телевидению для всех политических субъектов, их равных возможностей для высказывания политических взглядов и оценок, их участия во всех дискуссиях и в политических радио- и телепрограммах на бесплатной основе. Политические обращения должны передаваться общественными СМИ бесплатно, а частными — с 50%-ной скидкой. Закон предусматривал выплату СМИ 20 млрд лир из бюджета за бесплатную передачу политических обращений.

Но эти меры не помешали Берлускони победить. На три его телекомпании приходилось (до парламентских выборов 2001 г.) 43% телеаудитории страны. К этому следует добавить принадлежащие ему или контролируемые им радиостанции, газеты и журналы, которые одновременно участвовали в четко организованной акции, спланированной в «Фининвест» как очередной рекламный продукт с использованием техники политического маркетинга и других передовых политических технологий. Берлускони стал символом и представителем новой формы демократии — «потребительской демократии»; захватив значительную часть оставшегося от традиционных партий электорального рынка, он достаточно прочно «держит» правый центр, подмяв всех своих союзников.

Пример Италии показывает, что попытки решить проблему финансирования партий с помощью законов, регулирующих легальные вып-

латы, не решают проблему коррупции. Существует несомненная связь между запрещенными видами финансирования партий и коррупцией. История уголовных процессов в ходе кампании «Чистые руки» показала, что создание «черных фондов» ведет к коррупции и незаконному финансированию партий. Система партий, подпитывающихся из «черных фондов», превращается в некую «параллельную» государственной системе. Она «катапультирует» своих людей в государственные и смешанные компании, что содействует воспроизводству коррупции и незаконного финансирования партий.

Однако и разрешенное, законное финансирование партий не решает проблему коррупции. В Италии она расцвела пышным цветом именно после принятия закона 1974 г., установившего ограничения финансирования партий из государственных и частных источников. Основным содержанием стратегии итальянского законодательства сейчас становится предупреждение злоупотреблений, а главным инструментом — прозрачность, которая позволит установить реальный контроль над источниками финансирования и расходами политических партий и движений.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА¹ Конституционно-правовые положения

Федеративная республика Германия принадлежит к числу тех немногих демократических государств, в которых положение, организационные принципы и задачи политических партий урегулированы конституцией и специальным законом о партиях (статья 21 Основного закона и Закон о партиях от 24 июля 1967 г.). Особое выделение политических партий в конституции имеет две причины:

1. Творцы конституции хотели, в противоположность Веймарской республике, создать возможность запрещать те политические партии, которые направляют свою активность на подрыв демократического строя и в конечном счете на его ликвидацию, как это делали национал-социалисты. Творцы конституции считали, что возможность запрета политических партий гарантирует развитие демократической партийной системы.

2. Кроме того, они полагали необходимым конституционно-правовым образом легитимировать партии в качестве органов формирования политической воли. Действительно, в годы Веймарской республики среди некоторых правоведов было распространено абсурдное представление, будто партии — это экстраконституционные учреждения, стоящие вне государственной конституции. Они видели противоречие в том, что партии пронизывают всю политическую жизнь, но не фигурируют в конституции. Дабы избежать этой типично немецкой дилеммы и признать лишь то, что несомненно урегулировано с правовой точки зрения, партии были (на языке юристов) «конституционализированы». Разумеется, этим проблема признания партийного государства была юридически облегчена, хотя еще и не решена.

* *Зонтхаймер Курт* — известный германский политолог, историк и социолог.

¹ Печатается по: *Зонтхаймер К.* Федеративная республика Германия сегодня: Основные черты политической системы. М., 1996. С. 157–166, 186–192.

Немецкая конституционная юриспруденция в послевоенные годы подняла вокруг этого нового правового факта большой шум. Некоторые ее представители во главе с Герхардом Ляйбхольцем построили на этом теорию партийного государства. Она гласила, что партии, которые до сих пор были свободными ассоциациями общества, благодаря их конституционализации поднялись в ранг конституционных органов (таких, например, как федеральное правительство и бундестаг). Эти теоретические соображения действительно сыграли большую роль при вынесении конституционных решений о политических партиях. В остальном же формула партийного государства не выражает ничего иного, как ту очевидную истину, что современное демократическое государство управляется политическими партиями. Однако представление о том, что политические партии имеют ранг конституционных органов, не смогло утвердиться. Господствующее мнение видит в политических партиях свободные общественные объединения, имеющие политические цели. Ввиду своего большого значения для государственной жизни они подпадают под действие особой нормы конституционного права (привилегии партий).

Теоретический вопрос, стали ли партии в результате их упоминания в конституции и законе квазигосударственными учреждениями, впервые сыграл важную роль при решении Федеральным конституционным судом в 1966 г. вопроса о финансировании политических партий. На основе своего закрепленного конституционным правом положения партии стали претендовать на такое финансирование своей деятельности за счет налоговых поступлений, которое распределялось бы между разными представленными в бундестаге партиями в соответствии с числом их мандатов. Эти средства первоначально отпускались якобы только на политическую просветительскую работу партий, но в действительности служили дополнительному финансированию всей их деятельности. Если бы суд полностью согласился с точкой зрения, что партии — это части государственной организации, то тем самым он должен был бы одобрить их финансирование государством, ибо государство и его органы могут взимать налоги для осуществления своих задач.

Конституционный суд провел понятное только в свете германского конституционного права различие между формированием воли народа, которое партии осуществляют в свободной от влияния государства сфере общества, и формированием воли государства, которое осуществляется через его конституционные органы. Поскольку партии — это те политические организации, которые подбирают и выдвигают кандидатов на официальные посты, воля государства не может быть сформирована без предварительной активности партий. Таким образом, выборы в государственные органы оказываются по этой теории именно теми средствами, благодаря которым можно трансформировать политическую

волю народа в волю государства. Соответственно этому, по мнению Конституционного суда, допустимо возмещать партиям из государственного бюджета их расходы на избирательную борьбу.

С той поры постоянно расширяется практика финансирования политических партий за счет государственных средств. Она началась с относительно скромного подушного сбора в размере 2,5 немецкой марки, взимаемого со всех имеющих право голоса граждан, а не только с реальных избирателей отдельных партий, притом лишь на выборах в бундестаг. Со временем подушный сбор увеличился до 5 марок, и соответствующие суммы стали взиматься также при выборах в ландтаги и в европейские органы.

Тем самым финансирование политических партий из государственных средств постепенно превратилось в один из столпов системы их финансирования с далеко идущими последствиями: разрастанием партийных аппаратов, все более расточительным ведением избирательных кампаний и с постоянным искушением для партий заполучить в свои кассы возможно больше налоговых поступлений.

Не будь Федерального конституционного суда, который контролировал государственное финансирование политических партий с точки зрения равенства их шансов, способности функционировать в условиях демократической системы и их относительной независимости от государства, политические партии было бы трудно удержать от желания все более бесцеремонно залезать в государственный кошелек. Они обосновывают это несомненно правильной констатацией, что в условиях демократии масс политическое формирование воли без соучастия политических партий невозможно, а следовательно, для современной демократии их существование совершенно необходимо. Но отсюда отнюдь не следует с железной логикой вывод, будто они для своей деятельности вынуждены в значительной мере пользоваться государственными денежными средствами.

Можно сказать, что ряд критических моментов в развитии партийного государства Федеративной республики (проникновение в него негосударственных учреждений, господство аппарата и бюрократизация крупных партий) — прямое следствие их изобильного финансового обеспечения. Финансирование части расходов на избирательную борьбу, которые, по решению Федерального конституционного суда, обеспечивается также и тем партиям, которые на выборах получили всего 0,5% голосов, не в последнюю очередь способствовало тому, что и такие экстремистские партии, как Национал-демократическая (НДПГ), а сейчас республиканцы, получили благодаря этому крупное стартовое преимущество. Несмотря на это, и в будущем финансирование партий за счет государственных средств сохранится в значительном объеме, поскольку Федеральный конституционный суд в своем принципиальном реше-

нии 1966 г. открыл им этот путь. Непосредственно связан с данным решением и принятый в 1967 г. Закон о партиях, который впервые в германской истории воплотил в юридически обязательные формы все аспекты партийной жизни.

Закон о партиях

Важнейшие разделы Закона о партиях касаются их внутренней структуры и финансовой отчетности. Немецкие партии обязаны представлять отчет о происхождении своих финансовых средств. Он ежегодно направляется председателю Германского бундестага и публикуется им. Таким образом, общественности дается возможность получить некоторое представление о бюджете политических партий и об источниках их финансирования.

В вопросе о внутренней структуре партий закон тоже вынужден был следовать предписанию Основного закона. Оно породило столь же оживленную дискуссию, как вопрос о значении их конституционализации. Статья 21 конституции предписывает, что внутренняя структура партий должна соответствовать демократическим принципам. Это положение, естественно, вызвало вопрос, при каких именно условиях организация той или иной партии может считаться демократической. Дискуссия проходила между широко распространенным тезисом, что партия тогда является демократической, когда формирование ее воли идет снизу вверх, и противоположной точкой зрения, что внутрипартийная демократия гарантирована уже тогда, когда руководство партии (как это принято вообще в представительной демократии) несет ответственность перед своими членами, т.е. избирается ими. Правда, сам закон не смог разрешить этот теоретический спор. Но он принял некоторые меры, чтобы руководящие органы партий легитимировались посредством внутрипартийных демократических выборов и лишь в небольшой части состояли из назначенных *ex-officio* лиц. Кроме того, позаботились о том, чтобы партийные третейские суды, призванные решать споры между партией и ее членами, дабы обеспечить большую независимость судей, не имели в своем составе членов правления или функционеров этих партий.

Хотя Закон о партиях и не полностью оправдал ожидания тех, кто хотел сделать из него действенный инструмент обеспечения демократических отношений внутри партий, он все же представляет собой такой юридический документ, который значительно больше, чем прежде, затрудняет применение партиями антидемократических методов и действий.

Запрещение партий

Закон о партиях также обобщенно кодифицировал уже существовавшее юридическое положение относительно запрета партий, противоречащих конституции. Положения статьи 21, абзац 2 Основного закона о

запрещении антиконституционных партий в ходе общественного обсуждения постоянно превозносились как его значительное достижение.

Действительно, Федеральный конституционный суд по предложению федерального правительства дважды запрещал политические партии, ибо те действовали против записанного в Основном законе конституционного строя Федеративной республики. В 1952 г. это была неонацистская Социалистическая имперская партия (СИП), а в 1956 г. после почти четырехлетнего судебного разбирательства — Коммунистическая партия Германии (КПГ). В обоих случаях суд пришел к выводу, что указанные партии не являются демократическими и потому подлежат запрету вместе со своими могущими возникнуть эрзац-организациями. В случае с СИП запрет привел к заметному упадку партийно организованного правого радикализма.

Что же касается запрета КПГ, то, начиная с 1965 г., стали появляться все большие сомнения насчет его целесообразности, поскольку коммунисты частично продолжали действовать нелегально, а также потому, что ввиду развития СДПГ из социалистической рабочей партии в партию народную (catch-all-party) в Федеративной республике уже не было партийно-политического резервуара леворадикальных групп. Кроме того, запрет КПГ затруднял предпринимавшиеся со времени прихода к власти в 1966 г. Большой коалиции все более интенсивные усилия по установлению нормальных отношений с коммунистической частью Германии. Поэтому в правительственных кругах отнеслись терпимо к образованию новой Германской коммунистической партии (ГКП) и втайне даже приветствовали его, хотя конституционность этой партии, которая широко идентифицировала себя с политикой Советского Союза и СЕПГ, тоже могла показаться сомнительной. Имевшие место запреты были направлены исключительно против тех партий, которые и без судебного запрещения, по всей вероятности, не могли играть сколько-нибудь значительной роли в партийной системе Федеративной республики.

Этот опыт показывает, что предусмотренная Основным законом возможность запрета противоречащих конституции партий отнюдь не является надежным средством сохранения демократической системы. Либо партии, запрещения которых добивалось правительство, не представляли никакой действительной опасности для существования демократии (как это было с СИП и КПГ), либо дело вообще не доходило до предложения о запрете потенциально опасных партий (как в 1966—1969 гг. в случае с НДПГ).

Итак, статью 21, абзац 2 Основного закона никак нельзя считать надежным средством защиты от антидемократических партий. Возможность запрета станет совершенно неэффективной, если антидемократические цели выдвинут крупные партии установившейся системы, считающиеся демократическими.

Возможность запрета той или иной партии, кроме того, вызывает с ее стороны чисто внешнее приспособление к демократическим методам и положениям. Скрытая враждебность к демократической системе может быть, однако, не менее опасной, чем открытая, но она сильно затрудняет судебное преследование. Поэтому стабильность и качественный демократизм германской политической системы зависят не от статьи о запрете, а прежде всего от того, смогут ли ведущие партии достигнуть прочного консенсуса относительно границ демократического принципа и донести его до сознания общественности.

Партийная система

Стабильность боннской демократии в значительной мере базируется на стабильности партийной системы. Изменение германской партийной системы, как и изменение самих партий, сделало возможным образование стабильных демократических отношений в индустриальном обществе ФРГ.

Если бросить ретроспективный взгляд на историческое развитие германской партийной системы, то надо сказать, что она была крайне плохо подготовлена к функциональным потребностям парламентарной демократии.

Немецкие демократические партии возникли еще при монархическом режиме, открывшем им лишь весьма ограниченные возможности воздействия на формирование политической жизни. Поскольку эти партии до 1918 г. не привыкли брать на себя правительственную ответственность, они оставались сильно связанными своей идеологией и интересами (мировоззренческие партии) и не были способны овладеть искусством демократического компромисса.

Когда же Веймарская республика ввела парламентарную систему, она, опираясь на пропорциональное избирательное право, оказалась вынуждена функционировать при наличии множества политических партий, которые, ввиду сильных идеологических различий, едва ли были способны вступать в прочные коалиционные образования и заключать приемлемые компромиссы. К тому же партийная система Веймарской республики с самого начала была пронизана некоторыми партиями, которые находились в принципиальной оппозиции к демократическому режиму. Следствием явилось не только то, что демократические партии расходились в своих взглядах и со слишком большим недоверием относились друг к другу, чтобы формировать стабильные парламентские правительства, но и то, что враждебные демократии партии становились все более популярными и в конечном счете сделали партийную демократию неспособной функционировать.

Опыт Веймарской республики, который, казалось бы, доказал, что политические партии не в состоянии править государством, дал новую пищу еще ранее широко распространенной критике в их адрес. Партии стали считаться раскольниками объединенной государством нации, организациями заинтересованных лиц, вовсе не помышляющих о благе страны в целом. Триумф Гитлера над партийным государством Веймарской республики был поэтому в меньшей степени делом рук одной партии в классическом смысле слова, нежели победой народного движения, нацеленного на единство и силу нации против политической раздробленности, царившей в демократическом партийном государстве.

В сравнении с лабильной партийной системой Веймарской республики и кайзеровской империи, партийная структура Федеративной республики приобрела совершенно новый характер: идеологические барьеры в значительной мере устранены, в отношении демократии господствует консенсус.

Число партий, представленных в бундестаге, за период 1961—1983 гг. сократилось до трех. В этой трехпартийной системе обе главные партии — ХДС/ХСС и СДПГ стали столпами и действительными контрагентами, как при двухпартийной системе. Но они, как правило, недостаточно сильны, чтобы править без маленькой третьей партии — СвДП, которая поэтому играет в системе непропорционально важную роль при формировании правительства. Все партии этой системы считаются «опорой государства» или «лояльными к конституции». Эта важная для стабильности Федеративной республики конструкция трехпартийной системы после 1957 г. (если не принимать во внимание временное появление на политической арене правоэкстремистской НДПГ в 60-е годы) оказалась несколько нарушенной впервые в 1983 г. в результате прорыва в Германский бундестаг партии «зеленых». Правда, доминирующую позицию обеих главных партий это не поколебало, но создало новую ситуацию в отношении будущего состава германской партийной системы.

В 80-е годы началось изменение до того стабильной германской партийной системы, которая в 90-е годы, со вступлением на политическую арену правоэкстремистских республиканцев, будет еще более отходить от образца прочно закрепившейся системы из двух главных партий и одной побочной. Хотя первые общегерманские выборы в декабре 1990 г., по сути дела, послужили еще одним подтверждением старой партийной системы и принесли особый успех обеим буржуазным партиям (тем самым обеспечив большинством голосов стабильную базу третьему федеральному правительству во главе с Гельмутом Колем), германский партийный ландшафт пришел в движение и началось сотрясение абсолютно господствующего положения партий, именовавшихся «опорами государства», — ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП. Это было связано с процессами общественных и политических перемен.

Построение новой партийно-политической жизни в бывшей ГДР в значительной мере определялось западногерманскими партиями, которые оказали решающее воздействие и на организацию избирательной борьбы накануне первых свободных выборов на ее территории. Восточные блоковые партии ХДС и Демократическая крестьянская партия объединились с западногерманским ХДС, а основанная в октябре 1989 г. восточная СДПГ пошла вместе с западногерманской. Либерально-демократическая партия ГДР и близкая к ней восточная Национально-демократическая партия объединились с СвДП, которая благодаря этому значительно увеличила число своих членов. Только Партия демократического социализма (ПДС) — преемница прежде господствовавшей СЕПГ — осталась чисто восточной партией и (благодаря введенной Федеральным конституционным судом 5-процентной оговорке) смогла только от территории ГДР вместе с «Союзом-90/Зеленые 1990» пройти в боннский парламент.

С одной стороны, поразило то, что воссоединение Германии в основном сохранило западногерманскую партийную систему (правда, с большими потерями для СДПГ), так что и в партийно-политической жизни новой Федеративной республики однозначно царит преемственность. Но, с другой стороны, процесс воссоединения усиливает проявившиеся уже в 80-е годы тенденции к дестабилизации германской партийной системы. В общем и целом можно констатировать, что как на Западе, так и на Востоке Германии после эйфории воссоединения распространилось всеобщее недовольство утвердившимися политическими партиями. Поэтому опасения по поводу стабильности этих партий в Федеративной республике и их способности функционировать не кажутся необоснованными.

Стало видно, далее, что готовность высказаться на выборах за ту или иную политическую партию в стране уменьшается и на выборах в бундестаг она упала ниже 80-процентной отметки, а на других выборах — и того ниже. Начала сокращаться и готовность избирателей постоянно отождествлять себя только с определенной партией, тогда как растет число избирателей-«перебежчиков», на которых не может твердо положиться ни одна партия. Все эти тенденции ведут к хотя и не драматическому, но все же заметному изменению партийной системы Федеративной республики. Времена партийной концентрации (в 50-е годы) и «сыгранности» важных политических партий явно миновали. Крупные партии лишились своего отчетливого профиля, социологической определенности и все больше делают ставку на такую стратегию, которая может привлечь к ним колеблющийся потенциал избирателей.

Устойчивые ранее партии превратились в рыночные институции. Их политические деятели все больше и больше считают себя экспертами по коммуникациям, причем на первом плане стоит краткосрочный успех, исчисляемый количеством поданных голосов, а вовсе не ориента-

ция на прочные принципы и раскрытие перспектив будущего. Налицо лишь поверхностное и прагматичное следование сиюминутным интересам электората.

При этом внимание партийных стратегов крупных народных партий направляется в первую очередь на политически не связанные средние слои, на изменчивую политическую позицию которых они едва ли могут однозначно полагаться. Отсюда просматривается тенденция утраты определенного профиля прежде определявшей их социально-политической среды, из которой крупные партии черпали своих сторонников. С другой стороны, прагматическая стратегия партий еще более усиливает тенденции разложения. Партии расплачиваются за это потерей собственной общественной почвы и становятся игровым полем для нового класса политических менеджеров, которые все сильнее поддаются соблазну служить не политической партии и ее избирателям, а прежде всего собственным интересам. Этот процесс во многом содействует теперь всеми наблюдаемому падению доверия к политикам.

Способность народных партий к интеграции населения снижается. Все сильнее дифференцирующееся, развивающееся в различных направлениях общество сегодня едва ли может быть ими охвачено, не говоря уже о его сплочении. Центробежные тенденции общественного развития рано или поздно станут еще отчетливее заметны и в партийной системе Федеративной республики. Остается подождать, окажутся ли крупные народные партии в состоянии в какой-то мере приостановить этот ход развития. Однако уже заметно усиление фрагментации германской партийной системы со всеми возможными последствиями этого для деятельности и стабилизации правительства. <...>

Слабости и проблемы германского партийного государства

Федеративная республика Германия после короткой фазы концентрации партийной системы в 50-е годы породила довольно стабильное, ограниченное совсем немногими партиями, однако хорошо функционирующее партийное государство. В начале 90-х годов стало казаться, будто стабильности старой партийной системы угрожает новый ход развития. Прежде всего — из-за прибавления новых партий, хотя включение бывшей ГДР в государственный и политический строй Федеративной республики лишь незначительно изменило ее партийную систему.

Заслуживает внимания в первую очередь сокращение в этой системе доли обеих крупных народных партий (она составляла в целом около 75% в 1991 г.), а также отчетливо констатируемое снижение готовности населения участвовать в демократических выборах. Главной же слабостью стороной является хотя уже всегда латентно существовавшее, но в

начале 90-х годов открыто проявившееся общее недовольство значительной части населения своими политическими партиями. В публичной дискуссии этот феномен получил наименование «досады на партии» или «отчуждения от партий». Он выражает тот факт, что германские партии (по крайней мере, на взгляд многих граждан) уже недостаточно убедительно выполняют свою главную функцию, а именно служить посредниками между ними, с одной стороны, и государством или обществом и их политическими учреждениями — с другой.

Этот новый всплеск так называемой досады на партии был первоначально вызван освещением и широким публичным обсуждением тех привилегий, а особенно финансовых выгод, которые сумели создать себе руководящие представители всех политических партий, занимающие выборные посты или государственные должности. Но важная причина этого разочарования заключается в огромном увеличении того бремени, которое Федеративная республика приняла на себя в связи с воссоединением Германии и распадом Восточного блока. Политическим партиям не удалось общими силами взяться за решение этой большой задачи, не говоря уже о том, чтобы мобилизовать народ на преодоление возникших в данной связи дополнительных трудностей.

Критическому отношению к партийной системе в том виде, в каком она существует, содействовала также очевидная неспособность партий совместно решать некоторые жизненно важные проблемы (особенно связанные с большим притоком иностранцев и лиц, ищущих политического убежища). Партийное государство Федеративной республики в начале 90-х годов давно уже не так уверенно и твердо сидит в седле, как то было в предыдущие десятилетия. И все же партии играют в Федеративной республике гораздо более влиятельную роль, чем в некоторых других западных демократиях (например, в Соединенных Штатах и Франции). Федеративная республика — насквозь парламентское государство. Однако вопрос заключается в том, не играют ли партии слишком большую роль в ее общественной жизни и доросли ли до этого их представители. Кое-что говорит о том, что Федеративная республика Германия стала чересчур партийным государством и слишком сильно зависит от его радостей и горестей.

Ведь партии склонны интерпретировать записанную в конституции фразу «Партии участвуют в формировании политической воли народа» как свою эксклюзивную привилегию и отказывать всем не представленным в парламенте или не организованным в политических партиях группам (если они одновременно не являются и утвердившимися группами определенных интересов) в праве на политическое соучастие. И впрямь, все политические решения в Федеративной республике принимаются партиями и их представителями. В германской демократии нет ни одного имеющего сколько-нибудь важное значение политического поста-

новления, которое не было бы предложено партиями, подготовлено ими и в конечном счете ими же принято.

Это не означает, что другие общественные группы не обладают никакой властью, но они должны проявлять ее внутри партийного государства. Вся власть осуществляется посредством партий. Нынешняя картина германского общества определяется горизонтом ее партийной системы. «Если партии изолируются от духа общества или вбирают в себя только определенные элементы этого духа, то качество политики государства — не выше того, что позволяет кругозор этих партий. В этом раскрывается огромная и неоспоримая дилемма современного партийного государства» (В. Хеннис).

Эта констатация приобретает особый вес благодаря тому, что германские политические партии на основе своей истории более, чем в других западных демократиях, стремились провести во влиятельные общественные и культурные организации людей, заслуживающих их доверие. Так, высшие должности на радио и телевидении, в школьной системе и особенно высокие посты в бюрократическом аппарате в Германии, как правило, занимают только люди, могущие предъявить партийный билет.

Хотя пропорции у нас и не играют той роли, как в Австрии (где много лет правит Большая коалиция), ограниченная партийная и конфессиональная пропорция стала часто критикуемой характерной чертой германской политики. В результате происходит вредная политизация неполитических должностей, которые лучше было бы исключить из партийной пропорции и комплектовать не по политическим критериям. Одновременно эта тенденция стимулирует вступление в партии карьеристов отнюдь не по политическим мотивам, что опять же не на пользу партийной жизни. Поэтому партии в Федеративной республике поступили бы правильно, если бы отрегулировали эту тенденцию партийной политизации социальной жизни и ради стабилизации демократической партийной жизни отодвинули стоящие ныне на первом плане личные интересы своих членов на задний план.

Развернувшееся в процессе студенческих волнений теоретическое движение тоже принципиально поставило под вопрос партийное государство Федеративной республики. При этом против представительного характера партийной системы постоянно выдвигался принцип прямой, опирающейся на базис, демократии. В самом же принципе внутрипартийной демократии, отсутствие которой осуждалось, видели исключительно формирование воли снизу вверх. С целью формирования партийной воли предлагалось даже ввести принцип внутрипартийной оппозиции. Однако при этом не было в достаточной мере уяснено, что партия, которая терпит институционализированную политическую оппозицию и являет собою картину постоянной необузданной борьбы

разных своих крыльев, вскоре потеряет доверие своих избирателей. Пытались теснее привязать деятельность избранных депутатов к партийной линии и пропагандировать идею императивного мандата (хотя в данном случае речь шла о мандате не народа, а какого-нибудь партийного собрания). Утверждали, что принцип представительства в том виде, в каком его выражают политические партии в парламентах, якобы фальсифицирует подлинную волю народа и предаёт его интересы. Подобные идеологические споры могли кое-где определять внутренние теоретические и партийные дискуссии, но оказывали лишь ограниченное влияние на деятельность партий, принимающих политические решения. Наиболее сильным и чреватым конфликтами образом это влияние сказывалось в СДПГ. Но и здесь традиционная структура формирования воли в значительной мере сохранилась.

В целом же партийная жизнь Федеративной республики на основе того хода развития, который начался со времени студенческого движения, стала несомненно более живой и яркой. Это относится и к буржуазным партиям, но партийное государство должно остерегаться как бы не стать своего рода государством в государстве.

Бросается в глаза, что старым утвердившимся партиям с недавних пор стало трудно заинтересовывать молодое поколение и вовлекать его в свои ряды. Хотя во всех партиях сейчас выдвигаются 40- и 50-летние, благодаря чему ясно видна смена поколений, остается проблемой нынешнее отчужденное отношение молодых к партиям. Даже молодая партия «зеленых», состоящая в основном из 30–40-летних, не без труда обновляет себя за счет совсем молодых людей.

Оценки качества нынешней германской партийной системы, естественно, колеблются в зависимости от политической позиции и наличных представлений о современных моделях политических партий. Однако нельзя не заметить, что широкое признание, которое партийное дело получило у германской общественности, уже уступило место скептической оценке. Это связано с растущей информацией о «переплетенности» политических партий (прежде всего там, где они особенно долго находятся у власти). Подразумевается недостаточно чистое разделение партийных функций и государственных, а также просачивание в партии партикулярных интересов в сочетании с материальными выгодами.

Афера с пожертвованиями на партийные нужды показала, с какой моральной беззаботностью руководящие члены и их пособники преодевают положения закона о финансировании партий. Раскрытие политических махинаций бывшего премьер-министра земли Шлезвиг-Гольштейн Уве Баршеля в борьбе против политического противника позволило к тому же осознать, как могут поступать бессовестные партийные политики, если ожидают получить выгоду для себя или усиление своей власти. Эти многочисленные прежние и новые аферы наверняка не

подняли авторитет партий среди общественности. Однако опасно игнорировать то обстоятельство, что партии находятся в острой конкурентной борьбе за власть и что в таких ситуациях, как правило, поступают не очень-то «шепетильно». Поэтому скепсис и досада по адресу партий Федеративной республики, на которые часто жалуются, в чем-то объясняются слишком высоким уровнем требований, предъявляемых к ним. «Поле деятельности политических партий сегодня, как и прежде, почти неограниченно; при всем его размере оно не очень расчленено и для многих граждан руководящие деятели хорошо знакомы как звезды телевидения, которые живут в мире речей, поездок и жадного загребания денег. Признаки и свидетельства продуктивной работы, которая продлевается в партийных кабинетах, обычный гражданин видит редко или вообще никогда... Мы поступили бы, кажется мне, хорошо, не драматизируя эту досаду на партии, а скорее считая ее естественным ферментом партийно-государственной демократии» (Хартмут Еккель).

Поскольку партиям приходится действовать на глазах у общественности и они каким-либо образом участвуют во всех интересующих ее дебатах, они не могут так или иначе не находиться в поле зрения критического общественного мнения и потому не страдают от частого искажения их позиций. Настроенная на новости и сенсации общественность делает это, используя реалии повседневности. Если учесть эти обстоятельства, то не следует истолковывать как выражение широко распространенной враждебности к партиям то, что о них едва ли кто отзывается хорошо, кроме как в соответствующих официальных заявлениях.

Этим отнюдь не сказано, что дело с германскими партиями и партийной системой в Федеративной республике обстоит наилучшим образом. Есть достаточно причин для недовольства способами и методами взаимоотношений партий, тем, насколько пусты и расплывчаты зачастую формулировки и аргументы, при помощи которых они борются друг с другом. Достаточно также и причин сетовать на нехватку во всех партиях квалифицированных политиков, бичевать широко распространенный карьеризм и критиковать тот поверхностный прагматизм, с каким они без угрызений совести считают возможным пользоваться любой выгодой, часто даже в ущерб честности и порядочности. Однако все это можно сказать и о политических партиях других западных демократий. Впрочем, не иначе обстоит дело и в других сферах общества, где речь также идет о власти, карьере и влиянии, но которые не находятся столь сильно в центре внимания общественности. Поэтому доля скептицизма, а также и известная степень досады, пожалуй, — естественное сопутствующее явление функционирующей партийной жизни. В любом случае было бы нереалистично исходить из того, что политические партии, являющиеся крупными социальными организациями и

призванные осуществлять множество задач, могут выглядеть намного более моральными, сильнее сознающими свою ответственность и действующими убедительнее, чем то общество, из которого они вышли.

Однако серьезную проблему для будущего германской партийной системы представляет то, что партии стали мощными, хорошо построенными крупными организациями со своей специфической динамикой, имеющими к тому же тенденцию отмежевываться от общества и делаться доходным предприятием с хорошими перспективами обеспеченности для всех его участников. Иногда машина западногерманского партийного государства производит впечатление привилегированного государства в государстве, в котором можно вполне хорошо жить за общий счет. Та сама собою разумеющаяся щедрость, с какой политики в парламентах Федерации, и особенно в землях, блюдут финансовые и прочие интересы собственного обеспечения, способствует этому неблагоприятному впечатлению. Поэтому вполне справедлив вопрос, большой ли смысл для гражданина вступать в какую-либо партию, если он стремится к большему, чем политическая карьера, для успеха которой сегодня зачастую гораздо важнее усердие, приспособленчество и седалище, нежели квалифицированный интеллект, политическая фантазия и чувство своей ответственности.

Путь к этому обретению партиями самостоятельности, несомненно, был облегчен государственным финансированием расходов на избирательную борьбу, которое разрешил Федеральный конституционный суд. Мы на пути к партийному государству, которое в силу все лучше финансово гарантированного самоуправления подстерегает опасность игнорировать сформулированную в законе о партиях обязанность «заботиться о живой связи между народом и государственными органами».

Поэтому требуются усилия всех партий, чтобы убедительными формами и нормами своих действий доказать необходимость партийного государства. Если оно окажется в состоянии кризиса, опасность будет угрожать всей политической системе нашей демократии.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНСОЛИДАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ¹

В фазе демократизации² до принятия конституции три институциональных аспекта играли решающую роль для становления партийной системы:

- 1) консолидация границ национальных государств;
- 2) выбор формы правления;
- 3) выбор избирательной системы.

Все три институциональные переменные оказались важными предопределяющими факторами развития партийной системы.

Консолидация границ национальных государств

Четвертая волна демократизации зачастую отличалась от предшествующих волн перехода обострявшейся проблематикой национализма и тенденцией к ирредентизму. Только у пяти из 19 восточноевропейских стран границы в 1990-х годах совпадали с границами старых национальных государств (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания). Все другие страны были все еще неконсолидированными продуктами распада трех федераций (Советского Союза, Чехословакии, Югославии). В процессе трансформации третьей волны также обозначились центробежные тенденции, например в Испании. Но их удалось приостановить — хотя и ненадолго, как в Стране басков, — с помощью политики «разделяй и властвуй» по отношению к «до-автономиям» и автономии-

* Клаус фон Бойме — немецкий политолог, профессор Гейдельбергского университета.

Печатается по: Бойме К. фон. Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб.; М.; Берлин, 2003. С. 66–72, 79–80, 83, 85, 86–89, 91, 92–93, 95, 96–97.

² Имеется в виду 2-я фаза хантингтоновой третьей волны: либерализация, демократизация, консолидация. — Б. И.

ям. Чехословакия сначала меньше всего производила впечатление страны, которая собирается развалиться. В ней, однако, сценарий сепарации мог обсуждаться наиболее непринужденно.

Чехословакия в фазе конфликта децентрализации могла бы последовать бельгийскому примеру создания федерации. Субкультурная изоляция обеих национальных групп была меньшей, чем у фламандцев и валлонов. Все же и в этой стране реализовалась готовность ее богатых частей к сепарации. Не случайно именно Словения и Эстония в своих федерациях стали флагманами движений за отделение. Сохранение федерации в Чехословакии потерпело крушение из-за отсутствия кооперации между элитами на уровне общих институтов и из-за неспособности создать общую чехословацкую партийную систему (Merkel, 1996a: 100). В отличие от бедных стран Центральной Азии в СНГ и Черногории в бывшей Югославии Словакия, менее развитая в социально-экономическом отношении, не продемонстрировала той «федеральной верности», которая могла бы обеспечить государственно-территориальную интеграцию Чехословакии.

«Империализм» центра во всех федерациях Восточной Европы был заклеямен многими интеллектуалами, но «социальный империализм», который предполагал жертву центра в пользу регионов, не остался без внимания населения. Надежда на европейскую интеграцию могла способствовать тому, что Словакия оказалась в большей мере ориентированной на сепарацию, чем ранее. Национальный вопрос в регионах, ищущих свою идентичность, таких как Босния—Герцеговина, заходил настолько далеко, что результаты выборов казались дублированием этнического состава населения. Все три этнические группы голосовали в подавляющем большинстве за свои этнические партии. Международная политика признания независимости в значительной степени способствовала балканизации государств. В частности, Германия и Австрия обвинялись в том, что они с самого начала разделения признали независимость трех северных государств бывшей Югославии. Но Европейское сообщество не нашло иного пути, кроме как последовать их примеру.

В регионах гражданской войны, таких как Югославия, условия для демократизации неблагоприятные. Сербия открыто вмешивалась во внутренние дела Боснии. Только Россия (за исключением Чечни) представляет собой исключение. Скорее, даже удивляет то, что 23 миллиона русскоязычного населения не создали серьезных проблем для новых национальных государств. Ввиду открытых дипломатических конфликтов удивительно то, что русский Гарибальди пока не высадился в Крыму. Эта сдержанность в стране, в которой только три из 23 границ этнические неоспоримы, можно объяснить не только голым оптимизмом. Похоже, что руководство и значительная часть населения рассматривают роспуск Советского Союза как временное явление и надеются, что

укрепление СНГ решит проблему. В то же время примечательно то, что в российском парламенте вновь не возникло то множество этнических партий, которое создавало столько шума в старой царской Думе. Но значение этого факта также не следует преувеличивать, так как слабость этнических группировок — отражение слабости российской партийной системы в целом. Так, значительная часть депутатов Государственной Думы, избираемых по одномандатным округам, воспринимает себя как представителей своей территории и выбирает принадлежность к партийным фракциям лишь после попадания в парламент.

Сочетание «преемственности государственности» и «этнического сознания» (von Weizsäcker, 1994: 144) считалось решающим фактором организующей силы национализма. Во всем прежнем Восточном блоке слабее всего эти переменные были развиты в Беларуси. Неслучайно, что президент этой страны заговорил о более тесной связи с Россией, едва вступив на свой пост. В Украине эта тенденция еще не проявилась, хотя экономические причины также подталкивают к более тесному сотрудничеству с Россией, тем более что русские до сих пор не могут смириться с тем, что их пытались выкинуть из их «исторической колыбели».

В некоторых странах, от Польши до Хорватии, этническим меньшинствам гарантировано, по крайней мере, минимальное парламентское представительство. В других государствах меньшинства сосредоточены на определенных территориях, как венгры в Румынии, которые дистанцируются от политики, чтобы не раздувать румынский национализм, или венгры в Словакии, которые во многом критически относятся к политической системе Словацкой Республики. Только в Болгарии этнической партии турок уже удалось завоевать позиции необходимого партнера по созданию правительственной коалиции, так как при ограниченном трем партиями плюрализме число возможных коалиционных альтернатив невелико.

Процессы национального строительства в странах бывших советской и югославской федераций отнюдь не закончены. Исследования трансформации предостерегают от того, чтобы использовать применительно к трансформационным режимам прописную истину теории демократии о том, что войны между демократиями маловероятны. Страны в других регионах мира демонстрируют большую готовность вести войны, чем «зрелые демократии» или устойчивые автократии (Mansfield, Snyder, 1995: 5—6; Huntington, 1996: 6). Там, где «анократии», «частично нелиберальные» и делегативные демократии харизматических президентов еще не приняли нормы «мирового сообщества», для достижения консолидированной демократии недостаточно лапидарно констатировать, что в политической системе не существует альтернативы демократическим правилам игры.

Выбор формы правления

С тех пор как институциональная инженерия во время «кризиса» демократии в некоторых западноевропейских странах снова вошла в моду, давняя «война за веру» о преимуществах президентской и парламентской системы радостно отпраздновала свое возрождение. Страны Южной Европы в третьей волне демократизации так и не отдали ей должное. Восточноевропейские страны сами устроили об этом парламентские дебаты, как, например, в России, хотя и без знания последних дискуссий (Хасбулатов, 1992).

Как и в случае с выбором избирательных систем, прямая диффузия западных институтов играла второстепенную роль в генезисе формы правления. Выбор системы правления являлся, напротив, продуктом трансформации. В конституционном отношении старый режим был парламентским «правлением ассамблеи» (*government d'assemblee*). Там, где равновесие допускало лишь незначительные шаги в конституционном процессе — как в пактовом варианте Венгрии, — это не привело ни к президентско-парламентской системе, ни к более слабому варианту премьер-президентской системы, к которым наряду с Францией можно также причислить и Югославию, Хорватию, Литву, Польшу. К нему примыкает даже Румыния, хотя в этом случае разделение властей имеет лишь формальный характер (Merkel, 1996a: 79). Там, где старое коллективное руководство заблаговременно оттеснялось единоличным главой государства, могли формироваться президентские системы, особенно если в стране появлялся харизматический лидер. В Польше это проявилось в многочисленных конфликтах даже в пактовом варианте трансформации. Специфика польского случая проявилась в выдающейся роли поста президента уже при Ярузельском. В отдельных случаях после переходного периода без президента возникала незавуалированная форма президентской диктатуры, как в Беларуси. В гибридных формах президентско-парламентских систем в конституции оказывается почти не прописанным разделение властей. Российская форма правления, по конституции, является в гораздо большей степени парламентской системой, чем демонстрировала практика ельцинского правления. Однако президент может смещать равновесие в свою пользу прежде всего потому, что партии не играют в стране значимой роли. Харизматические лидеры всегда активно использовали эту смешанную систему для того, чтобы усилить свою власть. Примером может служить де Голль, когда, в противовес устойчивому сопротивлению Сената, он сделал выборы президента всенародными с помощью конституционного референдума в 1962 году, лишив этой прерогативы Национальное собрание. Существование харизматического лидера не было необходимым там, где реформы старого режима начались сверху. В Румынии и Болгарии (до 1991

года) президентами стали представители среднего кадрового звена старого режима.

Если при крушении прежнего режима к власти приходит новая группировка гражданских сил, как в Чехословакии, парламентская система подходит больше всего для того, чтобы снизить концентрацию власти, практиковавшуюся в старом режиме. Исследователи консолидации расходятся в ответе на вопрос, является ли парламентская система причиной того, что Чехия и Венгрия оказались наиболее консолидированными демократиями Восточной Европы, либо обе страны выбрали парламентскую систему именно благодаря сильным позициям демократических элит. Магия институтов говорит против первого тезиса. Пример Словакии, которая без привязки к Чехословакии выбрала бы, наверное, президентскую систему, показывает, что парламентская система не защищает от президентских амбиций, например, в случае Мечьяра.

Выбор формы правления оказывает в этой связи воздействие на структуру партийной системы. Чем в большей мере конституционному строю присущи президентские черты, тем больше его эффект поляризации. Но, как оказалось, только совокупность определенных институтов оказывает существенное влияние на партийную систему. В особенности всеобщие прямые выборы президента в сочетании с избирательной системой большинства (либо с системой, приводящей к образованию большинства) проявляют свое структурирующее воздействие на партийную систему. Кроме того, на партийную систему влияют и другие институциональные факторы: например, разделение властей между федеральными и региональными органами или прерогативы конституционного суда как гаранта соблюдения порядка в системе правления. Но и здесь решающее воздействие оказывают установки и поведение элит по отношению к институтам. Так, мелочный конфликт между председателем правительства и президентом, возникший в начале венгерской демократизации, показал, что ни тип перехода, ни выбор институционального дизайна в отдельности не определяют дальнейшее развитие политической системы.

Выбор избирательной системы

Избирательная система, начиная с Дюверже и заканчивая Сартори и Лейпхартом, рассматривалась как наиболее сильный фактор, детерминирующий партийную систему. Старый режим в этом отношении был определяющим для выбора институтов. Так, на учредительных выборах 1990 года в Восточной Европе доминировала система абсолютного большинства, чему нет параллели во второй и третьей волне демократизации в Европе (соответственно, после 1945 и 1974 годов). До 1995 года система абсолютного большинства действовала в трех странах (Украи-

на, Беларусь, Македония), в которых не произошло смены власти. В четырех странах (Албания, Хорватия, Литва, Россия) смешанная несвященная избирательная система стала промежуточным решением на пути к системе пропорционального представительства. Частично новые элиты (Хорватия, Литва, Латвия, Молдавия), частично старые элиты (Албания, Югославия) отменили систему большинства, как только она перестала соответствовать их стратегиям по обеспечению победы на выборах. Стратегии сохранения избирательных систем большинства приводили иногда старые элиты к потере власти вместо ее сохранения. Этот урок Западная Европа извлекла еще со времен голлизма во Франции. Когда эрозия власти зашла достаточно далеко, система большинства, скорее, усиливает оппозицию. Тем не менее это не помешало Миттерану и далее осуществлять эксперименты с электоральным реформированием в поисках избирательной системы, гарантирующей сохранение власти. Такой системы, однако, не существует. После того как были осуществлены гипотетические экстраполяции, выяснилось, что если бы в Германии применялась британская или французская избирательная система, то национал-социалисты оказались бы у власти еще до 1933 года. Эти результаты противоречат догматической критике пропорциональных избирательных систем со стороны школы Херменса. В Восточной Европе давний опыт нашел еще более убедительное подтверждение: система абсолютного большинства, как показывает пример Украины, Беларуси и Македонии, не способствует созданию современных партийных систем (Kasapovic, Nohlen, 1996: 28; Nohlen, Kasapovic, 1996).

На учредительных демократических выборах в Восточной Европе доминировала пропорциональная система, так как старые коммунистические партии вынуждены были капитулировать, а новые знаменосцы трансформации уже одержали победу на предыдущих выборах (Kasapovic, Nohlen, 1996: 28). Ввиду этнической фрагментации и большого числа пересекающихся линий расколов сила включения, присутствующая пропорциональным системам, оказалась функциональной для достижения демократической консолидации. В целом в Восточной Европе отчетливая каузальная связь между числом партий и избирательной системой проявилась в меньшей степени, чем в других режимах. Даже система большинства породила двухпартийные системы только в случаях Албании, Хорватии, Латвии. <...>

Консолидация в консолидации: партийная система

Консолидация партийной системы в рамках всеобщей консолидации возможна только тогда, когда партии достигли определенной автономии от государства и общества. Минимальная «дистанция» необхо-

дима, чего недооценивают иногда идеологи «фундаменталистского» понимания демократии. Далее рассмотрим шесть критериев, по которым можно оценить состояние консолидации партийной системы. Критерии консолидации партий не должны следовать логике необходимых предпосылок всеобщей теории консолидации демократии. Отличительные черты носят, скорее, индуктивный характер. Они, правда, не претендуют на исчерпывающий список, так как ни одна из новых партийных систем не удовлетворяет всем шести критериям консолидации.

Минимум экстремизма

Исследования консолидации демократии начинаются нередко с упоминания того, чем консолидация не является. Если следовать отрицательному определению рамок феномена, то консолидация означает минимум насилия и экстремизма. Восточноевропейские партийные системы демонстрируют, тем не менее, что под вводными в заблуждение названиями, такими как «либеральные демократы», могут скрываться в том числе и националисты. В большинстве стран (Словакия, Словения, Венгрия, Румыния, Польша) националистические партии получают максимум до 10% голосов избирателей. В некоторых странах, прежде всего в полиэтнических, зачастую все значимые партии являются националистическими. Это относится в первую очередь к бывшей Югославии, включая Хорватию. Разве только Словения демонстрирует движение к нормализации в смысле значения националистических партий. Правда, здесь полиэтничность выражена довольно слабо.

Насилие экстремистов и на Западе сегодня исходит не от акций, управляемых одной партией. Хобсбаум пару лет назад в одной речи в Гейдельберге упомянул, что он чувствует себя сегодня в Германии более незащищенным, чем в 1932 году. Тогда погромы всегда управлялись отрядами штурмовиков, и их организаторов было легко вычислить. Сегодня достаточно двух или трех хулиганов, чтобы перейти к расистским злоупотреблениям. Допуская здесь некоторое преувеличение, суть высказывания Хобсбаума состоит в том, что партии, отделяясь как от гражданского, так и от негражданского обществ, становятся все больше частью государства и все меньше частью организационного выражения общества (см.: Katz, Mair, 1995; von Weume, 1996).

Особенно примечательным является отделение партий от негражданского общества. Чтобы приписать акты насилия и анемические данные экстремистскому потенциалу партийных систем, нужно показать необъятную картину экстремистских угроз. Эти акты насилия можно приписать партиям всего лишь как утрату ими способности быть близкими к аномичным процессам общества. <...>

Четкая структура расколов

Четкая структура расколов является предпосылкой для консолидированной партийной системы. Почти при всех сменах системы возникают сначала сотни «диванных партий», создаваемых под единственного лидера. Как и в развивающихся странах, для большинства из них подходит выражение: «Каждый изм — чей-то изм». Они быстро выметаются электоратом вон.

Но какие партии сохраняются? Первая волна демократизации после Первой мировой войны показала самую высокую преемственность партийной системы. Демократизация и республиканизация политической системы (Австрия, Финляндия, Германия) открыли еще одно измерение расколов после смены режима. Но, как правило, не возникало новой монархической партии, как это случилось, например, в Италии после введения республики в 1946 году. Преемственность партий до 1914 года была прервана демократизацией 1918—1919 годов лишь незначительно.

Во второй волне демократизации после фашистской эры Австрия продемонстрировала наибольшую преемственность партийного спектра. Эта страна придерживалась традиции своей прежней конституции. В большинстве других стран левые, как правило, обладали большей преемственностью, в то время как правые и либеральный центр были в значительной степени сами реорганизованы. Неофашистские партии играли лишь незначительную роль, как показали примеры Германии и Италии. <...> Новой во второй и третьей волне демократизации была сила коммунистов, так как они могли наиболее убедительно презентовать себя в качестве «антифашистских» сил. Но они не всегда играли системообразующую роль. <...>

Совсем по-другому обстоит дело с преемственностью партийных систем в ходе четвертой волны демократизации в Восточной Европе. Поскольку прежняя партийная система была дискредитирована, возвращение к демократической традиции партий, существовавших до социализма, казалось вполне возможным. Но в противоположность западным системам в Восточной Европе, кроме Чехословакии, не существовало традиции демократической партийной системы до прихода к власти коммунистов. Для четвертой волны демократизации после 1989 года особенно сильной была преемственность партий старого режима, даже когда они переименовали себя в «социалистические партии» и в некоторых случаях, как в Польше и Венгрии, могли оцениваться как вполне социал-демократические.

В Восточной Европе «исторические партии» не смогли снова вернуться на политическую сцену из докоммунистической фазы. В Венгрии исторические партии получили в 1990 году 22% и в 1994 году около 16% голосов избирателей (Korosenyi, 1991: 65; Rivera, 1996: 190). В Че-

хии доля исторических партий повысилась с 3,8% (1990) до 7,6% (1992). В Польше и Словакии эта доля была менее 5%. Из трех групп партий в Восточной Европе (исторические, трансформированные партии прежнего режима и новые партии) исторические партии были наименее успешными (Segert, Machos, 1995: 279).

Модель преемственности с самого начала имела слабые перспективы успеха в четвертой волне демократизации. Во-первых, фаза диктатуры социализма длилась дольше, чем фашистская система господства. Во-вторых, социалистическая революция — даже при условии, что она насаждалась штыками Красной Армии в Восточной Европе, — значительно больше вмешивалась в социальную структуру этих стран, чем фашизм, который лишь интегрировал уже существующие общественные структуры в корпоративные организации. Ни в одной стране, кроме Чехословакии, непосредственно после 1945 года коммунисты не были на свободных выборах самой сильной партией. Тем более жестко коммунисты должны были добиваться власти с тем, чтобы изменить социальную структуру в свою пользу, чтобы улучшить свои организационные шансы. <...>

Дефицит преемственности партийных организаций не означал, правда, что все линии расколов были новыми. Некоторые традиционные расколы потеряли свою актуальность, как, например, конфликт между городом и деревней (из-за форсированной политики урбанизации при социализме) и конфликт «церковь — светское общество» (за счет прогрессирующей секуляризации). Это утверждение спорно для Венгрии (Kotona, 1995: 51). Но и здесь бросается в глаза то, что даже там, где старые и новые расколы классически совпали, Независимая партия мелких хозяев не смогла достигнуть хотя бы приблизительно своей старой (докоммунистической) доминирующей позиции в 60%. И христианские демократы на первых свободных выборах застряли на уровне пятипроцентного порога.

Другие расколы еще не были развиты. Это касается прежде всего конфликта «труд — капитал», который был идеологизирован старым режимом. Западными исследователями партий, начиная со Стейна Роккана, в большинстве случаев он помещается на оси ординат перпендикулярно конфликту «центр — периферия». Наряду с этим классическим конфликтом капиталистической модернизации, вторая модернизация в Восточной Европе актуализировала конфликт между западниками и националистами, который был традиционным прежде всего в православных религиозных странах с XIX века. В старой форме он, конечно, не возник, поскольку марксисты в XIX веке были самыми радикальными западниками. Однако постмарксисты, борющиеся за возможно более полное сохранение многих коммунистических достижений, связывали себя во многом с местным национализмом. Постмарксистизм, казалось, терял свои космополитические компоненты, за исключе-

нием чисто интеллектуальных кругов. Конфликт между бюрократическими и либертарными настроениями с точки зрения групп, которые его представляли политически, был в основном идентичным конфликту «материализм — постматериализм». Не все восемь конфликтов в Восточной Европе были представлены соответственно релевантными политическими группами. Почти ни один из расколов не привел к такой констелляции партий, при которой друг другу противостояли бы только две антагонистические организации с каждой из сторон.

Политологи охотно верят в то, что они опровергли детерминизм, когда фальсифицировали каузальную связь с внешнеполитическими факторами. Но в политологической литературе по модернизации осталось немало детерминизмов. Ни в одной сфере это не оказывается столь очевидным, как в сфере партийного строительства. Гипотезы о «замороженных расколах», которые возникли в 1920-е годы и продолжали действовать в 1960-х, в 1970-е оказались сфальсифицированными, когда они были опровергнуты новыми социальными движениями и популистскими партиями западных партийных систем. В 1980-е годы наступило затишье. Хотя появился новый раскол (материализм/постматериализм), историческое влияние больших расколов, судя по результатам выборов, вновь подтвердилось.

Западные исследователи партий полагают, что отдельные линии расколов могут приобретать особое значение, если другие расколы играют незначительную роль. Так, в Великобритании классовому конфликту приписывали первостепенную роль, в то время как религиозный раскол и этнические либо региональные конфликты были еще едва различимы. В Восточной Европе все было скорее наоборот. Конфликт между трудом и капиталом не получил еще полного выражения. Хотя были какие-то «бизнес-списки» в Болгарии или Польше, но в основном интересы капитала были растворены в других группах (например, любителей пива). В первой фазе демократизации — до консолидации — интересы капитала не играли в политике выдающейся роли. Это и не удивительно. Они были пока еще заняты своим формированием в экономической сфере. И в Западной Европе не возникло практически ни одной капиталистической партии в чистом виде. Интересы предпринимателей пытались связывать с интересами других социальных слоев, либо в широких либеральных организациях, либо в консервативных народных партиях.

Даже само представительство труда оказалось в восточноевропейских партийных системах после 1989 года недоразвитым. Социалистические и социал-демократические партии, даже если они были не просто переименованными коммунистическими партиями, были втянуты в водоворот гибели социализма. Недопредставленность рабочих в период их кратковременной «буржуазной» электоральной ориентации была самой тяжелой ошибкой развития для консолидации демократической системы. Недоставало силы, которая могла бы создать условия для смяг-

чения социальных издержек перехода без того, чтобы не привести к подозрению в представительстве интересов старой номенклатуры.

За счет недопредставленности конфликта между трудом и капиталом конфликту между центром и периферией придавалось чрезмерное значение. Национализм и регионализм усилились в партийной системе именно благодаря этой ситуации.

Даже там, где региональные партии не играли никакой роли, как в Восточной Германии, электоральное поведение очень четко отразило этот раскол. Все объясняющей гипотезой о поведении на выборах, которая также годится для ГДР, часто считали конфликт «центр — периферия».

Социально значимые расколы должны отражаться в программах партий. Консолидация предполагает, что программы партий должны не только различаться между собой, но и обладать минимумом шансов на реализацию в политике. Связь между программой и действием не является пока такой однозначной, как в оптимистическом заявлении в исследовании Ханса-Дитера Клингеманна и других: «партийные манифесты имеют значение». Многие партийные стратегии также не были программно подготовленными, а появлялись как следствие отдельных конкретных политических решений, как стратегия Бальцеровича в Польше или Гайдара в России. Напротив, последовательные программные требования градуалистических стратегий у коммунистов могли стать предпосылкой их успешного возвращения к власти во многих странах.

Немало линий конфликтов в ходе демократической консолидации сместилось. Например, противопоставление режим/антирежим уже на вторых венгерских выборах потеряло свое центральное значение. Во многих странах оно на вторых выборах перешло скорее к проблеме выбора между ускоренной реформой и градуализмом (см.: Rivera, 1996: 184). <...>

Разделение территориального и функционального представительства интересов

Отсутствие дифференцированной структуры групповых интересов является сильной нагрузкой для партий в фазе консолидации. Многие конфликты в консолидированных демократиях регулируются партнерами по тарифным соглашениям и другими объединениями, но не партиями. Напротив, в России конфликты по поводу заработной платы из-за отсутствия посредничающих групп интересов часто принимали формы политического конфликта или вообще вырастали до уровня государственного кризиса. <...>

В Венгрии связи между партиями и заинтересованными группами оказались сильнее, чем в других посткоммунистических странах, воспроизводя, скорее, модель наиболее развитых западноевропейских стран. Даже Христианско-демократическая партия обзавелась целым

рядом субкультурных организаций как «конвейерных организаций» (Enyedi, 1996: 390). <...>

Спад фракционности

Переходные режимы, чуждые европейской традиции организации, отличались всегда сильной фракционностью. Она была оборотной стороной господства доминирующей партии в ходе консолидации, как, например, ЛДП в Японии, Индийский национальный конгресс в Индии, Ма-пай в Израиле и ХДП в Италии. В 1960-е и 1970-е годы в большинстве либерально-демократических систем Запада это привело к реидеологизации многих партий, и фракционность снова получила позитивную оценку в литературе, посвященной изучению партий (см.: von Beume, 1984: 284 и далее).

В коммунистических партиях фракционность традиционно имела низкие шансы. Она охватила правящие коммунистические партии только в фазе трансформации, когда часть партийной элиты захотела вступить в переговоры со строптивым гражданским обществом, в то время как другая фракция настаивала на жестких мерах. Либеральный вариант возобладал в социал-демократизованном посткоммунизме. Только в небольшом числе стран ортодоксальное крыло откололось в виде партии, как это произошло в Италии после трансформации ИКП в ДПЛ в конце 1980-х годов.

Фракционность в восточноевропейских партиях является следствием сместившихся расколов, которые лишь частично нашли отражение в особой партийной организации: различия в экономической стратегии (Чехословакия), этнические конфликты (Словакия, Венгрия), персональные клики в Польше во время первых президентских выборов, парламентская конституционность *versus* внепарламентский популизм могли стать исходными пунктами для фракционализации.

Во всех восточноевропейских системах можно было бы услышать высказывание бывшего чехословацкого премьер-министра Чалфа (Kohler, 1996): «Как в экономике, так и в политике мы будем возвращаться к зарекомендовавшим себя институтам: политическим партиям. Оказывается, что и здесь не может существовать третьего пути». Идея партии Гражданского форума, в котором политика и антиполитика объединились и воплотились в партию нового типа, поблекла вместе с благородными идеалами гражданского общества. Фракционность была здесь лишь началом перестройки течений новой партийной системы.

Электоральная неустойчивость

Снижение электоральной неустойчивости зачастую рассматривается в качестве критерия консолидации партийной системы. И в Западной

Европе имело место внезапное движение внутри электората, как, например, в Дании в 1973 году, но не настолько сильное, чтобы дестабилизировать всю политическую систему. Колебания электоральной поддержки различных политических партий в Италии в 1994 году, напротив, почти привели к новой смене системы. В фазе консолидации демократии колебания электората не означают зачастую реальной электоральной неустойчивости, которая характерна для рациональных избирателей. Там, где партии исчезают, сливаются или объединяются в новые списки под громкими именами, как это было до 1993 года в Польше или продолжалось в 1995 году в России, электоральная неустойчивость оказывается искусственным продуктом нестабильных партийных организаций. <...>

Коалиционное строительство

Демократии могут пережить отсутствие многого. Но меньше всего — отсутствие толерантности граждан из-за неэффективности политической системы. Одним из условий эффективности правительства, которую должна обеспечить партийная система, является создание коалиций. Система не может называться консолидированной, если в ней создание межпартийных коалиций не следует правилам парламентской демократии. Там, где партии, которые не прошли на выборах в парламент, вступают в коалиционные правительства, как республиканцы и социал-демократы в Албании, номинальная ценность результатов выборов существенно расходится с их фактическим влиянием. Это не способствует консолидации демократии, которая основывается и на доверии граждан, и на действенности процедур в политическом процессе. Гетерогенная и конфликтная коалиция из семи партий, которой руководила Ханна Сухоцка в Польше, не имела шансов на выживание, когда президент вмешивался даже в тех случаях, когда оппозиция не была жестко настроена против правительства. <...>

Казалось, будто ясная альтернатива может развиваться, скорее всего, в случае тактовых трансформаций. Но стремительный распад «Соллидарности» в Польше лишил страну преимуществ такого варианта консолидации. Противоположным вариантом могла бы служить большая коалиция правительства «национального спасения» (в послевоенной Австрии она доминировала до 1966 года). Но такое развитие событий не отмечено нигде в Восточной Европе. В полупрезидентской системе в отдельных случаях, как в России, возник пестрый букет множества групп, представленных в правительстве. Даже включение посткоммунистов в состав кабинета после переизбрания Ельцина в 1996 году было принято в расчет. Здесь очевидно, что трансформационные системы лишь в редких случаях являются с самого начала функционирующими

соревновательными системами. В идеале они становятся таковыми в конце фазы демократической консолидации. И на Западе в ходе второй волны демократизации они установились de facto сначала лишь в ФРГ. В Южной Европе, напротив, после смены режимов в 1974–1975 годах во всех трех странах соревновательные демократические системы со сменяющимися правительствами возникли довольно скоро.

Маурицио Котта (Cotta, 1995: 83) предложил первый вариант этой схемы. Она показывает, насколько быстро устарела классификация восточноевропейских стран, так как некоторые страны представлены в этой схеме дважды. Уже через несколько лет партийные системы видоизменяются по отношению к моделям правительства и коалиций. В данной статье четыре типа Котта дополняются пятым и некоторые случаи меняют свое место в типологии (см. табл.).

Таблица

Модели правительства и коалиции в трансформационных системах

Слабая значимость партий в полупрезидентских системах с харизматическим руководством	Франция (Пятая республика) Россия и другие страны СНГ
Большая коалиция и коалиция примирения (большого формата)	Франция (до 1947 г.) Австрия (до 1966 г.) Испания (конец 1970-х годов)
Демократия партийной конкуренции со сменой правительств	Германия Греция Португалия Испания (1990-е годы) Венгрия Болгария Албания Польша (с 1993 г.) Литва (с 1992 г.) Словакия
Доминирование новой правящей группировки	Италия (до 1994 г.) Франция (1959–1981) Япония (1955–1993) Чехия (до 1996 г.) Венгрия (до 1994 г.) Литва (до 1992 г.)
Преимущество доминирования измененной партии старого режима	Румыния Республики Центральной Азии

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ И ПРИМЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ¹

Типы партийных систем

Анализ партийных систем требует рассмотрения количества партий, их силы, места в идеологическом спектре, природы их поддержки, их организацию и тип лидерства. В контексте западной либеральной демократии анализ возможно ограничить тремя первыми характеристиками. За несколькими исключениями, западные партии могут считаться «легитимным» массовым типом и должны регулироваться выборной системой лидерства. Харизматическое лидерство встречается в исключительных случаях, даже коммунистические партии становятся все в большей степени похожи на все остальные. Западные партии привлекают электорат в масштабе всей страны (учитывая многочисленность довольно гомогенного среднего класса. — *Б. И.*), пытаясь заставить поверить в общепринятый образ; различия (между партиями. — *Б. И.*) более основаны на типах образов, чем на структурных характеристиках организации.

1. Количество партий в системе

Двухпартийные системы редко определяются четко и однозначно (речь идет не о традиционном американском или британском бипартизме, а о бипартизме, определяемом количественными показателями партий. — *Б. И.*). В то же время среди западных демократий можно выделить четко различимые четыре группы партийных систем (табл. 1). Первую группу составляют пять стран, избиратели которых отдают обычно более 90% своих голосов двум основным партиям. Вторая груп-

* *Блондель Жан* — известный французский политолог и партолог, автор работ по политическому лидерству и государственному управлению, теории законодательных учреждений, избирательным процессам, политическим партиям и партийным системам.

¹ Печатается по: *Блондель Ж.* Партийные системы и примеры правительств в западных демократиях. Опубликовано в канадском Политологическом журнале (1/2 (1968), с. 180–203).

па состоит из пяти стран, в которых 75–80% голосов отдаются двум основным партиям... В третью группу следует включить шесть стран, две основные партии которых получают около двух третей голосов (хотя Голландия немного отличается, как мы еще увидим). Наконец, четвертая группа — это три страны, где избиратели отдают около половины голосов двум основным партиям, хотя по результатам последних двух выборов Францию следовало бы передвинуть из четвертой в третью категорию...

Таблица 1

Среднее количество голосов избирателей, отдавших свои голоса за две основные партии страны в 1945 — 1966 гг. (%)

США	99	Дания	66
Новая Зеландия	95	Швеция	66
Австралия	93	Норвегия	64
Великобритания	92	Италия	64
Австрия	89	Исландия	62
Западная Германия	80	Голландия	62
Люксембург	80	Австрия	50
Канада	79	Франция	50
Бельгия	78	Финляндия	50
Ирландия	75		

Первые пять стран, принадлежащие к первой группе, могут быть определены как страны с двухпартийной системой, хотя есть некая неопределенность в случаях с Австралией и Австрией; в обеих этих странах правительства немного зависели от их конституции или от возрастания поддержки более чем одной партии. Пять стран второй группы можно отнести к государствам с трехпартийной системой, Германия достигла этого статуса благодаря действию системы выборов, равно как и тактике Аденауэра. Девять стран последних двух групп относятся к государствам с истинно многопартийными системами, в которых четыре, пять или даже шесть партий играют значительную роль в политическом процессе.

2. Сила партий

Необходимо немного сказать о странах первой группы (речь идет о США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и Австрии. — *Б. И.*), в которой 90 и более процентов электората голосуют за две основные партии и 90 и более процентов парламентских мест распределены, соответственно, между ними. Интересно отметить, что здесь разница в силе двух основных партий ничтожно мала, по крайней мере, за послевоен-

ный период. Хотя в теории возможен случай, когда одна партия может быть постоянно намного влиятельнее, чем другая, двухпартийная система (т.е. система, в которой две партии получают не менее 89% голосов) не дает возможности проявить себя более чем двум партиям (...). Несмотря на различия в социальной структуре общества, например, между США, Великобританией и Австрией, разделение голосов избирателей между двумя партиями проявляется довольно четко и постоянно. Хотя нельзя с уверенностью констатировать, что подобная ситуация не может существовать в других типах социальных систем (на самом деле, существуют примеры нечеткого распределения партийной поддержки в двухпартийных системах, не являющимися западными демократиями) представляется теоретически возможным в отсутствие контрдоказательств, что в западных демократиях двухпартийные системы показывают тенденцию к относительному равновесию между двумя партиями.

Страны в группе трехпартийных систем также объединяют несколько характеристик. Во-первых, различия по силе между двумя большими партиями обычно намного больше, чем в странах из первой группы. Среднее процентное различие между двумя основными партиями среди пяти стран первой группы составляет только 1,6%, если принимать в расчет все послевоенные выборы; этот же показатель в странах второй группы — 10,5% (табл. 2). Часто подчеркиваемый феномен Социал-демократической партии Германии, которой так и не удалось достичь равенства с Христианско-демократическим союзом, является распространенным явлением среди стран этой группы. Таким образом, можно утверждать, что в странах, в которых около 80% голосов отходит двум партиям, распределение поддержки имеет тенденцию быть нечетким.

Таблица 2

**Средняя сила двух основных партий в двухпартийной системе
и системе двух с половиной партий**

Двухпартийная система		Система двух с половиной партий	
США	49 – 50 = 1	Германия	45 – 35 = 10
Новая Зеландия	48 – 47 = 1	Канада	36 – 43 = 7
Австралия	47 – 46 = 1	Бельгия	43 – 35 = 8
Англия	45 – 47 = 2	Ирландия	46 – 29 = 17
Австрия	46 – 43 = 3		
Среднее различие между двумя основными партиями = 1,6		Среднее различие между двумя основными партиями = 10,5	

Трехпартийные системы имеют и другие противоречивые характеристики. Они все включают две основные партии и намного меньшую из них третью партию. Хотя теоретически возможен случай, когда все три

партии одинаковы по силе, но фактически таких трехпартийных систем среди западных демократий нет. Все трехпартийные системы второй группы, все системы, принадлежащие третьей группе, имеют более трех значительных партий. Таким образом, можно утверждать, что, хотя это теоретически возможно, истинная трехпартийная система скорее всего отсутствует в западных демократиях, из-за этого системы стран второй группы должны быть более четко определены как системы двух с половиной партий. Рассмотрев эволюцию партийных систем, особенно в начале XX в., можно сделать вывод о том, что реальные трехпартийные системы обычно не встречаются, потому что они, по существу, являются переходными (от системы двух партий к многопартийным системам. — *Б. И.*) и, таким образом, выступают как неустойчивые формы партийных систем.

С подъемом Либеральной и упадком двух основных партий ситуация, являющаяся результатом выборов в Бельгии в 1965 г. была, таким образом, особо интересна, так как партийная система Бельгии, казалось, передвинулась на особую, по-видимому, переходную позицию истинной трехпартийной системы. Если предположение, выдвинутое ранее верно, то окажется, что в течение нескольких следующих лет Бельгия будет двигаться к одному из трех типов дальнейших изменений. Либералы либо вернутся к своей обычной позиции «маленькой» партии, либо они вытеснят одну из двух основных партий...; либо возникнет раскол среди сторонников одной или двух основных партий, и Бельгия может перейти из второй группы стран (системы двух с половиной партий) в третью (трехпартийные системы) или четвертую (многопартийные системы). Из опыта других западных демократий первый и третий из трех исходов более вероятны, чем сохранение истинно трехпартийной системы.

Мы отнесли Голландию к третьей группе, включающую страны, в которых две большие партии получают около двух третей голосов электората. Но по показателю относительной силы двух основных партий пять других стран этой группы заметно отличаются от Голландии: они имеют только одну большую партию, которая может быть определена как доминирующая (так как она обычно набирает около 40% голосов, то есть почти вдвое больше, чем вторая партия). Фактически, и в Норвегии, и в Швеции, механизм системы выборов давал иногда возможность такой же доминирующей партии получить абсолютное большинство мест в палате. Но эти страны, в это же самое время, имеют многопартийные системы, которые включают четыре или пять влиятельных (и часто хорошо структурированных) партий, играющих значительную роль в функционировании политической системы. Четыре из пяти Скандинавских стран включены в эту группу (пятой является Италия), хотя в Исландии доминирующей является не социалистическая, а консервативная (независимая) партия. Наконец, Пятая республика, под управлением де Голля, кажется, движется в направлении этого образца партийной

системы, хотя характеристики голлистской партии таковы, что неразумно предсказывать, что сегодняшняя партийная конфигурация сможет пережить де Голля. Таким образом, характеристики двухпартийной системы и системы двух с половиной партий близки, третья группа стран должна быть определена не просто как страны с многопартийной системой, в которой две партии получают около двух третей голосов электората, но как многопартийная система с доминирующей партией, которая получает примерно от двух пятых до менее чем половины голосов.

Наконец, последние четыре страны <...> составляют группу государств, имеющих истинно многопартийные системы: они не имеют доминирующего актора и демонстрируют пример политического поведения, в котором три или четыре партии равно хорошо расположены, чтобы объединиться и создать коалицию. <...>

3. Идеологический спектр и партийная сила

Западные демократии, таким образом, могут быть поделены на четыре группы, если принимаются в расчет и численность партий, и их сила: пять принадлежат группе двухпартийных систем, пять — группе системы двух с половиной партий, пять — группе с многопартийными системами с доминирующей партией и четыре — группе с многопартийными системами без доминирующей партии. Но партийные системы могут быть полностью определены только, если мы принимаем в расчет положение партий в идеологическом спектре, особенно если система не имеет симметричных флангов. Даже в западных демократиях партии трудно точно типологизировать. В США и Ирландии всегда имелись партии, которые не вписываются ни в одну распространенную типологию. Французские голлисты могли бы быть отнесены к консерваторам для сравнительных целей, хотя они не просто консерваторы. Все другие страны с многопартийными системами также имеют партии особого типа... Поэтому приходится делать определенное приближение.

Таблица 3 показывает панораму партийной силы внутри идеологического спектра. Группа 1, за исключением США, является чисто однородной: четыре других страны в группе имеют большую социалистическую и большую консервативную или христианскую партию, вместе с маленькой другой группой, чьи позиции в центре, возможно, иногда являются проблематичными. Страны второй группы имеют два типа партийных систем: Бельгия, Германия и Люксембург имеют сходство со странами первой группы, за исключением того, что центральная партия сильнее, и как мы отмечали раньше, эта возросшая сила является большей частью **ценой** одной, редко двух основных партий (обычно социалистической). Две другие страны этой группы (Канада и Ирландия) отличны: у них имеются маленькие нецентристские, а левые партии, и, возможно, не случайно правые партии не христианские, а

консервативные. В первой половине XX в. партийные системы этих стран, вероятно, находились на переходной ступени: Канада имеет партийную систему не такую, как в Британии. Но к тому времени было признано и то, что система двух с половиной партий устойчива (Бельгия и Германия имели долгое время Британскую партийную систему 20-х годов и, казалось, не двигались в направлении двухпартийной системы), даже если левые партии маленькие. Ни ирландская Лейбористская партия, ни канадская НДП, казалось, не имели возможности обогнать центристскую партию в ближайшем будущем: их положение маленьких партий, кажется, устойчивым. Причины стабильности канадской модели системы двух с половиной партий, продолжающей существовать, несмотря на прогнозы, подобны тем, которые определяют стабильность американских партий.

Таблица 3

Идеологический спектр партий в западных демократиях

Система	Коммунисты	Социалисты	Либералы/радикалы	Аграрии	Христианские демократы	Консерваторы
<i>Группа 1. Двухпартийные системы</i>						
США			L			L
Новая Зеландия		L	E			L
Австралия		L	E			L
Соединенное Королевство		L	E			
Австрия		L	E?			
<i>Группа 2. Система двух с половиной партий</i>						
Германия		L	S		L	
Бельгия		L	S		L	
Люксембург		L	S		L	
Канада		S	L			L
Ирландия		S	L		L	L
<i>Группа 3. Многопартийные системы с одной доминирующей партией</i>						
Дания	s/m	L	s/m	S		s/m
Норвегия	s/m	L	S	S		s/m
Швеция		L	s/m	S	S	s/m
Исландия	s/m	s/m	s/m			L
Италия	M	S	S		L	s

Система	Коммунисты	Социалисты	Либералы/радикалы	Аграрии	Христианские демократы	Консерваторы
<i>Группа 4.</i> Многопартийные системы без доминирующей партии						
Нидерланды		М	С		М	С
Швейцария		М	М		М	С
Франция	М	s/m	С		С	М
Финляндия	s/m	s/m	С	М		С

L — большие партии (около 40%); М — партии среднего размера; s/m — тяготеющие к партиям среднего размера; С — маленькие партии (около 10% и даже меньше); Е — очень маленькие партии (только упомянутые в отношении двухпартийных систем)

Два типа, и не более, чем два типа, многопартийной системы с доминирующей партией может быть обосновано. Три Скандинавские страны имеют доминирующую партию; Ирландия и Исландия имеют доминирующими консервативную или христианскую партии. <...>. В Исландии и Италии (как в Финляндии и даже во Франции) коммунистическая партия оставалась довольно устойчивой на протяжении длительного периода, а социалистическая партия из-за этого соответственно слабой. Здесь левые партии разделены (и отнимают друг у друга голоса. — *Б. И.*). Противоположное положение в Норвегии, Дании и Швеции. В этих трех странах, хотя, аграрная партия расположена симметрично в отношении коммунистической на политическом спектре (в центре этого спектра. — *Б. И.*), **возможно, играя роль партии, сеящей разногласия.** Отсутствие религиозного деления позволяет предположить, что три Скандинавские страны, в которых отсутствуют большие коммунистические партии, будут иметь систему двух с половиной партий, но появление чувства идентичности сельского сообщества создало постоянные расколы справа, которые создали партийную систему, во многом аналогичную исландской и итальянской (многопартийную с одной доминирующей партией. — *Б. И.*).

Страны четвертой группы не имеют доминирующей партии: из-за того, что сила партий довольно равномерно распределена по идеологическому спектру, хотя Голландия и Швейцария со слабой коммунистической партией демонстрируют отчасти меньшее количество парламентских партий, чем Франция и Финляндия. <...>.

Таким образом, в западных демократиях существуют только четыре типа партийных систем. С одной стороны, нами довольно точно обо-

снованы партии стран с двухпартийной системой. США наиболее совершенный случай этого типа, а четыре другие страны довольно точно соответствуют этой модели и различаются только потому, что имеют маленькие центристские партии и идеологически делятся на консерваторов и социалистов. С другой стороны, голоса электората распределяются по партиям довольно равномерно, в группе (на каждую партию. — *Б. И.*) не более чем 25% голосов, а во многих случаях даже меньше, чем 25% по всему идеологическому спектру в Голландии, Швеции, Франции, Финляндии. Между этими двумя полюсами и находятся четыре типа партийных систем: пять стран имеют систему двух с половиной партий: среди них три имеют меньшую центристскую партию, в то время как другие имеют маленькую левую партию. Пять оставшихся стран имеют многопартийную систему с доминирующей партией, три из них имеют доминирующей социалистическую партию, которая сопротивляется отдельным правым партиям в значительной степени потому, что затрагивались реальные интересы аграриев; две другие страны имеют сильные правые партии, которые сопротивляются отдельным левым, в значительной степени из-за влиятельной коммунистической партии.

Число типов партийных систем, которые теоретически возможны, значительно больше, но реально они не существуют. Так, например, отсутствует трехпартийная система; отсутствует неустойчивая система двух с половиной партий. Доминирующая партия в многопартийной системе стремится либо вправо, либо влево, но не к центру (что не способствует устойчивости этой системы. — *Б. И.*). Типы партийных систем в западных демократиях, таким образом, ограничены в числе. Различные критерии, по которым могут обосновываться эти типы — не только их структура, но и баланс и устойчивость, — должны быть приняты во внимание при анализе распространения в мире западных партийных систем.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И КОАЛИЦИИ В ПАРЛАМЕНТЕ¹

Начнем этот раздел со следующих вопросов. Почему некоторые правительства меньшинства, т.е. правительства, которые поддерживаются менее чем 50% членов парламента, иногда бывают устойчивыми, т.е. управляют страной в течение многих лет, в то время как правительства большинства порой бывают неустойчивыми? Кроме того, в Германии требуется, чтобы вотум недоверия был «конструктивным», т.е. парламент, голосуя за недоверие правительству, должен сразу предложить следующее правительство. Увеличивает ли устойчивость правительства это требование конструктивности? Наконец, какие коалиции наиболее приемлемы в парламенте?

В странах Европы формирование правительства поручается партиям, победившим на выборах в законодательный орган страны. В США же законодательная и исполнительная ветви власти отделены друг от друга. В европейских странах если партия победила на выборах и получила большинство мест в парламенте, то проблема решается достаточно просто — эта партия формирует правительство и управляет страной до следующих выборов или же пока в результате каких-то обстоятельств не теряет упомянутого большинства голосов в парламенте. Такими обстоятельствами могут быть раскол правящей партии, отказ ряда депутатов — членов правящей партии голосовать за предложенную правительственную программу и т.д.

Проблемы начинаются тогда, когда ни одна из партий не получила большинства мест в парламенте или же если победившая партия принадлежит к третьему или четвертому типу партий, описанных в предыдущем разделе. В последнем случае какие-то мини-партии, составляю-

* *Алескеров Фуад Тагиевич* — заведующий лабораторией ИПУ РАН, директор Центра исследования политических процессов.

Ортешук Питер — профессор в области политических наук Калифорнийского технологического института, член Американской академии наук.

¹ Печатается по: *Алескеров Ф. Т., Ортешук П.* Выборы. Голосование. Партии. М., 1995.

щие партию третьего типа, могут войти в альянс с оппозицией и при голосовании об утверждении кабинета или о вотуме доверия «свалить» правительство. В этой ситуации возникает необходимость в создании коалиционных правительств.

В таблице 1 приведен пример распределения мест в парламенте в случае четырех партий.

Таблица 1

Партии	А	Б	В	Г
Число мест	20	30	25	25

Если, например, партии Б и В образуют коалицию, то они будут контролировать 55 мест из 100 и смогут сформировать правительство, опирающееся на простое большинство голосов в парламенте.

Вообще, в коалиционной ситуации число партий, представленных в правительстве, может быть меньше числа партий, поддерживающих правительство. Часть партий, поддерживающих правительство в целом, но не входящих в него, могут по отдельным вопросам не голосовать против, а лишь воздерживаться при голосовании. Такая ситуация проиллюстрирована в табл. 2.

Таблица 2

Партии	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
Число мест	10	7	30	23	17	3	10

Если коалицию образуют партии В и Г, то партии Б и Д, которые не войдут в нее, могут по отдельным вопросам поддерживать правительство, сформированное коалицией В+Г. Из этой таблицы можно понять все богатство возможностей при формировании коалиций. Например, правящая коалиция может быть сформирована из партий Б, В и Д и будет контролировать 54 голоса в парламенте. Коалиция может быть сформирована из партий Б, В, Г и Д, и тогда она будет контролировать 77 мест. Партии Г, Д, Е и Ж могут сформировать коалицию, которая будет контролировать 53 места.

Можно подсчитать, что в этой ситуации возможны примерно 40 выигрывающих коалиций, т.е. таких, которые будут контролировать большинство мест в парламенте. В связи с этим возникает вопрос: любые ли объединения партий могут образовать коалицию для формирования правительства?

Отрицательный ответ напрашивается незамедлительно. Чтобы прояснить ситуацию более детально, воспользуемся вновь анализом платформ партий, приведенным в предыдущем разделе, и рассмотрим табл. 3, в которой на шкале «правые — левые» воспроизводится ситуация табл. 2.

Таблица 3

Партии	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
Число мест	10	7	30	23	17	3	10
	Левые					Правые	

Оценка партий по шкале «правые—левые» обычно основывается на оценке социально-экономических положений платформ партий, например, отношения партий к приватизации основных отраслей экономики, к налогообложению доходов, к уровню дотаций в экономику, малоимущим слоям населения.

Из этого рисунка становится ясным, почему коалиция Г + Д + Е + Ж практически не реализуема, так же как и коалиция А + Б + В + Г, — слишком велик разброс мнений в этой коалиции. Если правые партии Е и Ж еще могут объединиться в коалицию, то партия Д уже имеет более центристский характер, а Г скорее можно отнести к партиям левоцентристской направленности. Коалиции В + Г, Б + В + Г, В + Г + Д и Б + В + Г + Д имеют больше шансов на формирование.

Заметим также, что при формировании кабинета каждая партия, входящая в правящую коалицию, может и хочет рассчитывать на получение соответствующего числа мест в правительстве. Так, если кабинет в рассматриваемом примере состоит из 15 членов, то даже партия Б (при коалиции Б + В + Г + Д) захочет получить хотя бы одно место в кабинете, а партия Д захочет занять 3 должности в кабинете. Но захотят ли этого партии В и Г, которые, создав коалицию В + Г, способны контролировать большинство в парламенте и, тем самым, занять все должности в кабинете?

Так возникает понятие минимальной выигрывающей коалиции — такой, что при выходе из нее любой партии она теряет способность контролировать большинство в парламенте. В рассматриваемом случае минимальная выигрывающая коалиция (и потенциально возможная с учетом платформ партий) — это В + Г. Заметим, что коалиция В + Г — не единственная минимально выигрывающая коалиция. Например, коалиция А + В + Е + Ж также является минимально выигрывающей. Обратим внимание читателя на то, что в этой коалиции центристские партии Б и Г исключены, наоборот, в ней состоят крайне левая партия А и крайне правая партия Ж. Включение в коалицию партий А и В, вместо В и Г, позволяет избирателю думать, что на самом деле В гораздо более левая партия, чем он себе представлял. При этом включение в коалицию еще и Ж может окончательно запутать избирателя в его представлениях о реальной платформе В. В парламентских системах с пропорциональным представительством это может выглядеть как приглашение некоторой новой партии за-

нять «старое» место В. Это обстоятельство показывает второй важный признак парламентских коалиций, а именно коалиции образуются партиями, платформы которых «соседствуют» на шкале оценок «правые — левые». Другими словами, парламентские коалиции, помимо того что они являются минимально выигрывающими, не включают одновременно крайних правых и крайних левых партий.

С учетом сделанного выше замечания о распределении должностей кажется, что всегда формируемые коалиции в реальных парламентах должны быть минимально выигрывающими. Это, однако, не так. Более того, оказывается, что в реальных парламентах подчас возникают коалиции «сверхбольшинства», когда коалиция включает несколько партий и контролирует значительное (намного больше простого большинства) число мест в парламенте. Возникновение таких коалиций обусловлено, в основном, двумя причинами. Во-первых, партия, даже имеющая простое большинство голосов, может иметь низкую дисциплину голосования и поэтому предпочтет вступить в коалицию с другими партиями. Для объяснения второй причины обратимся к нижеследующей схеме:

Партии	Е	А	Г	Д	В	Б
Число мест	8	33	10	5	20	20

Партия А не имеет большинства и поэтому вступает в коалицию с В. В этой ситуации естественно принять в коалицию и партии Г и Д, обеспечив, помимо всего прочего, и некоторые гарантии от случая, когда часть членов партии В не поддержит коалиционное правительство А + В.

Устойчивость коалиционных правительств

Мы уже говорили о том, что целью политической партии является получение большого (может быть максимального) числа голосов на выборах, что, в свою очередь, приводит к получению большего числа депутатских мандатов. Но является ли это единственной целью политической партии?

На эту тему существует две точки зрения. По одной из них получение большинства депутатских мандатов позволяет партии контролировать исполнительную ветвь власти. Это позволяет активным членам партии получать дивиденды в виде занятия должностей в кабинете и в правительственных органах. Другая точка зрения состоит в том, что партии имеют своей целью влиять на политические решения или даже формировать их. В этом случае даже не обязательно занимать должности в структурах исполнительной власти — в парламентских системах достаточно контролировать большинство в парламенте.

Рассмотрим пример, приведенный в табл. 4.

Таблица 4

Партии	А	Б	В
Число мест в парламенте	40	20	40

Пусть партии А и Б сформировали коалиционное правительство, и 7 мест в кабинете заняты членами партии А, а 3 места — членами партии Б. Правительство, как известно, может принимать и реализовывать политические решения и без их специального обсуждения и голосования в парламенте. Если голосование в кабинете проводится по правилу простого большинства голосов, то мнения всех членов кабинета имеют «равный вес», и поэтому в рассматриваемой ситуации мнение «меньшинства» (членов партии Б) может постоянно игнорироваться. Однако если считать, что в парламенте партия В находится в оппозиции к правительству, то простое игнорирование в кабинете мнения партии Б может привести к сложным последствиям, поскольку партия Б, объединившись с партией В при голосовании о вотуме доверия, может «свалить» кабинет. Помимо всего прочего, этот пример объясняет, почему правительство, образованное на коалиционной основе, не может «работать» по правилу простого большинства голосов.

Таким образом, хотя Б — самая малая партия в парламенте, ее «центристская» позиция дает ей ряд преимуществ по сравнению с другими партиями. Единственной выигрывающей коалицией, которая не включает Б, является А + В. Но политические решения, которые будет предлагать коалиция А + В, будут включать решения, предлагаемые партией Б. Поэтому можно понять, что А и В будут стремиться привлечь Б в коалицию большинства. В этой ситуации партия Б является как бы монополистом и может получить значительные преимущества. Более того, коалиции А + Б и В + Б будут достаточно устойчивыми, поскольку любой партнер Б, будь то А или В, не имеют другой приемлемой альтернативы. Поэтому правительство, сформированное коалицией А + Б или В + Б, может просуществовать достаточно долго, до тех пор, пока одна из партий А или В не изменит своей платформы так, чтобы на очередных выборах получить большинство в парламенте.

Прежде чем обсуждать вопрос о том, насколько устойчивыми являются правительства, образованные на коалиционной основе, необходимо договориться, каковы критерии смены правительства. Например, возможна такая ситуация, что правительство уходит в отставку с тем, чтобы через несколько дней «возродиться» в том же составе и с тем же премьер-министром. Можно ли такую ситуацию каждый раз считать как смену коалиционного правительства?

В научной литературе рассматриваются четыре критерия смены кабинета:

1. Смена партий в коалиции.
2. Формальная отставка правительства.
3. Смена премьер-министра.
4. Выборы.

Первый критерий сомнений не вызывает. В работе *Laver M., Shotfield N. Multiparty Government*. Oxford University Press, 1991 ситуация, когда после отставки правительство формируется в том же составе, как смена кабинета не рассматривается. В этой же работе смена премьер-министра как критерий смены кабинета также не рассматривается. Выборы, естественно, рассматриваются как критерий смены кабинета, хотя в результате выборов может сформироваться та же правящая коалиция. Теперь можно привести данные, заимствованные из: *Laver M., Shotfield N. Multiparty Government*. Oxford University Press, 1991.

Таблица 5

Страна	Тип правительства		Средняя продолжительность существования правительства в период 1945–1987 гг. (месяцев)
	Однопартийное большинство или минимально выигрывающая коалиция	Сверхбольшинство или меньшинство	
Люксембург	9	1	45
Ирландия	7	5	39
Австрия	10	3	38
Германия	10	2	37
Исландия	10	4	34
Норвегия	7	8	32
Швеция	6	10	28
Нидерланды	6	11	27
Дания	2	18	26
Бельгия	16	6	22
Финляндия	5	27	15
Италия	3	32	13

В таблице 5 приведены данные о средней продолжительности существования кабинетов различных типов в разных странах Европы в период с 1945 по 1987 г. Заметим, что наименее устойчивые кабинеты были в Италии (13 месяцев) при том, что эти правительства были либо правительствами меньшинства, либо правительствами, опирающимися на сверхбольшинство в парламенте. В Германии и Австрии после Второй мировой войны правительства почти всегда были коалиционными и соответствующие коалиции были достаточно устойчивыми.

Вдаваясь в подробности замечательного исследования об устойчивости кабинетов, предпринятого в: *Laver M., Shofield N. Multiparty Government. Oxford University Press, 1991*, остановимся на некоторых выводах, приведенных в этой книге:

- кабинеты, пользующиеся поддержкой большинства в законодательном органе, более устойчивы, чем правительства меньшинства;
- если большинство в парламенте представляет собой одну партию, то такие правительства наиболее устойчивы;
- правительства, опирающиеся на минимальную выигрывающую коалицию, более устойчивы, чем кабинеты, опирающиеся на коалиции «сверхбольшинства», хотя в Германии и Нидерландах последние более устойчивы;
- прямой зависимости между устойчивостью кабинетов и числом партий в стране не наблюдается;
- однополюсные и двухполюсные системы более устойчивы, чем многополюсные.

Как распределяются должности в коалиционных правительствах?

Выше уже говорилось о том, что основной целью политических партий является победа на выборах и контроль исполнительной власти. Если какая-то партия набирает достаточное число голосов, располагает в соответствии с этим большинством мест в парламенте и сама формирует правительство, то занятие должностей происходит путем консультаций внутри победившей партии. Если же никакая партия большинства мест в парламенте не имеет и правительство формируется на коалиционной основе, возникает еще одна проблема, которая также обуславливает сложность образования коалиций. Дело в том, что должности в правительстве неравноценны.

Таким образом, в зависимости от числа членов коалиции и их силы и слабости как членов коалиции, распределение «пирога» должностей происходит по-разному. Иначе говоря, различные партии, входящие в коалиции, могут оценивать привлекательность должностей по-разному. Например, аграрная партия будет предпочитать должность министра сельского хозяйства более, чем другие вакансии. Для иллюстрации того, как в коалиционных правительствах делятся «портфели», воспользуемся анализом, проведенным в: *Laver M., Shofield N. Multiparty Government. Oxford University Press, 1991*.

В таблице 6 приведено распределение должностей в коалиционном кабинете в Ирландии в 1982 году. В коалицию входили Партия Файн Гейл и Партия труда.

Изучение этой таблицы показывает, что более 50% государственных расходов контролируется Партией труда — вице-премьером (12,4%) и

Таблица 6

	Файн Гейл	Партия труда
Должности (% государственных расходов)	Премьер-министр (0,1)	Вице-премьер/окружающая среда (12,4)
	Министры — иностранных дел (0,6) — финансов (1,7) — промышленности и энергетики (2,7) — сельского хозяйства (4,6) — юстиции (4,9) — образования (15,5) — обороны (4,2) — лесного хозяйства и рыболовства (1,2) — бытового обслуживания (0,1) — связи (8,6)	— здравоохранения и социального обеспечения (37,4) — торговли, коммерции и туризма (2,5) — труда (1,9)
Число должностей	11	4
% должностей	81	19
% голосов в коалиции	73	27
Доля контролируемых государственных расходов	44	54

Министерством здравоохранения и социального обеспечения (37,4%). В условиях напряженного государственного бюджета, когда приходится сокращать расходную часть бюджета, с политической точки зрения, контроль этих расходов представляется невыгодным. Учитывая, что именно Партия труда в своих программах вопросы, связанные с здравоохранением и социальным обеспечением, ставит на первый план, урезание этих расходов с какого-то момента времени начинает противоречить программе партии. Это может привести к конфликту в правительстве и, в конечном итоге, распаду коалиции, что и произошло в рассматриваемом случае в 1987 году после очередного сокращения расходов на здравоохранение.

Изучение распределения должностей в правительствах 13 стран в период после Второй мировой войны обнаружило интересный эффект¹: малые партии в коалиции получают несколько больше в пропорции должностей, чем их большие партнеры в коалиции. А именно, пусть 2 партии в коалиции, образующей правительство, имеют, соответственно, 30 (партия А) и 10 (партия Б) мест в парламенте. При занятии 20 должностей в правительстве естественно было бы ожидать, что члены партии

¹ Browne E., Franklin M. Aspects of Coalition Payoffs in European Parliamentary Democracies. American Political Science Review, 1973. Vol. 67. P. 457–480.

А получают 15, а члены партии Б — 5 портфелей. Однако зачастую оказывается, что в такой ситуации партия Б получит 7 или даже 8 мест, а партия А — соответственно 12 мест. Этому эффекту есть два объяснения. Во-первых, малые партии в коалиции считаются более «управляемыми», и поэтому несколько завышенное число должностей есть как бы награда за эту «покладистость». С другой стороны, и это главное, малая партия может играть ключевую роль для обеспечения большинства в парламенте (см. обсуждение в предыдущем разделе), и это «вознаграждается» большим числом должностей. Однако возможна и прямо противоположная ситуация, как, например, в табл. 6. Партия труда имеет 27% мест в коалиции, но контролирует лишь 19% мест в кабинете.

Попытка предсказать, каким будет распределение портфелей в различного типа коалициях в различных странах, привела к созданию достаточно тонких и сложных моделей, которые мы не будем обсуждать в этой книге.

Изучение распределения должностей в коалиционных правительствах показало¹, что обычно должность премьер-министра занимает представитель большей партии в коалиции. Далее последовательно идут министерства обороны, финансов, экономики, образования и иностранных дел. Должности в других министерствах очевидную предпочтительность не обнаруживают. Интересно, что другое важное, по нынешним российским понятиям, «силовое» ведомство, а именно Министерство внутренних дел в этом списке не присутствует, т.е. наибольшая партия в коалиции не стремится занять этот пост.

Многое из того, что говорилось в этом и предыдущем разделе, касалось парламентских систем — систем, в которых исполнительная власть, правительство, формируется парламентом. Тем не менее эти же факторы определяют политику президента в президентских системах, во всяком случае при формировании им правительства, которое проходит утверждение в парламенте, и при утверждении парламентом законопроектов, предложенных президентом. Например, в США при формировании кабинета президент старается учесть интересы различных коалиций, поддерживающих различных кандидатов, которых предлагает президент. Даже если президентская партия контролирует обе палаты парламента, это не значит, что все предложения будут безоговорочно поддержаны. Партии в США, как известно, представляют собой альянсы достаточно независимых региональных организаций. Именно поэтому президент должен учитывать интересы всех этих региональных организаций, чтобы получить необходимый результат. В конечном счете переговоры приводят к центристской политике, которая во многом похожа на политику, проводимую в чисто парламентских системах.

¹ Browne E., Feste K. Qualitative Dimensions of Coalition Payoffs Evidence for European Party Governments 1945–1970. *American Behavioral Scientists*, 1975. Vol. 18. P. 530–556.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ¹

Изучение партийных систем в сравнительной политологии на эмпирическом уровне строится как поиск зависимостей между партийными системами на электоральном или парламентском уровне и факторами электоральной, социальной и государственной систем. Хотя все официально зарегистрированные партии входят в политическую систему, но их число как действительных политических акторов резко уменьшается в процессе выборов и распределения мест в парламентах. Более того, даже оказываясь на электоральном уровне и в парламенте, не все партии являются действенными, или эффективными. Изучается так же вопрос о факторах, определяющих уровень партийной раздробленности парламентов (или фракционализации парламентов). Приведем несколько примеров эмпирического анализа подобного рода.

Исследование условий фракционализации парламентов

Политический плюрализм как показатель демократичности системы имеет некоторые границы, переход за которые грозит ее устойчивости. Потому в сравнительной политологии проблема раздробленности политических структур занимает важное место. Изучаются не только показатели дифференциации партийных систем, парламентов, но и пытаются определить причины, влияющие на величину политической дифференциации. Одним из исследований подобного рода было изучение Пауэллом партийной фракционализации парламентов в 27 странах (84 случая выборов) за период с 1965 по 1976 г. (Powell, 1982). В качестве факторов, определяющих уровень раздробленности парламентов, он выделяет особенности электоральной системы, социальную дифферен-

* *Сморгунов Леонид Владимирович* — доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского университета.

¹ Печатается по: *Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология: Учебник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 325–336.

циацию общества и форму государственного правления. В этом исследовании считается, что уровень партийной фракционализации парламентов определяется уровнем раздробленности социальных структур, так как партии представляют особые интересы и проводят их в парламент через процесс делегирования. Важным фактором числа партий в парламенте является характер избирательной системы. Еще в 50-е годы Морисом Дюверже было установлено, что избирательные системы обладают различной силой, влияющей на партийные системы (Duverger, 1954). Самой сильной считается плюральная система выборов (или мажоритарная в один тур), которая ведет к становлению фактически двухпартийной системы; хотя на самом деле имеются и другие политические партии помимо двух, но они не играют значительной роли и не определяют политический процесс. Третьим фактором влияния оказывается президентская система государственного правления, при которой президент избирается прямым или косвенным голосованием населения. Операционализация выделенных переменных осуществляется в этом исследовании следующим образом.

В качестве зависимой переменной выступает фракционализация парламента, которая определяется специальным индексом — индекс *Rae*.

$$Rae = 1 - \sum S_i$$

где S_i — доля мест i -партии в парламенте.

Данный индекс был предложен Дугласом Рае в его книге «Политические условия электорального права» (Rae, 1967) — первом систематическом сравнительном исследовании воздействия электоральных систем на партийную систему.

Приведем конкретный пример использования индекса *Rae*:

Выборы в Бундестаг ФРГ в марте 1983 г. дали следующее распределение голосов и мест в нижней палате парламента (табл. 1).

Таблица 1

Распределение голосов избирателей и мест в парламенте в ФРГ (1983 г.)*

Партии	Доля голосов,%**	Число мест	Доля мест,%
Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз	48,8	244	49,0
Социал-демократическая партия	38,2	193	38,8
Свободная демократическая партия	7,0	34	6,8
«Зеленые»	5,6	27	5,4
Национально-демократическая партия	0,2	0	0

Партии	Доля голосов, %**	Число мест	Доля мест, %
Коммунистическая партия	0,2	0	0
Другие	0,1	0	0
Итого:	100	498	100

$$Rae = 1 - (0,24 + 0,15 + 0,005 + 0,003) = 1 - 0,4 = 0,6.$$

* *Источник:* Leonard, Natkiel. 1985. P. 59.

** Распределение голосов произведено на основании результатов голосования по партийным спискам.

По сравнению, например, с Японией (индекс $Rae = 0,67$ для выборов 1983 г.) в ФРГ уровень партийной фракционализации парламента ниже, но он выше, чем в США (0,49 — для выборов 1984 г. в палату представителей).

Независимые переменные в исследовании Пауэлла, т.е. воздействующие факторы, выражались следующими индикаторами:

(1) *Этническая дифференциация*

Она подсчитывалась также с помощью индекса Rae .

$$\text{Индекс } Rae = 1 - \sum g_{iz},$$

где g_i — доля i -ой этнической группы в составе населения.

(2) *Индекс сельскохозяйственного населения*

Для измерения сельскохозяйственного населения использовалась шкала от 1 до 3. Она сопоставлялась с долей сельскохозяйственного населения следующим образом:

- 5–19% сельскохозяйственного населения — 1,
- 20–49% сельскохозяйственного населения — 2,
- 50–80% сельскохозяйственного населения — 3.

(3) *Индекс католического населения*

Для измерения католического населения использовалась шкала от 1 до 3. Она сопоставлялась с долей католического населения аналогично предыдущему индексу:

- 5–19% католического населения — 1,
- 20–49% католического населения — 2,
- 50–80% католического населения — 3.

(4) «Сила» *электоральной системы* подсчитывалась по шкале от 1 до 3. Баллы шкалы сопоставлялись с видом электоральной системы следующим образом:

- плюральная система выборов при одномандатных округах — 3;
- смешанная система — 2;
- пропорциональная система — 1.

(5) *Форма государственного правления* оценивалась по шкале 0–1: президентская форма государственного правления — 1, другие — 0.

Используя множественную регрессию, автор писал о подтверждении того, что фракционализация парламента поощряется следующими условиями: немажоритарными электоральными системами, всеми видами дифференциации, президентской системой государственного правления.

Исследования эффективного числа электоральных и парламентских партий

Исследования электорального процесса в многопартийных системах показали, что не все партии оказывают влияние на ход выборов и не все из них являются значимыми для избирателя. В свою очередь, распределение мест в парламенте модифицировало распределение власти и влияние уже парламентских партий на деятельность представительных органов. Фактически влияние на государственную политику и законотворческий процесс ограничивалось неким, так называемым, «эффективным числом» партий, которое было меньшим, чем общее число партий, участвовавших в выборах. Впервые индекс «эффективного числа партий» был предложен Макку Лааксо и Рейном Таагепера в 1979 г. (Laakso, Taagepera, 1979). Как пишут Р. Таагепера и М. Шугарт, «преимущество использования эффективного, а не действительного, числа партий состоит в том, что оно предоставляет точный способ для различения между значимыми и менее значимыми партиями. Формула индекса является такой, когда каждая партия взвешивается посредством возведения в квадрат. Очень маленькие партии представлены слабо в индексе, а большие вносят в него больше» (Taagepera, Shugart, 1993, p. 445). Формула, которую они предложили, была следующей:

$$N = 1 / \sum_{i=1}^n p_i^2,$$

где p_i — доля мест, полученных i -ой партией.

Следует заметить, что этот индекс измеряет дисперсию номинальных переменных. Его статистический смысл состоит в том, что он характеризует степень концентрации случаев вокруг центральной тенденции в исследуемой переменной, измеряемой таким показателем, как мода. В политическую науку эта мера приходит из экономической литературы, в которой в начале 60-х годов описываются измерения концентрации фирм в индустриальной отрасли с помощью индекса Херфиндаля (Herfindahl-index). Номинальная мера дисперсии достигает своего минимума, когда имеется только одна фирма или партия. Отсю-

да минимальная оценка меры концентрации составляет 1. Если бы все фирмы или партии обладали равной значимостью, то максимальная дисперсия для номинальной переменной с n фирмами или партиями равнялась бы n .

Затем исследователи-компаративисты решили подсчитать это «эффективное число» применительно к избирательному процессу и к распределению мест в парламенте. Они предложили такие показатели, как эффективное число электоральных партий (effective number of party votes — ENPV) и эффективное число парламентских партий (effective number of party seats — ENPS), которые характеризовали число партий, оказывающих наибольшее влияние на политический процесс. В качестве зависимых переменных эти показатели берутся рядом исследователей (см., например: Lijphart, 1984; Ordeshook and Shvetsova, 1994; Neto, Cox, 1997; Moscer, 1999; Taagepera, 1999). Данные переменные измеряются следующими индексами:

1. Эффективное число электоральных партии (ENPV):

$$ENVP = 1 / \sum_{i=1}^n v_i^2,$$

где v_i — доля голосов, полученных i -ой партией на выборах.

2. Эффективное число парламентских партий (ENPS):

$$ENPS = 1 / \sum_{i=1}^n s_i^2,$$

где s_i — доля мест в парламенте, полученных i -ой партией.

Пример: Подсчитаем эффективное число парламентских партий для результатов парламентских выборов в Финляндии в марте 1983 г. Данные выборов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты парламентских выборов в Финляндии (1983 г.)*

Партии	Число голосов	%	Число мест	%
Социал-демократическая	795 953	26,7	57	28,5
Национально-коалиционная	659 078	22,1	44	22,0
Партия центра**	525 207	17,6	38	19,0
Народный демократический союз	416 270	13,8	27	13,5
Сельская партия	288 711	9,7	17	8,5
Шведская народная партия	146 881	4,9	11	5,5
Христианский союз	90 410	3,0	3	1,5
Конституциональная партия	11 104	0,4	1	0,5

Партии	Число голосов	%	Число мест	%
«Зеленые»	42 045	1,4	2	1,0
Другие	4 035	0,1	0	0,0
Всего	2 979 694		200	

* *Источник: Leonard, Natkiel. 1986. Р. 49.*

** Включая Либеральную партию.

$$ENPV = 1/0,267^2 + 0,221^2 + 0,176^2 + 0,138^2 + 0,097^2 + 0,049^2 + 0,03^2 + 0,004^2 + 0,014^2 + 0,001^2 = 1/0,0713 + 0,0448 + 0,031 + 0,019 + 0,0094 + 0,0024 + 0,0009 + 0,0 + 0,0002 + 00 = 1/0,183 = 5,46;$$

$$ENPS = 1/0,285^2 + 0,22^2 + 0,219^2 + 0,135^2 + 0,085^2 + 0,055^2 + 0,015^2 + 0,005^2 + 0,01^2 = 1/0,0812 + 0,0484 + 0,0361 + 0,0182 + 0,0072 + 0,003 + 0,0002 + 0,0 + 0,0001 = 1/0,1944 = 5/14.$$

Как видно из расчетов, эффективное число парламентских партий в Финляндии в 1983 г. было меньшим, чем эффективное число электоральных партий, хотя и ненамного.

Это связано с тем, что в Финляндии парламент избирается на основе пропорционального представительства с использованием формулы D'Hondt при распределении мест. В других странах разница между ENPV и ENPS может быть большей. Так, во Франции в 1981 г. эффективное число электоральных партий составляло 4,13, а эффективное число парламентских партий — 2,68. Дело в том, что до 1986 г. во Франции существовала мажоритарная система выборов нижней палаты парламента, предполагающая для победы более 50% голосов избирателей и два тура голосования, если в первом ни один из кандидатов не набирает необходимой доли голосов. Различие между этими двумя показателями может также определяться значительным политическим плюрализмом, системой распределения мест в парламенте, наличием значительных избирательных порогов для политических партий и т.д.

В практике сравнительных исследований используются специальные измерители диспропорциональности, которая существует в различных политических системах между распределением голосов на выборах и распределением мест в представительных органах власти. При этом что существует трудность в соблюдении пропорциональности как бы изначально, тем не менее на нее оказывают влияние избирательные системы и способы расчета голосов. Существуют два широко используемых индекса диспропорциональности. Первый был разработан Дугласом Рае (Rae, 1967, р. 84–86). Этот индекс (I) основывается на подсчете модульной разницы между процентом голосов и процентом мест всех партий, которые набрали по крайней мере полпроцента голосов, суммирования этой разницы и нахождения средней величины, которая и является показателем диспропорциональности. Он показывает средний процент

сверхпредставленных и недопредставленных избирателей, приходящихся на одну электоральную партию. Чем выше эта величина, тем большая диспропорциональность наблюдается в системе.

$$I = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|,$$

где n — число партий, v_i — процент голосов, полученных i -ой партией, s_i — процент мест, полученных i -ой партией.

Второй индекс диспропорциональности (D) предложен Джоном Лусмором и Виктором Ханди (Loosemore, Handy, 1971). Он основывается на другой идее: сумма отклонений между полученными голосами и местами для сверхпредставленных в парламенте партий будет той же самой, что и сумма соответствующих отклонений для недопредставленных в парламенте партий. Отсюда, общую модульную величину суммы отклонений они делят на два. Индекс диспропорциональности приобретает у них следующую форму:

$$D = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|,$$

где n — число партий, v_i — процент голосов, полученных i -ой партией, s_i — процент мест, полученных i -ой партией.

Он фиксирует процент избирателей недопредставленных или сверхпредставленных в парламенте. Большая величина показывает большую диспропорциональность. Иногда для того, чтобы уменьшить влияние маленьких партий на показатель диспропорциональности (так как для сравнения более значима диспропорциональность в представительстве больших партий), используют квадратичный индекс диспропорциональности. Формула последнего состоит в том, что разницу в доле голосов и мест возводят в квадрат, суммируют полученный результат, делят его на два, а затем извлекают корень квадратный из полученного результата (Moser, 1999, p. 370). Формула данного индекса диспропорциональности следующая:

$$LSq = SqRt \quad \text{из} \quad \frac{1}{2} \sum (v_i - s_i)^2,$$

где LSq — квадратичный индекс диспропорциональности, $SqRt$ — корень квадратный, v — процент голосов, полученных i -ой партией на выборах, S_i — процент мест, полученных i -ой партией в парламенте.

Как свидетельствует практика сравнительных исследований партийных систем, первый индекс диспропорциональности очень чувствителен к маленьким партиям и в действительности преувеличивает пропорциональность пропорциональной системы выборов. Вторым индекс

чувствителен к числу партий, участвующих в выборах, а потому склонен недооценивать пропорциональность пропорциональной системы выборов. Для того чтобы избежать слабостей обоих индексов, Лейпхарт предлагает индекс диспропорциональности как среднюю величину суммы отклонений между процентом полученных голосов и мест в парламенте двух наибольших партий (Lijphart, 1984, p. 163).

Сравним показатели диспропорциональности для трех стран, учитывая, что в ФРГ имеется смешанная избирательная система, в Финляндии — пропорциональная, а в Канаде — плюральная, т.е. по отношению большинства голосов. Таблицы распределения голосов и мест в парламентах ФРГ и Финляндии приведены выше. Покажем подобное распределение для Канады на выборах в Палату общин (нижняя палата парламента) в 1984 г. (табл. 3).

Таблица 3

Результаты выборов в Палату общин Канады в сентябре 1984 г.*

Партии	Число голосов	%	Число мест	%
Социал-демократическая	795 953	26,7	57	28,5
Прогрессивная консервативная партия	6 276 530	50,0	211	74,8
Либеральная партия	3 516 173	28,0	40	14,2
Новая демократическая партия	2 358 676	18,8	30	10,6
Другие	394 594	3,1	1	0,4
Всего	12 545 973		282	

* *Источник.* Leonard, Natkiel, 1986. P. 25.

Подсчитаем модульную сумму отклонений процентов голосов и мест для каждой страны, а затем вычислим индексы диспропорциональности I , D , *Лейпхарта* и LSq .

Германия:

$$I = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|,$$

$$I = |48,8 - 49,9| + |38,2 - 38,8| + |7,0 - 6,8| + |5,6 - 5,4| / 4 = 1,1 + 0,6 + 0,2 + 0,2 / 4 = 2,1 / 4 = 0,53$$

$$D = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|,$$

$$D = 2,1 + 0,2 + 0,2 + 0,1 / 2 = 2,6 / 2 = 1,3$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 1,7 / 2 = 0,85$$

$$LSq = SqRt \text{ из } 1,21 + 0,36 + 0,04 + 0,04 + 0,04 + 0,04 + 0,01 / 2 = 0,93$$

Финляндия:

$$I = |26,7 - 28,5| + |22,1 - 22,0| + |17,6 - 19,0| + |13,8 - 13,5| + |9,7 - 8,5| + |4,9 - 5,5| + |3,0 - 1,5| + |1,4 - 1,0| / 8 = 1,8 + 0,1 + 1,4 + 0,3 + 1,2 + 0,6 + 1,5 + 0,4 / 8 = 7,3 / 8 = 0,9$$

$$D = 7,3 + 0,1 / 2 = 7,4 / 2 = 3,7$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 1,8 + 0,1 / 2 = 1,9 / 2 = 0,95$$

$$LSq = SqRt \text{ из } 3,24 + 0,01 + 1,96 + 0,09 + 1,44 + 0,36 + 2,25 + 0,16 + 0,01 / 2 = 2,2$$

Канада:

$$I = |50,0 - 74,8| + |28,0 - 14,2| + |18,8 - 10,6| + |3,1 - 0,4| / 4 = 24,8 + 13,8 + 8,2 + 2,7 / 4 = 49,5 / 4 = 12,4$$

$$D = 49,5 / 2 = 24,8$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 38,6 / 2 = 19,3$$

$$LSq = SqRt \text{ из } 615,04 + 190,44 + 67,24 + 7,29 / 2 = 21$$

Сравнение полученных показателей диспропорциональности свидетельствует, что смешанные системы и пропорциональные системы в принципе незначительно отличаются друг от друга по репрезентативности выборов. В Германии индексы диспропорциональности I, D, Лейпхарта и LSq составили соответственно 0,53; 1,3; 0,85 и 0,93; в Финляндии соответственно — 0,9; 3,7; 0,95 и 2,2. Что же касается плюральной системы в Канаде, то она дает высокие показатели диспропорциональности — соответственно 12,4; 24,8; 19,3 и 21. В целом здесь 24,8% избирателей оказались недопредставленными в парламенте, т.е. не имели там своих представителей. Прогрессивно-консервативная партия Канады, завоевав 50,0% голосов избирателей, получила почти 75% мест, тогда как Либеральная партия получила в два раза меньше мест, чем голосов избирателей. Подобная ситуация с плюральными выборами хорошо известна, но индексы диспропорциональности позволяют не только наглядно продемонстрировать недостатки этой системы, но и могут быть применены при эмпирическом обследовании и других условий партийной системы и парламентаризма.

Исследование условий, определяющих партийные системы

Для изучения факторов, которые определяют количественные параметры партийных систем, в сравнительной политологии используются следующие теоретические модели. Во-первых, ряд исследователей основывается на том, что получило наименование «закона Дюверже»: «система простого большинства с одним туром [т.е. с правилом относительного большинства при одномандатных округах] благоприятствует двухпартийной системе» (Duverger, 1954, p. 217). Здесь основным фактором выступает характер партийной системы, а логика этого подхода состоит

в том, что избиратели при подобной избирательной системе скорее будут голосовать за потенциальных победителей, чем за третьи партии, а лидеры партий будут стремиться к коалициям либо наращивать потенциал собственной партии для завоевания большинства голосов. Эта модель заложила основание для так называемого институционального подхода при изучении партийных систем, когда условиями разнообразия выступают не только избирательные системы, но и другие институциональные факторы — политические режимы, формы государства, нормы правового регулирования партийных систем и т.д. Во-вторых, существует ряд исследователей, которые при изучении партийных систем используют модель «стабилизации европейских партийных систем», предложенную Липсетом и Рокканом в 1967 г. (Lipset, Rokkan, 1967). В соответствии с ней на партийные системы европейских стран в значительной мере влияют те социально определенные структуры политической конкуренции, которые сложились еще в 20-е годы прошлого столетия. В Европе партийные системы отражают некий социальный эквilibrium, характерный для отношений между различными группами населения. Данная модель послужила основанием поиска различных социальных причин, определяющих партийные системы, прежде его факторов, связанных с социальной дифференциацией. В-третьих, некоторые исследователи пытаются объединить данные институциональные и социальные модели в одну теоретическую конструкцию. Цели исследования здесь партийных систем определяют выбор зависимых переменных — институциональных и социальных. Так, Октавио Нето и Гари Кокс выделяют следующие основные гипотезы и в соответствии с ними строят систему независимых переменных (Neto, Cox, 1997, p. 149–174):

(1) Существует взаимосвязь между социальной дифференциацией и избирательными системами, которая оказывает влияние на эффективное число электоральных партий.

(2) Существует взаимосвязь между парламентскими выборами и выборами президента в президентской системе.

(3) Существует взаимосвязь между эффективным числом парламентских партий и эффективным числом электоральных партий.

(4) Существует взаимосвязь между эффективным числом парламентских партий и значимостью выборов депутатов по национальному списку.

Для исследования данных гипотез были предложены следующие зависимые переменные:

1. Значимость электоральных округов

Значимость электоральных округов часто определяется через показатель средней величины электоральных округов. Под величиной округа понимается число мандатов, имеющихся в округе. Так, например, если в Финляндии 200 членов парламента избираются в 15 одномандатных округах, число мандатов в которых колеблется от 1 до 27, то средняя величина электорального округа здесь составит 13,3. Так как разница

мандатов между округами достигает иногда нескольких десятков единиц, то для более точного определения значимости электорального округа используют не средние величины, а медианные показатели. В случае с Финляндией данный показатель составит 17, так как 50% депутатов избираются в округах с мандатами 17 и выше, остальные 50% — в округах ниже 17. В обозреваемом нами исследовании авторы пользуются медианными показателями и определяют значимость электорального округа как десятичный логарифм медианной величины округа по выборам в законодательный орган (*LML* — the logarithm of the median legislator's district's magnitude).

$$LML = \lg M,$$

где *M* — медианная величина электорального округа.

2. Значимость выборов депутатов по общенациональному списку

В ряде стран наряду с обычными избирательными округами имеются общенациональные округа и соответственно общенациональные списки кандидатов в депутаты (табл. 4). Подобная ситуация накладывает отпечаток на характер партийной системы и взаимоотношения партии на общенациональном уровне. Им приходится использовать двойную тактику: на местном и общенациональном уровнях. Маленькие партии в этом случае не могут конкурировать с большими в общенациональных округах, что само собой приводит к укрупнению партий. К тому же победа в общенациональных округах повышает легитимность партии.

Таблица 4

Места в парламентах (нижних палатах), распределенные по результатам голосования по общенациональным избирательным округам*

Страна	Дата выборов	Число депутатов	Депутаты, избранные по общенациональным избирательным округам	
			число	%
Австрия	1986	183	21	11,4
Бельгия	1985	212	85	40,0
Венесуэла	1983	200	18	9,0
Германия	1983	498	248	49,8
Греция	1985	232	56	24,1
Исландия	1983	60	11	18,3
Италия	1983	630	72	11,4
Россия	1995	450	225	50,0
Уругвай	1989	99	27	27,2
Чехия	1990	101	5	5,0

* *Источник.* Neto, Cox, 1997. P. 171.

Значимость выборов депутатов по общенациональному избирательному округу фиксируется индексом UPPER (upper-tier variable), который подсчитывается как процент депутатов, избираемых по общенациональному округу.

3. Близость президентских и парламентских выборов

В президентских и полупрезидентских республиках партии вовлекаются в состязание за голоса избирателей не только на выборах членов парламента, но и на выборах президента. Естественно, что стратегия и тактика избирательной борьбы здесь имеют существенные отличия. Вместе с тем победа или поражение на президентских выборах сказывается и на выборах в парламент (и наоборот), особенно когда по времени президентские и парламентские кампании совпадают. Данный фактор следует учитывать при исследовании партийных систем. Предложенный Нето и Коксом индекс близости президентских и парламентских выборов (PROXIMITY) подсчитывается по следующей формуле:

$$PROXIMITY = 2 \left| \frac{(L_j - P_{j-1})}{(P_{j+1} - P_{j-1})} - \frac{1}{2} \right|,$$

где L_j — дата парламентских выборов; P_{j-1} — дата предыдущих президентских выборов; P_{j+1} — дата последующих президентских выборов.

Эта формула выражает время, прошедшее между предыдущими президентскими выборами и парламентскими выборами ($L_j - P_{j-1}$), отнесенное к президентскому сроку правления ($P_{j+1} - P_{j-1}$). Вычитая $1/2$ из этого прошедшего времени и затем считая модульную величину, мы получаем результат, который показывает, как далеко от середины срока президентских выборов отстоят выборы парламентские. Логика этой формулы следующая: наименее близкие к президентским те парламентские выборы, которые располагаются в середине срока президентского правления.

Пример: Подсчитаем значение данного индекса для Финляндии. Если в Финляндии выборы в парламент состоялись в марте 1983 г., президентские выборы состоялись в январе 1982 г., следующие президентские выборы состоятся в январе 1988 г., т.е. президентский срок составляет шесть лет, тогда

$$PROXIMITY = 2 \left| \frac{3,83 - 1,82}{1,88 - 1,82} - \frac{1}{2} \right| = 2 \left| 14/72 - 1/2 \right| = 0,61,$$

если нулевой показатель свидетельствует о полной изоляции парламентских выборов в непрезидентских системах, единица говорит о полном совпадении сроков, то 0,61 указывает, что парламентские выборы отстоят от середины президентских на $2/3$ этого срока.

Используя множественную регрессию, авторы поставили цель показать зависимость эффективного числа парламентских партий (ENPS) от различных институциональных факторов:

$$ENPS = \alpha + ENPV(\beta_0 + \beta_1 LML + \beta_2 UPPER) + \varepsilon,$$

где α — постоянный коэффициент; $\beta_0, \beta_1, \beta_2$ — коэффициенты регрессии, характеризующие искомые зависимости; ε — стандартная ошибка измерения.

Результаты исследования представлены в табл. 5.

Таблица 5

Детерминанты эффективного числа парламентских партий*

Зависимая переменная: ENPS	Оценочные коэффициенты	Стандартные ошибки
Независимые переменные:		
CONSTANT	0,582	0,135
ENPV	0,507	0,048
ENPV*LML	0,080	0,012
ENPV*UPPER	0,372	0,111
Выверенный R ² =N	0,921	
	54	

* *Источник.* Neto, Cox, 1977. P. 163.

Данные, приведенные в табл. 5, показывают, что значительная доля вариаций (93%) в эффективном числе парламентских партий может быть объяснена как раз ENPV и взаимодействием ENPV с двумя индикаторами силы электоральной системы — LML и UPPER. Также было подтверждено, что если электоральная система строится на одномандатных округах (LML = 0) и не имеет общенационального округа (UPPER = 0), тогда она является максимально сильной, т.е. понизит число парламентских партий. Как только показатели значимости электоральных округов (LML) и показатели выборов по общенациональному округу (UPPER) появляются, система становится более либеральной и число парламентских партий понижается незначительно (или даже не изменяется). Близость президентских и парламентских выборов также оказывает значительное влияние на число парламентских партий. В исследовании подчеркивалась зависимость между институциональными факторами и социальной дифференциацией; посредствующая роль институциональных параметров в определении партийной системы.

**ФОРМАТЫ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В НОВЫХ
ДЕМОКРАТИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
НЕУСТОЙЧИВОСТИ И ФРАГМЕНТАЦИИ¹**

Под «форматом партийной системы» обычно понимают совокупность ее внешних (т.е. не имеющих прямого отношения к расстановке политических сил в данном обществе) характеристик. Основными такими характеристиками являются степени электоральной неустойчивости и политической фрагментации. Неустойчивыми считаются те партийные системы, где велика доля избирателей, меняющих свои предпочтения в промежутках между выборами, а фрагментированными — те, которые состоят из значительного числа элементов, т.е. партий. Именно таковы, в большинстве своем, партийные системы новых демократий.

Пытаясь объяснить этот феномен, исследователи чаще всего ссылаются на воздействие институциональных факторов. К настоящему времени уже выделено несколько подобных факторов. Во-первых, показано, что при становлении партийных систем новых демократий велика роль институционального наследия авторитарных режимов, прежде всего так наз. партий-преемниц, воспринявших идеологические позиции этих режимов и/или их организационные ресурсы... а также партий, сложившихся на базе массовых движений за демократию... Во-вторых, выяснено, что серьезный отпечаток на формирующиеся партийные системы накладывает такой специфический институт, как «учредительные выборы»... В-третьих, установлено, что формат партийных систем нередко связан с институциональным строем самих новых демократий — в особенности, избирательной системой... и формой правления...

Понятно, что приведенный список причин неустойчивости и фрагментации не является исчерпывающим. И все же, думается, в сложив-

* *Голосов Григорий Васильевич* — доктор политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Печатается по: *Голосов Г. В.* Форматы партийных систем в новых демократиях: Институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. 1998. № 1.

шейся познавательной ситуации гораздо важнее не дополнять его, а попытаться разобраться в том, каким образом взаимодействуют между собой различные институциональные факторы, каждый из которых в отдельности уже идентифицирован в качестве важной детерминанты формата партийных систем. Речь идет о том, чтобы от анализа воздействия отдельных факторов перейти к выработке общего представления о механизмах, делающих партийные системы новых демократий в той или иной мере неустойчивыми и фрагментированными. Для решения этой задачи я использовал данные по формированию партийных систем в четырех странах — Испании, Бразилии, Венгрии и России.

<...> Сперва необходимо ответить на вопросы более общего порядка: правомерно ли сравнивать столь разные политические системы? Не приведут ли подобные сравнения к потере существенно важной информации, что полностью обесценит полученные результаты? К положительному ответу на последний вопрос склоняется В. Банс, ссылающаяся на коренные различия между культурными, социально-экономическими, международными и прочими контекстами, в которых протекают процессы демократизации на «востоке» и на «юге»...

В методологической литературе предлагаются два пути частичной нейтрализации проблемы разницы контекстов. Один из них состоит в ограничении числа независимых переменных за счет так наз. редукции данных <...> Другой, якобы противоположный, путь заключается в том, чтобы как можно глубже «контекстуализировать» исследование, отказаться от «анонимных» переменных в пользу «аналитической глубины» подхода, ориентированного на изучение отдельных случаев <...> В настоящей статье я попытался совместить элементы «редукции данных» и «контекстуализации», используя ограниченное число независимых переменных, общая оценка воздействия которых давалась, однако, по результатам качественного анализа, проведенного по унифицированной методологической схеме...

Презентация электоральных данных

В качестве массива эмпирических данных по Испании использованы результаты парламентских выборов 1977 и 1982 гг. (в % голосов). Пропущены выборы 1979 г., которые с очевидностью не были «критическими», ибо почти ничего не изменили ни в расстановке политических сил, ни даже в объемах голосования за отдельные партии. К партиями «левого блока» я — по не нуждающимся в особом обосновании причинам — отношу Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП) и Коммунистическую партию Испании (КПИ). Последовательно правые позиции по социально-экономическим вопросам отстаивал лишь Народный альянс (НА), являвшийся одновременно «партией-преемницей». «Центр» распадается на две части. С одной стороны, это партии, в предвыборной рито-

рике которых доминировали темы, связанные с процессом демократизации страны, — Союз демократического центра (СДЦ) и возникший позднее Демократический и социальный центр (ДСЦ), а с другой — многочисленные региональные партии (прежде всего, каталонские и баскские), выступавшие за расширение полномочий своего региона...

Массив электоральной статистики по Бразилии образуют результаты выборов 1986 и 1990 гг. в палату депутатов конгресса страны. (Опущены президентские выборы 1989 г.) Полученные партиями и «блоками» результаты приводятся в процентах мест, так как распределения голосов в общенациональном масштабе в Бразилии не публикуются. Разумеется, это дает основания усомниться в сопоставимости данных по Бразилии с остальными. Тем не менее, как представляется, в рассматриваемом случае такое отступление от формальной сопоставимости не только вполне допустимо, но и целесообразно. Выборы в Бразилии проводятся по пропорциональной списочной системе с низким заградительным барьером в отдельных штатах, образующих избирательные округа большой величины. Это обеспечивает чрезвычайно высокий уровень пропорциональности, т.е. приближения процентов мест к процентам голосов, поданных за партии. Иное решение — скажем, использование распределения мест во всех анализируемых случаях — было бы менее удовлетворительным, поскольку некоторые избирательные системы (например, российская) могут давать крайне диспропорциональные результаты.

Картина распределения партий по «блокам» в Бразилии близка к испанской, хотя композиция партийного спектра — значительно более сложная <...> К числу «левых» отнесены Демократическая трабальистская партия (ДТП), Партия трудящихся (ПТ), Бразильская социалистическая партия (БСП), возникшая позднее Партия бразильской социал-демократии (ПБСД), а также ряд более мелких организаций, включая несколько коммунистических партий. «Правыми», помимо «партии-преемницы» — Социально-демократической партии (СДП), я считаю Партию либеральный фронт (ПЛФ), Христианско-демократическую партию (ХДП), Либеральную партию (ЛП), Бразильскую трабальистскую партию (БТП), Партию национальной реконструкции (ПНР) и Партию национальной мобилизации (ПНМ). В «центр» вошла лишь Партия бразильское демократическое движение (ПБДД), чья предвыборная риторика, как и у СДЦ в Испании, концентрировалась на процессе демократизации и вкладе в него самой партии...

Данные по Венгрии представлены результатами парламентских выборов 1990 и 1994 гг. в % голосов, поданных за территориальные партийные списки <...> В качестве «левых» рассматриваются «партия-преемница» — Венгерская социалистическая партия (ВСП), а также еще более тесно идеологически связанная с прежним режимом Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП), воссозданная Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ), венгерский аналог Аграрной

партии России — Аграрный союз (АС) и левопопулистская Венгерская народная партия (ВНП).

Сложнее обстоит дело с «правыми» и «центром». Демократическая Венгрия унаследовала от прежних авторитарных режимов не только «партию-преемницу», но и глубоко укорененное противостояние между «западничеством» и «популизмом» — идейными течениями, с трудом укладывающимися в «право-левый» континуум <...> В условиях демократизации наследниками первого из них выступили Союз свободных демократов (ССД), Федерация молодых демократов (ФМД), а также возникшие позднее Республиканская партия (РП) и Либеральный альянс — Партия предпринимателей (ЛА — ПП), а второго — Венгерский демократический форум (ВДФ) и отколовшаяся от него Партия венгерской жизни и справедливости (ПВЖС), Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) и Партия мелких хозяев (ПМХ). Какой из этих «блоков» — наличие у них отдельных «идентичностей» ни у кого в Венгрии сомнений не вызывает <...> — следует отнести к «правым», а какой — к «центру»? Риторика многих венгерских политиков (в том числе и принадлежащих к соответствующим «блокам»), равно как и наблюдаемая модель коалиционного поведения, наталкивают на мысль, что в «центре» находится ССД, вошедший после выборов 1994 г. в правительство, возглавляемое социалистами. Но будет ли такой вывод верным с точки зрения сопоставимости данных?

Думается, нет. На выборах как 1990, так и 1994 г. социально-экономическая программа ВДФ и его союзников была весьма умеренной и предполагала лишь очень постепенное снижение регулирующей роли государства в экономике в сочетании с социальной поддержкой депривированных слоев населения. Достаточно сказать, что отколовшаяся от Форума ПВЖС была единственной партией, выступившей в 1994 г. за пересмотр итогов приватизации. И напротив, ССД и в особенности ФМД отстаивали концепцию «рыночного радикализма» и требовали ускорения экономических реформ. Именно этот «западнический блок» следует, стало быть, признать «правым» в том смысле, который вкладывается в данное понятие в настоящем исследовании. Другое дело, что ВДФ и его союзники придерживались наиболее последовательно антикоммунистических позиций. Но фокусировался этот антикоммунизм не на экономическом аспекте «левизны», а на авторитаризме прежнего режима и его «антинациональном» характере. А это — проблемы, не имеющие прямого отношения к «право-левому» континууму, в рамках которого «популистский блок» оказывается «центром» <...>

Электоральные данные по России представлены результатами думских выборов 1993 и 1995 гг. по партийным спискам... В отличие от Венгрии, наиболее простой для определения категорией здесь оказываются «правые». Это — партии, либо поддерживавшие социально-экономическую политику правительства, либо выступавшие за «более последователь-

ное» проведение рыночных реформ. К «правому блоку», таким образом, могут быть отнесены Выбор России (ВР, 1993)/Демократический выбор России — Объединенные демократы (ДВР — ОД, 1995), ЯБЛОКО, Партия российского единства и согласия (ПРЕС), Российское движение демократических реформ (РДДР), Партия самоуправления трудящихся (ПСТ) и девять мелких организаций, участвовавших в выборах 1995 г.

На первый взгляд, не составляет труда и идентификация «центра»: помимо «партий», лидеры которых действительно не удосужились хоть как-то определить собственную социально-экономическую программу и не имели четко сформулированных позиций по иным вопросам (вроде Гражданского союза в 1993 г.), это — многочисленные группировки, основанные на принципе «простого» представительства. В 1993 г. главной такой «партией» были Женщины России (ЖР), но в 1995 г. число их резко увеличилось, придав партийной системе довольно экзотический вид. Беспрецедентную пролиферацию подобных образований в России можно объяснить как отсутствием институциональных каналов корпоративного представительства... так и особенностями функционирования партий в условиях ограниченной политической конкуренции...

Основная сложность связана с выявлением «левых». Более или менее ясно, что к их числу следует отнести основную «партию-преемницу» — Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ), а также Аграрную партию России (АПР), «Коммунистов — Трудовую Россию — за Советский Союз» (КТРСС) и «Власть — народу!» (ВН). Но как быть с Либерально-демократической партией России (ЛДПР), которая, напомним, выиграла «учредительные выборы» в стране, и с идеологически родственными ей образованиями вроде «Державы», участвовавшими в выборах 1995 г.? Как быть, наконец, с Демократической партией России (ДПР) образца 1993 г. и с Конгрессом русских общин (КРО) образца 1995 г.?

Моя позиция — которая, предвижу, разойдется с оценками многих читателей — заключается в том, что все «националистические» партии, независимо от степени их декларированной оппозиционности, следует относить к «центру». Дело не в том, что сами лидеры этих партий, начиная с В. Жириновского, обычно именно так и характеризуют собственные идеологические предпочтения, но в том, что любое иное решение не обеспечило бы сопоставимости данных. В связи со специфическими обстоятельствами возникновения современной государственности в России образовалось двухмерное поле межпартийной конкуренции, в котором раскол по социально-экономическим проблемам пересекается с не менее глубоким расколом по вопросам стратегии национально-государственного строительства. Очевидно, что именно второе измерение и было той осью, вокруг которой концентрировалась предвыборная риторика Жириновского. А это значит, что положение ЛДПР на «право-левом» континууме просто не имело значения в глазах потенциального электората партии. Важнее были другие проблемные позиции. Иными слова-

ми, мы сталкиваемся здесь с той познавательной ситуацией, выход из которой ранее уже был намечен и обоснован теоретически...

Таким образом, во всех рассматриваемых случаях удается выделить по три сопоставимых (с точки зрения их идеологических предпочтений) «блока» политических сил, что открывает возможность проведения количественного анализа электоральной статистики по единым методологическим основаниям.

Результаты количественного анализа

Показатели электоральной неустойчивости в анализируемых странах представлены в табл. 1. Они заметно превосходят средние показатели по Западной Европе... Из таблицы 1 видно, что общая неустойчивость значительно выше всего в России. Она более чем в шесть раз превышает средний западноевропейский уровень и почти вдвое выше, чем в Венгрии. Однако в целом по группе посткоммунистических демократий венгерский случай показательнее российского <...> В Испании и Бразилии уровни неустойчивости почти одинаковы, и их числовые значения — примерно средние по выборке, используемой в данном исследовании. В то же время следует отметить, что в широкой перспективе значения P в названных странах оказываются весьма высокими — даже по сравнению с аналогичными показателями в новых демократиях Латинской Америки, где средний показатель — немногим превышает 24 <...>

Таблица 1

Показатели электоральной неустойчивости

Показатель	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
P	37,2	39,4	26,6	51,7
P_e	28,3	32,2	15,2	11,9
P_i	8,9	7,2	11,4	39,8
S	23,9	18,1	43,0	76,9

Таким образом, по результатам анализа общей неустойчивости, казалось бы, можно заключить, что венгерский и российский случаи — далеко отстоящие друг от друга экстремумы, тогда как бразильский и испанский — сходны между собой. Однако выявленный характер межблоковой и внутриблоковой неустойчивости заставляет усомниться в правомерности такого вывода. В Испании и Бразилии мы действительно находим очень сходные распределения. Но при этом выясняется, что близки между собой и значения P_e в Венгрии и России, причем в последнем случае оно ниже, а необычайно высокий уровень общей неустойчивости более чем на две трети объясняется внутриблоковой динамикой. Противоположно-

Таблица 2

Доли отдельных блоков в общей внутриблоковой неустойчивости (в %)

Блок	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
Правые	0	100	28,1	49,3
Центр	41,6	0	18,4	40,2
Левые	58,4	0	53,5	10,5

стью России в данном отношении оказывается Бразилия, где процентная доля внутриблоковой неустойчивости ниже более чем вчетверо.

При анализе долей отдельных блоков в общей внутриблоковой неустойчивости картина оказывается еще сложнее и многообразнее (табл. 2). Как показывают вычисления, по данному критерию «сгруппировать» рассматриваемые случаи просто невозможно, ибо каждая модель имеет весьма своеобразный, национально-специфический характер. В Испании совершенно отсутствует неустойчивость в рамках «правого блока», а основными ее носителями выступают «центр» и, в особенности, «левые». В Бразилии — прямо противоположная ситуация. Динамика внутриблоковой неустойчивости полностью сконцентрирована здесь в «правом блоке». Чуть равномернее распределения в Венгрии и России, но и тут картины существенно разнятся: если в первом случае самым неустойчивым оказывается «левый» блок, то во втором он, напротив, устойчивее остальных.

Таблица 3

Показатели политической фрагментации

Показатель	Испания		Бразилия		Венгрия		Россия	
	1977	1982	1986	1990	1990	1994	1993	1995
<i>N</i>	4,3	3,4	2,8	8,7	6,7	5,5	8,3	11,1
<i>NR</i>	1	1	2,1	4,7	1,7	2,0	3,2	5,0
<i>NC</i>	2,1	6,5	1	1	2,3	3,2	2,7	6,1
<i>NL</i>	1,6	1,2	2,8	4,7	3,2	1,3	1,9	1,9

Как явствует из табл. 3, показатели общей политической фрагментации по использованной выборке довольно высоки. Лишь в случае бразильских выборов 1986 г. такой показатель имеет значение, которое в широкой сравнительной перспективе можно признать средним... Остальные значения превышают среднее, причем уровни фрагментации, достигнутые на обоих выборах в Венгрии и на выборах 1990 г. в Бразилии, весьма велики, а российская партийная система постоянно демонстрирует чрезвычайно высокие значения *N*. В 1995 г. она могла рассматриваться как наиболее фрагментированная в мире. Распределения фраг-

Динамика политической фрагментации

Показатель	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
<i>D</i>	0,8	3,1	0,8	1,3
<i>DR</i>	1,0	2,2	1,2	1,6
<i>DC</i>	3,1	1,0	1,4	2,3
<i>DL</i>	0,8	1,7	0,4	1,0

ментации по блокам опять-таки своеобразны. В Испании самой фрагментированной частью политического спектра неизменно был «центр», тогда как в Бразилии — «правые» и «левые». В Венгрии картина распределения фрагментации по «блокам» претерпела кардинальные изменения: если в 1990 г. высшей степенью фрагментированности отличался «левый блок», а за ним следовал «центр», то четыре года спустя значение *NC* оказалось наибольшим, а *NL* — наименьшим. «Перемена мест слагаемых», хотя и более ограниченная, произошла и в России: по уровню фрагментации здесь сначала лидировали «правые», а потом — «центр» (причем общее распределение приблизилось к венгерскому).

Весьма разнообразны и показатели фрагментации в динамике (табл. 4). В Испании и Венгрии наблюдается довольно заметное снижение значений *D*, в России — примерно такой же прирост, тогда как в Бразилии фрагментация возросла более чем втрое. Впрочем, относительные значения *D* по отдельным «блокам» распределены несколько равномернее. В трех случаях — испанском, венгерском и российском — самая динамичная фрагментация наблюдается в «центре», а самая медленная — в «левом блоке». Отклоняется лишь случай Бразилии, где ниже всех как раз значение *DC*, хотя и здесь *DR* превышает *DL*.

Подводя итоги количественному анализу, приходится констатировать, что полученные по каждому из рассмотренных случаев результаты весьма разнятся между собой. Их нельзя свести к единой модели. Напротив, можно говорить о четырех существенно различных форматах партийных систем, каждый из которых обладает специфическим набором идентифицированных выше характеристик. Выявить институциональные факторы, «ответственные» за кросснациональную вариацию по этим параметрам, позволит качественный анализ отдельных случаев. Его методологическая гомогенизация будет достигнута как за счет обоснованного в первом разделе статьи унифицированного видения независимых переменных, так и за счет единообразия нарративных экспозиций анализа: сначала будут обсуждаться итоги «учредительных выборов» в контексте национально-специфических процессов демократизации, затем — роль «партий-преемников», а в последнюю очередь — институциональный дизайн новых демократий. Выводы будут базироваться на ана-

лизе итогов «критических» выборов. Такое построение нарратива обусловлено методологией исследования и, разумеется, отнюдь не означает, что каким-то факторам а priori приписывается ведущая роль.

Исследования отдельных случаев

Венгрия

«Учредительные выборы» 1990 г. в Венгрии стали итогом довольно длительного по восточноевропейским меркам процесса либерализации режима <...> Его инициаторами были лидеры «реформаторского крыла» правящей партии, ВСРП, во главе с И. Пошгаи. Тем не менее у власти это крыло оказалось относительно поздно — в конце июня 1989 г. До самого последнего момента «реформаторам» приходилось делить рычаги контроля с «консервативным крылом», и в качестве одного из доступных сторонникам преобразований средств давления выступали внесистемные, более или менее оппозиционные группы. Отсюда — сравнительно ранняя легализация венгерского «демократического движения». Понятно, однако, что «диссиденты-западники» мало подходили на роль умеренно-оппозиционной силы, готовой к сотрудничеству с Пошгаи и его фракцией ВСРП. В качестве такой силы могли выступить лишь «популисты», организация которых — ВДФ — создавалась при непосредственном участии Пошгаи <...>

ВДФ стал костяком «центристского» политического лагеря в Венгрии, к которому позднее присоединились ХДНП и ПМХ. «Правые» организации — ССД и ФМД — возникли позднее и были менее влиятельными. Именно ВДФ рассматривался, таким образом, в качестве главного партнера ВСРП на переговорах, решивших проблему перехода страны к демократии... Последовавшая дезинтеграция правящей партии и создание на ее руинах ВСП, а также осуждавшей всякие перемены ВСРП, имели двоякий эффект. С одной стороны, ВДФ выдвинулся на роль лидирующей политической силы страны. С другой — произошла фрагментация левой части политического спектра: идеологически близкие к ВСП политики предпочитали дистанцироваться от обреченной на поражение бывшей правящей партии. Помимо «партий-преемников», за голоса левых избирателей конкурировали СДПВ (которая пыталась возродить «незамутненные коммунизмом» традиции венгерского рабочего движения), АС и ВНП.

Все эти обстоятельства сказались на итогах «учредительных выборов». Безусловную победу одержал «центр», принадлежавшие к которому партии и образовали правительство страны. Роль оппозиции отошла к «правым» ССД и ФМД, а также к единственной «левой» партии, добившейся парламентского представительства — ВСП. В течение некоторого времени экономическая политика правительства, сочетавшая в себе элементы осторожных рыночных реформ и социальной защиты населения, казалась

успешной. Вскоре, однако, выяснилось, что установка на «постепенность» преобразований себя не оправдывает. Высокий уровень инфляции и стремительный рост числа безработных привели к быстрому падению уровня жизни населения <...> В результате «центр» оказался «невыигрышной» частью политического спектра. Ведущие «центристские» партии — ВДФ и ПМХ — раскололись, а идеологическая привлекательность официальных «христианско-национальных ценностей» становилась, по данным опросов общественного мнения, все более сомнительной.

Обсуждавшийся выше случай Испании подсказывает, что в такой ситуации в выигрышном положении должны были оказаться прежде всего силы, оппозиционные правительству, но активно поддерживавшие процесс демократизации, — следовательно, «правые». Именно об этом и свидетельствовали данные опросов общественного мнения до лета 1993 г. Но затем влияние «правых» стало неуклонно падать. Думается, что шансы ССД на победу в «критических выборах» были в значительной мере подорваны неадекватностью идеологических ориентиров. Полагая, что депривация населения заставит его обратиться к организациям, предлагающим более «мягкую» экономическую политику, лидеры ССД фактически отказались от своих первоначальных установок в пользу «социально ориентированной» стратегии. На этом поле, однако, им предстояло конкурировать с ВСП. Руководство ФМД, напротив, заняло последовательно жесткую «неоконсервативную» позицию, что позволило партии на короткий срок выйти в лидеры общественного мнения. В то же время подобная идеологическая эволюция вызвала противодействие части активистов партии. Произошел скандальный раскол, нанесший непоправимый урон организационной стабильности и электоральной привлекательности ФМД.

Можно предположить, что все описанные события способствовали повышению потенциала ВСП, несомненным преимуществом которой был значительно более высокий, чем у испанской и бразильской «партий-преемниц», уровень организационной стабильности. Лишившись власти, ВСП в основном утратила членскую базу, но зато сохранила заметную долю своих активистов — профессиональных политиков, оказавшихся не у дел в результате смены режима. Основная проблема состояла в том, чтобы заставить избирателя признать социалистов партией, полностью отказавшейся от авторитарных методов руководства и от коммунистической идеологии.

Учитывая, что коммунисты-«реформаторы» действительно сыграли важную роль в процессе демократизации, а идеологически ангажированные активисты в массе своей предпочитали «восстановленную» ВСП, названная проблема оказалась технически разрешимой... На выборы 1994 г. ВСП пришла сплоченной, стабильной в организационном плане партией, ассоциированным членом Социалистического Интернационала. Предвыборная программа ВСП отдавала дань традиционной левой риторике, и все же основными ее пунктами были эффек-

тивная макроэкономическая регуляция, ускорение приватизации и сокращение государственных расходов.

Результаты «критических выборов» можно охарактеризовать как полную победу ВСП и катастрофическое поражение «центра» при сохранении уровня поддержки «правых». Доля голосов, поданных за ВДФ, уменьшилась почти вдвое... Сократилась и электоральная поддержка ПМХ. Единственной партией «центра», несколько улучшившей свои позиции, стала ХДНП, чья предвыборная риторика концентрировалась на интересах специфического субэлектората — верующих жителей сельской местности. Общая фрагментация «центра» возросла за счет более равномерного распределения голосов между составлявшими его партиями. Немного возросла и фрагментация «правой» части политического спектра, где отсутствие явного лидера сделало возможным увеличение числа конкурирующих партий. Однако на общесистемном уровне тенденции к нарастанию фрагментации «справа» и в «центре» были полностью сnivelированы ее падением «слева».

Действительно, к 1994 г. превосходящие организационные ресурсы ВСП сделали положение партий, конкурировавших с социалистами на «учредительных выборах», по сути дела безнадежным. СДПВ и ВНП фактически прекратили существование и выбыли из борьбы, а ВСРП и АС лишь ухудшили свои показатели. Именно этим и можно объяснить два феномена, которые мы наблюдали при формальном анализе электоральных исходов в Венгрии — значительный уровень неустойчивости на «левом» фланге политического спектра, несомненно связанный с переходом голосов от выбывших из борьбы и проигравших партий к ВСП, и обусловленный тем же самым довольно высокий общий уровень неустойчивости в стране.

Межблоковая неустойчивость в Венгрии оказалась почти вдвое ниже, чем в Испании и в Бразилии: разгром «центра», от которого в основном отходили голоса к другим блокам, не был здесь таким сокрушительным. С чем это связано? Думается, возможное объяснение состоит в том, что в отличие от испанского СДЦ и бразильской ПБДД, целиком концентрировавших свою предвыборную риторику на процессе перехода к демократии (т.е. на совокупности целей, уже реализованных к моменту «критических выборов»), венгерский «центр» обладал глубоко укорененной в истории страны идеологической идентичностью, сохранившей притягательность для известной части электората даже на фоне экономических неудач.

Случай Венгрии не привносит ничего принципиального в понимание роли «учредительных выборов», результаты которых и здесь задали исходную диспозицию политических сил. Но зато именно на венгерском материале особенно отчетливо высвечивается значение «партии-преемницы» как фактора, определяющего формат партийной системы. Выясняется, что наличие сплоченной, организационно стабильной партии такого типа

способно противодействовать фрагментации партийной системы. Однако условием, при котором подобные эффекты становятся возможными, служит способность «партии-преемницы» к идеологической трансформации, ее готовность принять демократические «правила игры».

Россия

Российский переход к демократии во многом отличался от аналогичных процессов в других странах, причем не только на «юге», но и на «востоке». Две особенности заслуживают специального упоминания в контексте настоящего анализа. Во-первых, «учредительные выборы» в стране были проведены более чем через два года после фактической смены режима. В промежутке же между этими двумя событиями политическая соревновательность в России имела весьма ограниченный характер. Это блокировало процесс становления политических партий и, более того, самым негативным образом сказалось на устойчивости организаций, возникших в 1990–1991 гг. <...>

Во-вторых, сразу же после смены режима у власти в стране оказались политические силы, в терминах настоящего анализа квалифицируемые как «правые». Сентябрьско-октябрьские события 1993 г. усилили позиции этого «блока» до такой степени, что его ведущие представители не осознали необходимость консолидации даже в преддверии парламентских выборов. Напротив, создается впечатление, что предвыборная стратегия правительственных сил строилась на пролиферации партий сходной политической ориентации. Отсюда — такой уникальный феномен, как присутствие на политической арене двух партий, возглавлявшихся членами действующей администрации — ВР и ПРЕС, а также близкого к ним РДДР. «Правую оппозицию» представляло лишь ЯБЛОКО.

В этих условиях, разумеется, «центр» не мог быть образован за счет партий, чья электоральная риторика концентрировалась на их собственных заслугах в деле демократизации. Эту часть политического спектра составили, с одной стороны, объединения, основанные на принципе «простого представительства», ярким примером которых стал блок под неприязательным названием «Женщины России», а с другой — организации, осознавшие появившуюся стратегическую возможность выступить в качестве «центристской оппозиции» правительству.

Главная проблема «центра» заключалась, однако, в том, что его оппозиционность нуждалась в сильной идеологической артикуляции, осью которой не могли стать ни целесообразность смены режима, ни направление экономических реформ. Этим, думается, и объясняется феномен ЛДПР — партии, которая не противопоставляла себя правительству ни по одной из упомянутых позиций, но сфокусировала свою предвыборную риторику на проблемах национально-государственного строительства, образовавших, как уже говорилось, дополнительную ось идео-

логической поляризации в России. Именно на такой основе и стала возможной реализация «опозиционно-центристской» стратегии.

Разумеется, наибольшим оппозиционным потенциалом обладали «левые» в лице КПРФ и связанной с ней АПР. Но, как мы видели, шансы на реализацию этого потенциала прямо зависят от идеологической гибкости «партии-преемницы». В данном отношении российский и венгерский случаи существенно разнятся между собой. С институциональной точки зрения, эта разница объясняется таким фактором, как запрещение КПСС в 1991 г., а в более широкой перспективе — моделями развития элит в двух странах... Если в Венгрии смена элит подталкивала активистов ВСРП к оппозиционной деятельности в составе реформированной партии, то российская модель «репродукции» делала такой способ политической реадaptации излишним, а запрет на деятельность КПСС — даже рискованным. В результате костяк руководства и актива КПРФ составили идеологически ангажированные оппозиционеры. Правда, в специфическом контексте кампании 1993 г. предвыборная риторика, построенная на артикуляции ценностей партийного актива КПРФ, была едва ли возможна. В целом она имела вялый, неопределенный характер, контрастировавший с наступательным стилем лидера ЛДПР. Еще менее ярко была выражена оппозиционность стратегического партнера коммунистов — АПР.

Результаты выборов 1993 г. показывают, что именно «центру» — и прежде всего ЛДПР — удалось добиться электорального поощрения избирателей, не удовлетворенных экономической политикой правительства. Высокий уровень фрагментации партийной системы, достигнутый по результатам этих выборов, объясняется совокупностью причин. Фрагментация «правого блока» — это, в значительной мере, артефакт, связанный с наличием нескольких «правительственных партий». Что касается «центра» и «левых», то здесь сказалось сосуществование ЛДПР — с ДПР и ЖР, а КПРФ — с АПР. Наконец, немаловажную роль сыграло относительно равномерное (в пропорции примерно 4:4:2) распределение голосов между «блоками». Следует отметить, что фрагментация «центра» была бы, по всей вероятности, еще более высокой при отсутствии ограничений на регистрацию оппозиционных националистических партий...

В условиях парламентской системы подобный исход выборов привел бы, очевидно, к формированию коалиции с обязательным участием «центра». В России, однако, правительственная ответственность оставалась за «правыми», и это — основное обстоятельство, определившее партийные стратегии на этапе подготовки к «критическим выборам» 1995 г. Ассоциация с правительством превратилась в фактор, заведомо ухудшавший электоральные шансы любого политика. Думается, что именно этим — а не только эффектами избирательной системы... — следует объяснять пролиферацию «правых» партий, каждая из которых стремилась представить себя как «демократическую оппозицию» пра-

вительству, а также организационный коллапс ВР. Наскоро созданная новая «правительственная партия», НДР, уже в силу своей идеологической неопределенности не могла привлечь на свою сторону большинство «правого» субэлектората. Отсюда — чрезвычайно высокая доля «правых» в общей внутриблоковой неустойчивости, а также повышению фрагментации данной части политического спектра.

Положение «центра» — и прежде всего ЛДПР — осложнялось тем, что в промежутке между выборами он не состоялся как сила, оппозиционная правительству. В то же время победа на «учредительных выборах» при неизменной правительственной ответственности делала «центр» чрезвычайно притягательным для новых партий — как националистических (КРО, Держава, Национально-республиканская партия и др.), так и корпоративных. Конstellация этих двух обстоятельств привела к тому, что хотя по итогам выборов 1995 г. именно «центр» понес наиболее ощутимый относительный урон, он же подвергся и крайнему раздроблению, во многом определившему чрезвычайно высокую общесистемную фрагментацию в России. Если в 1993 г. на ЛДПР пришлось более половины «центристских» голосов, то в 1995 — лишь около трети.

Единственной частью политического спектра, не подвергшейся интенсивной фрагментации, оказались «левые». Как показал анализ венгерского случая, это можно связывать с наличием организационно устойчивой «партии-преемника». Пределы доступной КППРФ идеологической мобильности по-прежнему оставались достаточно узкими. Однако исход «учредительных выборов» определил направление, в котором КППРФ могла переориентироваться, не теряя организационной сплоченности руководства и актива, — национализм и «державность». Правда, подобная переориентация могла стоить КППРФ голосов идеологически ангажированного субэлектората, для которого более рациональным становилось голосование за КТРСС. Но эти потери были перекрыты приобретением части субэлекторатов других блоков (вероятнее всего, «центристского»), а также АПР. Мало повлияло на общую картину и появление маргинального «левонационалистического» избирательного объединения ВН. В итоге «левые» стали единственным «блоком», фрагментация которого в 1995 г. не возросла, а внутриблоковая неустойчивость оказалась достаточно низкой.

Особенностью российского случая является чрезвычайно высокий уровень общей неустойчивости, объясняемый, преимущественно, внутриблоковыми перемещениями голосов. Сходство с Венгрией состоит в том, что фактором, «ответственным» за внутриблоковую динамику, служит электоральный успех «партий-преемниц». Однако если в Венгрии партии противостоявших социалистам «блоков» сохранили известную степень организационной устойчивости, в результате чего значительная часть внутриблоковых перемещений сконцентрировалась «слева», то в России рост влияния КППРФ происходил на фоне коллапса других

«блоков». Объяснительным фактором в данном случае служит исход «учредительных выборов»: в Венгрии они принесли успех партиям, которые достигли значительно более высокого уровня организационного развития, чем российские «демократы» и «националисты». Другое важное различие между двумя случаями состоит, очевидно, в том, что венгерская парламентская система адекватно трансформировала избирательские предпочтения, выраженные на «учредительных выборах», в политический курс. В России же итоги выборов 1993 г. мало отразились на проводимой политике. С этим можно связать сравнительно низкий уровень межблоковой неустойчивости в России.

Российский случай в целом подтверждает сделанные выше выводы о роли «партий-преемниц» в становлении партийных систем. Как в Венгрии, так и в России им удалось стать наиболее устойчивыми организационными акторами, образующими ось межпартийной конкуренции. Однако общесистемные эффекты противоположны: сокращение фрагментации — в одном случае, ее колоссальный рост — в другом. Как явствует из анализа, формат российской партийной системы подвергся решающему воздействию крайне неблагоприятной констелляции факторов, имеющих отношение к институциональному дизайну новой демократии. Это — президентализм (негативные эффекты которого уже отмечались при анализе бразильского случая), несвоевременное проведение «учредительных выборов», ограниченность политической конкуренции на начальном этапе демократизации, а также, возможно, избирательная система.

Исследование показало, что форматы партийных систем нельзя объяснить на основе какого-то одного из институциональных факторов. Скорее, речь должна идти об их национально-специфических констелляциях. Как мы видели, по итогам «учредительных выборов» бразильская партийная система была наименее фрагментированной по использованной выборке. Под действием других институциональных факторов она, однако, достигла весьма высокого уровня фрагментации. Наличие организационно стабильных и идеологически гибких «партий-преемниц» в целом может рассматриваться как фактор, преодолевающий фрагментацию и неустойчивость, но и здесь, как показывает кросс-национальный анализ, влияние других факторов может оказаться сильнее. Наконец, принятый в условиях демократизации институциональный дизайн действительно способствовал высоким уровням фрагментации и неустойчивости в Бразилии и России. Однако форматы партийных систем Испании и Венгрии, сделавших выбор в пользу парламентской формы правления, во многом различны.

Таким образом, в каждом случае возникает необходимость выделения специфики политического «фона», на котором протекают взаимодействия между соревновательными акторами. Думается, что один из подходов к решению этой принципиально важной задачи состоял бы в теоретической реконструкции структуры политических возможностей, открываю-

щихся перед соревновательными акторами в переходных обществах. На этой основе можно было бы представить взаимодействия между ними как последовательности «игр», ведущихся в условиях структурных (в данном случае институциональных) ограничений, а стало быть — поддающихся описанию и объяснению в рамках теории рационального выбора. С методологической точки зрения, такие описания и объяснения тяготели бы к моделям «неоинституционального подхода»... Но предпосылкой этого служит выделение политических целей, к достижению которых стремятся участники процесса демократизации. Как показывает проведенное исследование, цели соревновательных акторов специфицируются путем ретроспективного анализа, берущего в качестве отправной точки характер авторитарного правления в той или иной стране.

Тогда оказывается, что исход «учредительных выборов» — это результат наложения одного из базовых демократических институтов на политическую реальность, характер которой уже задан потерпевшим крах авторитаризмом. Именно в таком качестве «учредительные выборы» детерминируют исходную структуру политической конкуренции, а значит — первоначальный формат партийной системы. Другой элемент авторитарного наследия — «партии-преемницы», способность которых институционализироваться в качестве соревновательных акторов существенно модифицирует этот первоначальный формат. И лишь затем в ход вступают условия, непосредственно вытекающие из дизайна новой демократии. Несколько парадоксальный вывод состоит, таким образом, в том, что констелляции институциональных факторов, каждый из которых имеет демократический характер (исходный, как в случае с выборами, или приобретенный, как в случае с «партиями-преемницами»), в целом обусловлены не спецификой демократического правления в той или иной стране, а авторитарным наследием.

В современной дискуссии по проблемам демократизации уже высказывалась точка зрения, что политическая фрагментация в посткоммунистической Восточной Европе — прямое следствие «ленинского наследия»... Данную постановку вопроса следует признать не совсем адекватной, поскольку в ней явно заложен постулат об однородности унаследованных политических характеристик. Настоящее исследование показывает, что формат партийной системы есть продукт взаимодействия соревновательных акторов «на фоне» авторитарного — «ленинского» или какого-либо иного — наследия, протекающего «в рамках» институтов демократии. Можно предположить, что, становясь элементом нового институционального дизайна, партийные системы включаются в процесс этого взаимодействия в качестве одного из факторов, способствующих или препятствующих консолидации демократии. Роль «наследия» как детерминанты системных целей при этом сокращается. Так — постепенно, шаг за шагом — демократия приобретает собственную основу для дальнейшего развития.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СИСТЕМА ВЫБОРОВ¹

Отцы-основатели Соединенных Штатов, стремившиеся к созданию единого сплоченного государства, были убежденными и открытыми противниками деления нарождавшейся нации на противостоящие друг другу политические группы. Видимо, поэтому в конституционном устройстве страны политическим партиям не нашлось места. Но тем не менее уже борьба вокруг ратификации Конституции разделила общественность на «федералистов» и «антифедералистов», а к концу века обозначилось и оформление подобию политических партий. Представители новой аристократии — последователи Вашингтона, Дж. Адамса и Хэмилтона, продолжавшие называть себя «федералистами», находились у власти. Они были сторонниками элитарного правительства, считая, что только состоятельные и хорошо образованные люди могут успешно руководить государством. Их оппоненты, группировавшиеся вокруг Джефферсона и Мэдисона, симпатизировали идее народной демократии и правительства, отражающей интересы фермерских и городских масс. Идеалом государственного устройства для Т. Джефферсона была фермерская республика. Сторонники этой политической платформы стали называть себя республиканцами, а несколько позже республиканцами-демократами или демократами-республиканцами.

В 1800 г. предвыборная борьба между этими группировками за пост президента носила ожесточенный характер. Результаты выборов не выявили победителя: ни один претендент не завоевал большинства голосов выборщиков. Тогда в соответствии с Конституцией выборы президента были перенесены в Конгресс, который должен был отдать предпочтение одному из двух наиболее успешных кандидатов. Но при голосовании в Конгрессе голоса разделились поровну. Возникла тупиковая ситуация, выход из которой нашел лидер федералистов Хэмилтон. Активный противник Джефферсона в ходе предвыборной кампа-

* Селезнев Леонид Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии РГГИ при СПбГУ.

¹ Печатается по: Селезнев Л. И. Политическая система США. СПб., 1995. С. 145–163.

нии, он неожиданно для всех заявил, что решил отдать свой голос за его кандидатуру. Обоснование этого шага Хэмилтоном вошло в историю политической теории и политической культуры. Суть его такова: в условиях демократии большинство должно не только терпеть меньшинство и предоставлять ему возможность на равных бороться на выборах, но и добровольно передать ему власть, если становится очевидным, что избиратели проявляют растущее недовольство теми, кто до этого составлял большинство. Примечательно, что для Хэмилтона уже сама тенденция перехода значительной части избирателей на сторону оппозиции была достаточным основанием для того, чтобы уступить государственную власть представителю бывшего до недавнего времени меньшинства. 1800 год считают с тех пор временем возникновения американской двухпартийной системы.

Современный американский политолог Джеймс Берне назвал историю избрания в 1800 г. Джефферсона президентом фактом рождения «второй конституции» страны. Берне объясняет свое парадоксальное утверждение тем, что возникшая тогда система политических партий стала выполнять роль, обычно отводимую в конституциях политической власти: партии создают государственную власть (формируют ее органы), партии наполняют государственную политику определенным содержанием, партии организуют поддержку «снизу» правительственному курсу; они же контролируют «свое» правительство и корректируют его политику.

Над этими доводами стоит поразмыслить. Снова зададимся вопросом: кто же создает государство и чьим интересам оно служит? Классическая доктрина <...> утверждает: государственная власть исходит от народа и служит (или должна служить) его интересам. Избранным народным волеизъявлением представителям делегируются полномочия на осуществление государственной власти. Именно поэтому последняя имеет легитимное право заявлять, что «меня избрал народ», «я говорю от имени народа», «народ уполномочил меня» и т.п. Но давайте задумаемся над исходными постулатами и вытекающими из них следствиями «первой конституции». Народ предстает здесь некоей обезличенной, однородной, аморфной массой, а его участие в политике ограничено функцией избирать. То, что в общественной жизни вообще и в политической жизни в частности народ не однороден, не «усреднен», проявляется в ходе каждых демократических выборов. Поэтому претензии избранных представителей государственной власти говорить от имени народа (всего?), о волеизъявлении народа (всего или его части?), об интересах народа (или все же какой-то его части?) являются, по меньшей мере, некорректными. Как же тогда определить эти интересы всего народа? Существуют два пути. Первый, когда государственные деятели сами определяют эти интересы, считая, что они могут и уполномочены

лучше других знать, что хочет народ. Это — типичный прием политиков с авторитарными наклонностями. Второй, более сложный, заключается в том, чтобы выяснить, каковы мнения и интересы отдельных категорий и групп населения, составляющих народ, и уж затем найти объединяющие их общие интересы. Это — демократический путь определения интересов народа. Именно этот путь и предлагает «вторая конституция», представляющая собой как бы дополнение и уточнение первой. В этом и заключается главное предназначение политических партий в демократическом обществе.

Партии призваны объединять людей, имеющих совпадающие социальные, культурные и идеологические признаки, выявлять и выражать их общие интересы и организовывать их на политические действия. Независимо от того, поддержкой большинства или меньшинства пользуется данная политическая партия, она всегда стремится так сформулировать политическую программу, чтобы последняя учитывала интересы по возможности более широких слоев населения как основы формирования политической коалиции. Каждая политическая партия имеет своих активных членов, своих сторонников и своих, возможно временных, попутчиков. Эта многослойность политической коалиции не может не учитываться руководством партии, претендующей на государственную власть.

Есть еще один аспект деятельности политических партий, заметно обогащающий демократические начала управления общественными делами. Это альтернативность политических программ, которая позволяет избирателям не только делать выбор в соответствии со своими взглядами и интересами, не только сопоставлять различные подходы к решению стоящих перед обществом проблем, но и, что особенно важно, учиться политике, находить свою гражданскую позицию в политической жизни и играть в ней осознанную активную роль. Посредством и с помощью политических партий народ, массы вовлекаются в осуществление политики, в дела государства. И в этом проявляется главный вклад политических партий в демократический процесс, в реализацию принципа народовластия.

Поражает та быстрота, с которой молодая американская демократия продвинулась от своего первого этапа, характеризовавшегося общенародным стремлением обрести независимость и построить единую федеративную республику, ко второму этапу, когда произошло размежевание политических сил и оформление двух партий, выдвинувших альтернативные программы государственной политики. Эта ускоренная эволюция, несомненно, была результатом успешного становления гражданского общества в условиях, сложившихся после вступления в силу демократической Конституции. Вместе с тем сам процесс становления политических партий проходил неровно, через свои этапы подъёмов и спадов, размежеваний, перегруппировок и новых объединений.

Если истоки возникновения Демократической партии относят к победе Т. Джефферсона на выборах 1800 г., то джефферсониевские демократы-республиканцы, как они называли себя, оставались партией сравнительно недолго. После 16-летнего периода пребывания у власти, когда президентами были Джефферсон и Мэдисон, партия оказалась расколота на фракции и постепенно распалась в 20-х годах. Возрождение партии, а фактически ее воссоздание на новой основе, произошло в период 1828—1837 гг. во многом благодаря активной деятельности президента Эндрю Джексона. Джексону, выступившему с программой расширения круга избирателей, удалось создать достаточно прочную коалицию «простого народа», состоявшую в основном из фермеров, городских низов, а также поселенцев на западных землях, которая и стала социальной базой новой Демократической партии.

Что касается оппонентов демократов-республиканцев, а затем демократов, то они проявили еще меньшую стабильность. Федералистов вскоре сменили национальные республиканцы (10—20-е годы), их, в свою очередь, — партия вигов (30—50-е годы), сама вышедшая из рядов Демократической партии. Создание Республиканской партии было связано с возникновением аболиционистского движения (за отмену рабства) накануне Гражданской войны. Кандидат в президенты от этой партии Авраам Линкольн вышел победителем на выборах 1860 г. под лозунгами отмены рабства и сохранения Союза. Популярность Линкольна, победа северян в Гражданской войне и отмена рабства быстро подняли влияние новой партии и обеспечили ей доминирующее положение на политической арене на долгие годы. С этого времени сложилась и сохраняется поныне система двух ведущих политических партий — Демократической и Республиканской.

Политологи и историки по-разному пытались объяснить американский феномен двухпартийной системы. Сравнивая эту систему с многопартийными системами других, особенно европейских стран, они отмечали существенные различия в историческом и социально-политическом развитии старого и нового континентов. В Европе политические партии создавались в основном по религиозному, национальному, региональному, социально-классовому, идеологическому признакам. До сих пор в Европе действуют христианские (христианско-демократические), социалистические и рабочие (лейбористские), коммунистические, фермерские, буржуазно-консервативные и либеральные, монархические и республиканские, фашистские, националистические, экологические и иные партии, включая партии любителей пива. Их многочисленность и разнородность отражают высокую степень фрагментации и разноплановость самой фрагментации общества в большинстве европейских стран.

США по сравнению с ними изначально отличились прежде всего большей социальной однородностью. Напомним, что Джефферсон

объяснил сам факт принятия согласованной Конституции и первых успехов в становлении молодого государства тем, что в стране было относительно мало как богатых, так и бедных. «Средний американец», а затем «средний» класс, составляющий большинство, был и остается социальной основой американского гражданского общества и государства. Несмотря на то что в Америку стекались представители самых разных конфессий, национальных и социальных групп, все они достаточно быстро интегрировались в новую для них систему отношений (эффект «плавильного тигля»). Главное, что в Америке каждый находил себе место и занятие и в общем оказывался в лучших условиях, чем у себя на родине. Кардинально изменить эти условия мало кто стремился.

Разумеется, в США всегда была и сохраняется поныне социальная стратификация общества, всегда существовали и нередко принимали острые формы расовые и классовые конфликты, что тоже нашло отражение в возникновении не одной, а нескольких политических партий. Но в итоге размежевание политических сил вылилось в образование и противостояние двух крупных общенациональных партий, политические платформы которых выражают, по-видимому, взгляды и интересы большинства граждан. Но почему только двух? Этому также даются разные объяснения, в том числе и социально-психологического характера.

Одной из примечательных национальных черт американцев называют рациональность мышления. Возможно, что существующие в условиях рыночной экономики две ведущие тенденции социально-экономического развития <...> нашли свое отражение в сознании тех социальных слоев и групп, которые в силу своего положения были наиболее восприимчивы к принятию одной из них. Исследование политико-идеологической ориентации избирателей, проведенное в 1800 г., показало, что к «чистым либералам» относили себя $\frac{1}{4}$, к «чистым консерваторам» — $\frac{1}{6}$, к «либертарианцам» (консерваторам в экономических, но либералам — в социальных вопросах) — $\frac{1}{6}$ и к «популистам» (либералам в экономических и консерваторам — в социальных вопросах) — $\frac{1}{4}$ опрошенных. Если «чистые», как правило, голосуют за «свою» партию, то «либертарианцы» более тяготеют Республиканской партии, а «популисты» голосуют как за демократов, так и за республиканцев.

Существует и такое нетривиальное объяснение двухпартийной системы, опять-таки связанное с психическим складом американцев. Считается, что американцы любят прямые и четкие ответы. Так, в спорте среди них наиболее популярны соревнования, в которых из двух соперников побеждает один (бокс, теннис, американский футбол, баскетбол, бейсбол, хоккей), при этом соревнования должны продолжаться до выявления очевидного победителя. Подобным образом и в политической борьбе; в ходе выборов их интересует однозначный исход — должен быть выявлен очевидный победитель. Действительно, для многих американ-

цев избирательные кампании, соперничество кандидатов имеют все признаки спортивного соревнования, когда сторонники одной партии очень напоминают болельщиков «своей» команды или любимой спортивной звезды. Действительно, в спортивности американцам не откажешь.

Есть и еще одно объяснение, заслуживающее серьезного к себе отношения. Дело в том, что сложившийся за десятилетия механизм двухпартийной системы с довольно четким разделением сфер влияния, своими правилами борьбы, соперничества, сотрудничества и взаимодействия не оставляет места другим. Они не в состоянии включиться в эту отлаженную систему, не могут составить ей конкуренцию или, что пока выглядит вообще невероятным, опрокинуть ее. Данное состояние подтверждается ходом и итогами всех избирательных кампаний, в которых такие попытки предпринимались и всегда терпели неудачу.

Следует отметить, что «монопольное» положение двух партий фактически закреплено в избирательной системе. В США действует мажоритарная система выборов, когда кандидат, получивший в одномандатном округе относительное большинство голосов, считается избранным. На президентских выборах избиратели голосуют, как известно, за список кандидатов партий в коллегию выборщиков от штата. Здесь действует также мажоритарный принцип: выигравшая партия получает все места выборщиков от данного штата, а не пропорционально числу поданных голосов. Показательно, что получивший на выборах 1992 г. 19% голосов независимый кандидат Росс Перо в итоге не имел в коллегии выборщиков ни одного своего сторонника. Это означает, что мелкие партии практически не имеют шансов бороться на равных с «китами» большой политики. К этому надо добавить, что избирательные законы большинства штатов ставят мелкие партии в невыгодное положение при регистрации кандидатов, а необходимость крупных расходов на ведение избирательных кампаний делает их явно неконкурентоспособными по сравнению со столпами двухпартийной системы.

Тем не менее «третьи» политические партии всегда присутствовали на политической арене США и играли на ней немаловажную роль. Исходя из исторических условий, принципов и целей их организации, малые партии можно условно разделить на следующие четыре типа:

1. «Идеологические партии», т.е. возникшие на определенной идеологической основе. Программные установки этих партий характеризуются своим специфическим видением американского общества и государства и существенно отличаются от политической линии двух основных партий. Большинство из них придерживается марксистского мировоззрения, но некоторые, как, например, Либертарианская партия, стоят на противоположных социализму позициях. Наиболее значительные партии этой группы: Социалистическая партия (1901—1960 гг.); Социалистическая партия труда (1988 г. — по настоящее время); Ком-

мунистическая партия (1919 г. — по настоящее время); Либертарианская партия (1972 г. — по настоящее время).

2. «Одноцелевые партии», т.е. партии, созданные для достижения какой-либо четко определенной цели. Нередко целевые установки этих партий находили отражение в их названии. Можно привести следующие исторические примеры: Партия свободной земли, выступавшая против распространения системы рабовладения на вновь освоенные земли (1848—1852 гг.); Американская, или «Ничего не знаю», партия, выступавшая против новой иммиграции и распространения католицизма (1856 г.); «Прохибишн парти» (партия сухого закона), требовавшая запрета продажи спиртных напитков (с 1869 г. — по настоящее время); Женская партия, борющаяся за предоставление женщинам права голоса (1913—1920 гг.).

3. Партии экономического протеста. Эти партии возникали в связи с ухудшением условий жизни отдельных групп населения (чаще всего фермеров), как правило, на региональной основе. По мере решения возникших проблем партии распадались. Такими были, в частности, «Гринбэк парти» (партия зеленых спин — 1876—1884 гг.) и Популистская партия (1892—1908 гг.). Первая пользовалась поддержкой фермеров штатов Среднего Запада, влияние второй было особенно сильным в западных и южных штатах.

4. Партии-фракции, образовавшиеся в результате раскола основных партий. Такие партии возникали обычно в случае несогласия отдельных влиятельных лидеров (и их сторонников) с платформой официального кандидата в президенты от «большой» партии. Наиболее крупными «расколами» в новой истории основных партий были: в Республиканской партии — Прогрессивная партия Лафоллета (1924); в Демократической партии — Партия прав штатов («Диксикратов») (1948), Прогрессивная партия Генри Уолласа (1948), Американская независимая партия Джорджа Уолласа (1968).

После выборов партии-фракции, так ни разу и не одержав победы, сходили с арены политической борьбы. Но не бесследно. Так, в 1912 г. в результате раскола Республиканской партии победителем на президентских выборах стал демократ Вудро Вильсон, прервавший на время долгий период правления президентов-республиканцев. На выборах 1968 г. сторонники Джорджа Уолласа, открыто выступившие против кандидата от «своей» партии Губерта Хэмфри (по их мнению, «слишком левого»), в немалой степени способствовали победе республиканца Р. Никсона. Вместе с тем выход из Демократической партии в 1948 г. «левых» (сторонников Генри Уолласа) и «правых» («диксикратов») не помешал избранию кандидата этой партии Гарри Трумэна. Помимо изменения баланса сил, «диссиденты» нередко оказывали заметное влияние на политические платформы основных партий.

В конце XIX — первой половине XX в. яркой фигурой в Республиканской партии был энергичный реформатор, популярный в народе губернатор Висконсина «Боб» Лафоллет, идеи которого так или иначе нашли отражение в политике партии и президентов-республиканцев. В период после Второй мировой войны известное влияние на официальный курс обеих партий оказывали такие видные политики-диссиденты, как Генри Уоллас и Джордж Уоллас, Стром Турмонд и Джон Андерсон и др.

Политическая история США знает немало случаев, когда «третьи» партии получали поддержку значительной части избирателей. На выборах 1892 г. кандидаты от Популистской партии стали победителями в 5 штатах. На президентских выборах 1912 г. Социалистическая партия Юджина Дебса завоевала почти 6% голосов; партия провела в местные органы власти около 1200 своих кандидатов, 79 ее представителей стали мэрами городов. Притягательность платформы социалистов, наряду с лозунгами социальной справедливости и защиты интересов трудящихся, была во многом обусловлена их разоблачениями коррупции в муниципалитетах, острой критикой двухпартийной системы, оппозицией к участию США в Первой мировой войне. В целом же относительная жизнеспособность «идеологических партий» (в основном социалистической, марксистской направленности) объясняется тем, что, в отличие от других мелких партий, они не связывают свою деятельность преимущественно с участием в выборах. Их главная цель — пропаганда альтернативы существующим общественным порядкам, которые они считают несправедливыми, организация наемных рабочих на защиту их классовых интересов. Партии социалистической ориентации заполняют тем самым определенные ниши в политической жизни страны и имеют пусть немногочисленную, но достаточно устойчивую социальную базу.

Вместе с тем возникает вопрос: почему в США, в отличие от европейских стран, не сложилась массовая и влиятельная партия рабочего класса? Этому можно найти много объяснений. В социально-политическом плане, несомненно, решающую роль сыграло то обстоятельство, что большая часть промышленных рабочих в ходе исторического развития интегрировалась в средний класс, разделяя его общие политические позиции. Не случайно, ведущее профсоюзное объединение — Американская Федерация Труда — Конгресс Производственных Профсоюзов (АФТ—КПП) в политическом отношении представляет собой крупнейшую организованную секцию Демократической партии.

Две ведущие партии продемонстрировали поразительную способность абсорбировать в свои ряды массовые политические движения, несмотря на то, что они возникали именно как движения протеста против официальной (государственной) двухпартийной политики. Так было с движением за гражданские права 1960-х годов, с антивоенным движением (против войны во Вьетнаме) 60—70-х годов, с незатухающими вы-

ступлениями цветного населения против продолжающейся дискриминации. Негры стали сторонниками Республиканской партии после Гражданской войны и влились в состав Демократической партии в период «нового курса», хотя южные демократы дистанцировались от этого неприемлемого для них союза.

Антивоенное движение нашло выразителей своих требований среди лидеров Демократической партии (Юджин Маккарти, Роберт Кеннеди, Джордж Макговерн), хотя именно на президента-демократа Л. Джонсона легла главная ответственность за американскую интервенцию во Вьетнаме. Следует отметить, что ведущие партии весьма чутко реагировали на требования массовых движений, учитывая их при проведении очередных избирательных кампаний. Обе основные партии имеют сходную организационную структуру. Высшим органом партии является национальный съезд (конвент), который собирается раз в четыре года. Главная цель созыва национального съезда — выдвижение кандидатов на пост президента и вице-президента. Кроме того, съезд принимает или пересматривает политическую платформу партии. В политической платформе излагается позиция партии по актуальным вопросам общественного развития и содержатся предложения по программе действий. Платформа носит, как правило, компромиссный характер, ибо она призвана примирить позиции наличных фракций и объединить усилия партии в предвыборной кампании.

Конвенту партии предшествует процедура выдвижения и отбора кандидатов на высшие государственные должности — президента, членов Конгресса, губернаторов, депутатов законодательных собраний штатов. Большинство кандидатов, выдвинутых индивидуально или партийными организациями штатов, проходят проверку своей популярности на так называемых «праймариз» (предвыборах), в которых принимают участие только члены данной партии. По традиции, «праймариз» начинаются весной в год выборов в маленьких штатах — Нью-Хэмпшире, Айове и Джорджии. При последних выборах кандидатур на пост президента «праймариз» обеих партий проходили одновременно и практически в равном числе штатов. В 1988 г. Демократическая партия провела «праймариз» в 34, Республиканская — в 35 штатах. В остальных штатах кандидатуры утверждались на предвыборных конференциях («кокусах»). К июлю — августу выясняется, какие кандидаты обладают большими шансами на избрание, и вопрос об их утверждении в качестве официальных выносится на съезд.

Разумеется, главная цель съездов подчиняет себе всю их организацию и ход работы. Многие сравнивают эти предвыборные конвенты, на которые съезжаются 4–5 тыс. делегатов, с большими политическими спектаклями-шоу, имея в виду хорошо отработанный ритуал выбора и утверждения кандидата в президенты, сопровождаемый бурными изъяс-

лениями ликования участников в обрамлении моря флагов, плакатов, портретов, надувных шариков и грома духовых оркестров. Трансляция конвентов по телевидению действительно создает у миллионов избирателей впечатление, что это не работающий съезд партии, а театрализованный (непрерывно с участием популярных звезд эстрады) массовый митинг в поддержку одного из перспективных кандидатов в президенты. В общем, это правильное впечатление, хотя и не совсем адекватное. Если для тысяч делегатов съезд представляет собой прежде всего предвыборный митинг, то относительно узкая по составу группа «суперделегатов» (обычно 500–700 человек) действительно занята на съезде организационно-политической работой. «Суперделегаты» — это элита партии, включающая в себя действующих и бывших членов Конгресса, правительства, губернаторов, партийных и политических лидеров штатов, влиятельных представителей бизнеса, прессы и т.п. Именно эти делегаты наделены неписанным приоритетным правом определять, кто станет кандидатом в президенты, каковы должны быть политическая платформа и предвыборная программа партии и все другие вопросы. Остальным же делегатам («массе») отводится роль «одобрителей», по существу, уже принятых решений.

Помимо решения упомянутых вопросов, съезд формально избирает постоянный Национальный комитет партии. Формально потому, что фактически Национальный комитет комплектуется из уже избранных в него представителей партийных организаций штатов. В состав Национального комитета Демократической партии входят по крайней мере по два представителя (один мужчина и одна женщина) от каждого штата. Губернаторы, члены Конгресса, мэры крупных городов и другие официальные лица могут быть также включены в его состав в качестве непостоянных членов. Национальный комитет Республиканской партии включает в себя наряду с перечисленными «номенклатурными» членами председателей центральных комитетов партийных организаций тех штатов, в которых на предыдущих выборах их партия одержала победу. Этот состав Национального комитета и утверждается голосованием всех делегатов съезда.

Функции Национального комитета весьма ограничены. Уже в период работы съезда Национальный комитет утверждает на пост своего председателя кандидатуру, предложенную кандидатом в президенты. Председатель Национального комитета возглавляет партию номинально, но реально уполномочен делать лишь официальные заявления от имени Национального комитета. Основная функция Национального комитета и его председателя заключается в подготовке следующей избирательной кампании и очередного съезда, в сборе финансовых средств для этих целей и пропаганде политики партии. Национальный комитет в качестве постоянно действующего штаба по организации выборов выполняет роль информационного и координационного центра по от-

ношению к партийным организациям штатов. Никакие иные руководящие функции Национальный комитет не осуществляет.

Основная деятельность двух ведущих партий разворачивается на уровне штатов и в местных организациях. Во всех 50 штатах и столичном округе Колумбия существуют организации Демократической и Республиканской партий. Их принято называть партиями штата (например, Республиканская партия штата Монтана, Демократическая партия штата Джорджия и т.п.). В таком названии как бы подчеркиваются автономность партии и ее специфичность, ибо каждый штат имеет свои особенности в социально-политической обстановке. Принципиальные различия в положении партий штатов связаны с тем, являются ли партии правящими или оппозиционными (примерно в $\frac{3}{5}$ штатов доминирующее влияние традиционно принадлежит одной из партий), или же обе партии могут рассчитывать на победу на каждых очередных выборах.

При отменном разнообразии условий их положения партии штатов строятся на сходной организационной основе. Возглавляет партию Центральный комитет (ЦК) во главе с председателем, который осуществляет функцию координирующего центра по отношению к местным организациям. ЦК обычно состоит из членов, представляющих округа на выборах в Конгресс и в легислатуру штата, а также партийные организации графств и муниципалитетов. В своей работе ЦК руководствуется решениями очередной конференции партии штата, которая выбирает и утверждает состав ЦК и несет ответственность за их выполнение. В ряде штатов ЦК передает часть своих полномочий председателю с целью организации более эффективного руководства текущей работой. Подобно Национальному комитету, ЦК контролирует использование избирательного фонда в период проведения предвыборных кампаний. ЦК участвует в подборе кандидатов на выборные должности, но после того, как их выдвижение состоялось, влияние ЦК на политическую платформу кандидата незначительно.

В целом партийная организация штата представляет собой довольно рыхлую коалицию местных политических групп, зачастую выступающих в качестве соперничающих между собой фракций (особенно по вопросам выдвижения и поддержки «своих» кандидатов в органы власти штатов или распределения «доходных мест» в управленческих структурах). В то же время в общенациональном масштабе роль партий штатов очень велика, поскольку от их усилий зависит обеспечение перевеса в мажоритарной системе выборов. В этом отношении их главная задача — провести в коллегию выборщиков президента и в Конгресс — своих представителей. В ходе предвыборной кампании кандидаты в президенты уделяют особое внимание тем штатам, в которых имеется возможность склонить на свою сторону колеблющихся «беспартийных» избирателей, а также тем, которые посылают в коллегию выборщиков наибольшее число делегатов.

Низшим звеном партийной структуры являются организации избирательных округов и участков. Их работу координируют партийные комитеты округов и графств (муниципалитетов) и их председатели. Эти низовые органы опираются на партийных активистов, ведущих работу непосредственно среди избирателей. Общее представление о структуре партийной организации штата дает схема (рис. 1).

В течение десятилетий цементирующим фактором местных партийных организаций служила система патронажа, при которой функционеры и активисты партии получали вознаграждение в виде должностей (выборных или назначаемых) в органах государственной и местной власти. В крупных городах длительное время действовали «партийные машины», представляющие собой симбиоз партийных и частных (групповых) интересов. Наиболее известным и скандальным примером партийной машины был уже упоминавшийся Тэммани-Холл в Нью-Йорке (штаб Демократической партии), который доминировал в политической жизни этого крупнейшего города в течение более чем столетия (вплоть до начала 30-х годов прошлого века). В последней трети XIX в. Тэммани-Холл был символом партийно-муниципальной мафии, использовавшей городской бюджет для обогащения боссов этой преступной группировки. Массовую базу поддержки партийная машина обеспечивала путем предоставления из городских средств социальной помощи иммигрантам и иным особо нуждающимся группам населения — неграм, евреям, итальянцам, китайцам и пр. Подкуп избирателей стал широко распространенной практикой.

Последней партийной машиной крупного города была «команда» мэра Чикаго Ричарда Дэйли, видного деятеля Демократической партии. Организация, возглавлявшаяся в 50—70-е годы Дейли, состояла в основном из ирландцев и опиралась на избирателей — выходцев из Ирландии. Для чикагской партийной машины была характерна политическая игра на противопоставлении избирателей по расово-этническим признакам: «своими» считались белые, а также избиратели азиатского и латиноамериканского происхождения, «чужими» — чернокожие жители города. Раскол по расовому признаку привел к поражению «команды» Дэйли на выборах мэра в 1983 г., что привело к краху созданной им организации.

Кризис традиционной системы массовых партийных организаций начался в 30-х годах с введением «нового курса» Рузвельта. Государство взяло на себя осуществление социальной помощи обездоленным и безработным, лишив тем самым местные партийные организации важнейшего рычага воздействия на избирателей. Соперничество двух партий и фракций внутри партий привело к тому, что откровенно односторонняя ориентация на продвижение только «своих» ставленников в случае победы на выборах (т.е. не по деловым качествам, а по партийной при-

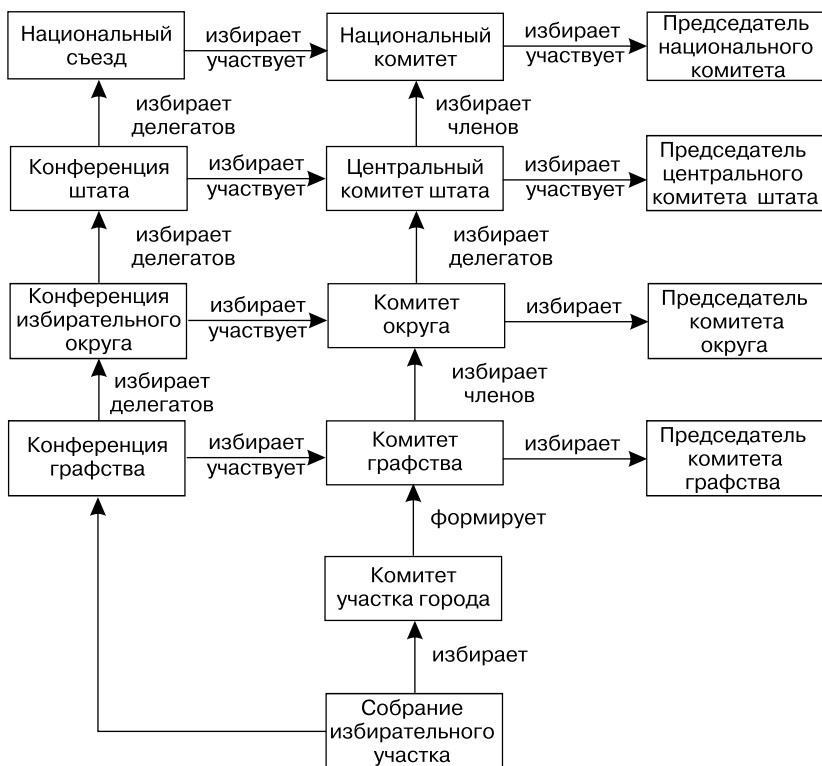

Рис. 1. Организационная структура партии

Примечание: Окружное звено типично для крупных штатов, от которых избирается более десяти членов Палаты представителей.

надлежности и личной преданности руководству) обнаружила скрытую в ней опасность: партия или группа оппозиции обычно умело использовала факты патронажа в качестве весомых козырей в борьбе с соперниками на следующих выборах.

Во многих регионах местные организации Демократической и Республиканской партий все еще используют систему патронажа, хотя центр тяжести их активности в этом направлении все более перемещается в сторону предоставления «своим людям» выгодных контрактов на строительство дорог, жилых домов, инженерных сооружений и другие цели, расходы на которые финансируются из местного бюджета и находятся под контролем местных властей. Однако для всех местных организаций более важной и перспективной стала работа по привлечению в свои ряды действительно квалифицированных и способных специалистов, включая управленцев, особенно из молодежи с университетским

образованием. Местные партийные организации остаются основным звеном поиска, пестования и выдвижения молодых политиков, поскольку именно на местном уровне они могут пройти хорошую школу работы с избирателями и участия в политических кампаниях, познать снизу механизм функционирования всей политической системы.

Ознакомление с историей, политическими задачами и организационной структурой двух основных партий позволяет представить их функции в политической системе. Как явствует из вышеизложенного, эти функции связаны прежде всего с подготовкой и проведением выборов, а в более широком плане — и с обеспечением своего рода политического посредничества между гражданским обществом и государством. Каковы же эти функции?

1. Выяснение настроений и интересов избирателей, формирование их предвыборной ориентации путем определения «главных вопросов» предвыборной кампании, их пропаганды и популяризации с учетом позиции политических соперников.

2. Отбор и выдвижение кандидатов на выборные должности всех ступеней, включая кандидата на пост президента. Выработка и принятие предвыборной платформы и программы действий после выборов.

3. Проведение избирательной кампании. Партии собирают средства для проведения кампании в избирательный фонд, в формировании которого основная роль принадлежит Комитетам действия (объединяющим лоббистские группы, группы поддержки избирателей, частные фирмы и различные общественные организации), ведут агитационную работу через средства массовой информации и непосредственно среди избирателей.

4. Формирование общественного мнения. Национальный комитет, используя свой отдел информации и местные комитеты, доводит политическую платформу партии до сведения общественности. Пропаганда политики партии — постоянная работа всех партийных органов и организаций.

5. Разработка политики правительства партией, находящейся у власти. Это особенно отчетливо проявляется в ситуации, когда и законодательная, и исполнительная ветви власти контролируются одной партией (как на федеральном уровне, так и на уровне штатов).

6. Критика правящей партии и ее правительства со стороны оппозиционной партии. Этой критике политика правительства постоянно подвергается как в законодательных органах, где организовано выступают партии большинства и меньшинства, так и в средствах массовой информации (в дебатах по телевидению, в печати и т.д.).

7. Вовлечение граждан в активную политическую деятельность. Партии предоставляют своим сторонникам возможность встречаться,

проводить обсуждения, участвовать в политических акциях и кампаниях, в целом учиться политике.

8. Обеспечение массовой поддержки политики партии. Партии выполняют объединительную общенациональную миссию путем обращения к людям разных рас, возрастов, наций, конфессий, социальных групп и классов, в известной мере сглаживая социальные конфликты и напряженности.

Отмечая общность функциональной роли партий, необходимо видеть, что в осуществлении этих функций каждая партия руководствуется своими политическими установками, своим видением путей решения стоящих перед страной проблем.

У каждой партии есть своя массовая база, как в социальном, так и географическом измерении.

В течение последних десятилетий, включая 80-е годы, приверженность избирателей двум партиям была практически неизменной: за республиканцами шло примерно 30% избирателей, за демократами — 40, «независимые» составляли оставшиеся 30%. Примечательно, что политика Республиканской партии пользовалась большей поддержкой среди предпринимателей, людей с университетским образованием, богатых (с годовым доходом свыше 40 тыс. долл.). Основная же база влияния Демократической партии — избиратели среднего и ниже среднего достатка, члены профсоюзов, негры, евреи и другие группы национальных меньшинств.

В политико-географическом срезе позиции Демократической партии выглядели явно предпочтительнее, чем у ее соперников. Демократы абсолютно доминировали в 24 штатах, включая такие крупные, как Калифорния, Флорида и Техас, и имели заметное преимущество еще в 9 штатах. Республиканцы, напротив, явно преобладали лишь в 5 мелких штатах и располагали преимуществом еще в 6. Демократы пользуются наибольшим влиянием на юге и западе, республиканцы — на севере и востоке. Но данная статистика не дает полного представления. Приведенные показатели относятся к результатам выборов в легислатуры штатов и губернаторов штатов с 1968 по 1988 г. Что касается результатов федеральных выборов, то картина заметно меняется. Так, твердо «демократический» штат Калифорния неизменно отдавал большинство голосов за кандидата в президенты от Республиканской партии, то же предпочтение делали избиратели другого оплота демократов — Флориды. В то же время «ничейный» (на выборах в органы власти штата) Нью-Йорк всегда голосовал за кандидата в президенты от демократов.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Прежде чем приступить к изложению заявленной темы, следует подчеркнуть, что речь пойдет о теоретической конструкции, своеобразном идеальном типе партийной системы для России. Свою задачу в данном случае мы видим в создании костяка, скелета, который еще необходимо наполнить кровью и плотью: конкретными фактами, явлениями, процессами. Только в этом случае можно говорить уже не об исследовательской модели, а о «живой» российской партии.

В соответствии с условиями российской политической жизни, когда закон «Об общественных объединениях» требует проведения учредительного съезда (конференции) для регистрации, политические партии России обязательно проходят периоды зарождения (до учредительного съезда), становления (после съезда, через регистрацию и до первых выборов) и функционирования (выполнение всех функций политической партии вплоть до участия в выборах). Этим периодам партийного генезиса соответствуют определенные состояния партийной организации. В первый период (зарождения) организации партия находится в эмбриональном состоянии. Эмбриональная партия — зародыш партии, в котором все: и организация, и идеология, и лидерство — находится в зародышевом состоянии. Период зарождения — период идеологических дискуссий, период сопоставления, совмещения взглядов, формирования основных идеологических постулатов, выделения групповых лидеров. Сигналом завершения эмбрионального состояния партии служит избрание оргбюро, которое берется за составление проектов программы и устава и организацию учредительного съезда. После этого съезда партия переходит в потенциальное состояние.

Потенциальная партия еще не обладает всеми признаками политической организации. И хотя в ней уже действует ЦК, лидеры и актив,

¹ *Исаев Борис Акимович* — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии БГТУ «Военмех», специализируется на изучении партий и партийных систем.

принята программа и устав, но это пока квазипартия. Она еще не имеет развитой структуры в масштабе всей страны (а в России в избирательной кампании могут принимать участие только общероссийские общественные объединения), хотя и прошла регистрацию в Министерстве юстиции. Это институционализированная партия, но еще не популярная, не известная среди избирателей; это уже организация, но еще не политическая сила. Энергия такой партии потенциальна, и для ее реализации требуется участие в выборах.

Потенциальные партии существуют в Европе и Америке. Это те партии, которые не могут набрать необходимого числа подписей для участия в выборах. Но феномен потенциальных партий на Западе никогда не носил массового характера. Российские политические партии, в отличие от западных, и в 1905, и в 1993 г. допускались к выборам указом (императора, президента), а с момента зарождения обязательно проходили эмбриональное и потенциальное состояние. Лишь те российские партии, которые возникли после указа императора «О временных правилах, об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г., и те, которые образовались после указа президента от 1 декабря 1993 г., утвердившего «Положение о выборах депутатов Государственной Думы», имели возможность быстро миновать потенциальное состояние.

В отличие от потенциальной функционирующая партия активно участвует в выборах. Функционирующая партия — это деятельная партия, но ее работа зависит от ее структуры. Функционирующая партия обладает всеми признаками, выполняет все функции политической партии вплоть до создания депутатской фракции, занятия министерских мест, завоевания поста президента. У партии появляется паблисити, политический капитал, который может быть превращен в случае необходимости в капитал финансовый. Лидеры партии могут стать лидерами общенациональными. Функционирующие партии по-разному реализуют свою потенциальную энергию. Одни получают право на формирование парламентских фракций, претендуют на министерские портфели и президентское кресло, другие проводят в парламент лишь отдельных представителей, сколачивают коалиционные депутатские группы, блокируются при голосовании с ведущими партиями. Третьи не получают парламентских мест. Некоторые потенциальные партии не могут собрать необходимого количества подписей, чтобы на выборах проверить свой потенциал. Эти партии так и остаются потенциальными партиями.

Таким образом, каждая партия в своем развитии проходит этап зарождения, которому соответствует эмбриональное состояние ее организации, этап становления (потенциальное состояние) и этап функционирования, суть которого — в выходе партий из потенциального в действующее, внешне активное состояние. Функционирующую партию

необходимость партийной борьбы, партийной конкуренции заставляет образовывать межпартийные связи, заключать соглашения о коалициях и блоках, противостоять конкурирующим партиям. М. Дюверже отмечает, что «...демократия ... зависит от довольно жестких условий температуры и давления, которые не так просто создать. Она требует минимального согласия между всеми партиями, несмотря на их расхождения. Если этого не будет, то каждая будет стремиться к злоупотреблению властью и уничтожению других партий...». Таким образом, все функционирующие партии представляют собой уже не простую сумму разъединенных организаций, а взаимосвязанную совокупность, каждой партии которой отведено определенное место в этой сети взаимосвязей. Это место определяют идеология (левые — центристские — правые партии), отношение к властным структурам (правящие — оппозиционные), к другим партиям (коалиционные — самостоятельные). Место партии в партийной системе определяется также массовостью поддержки (сила, влияние партии в обществе) и количеством полученных в результате выборов парламентских мест и министерских портфелей (влияние на принятие важных политических решений).

Мы не сумеем разобраться в силе и влиянии отдельных российских партий, пока не рассмотрим их вместе, в их взаимодействии, т.е. не создадим модель партийной системы России.

Партологи, изучающие партийные системы, по-разному подходят к их происхождению, определению и классификации.

Дж. Брайс происхождение партийной системы выводит из политических позиций партий, истории их противостояния, основных проблем стоящих перед обществом. В американской политической истории он выделил две дихотомии противостояния партий:

1. Сильная федеральная власть или сильная власть штатов.
2. Приверженность к общественному порядку или предпочтение индивидуальной свободы.

Отсюда он выводит происхождение двухпартийной системы США. В европейской политической истории партийное противостояние, по его мнению, происходило по шести направлениям:

1. Вражда богатых и бедных (капиталистов и рабочих).
2. Противостояние по вопросам земледелия.
3. Противостояние по религиозным проблемам.
4. Вражда между национальностями (расами).
5. Споры о преимуществах монархического и республиканского правления.
6. Споры о расширении деятельности государства или расширении свободы торговли.

Такое многоплановое противостояние, очевидно, привело к формированию многопартийных систем в большинстве европейских стран, кроме Англии.

М. Острогорский на примере Англии показал, что становлению партийной системы способствовало участие внепарламентских ассоциаций (протопартий. — *Б. И.*) в решении серьезных социально-политических проблем, участие, приведшее к принятию законов о свободе торговли. Усиление роли партийной системы произошло в результате расширения избирательного права, представительства меньшинства, введения тайного голосования.

Мы не можем не заметить, что как в Англии и США, так и в континентальных европейских странах партийные системы формировались естественно — историческим путем в основном усилиями «снизу», путем участия партий в постановке и решении важных политических и социально — экономических проблем.

XX век принес с собой другой путь формирования партийных систем. Многопартийная система дореволюционной России была преобразована в однопартийную усилиями «сверху», властью большевиков. Ю. Н. Юдин, анализирувавший эволюцию партийных систем стран Африки, выделил три этапа их развития. На первом этапе, сразу после провозглашения независимости, возникали многопартийные системы. Но уже с середины 60-х годов возникают тоталитарные и авторитарные режимы, которые либо разрушали партийные системы до основания, либо трансформировали их в однопартийные. На рубеже 90-х годов начался массовый переход к многопартийности. Все эти трансформации, как и в России, происходили исключительно за счет запретов и разрешений, которые диктовала верховная власть.

М. Дюверже считал, что партийная система формируется в результате взаимодействия различных факторов, среди которых можно выделить всеобщие и специфические. К всеобщим он относил социально-экономические, идеологические и технические. Под последними он понимал воздействие политического режима и избирательной системы.

Учитывая определенный опыт и возможности российской власти не только по коррекции и регулированию, но и прямому управлению социально-политическими процессами в обществе, мы будем иметь в виду как действие всеобщих, так и субъективных факторов формирования партийной системы России, как действующих «снизу», так и «сверху» направляющих ее развитие.

Под партийной системой М. Дюверже понимал все партии данной страны, действующие на основе относительно стабильных связей. Для нашего исследования это определение «необходимо, но недостаточно». С учетом того, что мы будем исследовать партийную систему России от ее электоральных корней, через ее партийные организации (програм-

мы, уставы) к ее верхушке, которая состоит из системы думских фракций, нам следует «расширить» определение Дюверже.

Б. А. Стародубский определяет партийную систему как отражение соотношения и расстановки действующих в стране партий и сил; при этом отношения между партиями проявляются на четырех уровнях:

- социальном;
- электоральном;
- парламентском;
- правительственном.

Это определение имеет прототипом европейские партийные системы. С учетом того, что российский парламент не формирует правительство, последний уровень отношений нами будет исследоваться лишь косвенно.

Кроме того, идея об уровнях партийной системы требует уточнения. Во-первых, сама партийная система имеет три уровня или этажа:

- на первом этаже осуществляется взаимодействие гражданского общества и партий партийной системы. Здесь идет представление партийных идеологий и программ, партийная агитация, осуществляется прием граждан в партии, их политическая социализация и т.д. Контакты населения осуществляются в основном на уровне первичных партийных ячеек; лишь в период избирательных кампаний на этот уровень бросаются все силы партий. Этот этаж мы назовем электорально-партийным;
- на втором этаже располагаются собственно партийные организации, которые сами могут быть одноэтажными (эмбриональными), двухэтажными (потенциальными) и трехэтажными (функциональными). Это организационно-партийный этаж;
- третий этаж партийной системы образует взаимодействие верхушек политических партий и государственных органов. В России — это думские фракции и депутатские группы, думские комитеты и комиссии, министерские и другие должности. Третий этаж мы назовем партийно-государственным.

Эта трехэтажная партийная конструкция располагается, во-вторых, между гражданским обществом и государством. В этом пространстве она взаимодействует с социальной и идеологической сферами общества, организует избирателей («внизу») и парламентские структуры («наверху»). В результате этих взаимодействий, пересечения конструкции партийной системы с указанными сферами общества и государства образуются своеобразные «силовые поля», в которых партийная система отражается, отпечатывается. Эти отпечатки, или поля, расположенные по направлению от гражданского общества к государственным структурам, образуют своеобразную систему, состоящую, по нашему мнению, из:

- социального поля;
- электорального поля;
- идеологического поля;
- парламентского поля.

Являясь отпечатками, слепами определенного уровня партийной системы, эти поля представляют собой ее характеристики.

Систему, в которой эти поля верно отражают социально-политические процессы, будем называть адекватной. А систему, в которой установилось соответствие между социальным, электоральным, идеологическим и парламентским полями, будем называть коррелятивной. Если соответствие отсутствует — дискоррелятивной.

Интересное определение дает Т. В. Шмачкова. Под партийной системой она понимает «контуры политического пространства, составленного из независимых элементов (партий) и определяемого их количеством, параметрами (численность избирателей, тип внутренней структуры), а также коалиционными возможностями».

Это определение предполагает многочисленные вариации партийных систем, отличающихся друг от друга количественными и особенно качественными характеристиками, к которым следовало бы добавить идеологическую напряженность, социальную разнородность (однородность) составляющих систему партий, способ создания и корректировки конфигурации партиомы («снизу» или «сверху») — все это особенно необходимо для описания партийной системы России.

Рассматривая партийные системы с точки зрения их коалиционных возможностей, Дж. Сартори ввел понятия «коалиционный и шантажный потенциал». Коалиционным потенциалом в системе обладает такая партия, без союза с которой правящая партия не сможет эффективно управлять. Шантажным потенциалом обладает такая партия, которая имеет достаточно влияния, чтобы блокировать эффективное управление страной.

Коалиционный и шантажный потенциал — важный признак партийной системы. Его появление означает, что взаимодействие и противодействие партий стало реальностью и что это не отдельные организации, а взаимосвязанная система.

Партийная система как система органическая и подвижная обладает как статическими, так и динамическими характеристиками.

К. Джанда, особенно в случаях молодых, становящихся многопартийных систем, применяет характеристику фрагментации, т.е. увеличения количества фракций в парламенте представителей сравнительно небольших партий, а также увеличения общего количества реально функционирующих партий.

Другая динамическая характеристика — стабильность, или устойчивость, партийной системы. Для количественного описания стабильно-

сти западные партологи пользуются индексом Педерсена, который вычисляется сложением всех изменений в долях голосов избирателей, полученных за партии на двух выборах (или в долях парламентских мест), и делением суммы на два.

В. Д. Виноградов предлагает качественный критерий. Он выделяет четыре состояния партийных систем:

- система с высоким уровнем стабильности;
- система со средним уровнем стабильности;
- система с низким уровнем стабильности;
- нестабильная система, т.е. система, переходящая из одного состояния в другое, когда ее самосохранение не обеспечивается ни внутренними естественными факторами, ни внешним окружением.

Мы еще вернемся к вопросу стабильности российской партиомы и выведем собственные показатели.

Р. С. Ким в числе других вводит такую динамическую характеристику, как «сбалансированность». По его мнению, сбалансированной партийная система будет в том случае, если «одна из партий или несколько партий стремятся к монопольному положению, оставляя другие в роли союзника, партнера в диалоге». Сбалансированная система предполагает равноправие всех партий, независимо от их численности.

Кроме этих статических и динамических характеристик наша модель партийной системы России имеет генезисный характер, т.е. российская партиома проходит ряд этапов, меняя ряд состояний, которые мы опишем далее.

Современные политологи, занимающиеся теорией партийных систем, классифицируют их по количественным и качественным критериям.

По количеству партий обычно выделяют одно-, двух- и многопартийные системы.

С точки зрения М. Дюверже, беспартийная система — консервативная система, увековечивающая элитарное, аристократическое антидемократическое правление. Даже однопартийная система является шагом вперед по сравнению с ней. Несмотря на то, что однопартийность является основой формирования авторитарного режима, она создает социальные и экономические предпосылки для развития политической свободы и зарождения плюрализма.

Однопартийная система не обязательно предполагает авторитарный режим и наличие единственной партии в стране, а двухпартийная система — только двух партий. В условиях демократической политической системы и демократического режима правления однопартийность может означать неизменное предпочтение одной и той же партии избирателями среди многих других, как, например, в послевоенной Японии (ЛДП) и Индии (ИНК), а двухпартийность — предпочтение двух партий

(США, Великобритания). Рассматривая с этих позиций количественную классификацию партийных систем, Ж. Блондель вывел следующие статистические показатели:

- однопартийная система существует там, где одна и та же партия регулярно набирает более 65% голосов избирателей;
- двухпартийная система означает, что две наиболее влиятельные партии регулярно получают вместе более 75% голосов, но не более 65% каждая;
- многопартийная система предполагает, что две наиболее влиятельные партии набирают вместе менее 75% голосов избирателей.

Вторая важная проблема: различия (преимущества и недостатки) двухпартийной и многопартийной систем. Большинство американских и многие европейские парттологи (например, английские) убеждены в преимуществе бипартийности, которая обеспечивает устойчивость правительства, объединяет представителей одной политической ориентации в парламенте, лимитирует претензии на расширение народной воли и обеспечивает постоянное число партий в органах власти.

Несоблюдение принципа «партийной биполярности», по мнению американских авторов, негативно сказывается на мобилизационных способностях системы, способствует стремлению электората к независимым политическим действиям, усиливает его неконтролируемость; в то же время бипартийность способствует смягчению идеологических конфликтов, приближает всю политическую систему к идеалу ответственного правления.

Сторонники многопартийной системы утверждают, что двухпартийность не обеспечивает представительства всех социальных групп общества, толкает к созданию третьей партии или даже многих мелких партий.

М. Дюверже считает, что многопартийная система обеспечивает каждой «доле» народа минимум свободы, выступает как источник сбалансированности.

Классифицируя партийные системы по качественным критериям, Дж. Лаполамбара и М. Вайнер выделили конкурентные и неконкурентные партиомы. В конкурентных партийных системах политические партии, пусть даже доминирующие, борются за власть в соревновательной атмосфере. Конкурентные партиомы по парным критериям: оборотная (т.е. не имеющая доминирующей партии) — гегемонистская (например, послевоенная Япония (ЛДП), Индия (ИНК), Норвегия (С.-Д.) и идеологическая — прагматическая подразделяют на 4 субкатегории:

- 1) гегемонно-идеологическая;
- 2) гегемонно-прагматическая;
- 3) оборотно-идеологическая;
- 4) оборотно-прагматическая.

Неконкурентные партийные системы, в свою очередь, разделяются на однопартийные авторитарные, в которых доминирует монополюсно-идеологически ориентированная, но не тоталитарная партия (например, фаланга в Испании при Франко), и однопартийные тоталитарные. В этом случае государство само является инструментом монополистической партии, которая тотально использует власть для реструктурирования социальной и экономической системы (пример: СССР, КНР, СРВ, КНДР).

Дж. Сартори за основание классификации принял характеристику поляризованности, т.е. идеологических различий партий или групп партий и количество партий. По этим критериям он выделил семь типов партийных систем:

1. Система с одной партией.
2. Система с партией, осуществляющей гегемонию.
3. Система с преобладающей партией.
4. Двухпартийная система (простого плюрализма).
5. Система органического плюрализма.
6. Система крайнего (поляризованного) плюрализма.
7. Атомизированная система.

Для развитых стран, по мнению Дж. Сартори, характерны 4-я, 5-я и 6-я модели партийных систем. Таким образом, он совсем иначе решает спор между сторонниками двухпартийной и многопартийной моделей.

С точки зрения Сартори, все двухпартийные и многопартийные системы обладают либо двухполярностью (т.е. двумя идеологическими полюсами, вокруг которых группируются одна или несколько партий), либо многополярностью (т.е. более чем двумя полюсами). Например, для российской партии, где явно выделяются три звена: левые, центристские и правые партии, это означает, что она многополярна (трехполярна). Итак, «полярность», по Сартори, означает статическое положение идеологической разобщенности партий или групп партий, а «поляризация» или «деполяризация» определяют динамичность протекания центробежных или центростремительных процессов. В соответствии с этой терминологией следует, что простой плюрализм (т.е. системы, которые включают три-четыре партии) является биполярным и центростремительным; крайний плюрализм (многопартийная система) является поляризованным и может быть центробежным.

Дж. Сартори считает, что простые и умеренные партийные системы хорошо изучены, чего не скажешь о многополярных и экстремальных типах, к которым, добавим, относится российская партия.

В. Б. Евдокимов предпринял попытку видоизменить подход Дж. Сартори, совместить качественные критерии «поляризованность — неполяризованность» и «коалиционность — гегемонизм» с количественным критерием. В результате у него получилась следующая градация партийных систем:

- неполяризованная система;
- поляризованная коалиционная система;
- система с одной господствующей партией;
- система с двумя господствующими партиями.

Хотя его взгляды отражают положение вещей в западных партийных системах на 1990 год, его подход вполне применим к современной российской партии, которая с этих позиций видится нам как поляризованная и коалиционная.

Своеобразные критерии классификации партийных систем предложили Л. В. Сморгун и В. А. Семенов — фрагментированность и плюралистичность. Под плюрализмом они понимают:

- свободу объединения людей в партии и организации;
- наличие оппозиционных партий и их свободную деятельность;
- возможность смены политических сил у власти.

Тогда все возможные варианты партийных систем выглядят следующим образом:

1. Крайне фрагментированный плюрализм (например, Чили (до 1973 г.), Малайзия, Россия).
2. Альтернативный фрагментированный плюрализм (ФРГ, Франция, Италия).
3. Альтернативный концентрированный плюрализм (США, Великобритания, Новая Зеландия).
4. Концентрированный плюрализм (Мексика, Япония, Индия).
5. Тотальная монополия (Куба, КНДР, Китай).

Этот подход определяет партийную систему России как систему крайне фрагментированного плюрализма, что, по мнению авторов, означает наличие множества конкурирующих партий, и крайних форм политического плюрализма. Следует отметить, что это мнение было высказано в начале 1996 г.

Существует классификация партийных систем, вытекающая из типологии партий по критерию их политического «веса». Политическое влияние партий в этом случае оценивается по трем параметрам: количеству членов, величине избирательного корпуса и числу полученных мандатов, которые характеризуют ее способность стать правящей. Исходя из этого все политические партии можно подразделить на:

- мажоритарные (которые стабильно получают абсолютное число мест в парламенте);
- доминирующие (которые получают относительное большинство мандатов);
- миноритарные, т.е. такие, которые набирают минимально необходимое число мандатов (например, в России получают не менее 5% голосов).

Тогда образуемые такими партиями партийные системы классифицируются как:

- с мажоритарным признанием. В ней существует одна или несколько мажоритарных партий, собирающих или имеющих возможность собрать более 50% голосов избирателей;
- с доминирующей политической партией (партиями), собирающей не менее 30% голосов;
- с миноритарными партиями, каждая из которых собирает менее 30% голосов.

По такой классификации партийная система России является миноритарной, но имеет потенциальную возможность преобразоваться в партию с доминирующей партией.

Функции партийной системы партологи часто сводят к функциям партий, рассмотренных нами в предыдущем параграфе. К этому следует добавить некоторые функции, вытекающие из положения партийной системы в обществе, а именно:

- функция связи между гражданским обществом и политическими партиями;
- функция связи между партиями и властными структурами;
- функция передаточного звена управления обществом;
- функция обратной связи «гражданское общество — государство».

Кроме того, по мнению Дж. Лаполломбары и М. Вайнера, новообразованные партийные системы выполняют еще такие функции, как:

- легитимация управления;
- национальная интеграция;
- разрешение конфликтов управления.

Для российской партиомы, особенно в начальный период ее формирования, были характерны, по нашему мнению, еще и функции:

- заполнения политического вакуума, вызванного уходом с политической арены КПСС;
- структуризации весьма расплывчатых в организационном и идеологическом плане общественно-политических движений;
- ускорения процесса партиобразования (через установление связей с другими образующимися и образовавшимися партиями);
- идеологической идентификации нарождающихся партий (по аналогии с партийной системой России 1905–1918 гг., с партийными системами западных стран, с партийными системами новых демократий);
- структуризации электората и всего российского общества.

Рассмотрев основные подходы и классификации, а также функции партийной системы, мы можем сформулировать ее определение. Под

партийной системой будем понимать сложный социальный феномен, включающий все политические партии страны, имеющий трехуровневую структуру (электорально-партийный, организационно-партийный, партийно-государственный уровни) и образующий во взаимодействии со сферами общества социальное, электоральное, идеологическое и парламентское поля, на которых разворачивается партийная борьба.

Партийная система имеет как статические, так и динамические характеристики; она подвижна и органически вписана как в гражданское общество, так и в государство. Партийная система не только меняет свою конфигурацию в окружающей ее (и тоже подвижной) общественно-политической суперсистеме, она также изменяется в своих проявлениях, отпечатках на социальном, электоральном, идеологическом и парламентском уровнях. Адекватность и коррелятивность всех четырех уровней — важная динамическая характеристика любой партии. В России она адекватна, но дискоррелятивна. Адекватную коррелятивную партийную систему мы будем называть партинуум. Партинуум — партийная система, адекватно отражающая социальную структуру общества, электоральные ожидания; адекватно трансформирующая последние в партийные программы и адекватно трансформирующая их в государственные органы.

В идеологическом плане каждая партийная система несет в себе отпечаток филогенеза, который выражается в наличии всех так называемых мировых идеологий (т.е. либеральной, консервативной, социал-демократической, демохристианской, коммунистической и националистической (последняя не мировая). Каждой идеологии придерживаются несколько больших и малых партий. Группу партий, близких по идеологии и проводимой политике, обычно называют семьей. «Родственные» семьи, т.е. группу однородных партийных семей, мы предлагаем называть компартиум. Если компартиумы в партийной системе отражают все ведущие мировые идеологии, т.е. если на идеологическом поле нет пустот, то такую партийную систему будем называть компартинуум.

Партийная система в любом обществе не возникает в готовом виде как совокупность политических партий, взаимосвязанных цепями политической борьбы и завоевания власти. Партийная система должна, с одной стороны, вырастать из гражданского общества и адекватно отражать настроение всех более или менее крупных групп избирателей; с другой — служить передаточным звеном, трансфертом этих настроений, выражаемых через результаты выборов в структуры государственной власти.

Следовательно, для формирования партийной системы недостаточна наличия некоторого числа партий и их связей и отношений между собой. Для формирования партийной системы и становления ее в демократическом обществе необходимы определенные связи между парти-

ями и избирателями (электоральное ожидание, результаты выборов), определяющие количественный и качественный рост партийных структур, их расстановку в политической системе и взаимоотношения между ними, а также связи между партиями и государственными организациями, которые также определяют силу и влияние политических партий, их взаимоотношения и иерархию.

Поэтому, чтобы исследовать процесс эволюции партийной системы России, превращение ее из случайного набора политических партий в один из важнейших механизмов политической машины, следует, по нашему мнению, выделить в ее развитии этапы зарождения, становления и функционирования.

На этапе зарождения появляются отдельные партии, которые почти полностью поглощены своими внутрипартийными проблемами и почти не взаимодействуют между собой. На этом этапе еще нельзя говорить о партийной системе России как о свершившемся факте, она еще только-только начала свое формирование и находится в младенческом возрасте. Такую партийную систему мы назвали «партиола» (используя уменьшительный латинский суффикс).

Партиола не представляет из себя систему в общепотребительном смысле. Образующиеся политические партии еще очень слабы и невлиятельны. Их программные положения опираются не на ожидания конкретных групп избирателей и тем более не на результаты выборов, а на представления группы единомышленников (каковой является пока партия), на аналогичные партийные идеологии, партийный опыт их единомышленников за рубежом и в российской истории.

На этапе становления партийной системы отдельные партии (пройдя периоды зарождения) функционируют как идеологически определенная организация; занимают определенное место в идеологических, блоково-политических координатах. В этом случае уже уместно говорить о системе партий, состоящей из определенных партийных «семей», из компартиумов. Такую систему, которую можно описать в идеологических и политических координатах, систему, прошедшую стадию зарождения и находящуюся на стадии становления, мы называем «партиома». В современной России партиома имела место с января 1991 г. (начало официальной регистрации политических партий) по декабрь 1993 г. (первые выборы на партийной основе). Кроме того, под партиомой мы будем понимать партийную систему вообще, без указания на ее состояние.

С декабря 1993 г. начался третий этап развития партийной системы России — этап функционирования. Политические партии получили возможность участвовать в выборах, создавать свои фракции и депутатские группы в Думе, выдвигать законопроекты, непосредственно участвовать в принятии важных политических решений. Партийная система вступила в новый этап своей эволюции — этап функционирова-

ния. Этот этап изменил партийную систему не только количественно, но и качественно: она из простой совокупности партий становится орудием, средством политики самого высокого уровня. Такую партийную систему мы назвали «партибула» (от латинского суффикса «bulum», придающего значение «орудие», «средство»).

Партийная борьба, ведущаяся за места в парламенте и министерские должности, толкает политические партии, всю партийную систему в прокрустово ложе политической системы. Партибула внедряется, вырастает, закрепляется в системе государственных институтов. Но она не закисает, не костенеет в ней, а продолжает жить и развиваться. Жизненные силы партибуле придают импульсы из гражданского общества: идеалы и интересы, ценности и потребности граждан и социальных групп, требования партийных низов заставляют «устраиваться» верхним этажам политических партий в органах государственной власти не по собственному произволу, а таким образом, чтобы этот симбиоз соответствовал представлениям избирателей. Несоответствие представлений электората и парламентской деятельности партий через механизм новых выборов осуществляет перетряску партийных структур, изменение их партийных тактик.

В результате трех этапов развития образуется трехступенчатая партийная система. Первую ее ступень, первый этаж, который мы назвали электорально-партийным, образует взаимодействие электората (гражданского общества) и первичных ячеек всех партий партийной системы. Вторую ступень составляют собственно политические партии, их внутренняя организация (которая также имеет сложную одно-, двух- или трехэтажную структуру). Эту ступень, или этаж, мы назвали организационно-партийным. Третью ступень партийной системы, на которой осуществляется взаимодействие верхушек партий с государственными институтами, мы назвали партийно-государственной.

Эта сложная, развивающаяся, трехэтажная конструкция, взаимодействуя с различными сферами общества, образует своеобразную систему полей (социальное, электоральное, идеологическое и парламентское поля), на которых и разворачивается партийная борьба.

Рисунок этой борьбы как бы отпечатывается, запечатлевается на каждом из полей.

Суть нашей модели партийной системы России, нашего подхода к ее изучению состоит в определении и описании «отпечатков» российской партии на каждом из полей (а также на каждом из этапов развития) и сопоставлении, сравнении и уточнении этих «отпечатков» и состояний. Причем при сопоставлении и описании «отпечатков» и состояний российской партии мы будем применять как уже разработанные и опробованные схемы западных и российских политологов, так и собственные характеристики, классификации, приемы и методики.

Итак, подход к исследованию российской партиомы, который мы называли комплексным генезисно-системным, позволяет построить и изучать трехступенчатую, трехэтажную модель партийной системы России, системы органичной, развивающейся, системы молодой, недостаточно стабильной, в то же время системы конкурентной, точнее, оборотно-идеологической (Лаполломбара, Вайнер), системы многопартийной и поляризованной (Дж. Сартори), системы коалиционной (Евдокимов), фрагментированной (Джанда, Сморгунов, Семенов) и миноритарной. Российская партиома строится как усилиями «снизу», так и усилиями «сверху»; она адекватно отражается на всех полях партийной борьбы, однако эти отражения, «отпечатки» еще не в полной мере соотносятся между собой, что придает всей партийной системе дискоррелятивный характер. Партийная система России имеет ярко выраженный трехзвенный характер (левый, центристский, правый компартиумы); в программах российских партий отражены все так называемые мировые идеологии, т.е. заполнены все идеологические ниши идеологического поля, что позволяет называть ее компартинуумом.

Предложенная нами методологическая модель исследования партийной системы России не единственная в своем роде и не является окончательной.

Очевидно, с развитием российского общества в его партиоме будут проходить политические процессы, которые постепенно изменят ее и когда-нибудь сделают неприменимой созданную нами теоретическую конструкцию.

Но в отношении партийной системы современной России мы придерживаемся того убеждения, что ее исследование должно включать наработки западной и отечественной теоретической партологии, учитывая в то же время мнения социологов и политологов-эмпириков и законы, принимаемые политиками.

Кроме того, любая новообразовавшаяся система испытывает весьма сильное воздействие условий своего зарождения. Даже солидные установившиеся западные партибулы должны более или менее адекватно реагировать на изменения окружающей среды. Понятно, что молодая российская партиома, зародившись в неустойчивой политической атмосфере, будет, хотим мы того или нет, нести в себе черты нестабильности. В то же время даже нестабильная партибула продолжает свое становление по определенным закономерностям. Особенно большое стабилизирующее влияние оказывает на развитие партий участие в выборах. Именно избирательные циклы формируют и деформируют партиому и делают ее, в конечном счете, партибулой. С этой точки зрения мы можем констатировать: российская партибула состоялась, хотя ей еще и предстоит длительный путь развития и стабилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть I. Основоположники партологии

<i>Дж. Брайс.</i> Американская республика	7
<i>А. Лоуэлл.</i> Правительство и политические партии в государствах Западной Европы	33
<i>М. Я. Острогорский.</i> Демократия и политические партии	41
<i>Т. Ромер, Ф. Ромер.</i> Четыре типа партий	56
Учение Теодора Ромера о политических партиях	63
<i>М. Вебер.</i> Политика как призвание и профессия	69

Часть II. Современные партологи о политических партиях

<i>М. Дюверже.</i> Политические партии	80
<i>К. Джанда.</i> Состояние теории партий	100
Теория партий и дефиниции	104
Понятия, используемые при анализе политических партий	108
<i>Р. Ф. Матвеев.</i> Теоретическая и практическая политология	114
<i>Э. Хейвуд.</i> Политический спектр	133
Функции партий	134
<i>А. И. Соловьев.</i> Политология	139
<i>Р. Кац, П. Мэир.</i> Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение «картельных партий»	144
<i>Т. Погунтке.</i> Партии без устойчивой социальной опоры? Партийная организационная взаимосвязь	151
<i>Ж.-И. Камю.</i> «Крайне правые» в Европе: где, как и почему?	158
<i>Дж. Т. Ишияма.</i> Партии—преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике	170
<i>В. Я. Гельман.</i> Исследования партий в России: первые десять лет	190
<i>А. В. Лихтенштейн.</i> Политические партии и российский президентализм: границы применения теорий	198
<i>Г. В. Голосов.</i> Возникновение партий: 1987—1991	207

Часть III. Современные партологи о партийных системах

<i>М. Дюверже.</i> Партийные системы	222
<i>К. Джанда.</i> Понятия, используемые при анализе партийных систем	226
<i>Р. Далтон.</i> Агрегация интересов и политические партии	231
<i>Дж. Сартори.</i> Партии и партийные системы: рамки анализа	240
<i>С. М. Липсет, С. Роккан.</i> Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей	244
<i>А. Лейпхарт.</i> Партийные системы	255
<i>М. Педерсен.</i> Электоральная неустойчивость в Западной Европе, 1948—1977	273
<i>Я.-Э. Лейн, С. Эрссон.</i> Партийные системы	277
<i>Г. А. Антонос.</i> Парламентские выборы и финансирование партий	281

<i>К. Зонтхаймер.</i> Политические партии и партийная система	295
<i>К. фон Бойме.</i> Институциональные предпосылки консолидации партийной системы	309
<i>Ж. Блондель.</i> Партийные системы и примеры правительств в западных демократиях	323
<i>Ф. Т. Алескеров, П. Ортешук.</i> Правительство и коалиции в парламенте	331
<i>Л. В. Сморгунюв.</i> Эмпирический анализ партийных систем	340
<i>Г. В. Голосов.</i> Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации	353
<i>Л. И. Селезнев.</i> Политические партии и система выборов	369
<i>Б. А. Исаев.</i> Исследовательская модель партийной системы России	384

Учебное издание

ТЕОРИЯ ПАРТИЙ И ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Хрестоматия

Составитель **Б. А. Исаев**

Ведущий редактор *Л. Н. Шипова*

Корректор *А. А. Баринова*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 20.08.2008. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура «NewtonС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Тираж 1500 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93.